

**РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМ ПЛЕХАНОВА
ФОНД РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ
СЕКТОР ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ ПОЛИТИКИ
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ РАН**

ХІІІ ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Маркс. Марксизм. Марксисты.

Материалы к международной конференции

30 мая – 1 июня 2018 г.

**СанктПетербург
2018**

УДК 94
ББК 60.56 + 63.3(0)
М 27

Научный редактор – Т.И. Филимонова, канд. ист. наук
Научный рецензент – М.Б. Конашев, докт. филос. наук

Маркс. Марксизм. Марксисты. XIII Плехановские чтения. Материалы к международной конференции. 30 мая – 1 июня 2018 г. Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург. СПб.: Издательство "КультИнформПресс", 2018. - 299 с.

В книге представлены статьи, основу которых составили доклады специалистов в области социально-философских проблем общественного и революционного движения, истории политической мысли, истории марксизма, представителей действующих левых политических партий и общественных движений России, Восточной и Западной Европы, Латинской Америки, прочитанные на международной конференции «Маркс. Марксизм. Марксисты» (30 мая – 1 июня 2018 г., Дом Плеханова РНБ, XIII Плехановские чтения). Встреча посвящена 200-летию со дня рождения К.Маркса (1818-1883), 100-летию со дня смерти Г.В. Плеханова (1856-1918), 90-летию образования Дома Плеханова (1928). В работах анализируются вопросы теоретического осмысления теорий исторического развития, проблемы выбора путей и методов социальных преобразований, в том числе тех, что были использованы различными странами мира за последние 150 лет.

Данное издание осуществлено при содействии
Филиала Фонда Розы Люксембург (ФРГ)
в Российской Федерации и распространяется бесплатно

ISBN 978-5-8392-0730-1

© Российская национальная библиотека, 2018

Karl Marx
Thesen über Feuerbach
1845

11. Die Philosophen haben die Welt nur verschieden *interpretiert*; es kömmt drauf an, sie zu *verändern*

11. Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его.

РОССИЙСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМ ПЛЕХАНОВА
ФОНД РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ
СЕКТОР ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ ПОЛИТИКИ
ИНСТИТУТА ФИЛОСОФИИ РАН

ХIII ПЛЕХАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Маркс. Марксизм. Марксисты.

Материалы к международной конференции

30 мая – 1 июня 2018 г.

Санкт-Петербург
2018

СОДЕРЖАНИЕ

Филимонова Т.И. Предисловие.....	5
Косолапов Н.А. Марксизм как развивающееся миропонимание	9
Шевченко В.Н. Маркс и политическая теория марксизма: взгляд из XXI века. Тезисы доклада.....	17
Калашников В.В. Истмат как общая теория истории	24
Проданов В. Критерии классификации видов марксизма	34
Гюева Т.Т. «Ничто человеческое мне не чуждо». Маркс в кругу семьи: по письмам и воспоминаниям современников.....	41
Гаврильченко С.А. Работа К. Маркса над книгой Н. Флеровского (В.В. Берви) «Положение рабочего класса в России»	48
Васина Л.Л. К. Маркс и Россия (к изданию выписок Маркса по социально-экономическому развитию России во второй половине XIX в. в издании МЭГА).....	54
Морева О.В. Уральские читатели Карла Маркса в конце XIX – начале XX в.	61
Талеров П.И. Бакунин и Маркс на пути к разрыву: Взгляд из XXI века	67
Гобозов И.А. Плеханов – выдающийся историк философии марксизма.....	73
Арсланов В.Г. Философские основания критики искусства авангарда у Г. Плеханова и Мих. Лифшица.....	76
Лагурев А.С. Справедлива ли история?.....	82
Воейков М.И. Марксизм, Г.В. Плеханов и государственное устройство России	89
Сакамото Х. Отношение Г.В. Плеханова к Государственной думе.....	95
Алонци Р. Марксистские теории колониального империализма и Фашодский кризис 1898 г.	97
Павлов В.Л. К. Маркс о труде: новое в теории, методологии, практике	104
Дуранкев Б. Карл Маркс об индикаторах перехода от капитализма к социализму	110
Эпштейн Д.Б. О диалектичности некоторых положений революционной политико-экономической теории	115
Конашев М.Б. Карл Маркс, государство и коммунизм	122
Хитов М. Концепция Розы Люксембург о глобальном кризисе капитализма в контексте марксистской экономической мысли.....	129
Куреньшев А.А. Марксизм и крестьянство. Некоторые проблемы теории и революционной практики	135
Prosic Tamara. Hegemony, religion, revolution	142
Сахаров В.А. Карл Маркс и Фридрих Энгельс о социальной природе и социалистическом потенциале интеллигенции	147
Ерошкина О.Н. Советская практика социалистического строительства и отношение к ней российской дореволюционной интеллигенции	155
Schweigmann-Greve Kay. Ber Borocho (1881-1917) und die Partei Po'ae Tsiyon.....	161

Милевский О.А., Терехова С.А. На пути к марксизму: «Чигиринское дело» в революционной судьбе Л.Г. Дейча.....	170
Чернобаев А.А. На пути к марксизму: М.Н. Покровский в конце XIX – начале XX века.....	179
Солдатенко В.Ф. В.А. Быстрянский – ученый-марксист.....	184
Любин В.П. Марксизм и итальянские социалисты: предыстория и история Итальянской социалистической партии 1871-1922 гг.	188
Вашкау Н.Э. Насилие как социально-философская категория и политика большевиков в отношении религии в 1920-1930 гг.: церковь и власть в немецком Поволжье.....	195
Смирнова Т.М. Советская культурная политика в отношении национальных меньшинств в 1917 – 1939 гг. (на примере Петрограда – Ленинграда).....	204
Саблин И.Л. Этика как аспект марксистской онтологии: история дружбы Михаила Александровича Лифшица и Дьёрдя Лукача.....	211
Круглов В.В., Лабудин А.В. Гипотеза К. Маркса об эволюции капиталистического общества в направлении революционного перехода в коммунистическое: подтвердившееся и не подтвердившееся.....	216
Claeys G. Marx for the Twenty-First Century.....	228
Castro Escudero Teresa. The Great October Revolution and its impact in Latin América. The Road to Socialism and the Discussion between Fidel Castro and Salvador Allende.....	233
Hartmut Rüdiger Peter. Menschewistische Sowjetunion-Debatten im New-Yorker Exil (1944-1946).....	238
Saxe Fernández John. Fidel Castro's Climate Change as Class Phenomena Linked to Imperialist Mass Consumption Societies.....	244
Буров В.Г. Китайский марксизм: история и современность.....	249
Шахин Ю.В. Ленинизм и левый коммунизм: противоречия марксистской мысли в столетие империализма.....	256
Орлов С.В. Пути развития марксистской концепции труда в эпоху информационного общества.....	261
Манчев И. Карл Маркс и закон о стоимости – современная интерпретация.....	266
Абрамчук В.М. Марксизм и его перспективы в Румынии.....	270
Крылов В.М. Марксизм в теории и практике современных левых партий Молдовы.....	277
Журавлева Г.П., Манохина Н.В., Попов М.В. «Ренессанс марксизма – реалии XXI века» К 200-летию со дня рождения К. Маркса.....	284
Брангш Лутц. Марксизм в движении. «Критический коммунизм» и юная социал-демократия.....	289
Список авторов.....	295

30 мая – 1 июня 2018 г. Дом Плеханова Российской национальной библиотеки проводит XIII Плехановские чтения на тему «Маркс. Марксизм. Марксисты», посвященные юбилейным датам года: 200-летию со дня рождения Карла Маркса, выдающегося философа и революционера, названного в 2000 г. человеком 2 тысячелетия; 100-летию со дня смерти великого русского мыслителя и общественного деятеля Георгия Валентиновича Плеханова и 90-летию образования Дома Плеханова – отдела Российской национальной библиотеки, в котором хранятся переданные в дар нашей стране наследниками Георгия Валентиновича его личный архив и библиотека.

В 2013 году, в канун 130-й годовщины со дня образования Группы «Освобождение труда», Дом Плеханова объявил о проведении в 2013-2018 гг. цикла конференций, объединенных идеей, вошедшей в теорию и практику революционного движения как 11-й тезис о Фейербахе К. Маркса: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»: проблемы социального развития и общественно-политические движения на рубеже XIX – XXI вв.».

Маркс, как и его единомышленники и последователи, рассматривали *идею* в качестве основного принципа мировоззрения, видели ее активным элементом практической деятельности человека, преобразующей человека и, как следствие, окружающий его мир. Маркс первым ввел в философию категорию практики, практически-преобразовательной деятельности людей, к которой относил деятельность политическую – политическую борьбу ради изменения самого общества: «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений». Как показывает историческая практика, изменение социальных отношений, основу которых составляют производственные отношения людей, может способствовать обретению человеком самого себя, «возвращению» к своей родовой сущности, либо, в конечном итоге, вести к расчеловечиванию и гибели цивилизации. Именно поэтому политическую борьбу, результаты которой определяют цели реорганизации общества, в котором «человек», становится принципом государственного строя¹, Г.В. Плеханов называл сознательным овладением истории.

В программу цикла были включены следующие темы:

1. «От Группы «Освобождение труда» к Российской социал-демократической рабочей партии, 1883-1903 гг.» (25-26 сентября 2013 г.).

2. «Россия в геополитической ситуации 1914-1918 гг.». 30 мая – 1 июня 2014 г.

3. «Национально-освободительные революции 1917-1922 г. и социальные движения XX века: пути от «предыстории к истории»?». 12-13 ноября 2016 г.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч., изд. 2, т. 1.

4. «Великая русская революция 1917 г.: альтернативный проект исторического развития». 30 мая – 1 июня 2017 г.

5. «Маркс. Марксизм. Марксисты»

Основная задача цикла состояла в том, чтобы проанализировать поставленные русскими марксистами задачи по социалистическому переустройству России в контексте истории общемировой. Следует отметить, что выбранные для рассмотрения эпизоды и этапы развития России одновременно являлись эпохальными событиями в истории всего человечества: Первая мировая война 1914-1918 гг., Великая русская революция 1917 г., гибель Советской цивилизации.

Несколько слов о некоторых из них. Для нашей страны социалистическая революция стала не только историософской концепцией, она помогла создать державу, показавшую примеры развития и побед.

Великая русская революция 1917 года не только расширила и углубила поле идейных разногласий, но и изменила ход русской и мировой истории: страны мира, в разной степени сделавшие основой своей политики принцип *развития и саморазвития человека*, продемонстрировали многообразие путей, форм и методов преобразований в социально-экономической, культурной и политической сферах, подтвердив тем самым *возможность* исторического развития на основе добра как этической ценности и справедливости.

Практика решения этих задач на уровне национальных государств или межгосударственных объединений оказывала заметное влияние и намечала возможные тенденции развитие мира в целом. Так, следует отметить, что заметно усилившиеся по итогам Второй мировой войны (1939-1945 гг.) процессы глобализации протекали в двух социально-экономических системах одновременно: по линии НАТО и СЭВ, параллельно которым позднее появилось и стало развиваться Движение неприсоединения. Крушение социалистической кооперации и интеграции, действовавшее с конца 40-х гг., имело одним из результатов череду экономических, социальных и культурно-политических кризисов, угрожающих сегодня гибелью цивилизации.

Осмыслению этих и не обозначенных здесь вопросов посвящены включенные в сборник статьи специалистов в области социально-философских проблем общественного и революционного движения, истории политической мысли, истории марксизма, которые несомненно станут объектами специального анализа.

Международная конференция проводится при поддержке Московского филиала Фонда Розы Люксембург и Сектора философских проблем политики Института философии РАН.

*Т.И. Филимонова,
канд. ист. наук,
зав. Домом Плеханова РНБ*

МАРКСИЗМ КАК РАЗВИВАЮЩЕЕСЯ МИРОПОНИМАНИЕ

Аннотация. Автор в тезисной форме ставит вопрос, что понимается под современным марксизмом; проводит различие его функций как учения, теории и методологии; указывает на факторы, обусловившие становление идеологии марксизма-ленинизма; предлагает понятие идеологической системы и характеризует современные марксизм и либерализм как такие системы; отмечает право марксизма на развитие и практическую необходимость такого развития; высказывается в пользу практического и политического сотрудничества идеологических систем марксизма и либерализма.

Ключевые слова: марксизм, развитие, миропонимание, идеологическая система, неомарксизм, либерализм.

[01] Отмечая 200-летие со дня рождения Карла Маркса, необходимо, на мой взгляд, задаться вопросом, что мы сегодня подразумеваем под марксизмом. Если говорить о его *содержании*, то считаем ли мы марксизмом только те труды его основоположников, которые были опубликованы в бывшем СССР, приняты и «одобрены» в рамках марксизма-ленинизма; или принимаем все написанное Марксом и Энгельсом, в том числе не издававшееся по разным причинам в Союзе; либо готовы отнести к современному марксизму и все те направления – пусть дискуссионные, – которые сложились к настоящему времени на основе идей основоположников? Если характеризовать марксизм как *тип сознания*, то видим ли мы в нем, прежде всего или даже исключительно, *учение*, или же некое мировоззрение, «миросозерцание» (Г.В. Плеханов), *миропонимание*?

[02] Жившие и работавшие в СССР не знали иного марксизма, кроме опубликованного (хорошо помню, какой идейный ажиотаж в научной и политико-идеологической среде вызвало в конце 1960-х введение в оборот факта и содержания ранних рукописей Маркса), и привыкли видеть в марксизме именно определенное *учение*. Но всякое учение по самой природе учения как явления востребует проповедь: для начала надо ведь донести учение до неведающих, не расплескав и не исказив его по дороге. Так в дальнейшем из проповеди может возникнуть вера, из веры – религия. На этом пути становятся неизбежны споры о «правильном» прочтении и толковании первоисточников, о допустимости их разной практической и политической интерпретации и т.п. Так возникают, с одной стороны, некий мейнстрим данного учения; а с другой, откалывающиеся от него ереси, секты, течения, фракции... Отдельные из них могут превращаться со временем в новые, производные мейнстримы, со своими наборами ересей... Христианство как учение живет во всем этом уже 2000 лет.

[03] В бывшем Союзе нечто подобное произошло с марксизмом. Если в Европе труды Маркса и Энгельса были прежде всего новаторским поворотом в эволюции европейской общественно-политических миропонимания и практики (коммунисты как течение появились раньше К. Маркса), то в Россию их идеи пришли как проповедь и как первые издания тех немногочисленных (на перевод всего нужно было время) работ, которые самими основоположниками и их популяризаторами и первыми последователями рассматривались как основные.

[04] На протяжении XX в. события в России и мире сложились так, что в триединстве «политика-теория-познание» политика более чем на столетие заняла абсолютно доминирующее место. Под влиянием политических реалий начала прошлого века и определенных подходов к оценке этих реалий и к выбору форм, методов и средств их изменения в среде последователей Маркса и Энгельса (позднее также Ленина, Троцкого и Сталина) сложилось убеждение о недопустимости каких бы то ни было отклонений от формулировок и оценок, данных в свое время основоположниками марксистского учения. Так началась трансформация марксизма, воспринятого как учение, в *идеологию* – с одной стороны, светскую; но воспринявшую многие черты религиозного сознания.

[05] Следующие факторы способствовали названной трансформации: а) мировоззренческая и политическая ограниченность царского режима, его ставка на сраживание между собой разных политических сил России начала XX в., а не на создание условий для их нормального политического взаимодействия; б) как следствие, политическая неэффективность любого реформизма, рост революционных настроений и сил, уход последних в конспиративное пространство и диктуемые им формы борьбы; в) революция, победившая в ходе вооруженной борьбы, всегда приводит к власти жесткие авторитарные режимы; г) жесткость постреволюционного режима в СССР была многократно усилена условиями противоборства, с самого начала принявшего транснациональные рамки и масштабы – иностранная интервенция в Гражданскую войну; угроза фашизма, четко обозначившееся противостояние с Великобританией и США, осознание неизбежности Второй мировой войны, собственно война и начавшаяся за ней практически без передышки «холодная война»; е) отождествление принципа диктатуры пролетариата, допускающего спектр потенциальных теоретических, политико-правовых и практических его интерпретаций, с предельной централизацией, опиравшейся на интересы и абсолютизм партийно-государственной бюрократии; ф) теснейшее переплетение партийной и государственной элит (номенклатуры), в результате которого любая реальная, потенциальная и даже воображаемая угроза каким-то узкогрупповым интересам могла изображаться носителями этих интересов как посягательство на основы со-

циализма; г) сохранявшийся со времен революции и конспирации запрет на фракции (а значит, и на глубокие стратегические дискуссии) в партии и жесткая партийно-государственная цензура, активно препятствовавшая полному и своевременному включению в научный, политический и управленческий оборот новых проблем, идей и подходов, прежде всего во всем, что представлялось прямо или косвенно связанным с текущей политико-идеологической трактовкой понятий «марксизм», «марксизм-ленинизм», «социализм» и производных от них.

[06] Под последовательным влиянием названных процессов с середины 1920-х гг. сложилась и к середине 1960-х приняла де-факто неизменяемые формы и содержание *идеология* марксизма-ленинизма. Предпринятая в конце 1950-х гг. группой работников ЦК попытка ввести в оборот понятие «научного коммунизма» как развивающихся марксистских теории и методологии в отличие от идеологии (не в противопоставление ей!) была перехвачена идеологами, использована в тогдашней идейной и политической борьбе со взглядами Мао Цзедуна, а новая дисциплина введена в обязательное содержание партийного просвещения и всего высшего образования в стране. Тем самым научный коммунизм, призванный изучать закономерности коммунистического общества, превратился в одну из самых ортодоксальных опор марксизма-ленинизма, ибо как можно изучать закономерности того, чего еще не существует в практике. Становление идеологии марксизма-ленинизма проходило с опорой на воинствующий атеизм – «антирелигию» крайнего толка, что решающим образом сказалось и на психологии новой светской идеологии: убеждение, что бога не существует – это тоже не более чем вера, и психология атеиста по ее структуре и функционированию суть психология верующего, только со знаком «минус» (как бы «антиверующего»).

[07] Парадокс ситуации в том, что сам Маркс неоднократно и убежденно определял идеологию как ложное сознание. Политическая позиция, теория, методология могут быть заблуждениями и/или намеренными спекуляциями; их происхождение может в той или иной степени быть связано с неким ложным сознанием; но сами они последним не являются и быть в принципе не могут. Прежде всего потому, что позиция, теория, метод – это всегда относительно узкая конкретика, опирающаяся на декомпозицию реальных, идей, практики. Сознание же (если говорить не о психической способности человека, но о содержании этой способности) есть всегда некий синтез, стремление соединить множество граней и частных в единую, целостную картину мира. И в этом его качестве идеологическое, как и религиозное сознание способны сопрягать воедино не только отражения реальных, но и любые фантазии и виртуалии.

[08] Вера может прирастать лишь числом и качеством канонизаций. Ее основополагающие догматы не могут пересматриваться, и в этом смысле вера лишена развития. Если, как было сказано выше, одна из ересей становится со временем новым мейнстримом, это означает появление новой веры, а не развитие исходной. Светская идеология, отвечая на реалии меняющейся жизни, как явление в принципе способна к развитию; конкретная же идеология под влиянием обстоятельств может быть лишена этого качества. При этом и религия, и идеология направлены на определенную организацию общественного бытия, на мобилизацию человека под соответствующее устройство. Но прежде чем выстраивать определенный тип общества, для светской идеологии абсолютно необходимо понять, что именно, в каких целях и в противопоставлении каким условиям и процессам будет выстраиваться (для религий такого требования нет, его место могут занять, и занимают психологические комплексы и вытекающие из них нравственные и этические постулаты). То есть, осознанному практическому миростроительству должно предшествовать миропонимание. И если вера, религия, учение, идеология относительно стабильны (идеи и оценки их основоположников уже не изменить), то миропонимание динамично, вынуждено реагировать на перемены в мире и в наших представлениях о нем. *Учение постулирует; миропонимание познаёт.*

[09] Выдвинув гипотезы о *закономерностях* социально-исторического развития и о принципиальной *возможности* целенаправленно *менять* и в долговременной, но реальной перспективе *изменить* мир сообразно идеалам справедливости, марксизм заявил себя не только как политико-философскую позицию, но и как теорию социально-исторического развития и как методологию познания. При этом сам марксизм явился закономерной ступенью в развитии общественно-политической мысли Европы, наследуя повороту этой мысли от богословия к антропоцентризму, от клерикализма и атеизма к научному неверию, опираясь на успехи естественных наук того времени и выдвинув на первый план идеалы и цель социальной справедливости.

[10] Говоря о марксизме как развивающемся миропонимании, в первую очередь надо заявить о безусловном, неоспоримом *праве* марксизма на такое развитие и о категорической его *необходимости*, чтобы марксизм оставался духовно, политически и практически актуальным, притом не только как собственно миропонимание, но и как теория, как методология познания и практики, и как стопроцентно светская идеология.

[11] Что, с учетом накопленного в мире за последние полтора века опыта, понимать под «развитием марксизма»? – Разумеется, не его отрицание (этого было, есть и, видимо, будет с избытком, что лишь подтверждает – марксизм жив и по-прежнему актуален) и не «переписывание» работ Марк-

са и Энгельса под новые реалии, представления и текущую политическую конъюнктуру (хотя надо сознавать, что меняющиеся времена и реалии всегда давали основания и для нового прочтения классиков, говорим ли мы об Аристотеле, Шекспире или Марксе). Но и не бесконечное топтание в кругу внеисторически понимаемых идей и оценок, данных его основоположниками. Марксизм как миропонимание может и будет развиваться вместе с эволюцией жизни человечества, не только отражая и познавая эту эволюцию, но и когнитивно опережая ее, прогнозируя ее тенденции и зигзаги. А если поставлена задача изменения мира – то и конструируя такие изменения.

[12] К.Маркс и Ф.Энгельс сформулировали свои идеи и выводы на основе изучения, главным образом, современных им британской, а также американской моделей как информационно наиболее доступных и, безусловно, ведущих в плане развития капитализма. К настоящему времени англо-американская модель трансформировалась в новый тип колониализма, опирающегося не только на военную силу, но на все технологические возможности современности – финансы, экономику, информацию, культуру. Осуществление так называемого «глобального лидерства» США и основанного на этом «лидерстве» глобального управления ставит и пытается решать цели и задачи доминирования и недопущения конкурентного развития других, невозможные еще полвека назад. Изменившаяся во всех отношениях структура современного общества и международной системы означает появление не существовавшей ранее глобальной социальной экологии с ее принципиально новыми закономерностями. Глубочайшие изменения произошли в науке и в научной картине мира. Все это факторы, которые не могут не влиять самым серьезным образом на понимание человека, общества и мира марксистами.

[13] Марксизм-ленинизм стал одним из направлений развития марксизма, но сегодня уже понятно, что это направление не единственно возможное. К тому же марксизм-ленинизм пошел в гораздо большей степени в сторону учения, чем теории или методологии познания и практики. Но одно и то же миропонимание допускает и предполагает множество его конкретных прикладных приложений. Не может быть ни единственно правильного социализма, ни единственно верного пути к нему. Сложившиеся за последние полтора века течения марксистской мысли – не свора злостных ревизионистов, норовящих так или иначе дискредитировать эту мысль и ее основоположников, но опыт теоретического и, где было возможно, практического приложения марксизма к разным локально-историческим условиям и задачам. В этом опыте – потенциал для развития марксизма, для его закрепления в роли ведущей *идеологической системы* (т.е. широкой палитры политических идеологий, единых по основаниям, но различающихся по предметам, условиям и времени конкретного их приложения) XXI в.

[14] Какие из положений изначального марксизма нашли к настоящему времени наиболее полное воплощение в практике? Как ни парадоксально, но это, прежде всего, 10 пунктов «Манифеста коммунистической партии». Если брать их в совокупности, задаваясь при этом вопросом, кто мог бы реально все это осуществить на исторически длительном периоде времени, ответом неизбежно оказывается институт государства. В СССР роль государства приняла гипертрофированные масштабы и формы. Но и во всех тех странах, которые пошли путем социал-реформизма, одним из непреднамеренных, но несомненных итогов этого стали рост государства, качественное расширение его функций и, как неизбежное следствие – разрастание масштабов, влияния и относительной неподконтрольности бюрократии. Неслучайно США и особенно ЕС все чаще сравнивают по этим критериям с бывшим Союзом.

[15] Бюрократия всегда тянет за собой коррупцию, а масштабы и влияние бюрократии таковы, что она обрекает современное общество на кризис, по сравнению с которым прекращение СССР покажется детской хлопоткой. Урок из опыта XX в. – государство как институт будет служить обществу, лишь, если последнее способно внятно и сильно заявлять свои взгляды и интересы и при необходимости подкреплять их давлением. В развитие 10 пунктов государства сегодня крайне необходимы 10 пунктов общества. Именно бюрократия несет львиную долю ответственности за пороки и слабости бывшего СССР; именно она чрезмерным регулированием и падкостью на коррупцию сдерживает сегодня социально-экономическое развитие России; бюрократия вызывает центробежные тенденции в ЕС (а скоро мы услышим и о тамошней коррупции); с гидрой бюрократии и коррупции постоянно борется Китай.

[16] Марксизм – теория. Но что такое теория как явление? Развитие науки знает три этапа в эволюции понимания теории. Согласно Ньютону, присущие мирозданию законы становятся теорией, когда человек сумеет открыть и понять их. Мир управляется такими законами, и только невежество человека вносит возмущения в обеспечиваемую ими гармонию. По Эйнштейну, законы есть и работают; но наряду с ними действуют и случайности; и всякая теория должна учитывать это обстоятельство. По И. Пригожину, в мироздании законов нет, есть только случайные взаимодействия; а теория суть создаваемая человеком операциональная система для решения конкретных задач познания и практики, действующая в ограниченном физическом и когнитивном пространстве и на протяжении ограниченных периодов времени. Если в принципе соглашаться с этой картиной эволюции миропонимания, то надо признать, что, возникнув в ньютоновой когнитивной среде, марксизм как теория и методология неизбежно должен как-то взаимодействовать с этой эволюцией научного миропонимания.

[17] Силой обстоятельств мысль основоположников была заточена на революционном пути и формах перехода от капитализма к строительству нового общества. В работах и практике Ленина, Троцкого, Сталина эта направленность получила мощное прикладное развитие. Но революция не тождественна лишь захвату власти, будь он вооруженным или мирным. Опыт СССР и Китая выявил ранее не оцененную теоретически проблему перехода от революционного этапа к собственно созиданию. Революция, по сути, есть не что иное, как разрушение; и она тем успешнее, чем полнее зачищает пространство для последующих преобразований; чем лучше люди и структуры революции подготовлены к проведению такой зачистки. Но те же люди и структуры, как доказала история, не оптимальны (а иногда и крайне противопоказаны) в роли созидателей нового. Ответственнейшим этапом и совершенно особой задачей является торможение инерции разрушения после политической победы революции и переход к созидательной работе. Этот этап объективно требует своевременной замены многих ключевых руководителей и глубоких перемен в институциональной структуре социального обновления.

[18] Особой проблемой революции в современной России – революции, к которой призывают, на которую надеются и которую ждут достаточно многие – является наличие в стране ядерного оружия. В чьих руках внутри самой России окажется это оружие, и как оно может быть использовано в вооруженной фазе борьбы, если таковая фаза будет иметь место? Как поведут себя в подобной обстановке наши так называемые «партнеры» на Западе – учитывая, что тот уровень понимания и относительного доверия, какой имел место в дни августовского путча 1991 г., ныне невоспроизводим?

[19] Другой опыт, доставшийся крайне дорогой ценой – понимание того, что построение совершенного общества есть исторически долгий путь, на каждом этапе которого возможны и необходимы как своя, доступная по меркам времени социальная справедливость, так и постановка задач, имеющих практическую перспективу развития. Примеры противоположного рода, к сожалению, хорошо известны; отмечу лишь тот катастрофический политико-психологический эффект, какой всего через 12-15 лет имело включение в 1961 году в Программу КПСС положения, что в период 1971-1980 гг. «в СССР будет в основном построено коммунистическое общество». В отличие от религии, светские и тем более, материалистические идеологии неизбежно верифицируются. Поэтому нельзя строить новое общество на базе лишь идеологических постулатов; требуется предметное социально-историческое проектирование. Необходимость его была осмыслена только во второй половине 1970-х гг., но уже не успела найти решение.

[20] Вывод из трех предшествующих пунктов: чтобы переход от захвата власти к началу созидания нового оказался максимально коротким, рево-

люция в идеале должна быть глубоко эшелонированной как по кадрам и структурам, так и когнитивно. В условиях конспирации подготовить подобное эшелонирование практически невозможно. Следовательно, модель революционных действий должна быть принципиально иной по сравнению с революциями XIX-XX вв.

[21] Гуманистическое направление неомарксистской мысли еще в начале XX в. поставило проблему человека в общественном процессе, связав ее с развитием сознания и потенциальными возможностями управления таким развитием. Весь опыт прошлого столетия и достижения науки вообще и наук о человеке в частности указывают на то, что эта проблема должна занять место ведущей в современной марксистской мысли. Все новое, равно как и все зигзаги общественной жизни и исторического процесса вначале рождаются в чьих-то головах, причем в сферах не только сознания, но и нравственного чувства, эмоций и неосознаваемого психического. Психика как явление и ее историческое развитие – не только один из объективных факторов социально-исторического процесса, но фактор определяющий. Современное триединство марксистской мысли должно бы опираться на философские, когнитивные (психологические) и политико-экономические опоры, причем именно в такой последовательности.

[22] Неизбежный вопрос – кому в современном мире должны служить практические приложения марксистских мысли и метода? В теоретической и методологической их части – познанию, то есть всем, в нем заинтересованным. А в практической? – Тоже всем! Политическое, правовое и, тем более, физическое исключение из социальной сферы отдельных категорий населения, именно как категорий (а не конкретных лиц, несущих ответственность за конкретные деяния), не только аморально, но и с легкостью приводит к преступлениям, последствия которых блокируют саму возможность создания искомого справедливого общественного устройства.

[23] И последнее. Настало, видимо, время ставить вопрос о во многом неоправданном, искусственном противопоставлении марксизма и либерализма. Да, между этими идеологическими системами есть существенные расхождения. Но есть и обширное поле взаимной непротиворечивости и дополняемости. Для очень многих стран сегодня либерализм способен открыть путь к слому структур патриархальщины, к экономическому росту и социальному благополучию. Здесь напрашивается аналогия с ситуацией начала 1920-х гг., когда большевики решали дилемму: поддержать китайскую буржуазию в ее борьбе против империализма западных держав, или бороться одновременно и против этой буржуазии, и против империализма. Конечно, любая аналогия неизбежно хромает. Но на мой взгляд, возможно и необходимо сотрудничество марксистской и либеральной идеологических систем в интересах и целях освобождения из-под пресса англо-американского глобалистского неокOLONиализма.

МАРКС И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ МАРКСИЗМА: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

Аннотация. В докладе рассматривается актуальность вопроса об отношениях между Марксом и политической теорией марксизма и три варианта ответа на этот вопрос, которые получили широкое распространение в современной марксистской и марксологической литературе. Подробно рассматривается принципиальная новизна подхода В.И. Ленина, подчеркнувшего необходимость перевода материалистической теории истории Маркса на политический уровень как о теоретической проблеме. Важным достижением последних десятилетий следует считать вклад в развитие политической теории марксизма китайских руководителей партии и государства, который находится в неразрывной связи с решением практических задач, со стратегией и тактикой строительства социализма с китайской спецификой. В заключение делается вывод о том, что мировая история приобретает ныне все более сложный и неоднозначный характер. Вопрос, окажутся ли философы-марксисты в этой ситуации способными найти пути реализации 11-го тезиса Маркса о Фейербахе, остается открытым.

Ключевые слова: классический (ортодоксальный) марксизм, ревизионизм, социал-демократия, интеллектуальный марксизм, политическая теория, социализм, капитализм, социализм с китайской спецификой.

Тезисы доклада

1. Сегодня много говорят о возвращении к Марксу. Вновь издаются труды Маркса и о Марксе, читаются спецкурсы для студентов. В современном российском обществе существует устойчивый интерес к учению Маркса, особенно в контексте обсуждения альтернатив современному капитализму и, в частности, возможности выхода России, с марксистской точки зрения, за пределы нынешней капиталистической реальности и обретения ею своего национального пути развития в XXI в. Однако в центре внимания находится, главным образом, философское и политэкономическое наследие Маркса. С анализом его политического наследия дело обстоит гораздо сложнее. В связи с этим и возникает вопрос о том, как понимать сегодня идею возвращения к подлинному Марксу. 2. Три варианта ответа на этот вопрос получили в мировой и отечественной мысли наибольшее распространение. Первый вариант ответа: подлинный Маркс – это философское учение Маркса минус политическая теория марксизма.

Второй вариант ответа: подлинный Маркс – это философское учение Маркса плюс политическая теория марксизма, разработанная западной (западноевропейской) социал-демократией.

Третий вариант ответа: Маркс – это философское учение Маркса плюс политическая теория марксизма, которая была разработана Лениным в

процессе подготовки русской революции и в ходе поиска путей развития Советского государства в первые годы его существования.

Главный критерий оценки этих трех положений с точки зрения верности подлинному Марксу состоит в том, какая из них удерживает в себе ту освободительную миссию его учения, сформулированную, если говорить кратко, в одиннадцатом тезисе Маркса о Фейербахе. Такой подход дает нам возможность проводить различие между теми, кто сохраняет верность Марксу, и теми, кто является лишь исследователем его текстов (марксоведы) или независимым интерпретатором его учения. Для многих исследователей и разного рода интерпретаторов верность Марксу, революционному духу его учения преднамеренно выносится за рамки обсуждения. Обычно такого рода ученых называют марксологами, большую и наиболее активную их часть составляют марксологи либеральной ориентации.

Третий ответ в наибольшей степени, на наш взгляд, отвечает сути учения К. Маркса, т.е. классического марксизма, по крайней мере, применительно к XX в. Он состоит в том, что настоящий Маркс – это Маркс плюс политическая теория Ленина. В 70-е гг. XX в. такой ответ предельно четко сформулировал английский марксист П. Андерсон: «Построение системы марксистской политической теории классовой борьбы на организованном и тактическом уровне стало делом Ленина. Масштаб его достижений в этом плане навсегда перестроил все здание исторического материализма»¹.

3. Сложность теоретической проблемы здесь действительно состоит в том, что у Маркса нет сколько-нибудь проработанной политической теории. В его работах есть только отдельные подходы и наброски к созданию этой теории. В эпоху классического марксизма еще не сложились условия для появления полноценной политической теории.

С появлением социал-демократических партий, которые были ориентированы на ведение организованной политической борьбы, одним из основных становится вопрос о разработке политической теории, которая бы могла успешно решать конкретные тактические вопросы ведения этой борьбы.

В западной социал-демократии доминирующим теоретическим течением становится ревизионизм Э. Бернштейна, который проводит ревизию классического наследия Маркса и призывает отказаться от всего, что в нем уже устарело. В первую очередь, это отказ от революционной сущности классического марксизма. Идеи Э. Бернштейна о постепенном введении социализма сводятся к постепенному реформированию в социалистическом духе капиталистической собственности и капиталистического государства, в стратегическом смысле лишая рабочее движение его конечной цели. Превращение реформирования и развития буржуазной демократии в самоцель на деле ведет не к осуществлению конечной цели, пишет Р. Люк-

сембург, а скорее к противоположным целям. Р. Люксембург подчеркивала, что «политические и правовые отношения (капиталистического общества) воздвигают все более высокую стену между капиталистическим и социалистическим обществом.<...> Только удар молота революции, т.е. захват политической власти пролетариатом, может разрушить эту стену»².

XX век показал всю справедливость опасений Р. Люксембург за судьбу германской и всей западной социал-демократии. Отказ от революционной сущности марксизма приводит к недооценке сначала теории исторического процесса, а затем и фундаментальных философских принципов классического марксизма, прежде всего, материалистической диалектики как революционной диалектики, которые можно теперь заменить принципами «этического социализма».

4. Г.В. Плеханов становится самым выдающимся последователем учения К. Маркса в его классическом, ортодоксальном смысле слова. В.И. Ленин решительно размежевался с ревизионизмом и приступает к выработке собственной версии политической теории марксизма. При Ленине происходит «национализация марксизма» и появление русского марксизма в том смысле, что политическая теория марксизма создается с учетом всего исторического своеобразия российской действительности и российской истории.

Ленин организационно оформил революционную деятельность в стране, создав партию, нацеленную на завоевание государственной политической власти. Ленин ставит вопрос о переводе материалистической теории истории Маркса на политический уровень как теоретическую проблему. На это впервые обратил внимание Г. Лукач, затем А. Грамши. Подробно исследовал вклад Ленина в развитие деятельностной стороны марксистской теории общественного развития отечественный ученый И.К. Пантин.

Согласно Ленину, нужно проводить различие между той объективной реальностью, которую раскрывают общесоциологическая по своей сути теория развития общества, и конкретной исторической реальностью. «Переход теории на деятельностный, т.е. политический, уровень, – пишет И.К. Пантин, – связан с изменением отношения субъекта к объекту познания и ставит по-новому проблему объективного понимания исторического процесса, определяемого борьбой разных классовых сил»³. Задача политической теории – отразить своеобразие конкретной ситуации, которая весьма подвижна и которая непосредственно связана с постоянной духовно-практической деятельностью действующих в обществе общественно-политических сил.

5. Политическая теория должна давать теоретически осмысленное, отчасти интуитивно схваченное реальное состояние конкретного общества в определенный момент времени, в данном случае – российского общества. Политическое мышление создает свою особую историческую реальность,

которая не является простой калькой объективного состояния конкретного общества. Историческая реальность интерпретируется с точки зрения тех целей и задач, какие ставит перед собой политический субъект по практическому преобразованию противостоящих ему властных структур правящего класса, итоговой целью политического субъекта выступает завоевание власти. Более того, «любой политический субъект ... не отделяет себя от реальной действительности и не оценивает себя «со стороны», а, напротив, воспринимает себя как часть, причем самую существенную, раскрывающегося перед ним социального бытия»⁴. Политический субъект помещает себя внутрь структуры организаций, институтов и общественных отношений, его цель найти, обнаружить те структурные элементы, воздействие на которые позволят ему менять историческую реальность и, следовательно, само конкретное общество в нужном направлении. Осознание этой реальности на основе материалистической теории истории порождает конкретные шаги и действия, направленные на поиск путей выхода за рамки существующих социальных условий жизни.

С самого начала своей политической деятельности Ленин считал себя ортодоксальным марксистом. Однако своеобразие нараставших в стране революционных процессов постоянно показывало Ленину, что в материалистическом понимании истории, которое создал и постоянно совершенствовал Маркс, лишь только в поздний период его творчества стали затрагиваться некоторые особенности российского пореформенного развития. Известно, что историческое учение Маркса в целом было ориентировано на осмысление европейского пути развития общества как универсального пути. Постоянное внимание «позднего» Маркса к вопросам российской истории, отсутствие у него однозначных решений говорит об уникальности неклассической ситуации, сложившейся в России⁵. Ленину пришлось самостоятельно решать целый ряд сложных теоретических вопросов. Тем самым он вносил новый и весомый вклад в развитие теории исторического развития Маркса, что с неизбежностью приводило к постоянной перестройке всей философской картины современного по тем временам этапа всемирной истории. И вскоре стало понятно, что марксистская теория исторического развития есть не только теория истории, но и история теоретического осмысления развития общества, история теории.

6. После завоевания партией большевиков государственной власти в России в судьбе марксизма происходят кардинальные перемены. Его развитие становится, в известной мере, односторонним, оно разбивается на два потока. Один из них – ленинская, большевистская интерпретация марксизма. Другой путь – марксизм в деятельности социал–демократии Запада, и здесь в нем тоже происходят разительные перемены. Прежде всего, происходит все более явное отдаление философии истории марксизма от полити-

ческой практики. Появляется западный, или интеллектуальный марксизм, который все больше деполитизируется. «В итоге этого развития и появляется франкфуртский “марксизм без пролетариата”»⁶. Интерес к новым публикациям теоретического наследия основоположников марксизма и отход от политической борьбы сторонников интеллектуального марксизма привел к увеличению их контактов с буржуазной культурой и немарксистской философией и к появлению «культурного марксизма», что имело для марксизма весьма неоднозначные последствия.

Но был и значимый пример сохранения единства марксистской теории и практики. Это деятельность Грамши и ряда других деятелей компартии Италии в 20–30-е гг. XX в., чьи работы отличались высоким уровнем разработки политической теории, к сожалению, оставшейся нереализованной. Идеи Грамши впоследствии были использованы при создании теории еврокоммунизма как обобщения в рамках политической теории изменившихся условий классовой борьбы пролетариата в развитых капиталистических странах.

В литературе последних десятилетий часто подчеркивается, каких высот в изучении взглядов самого Маркса достиг западный (интеллектуальный) марксизм к концу XX в. Это правда, но правда и то, что политической теории марксизма на Западе практически не существует. Социал-демократия фактически сняла с актуальной повестки дня вопросы социалистической трансформации капитализма.

7. В Советском Союзе происходили иные процессы. Ленин уже после окончания Гражданской войны приходит к выводу, что теперь нужны реформистские, а не революционные методы решения возникших задач, о которых практически ничего не было сказано в классическом марксизме. По этой причине развитие политической теории Лениным в послеоктябрьский период представляет известную сложность для анализа, поскольку перед умственным взором Ленина оказывается совершенно новая историческая реальность. Ленин вынужден признать «коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»⁷. И в этой связи у него рождается идея некапиталистического пути развития страны к социализму, которая в современной марксистской литературе по истории русской революции получает до сих пор неоднозначные толкования.

Тогдашнее состояние материалистической теории истории Маркса не давало и не могло дать однозначного ответа на кардинальный вопрос о том, как дальше должны действовать партия и пролетариат. Это был важный и ответственный момент в жизни советского государства. Дискуссии в партии и в обществе продолжались несколько лет, в центре внимания партии и всего общества находились альтернативные проекты Троцкого, Сталина, Бухарина, каждый из них апеллировал к своему видению исторической ситуации.

Сталин считал перерождение партии и советской власти самой главной опасностью, которая, по его мнению, носила все более угрожающий характер. Отталкиваясь от идеи Ленина о возможности построения социализма в одной отдельно взятой стране, Сталин выдвинул мобилизационную модель строительства нового общества.

Мобилизационная модель развития советского общества несет в себе другую модель социализма – административную модель. Это модель раннего социализма для некапиталистического пути движения к нему. Создается и становится все более действенной идеология мобилизации, сочетающая в себе как опору на массовый энтузиазм народа, так и на принуждение. Сталин своими действиями осуществляет ревизию, пересмотр механизмов связи политической теории с партией и обществом. Раз мобилизационный план принят, то дискуссии становятся излишними. Политические теоретики, которые полемизировали сначала с Лениным, а затем со Сталиным, уходят с исторической арены. На их место приходят технократы, люди способные решать практические задачи мобилизационного характера. А политическая теория лишается главного своего преимущества – постоянного и открытого обсуждения в партийных рядах, в научном сообществе, в народе. На первое место в общественном сознании выходит идеология мобилизации, а политическая теория становится инструментом решения идеологических задач, которые вытекали из самого смысла мобилизационной модели строительства социализма. Сталин становится заложником этой модели развития страны, и он вынужден идти по этому пути до конца.

Драма и трагедия мобилизационного типа развития состоит не только в том, что многие реальные проблемы были отодвинуты в сторону, а в том, что рано или поздно мобилизационная модель исчерпывает себя, причем понимание того, как выходить из этой модели, просто отсутствует.

8. Фактически монопольное господство идеологии в советском обществе послужило непреодолимой преградой для развития подлинной политической теории марксизма в том смысле, в каком ее разрабатывал Ленин. Еще раз подчеркнем, что после прихода партии большевиков к власти Ленину удавалось соотносить выводы политической теории с философским пониманием всемирно-исторического процесса (с материалистическим пониманием истории), хотя и он встретился с такими неклассическими вопросами развития страны, на которые не смог дать однозначные ответы.

В конце 80-х гг. XX в. в Советском Союзе сложилась ситуация альтернативности исторического процесса, когда возникла необходимость выбора пути дальнейшего развития страны на долгие десятилетия. Но возрождения политической теории в том виде, как ее понимал и развивал Ленин, не произошло. Можно теперь сказать, что самая общая причина бесславного конца Советского Союза и социализма состоит в том, что политическая те-

ория не просто оказалась в подчиненном положении по отношению к господствующей в стране единой и единственной идеологии, она испытала к тому же и глубокое внутреннее перерождение.

9. Впрочем, справедливости ради нужно сказать, что Сталин и Мао Цзэдун в практическом плане при всех их ошибках, нередко весьма серьезных, продвинули дело социализма гораздо дальше, чем те, которые занимались исключительно интеллектуальным марксизмом. На исторической арене длительное время существовала мировая система социализма, которая являла собой сложный и неоднозначный по своим последствиям, но реальный процесс социалистического преобразования старого мира.

Значительным явлением последних десятилетий является вклад в дело развития политической теории марксизма китайских политиков-марксистов – последователей Мао Цзэдуна, прежде всего, Дэн Сяопина и Си Цзиньпина. В Китае имеет место позитивная «национализация марксизма», если иметь в виду под этим национализацию политической теории марксизма. Ее развитие находится в тесной связи с решением практических задач, тактикой строительства социализма с китайской спецификой⁸. И только сегодня в ходе стремительного рывка, который сделал Китай в последние десятилетия, начиная с реформ Дэн Сяопина, постепенно проясняется подлинный смысл тех проблем, с которыми пыталась справиться, но так и не справилась советская партийно-государственная власть, что и послужило главной причиной гибели советского социализма и Советского Союза.

Но за пределами Китая и ряда стран, продолжающих дело строительства социализма с национальной спецификой, картина не является радостной. С. Жижек, современный словенский постмарксист, много пишет о том, что делать с массовой манипуляцией сознанием людей, как избавить людей от духа капитализма, который проник в сознание многих миллионов людей и оказывает самое негативное воздействие на их политические взгляды и представления. Революция начинается с революции духа, революции в сфере сознания, но сколько-нибудь заметные ее проявления обнаруживаются с большим трудом. Но это не единственная причина отсутствия сегодня в капиталистическом мире значимых по своей деятельности политических субъектов.

С. Жижек пишет о том, что согласно Ленину, «...в конкретной ситуации ее универсальная истина может быть четко артикулирована только с точки зрения ее участника – истина по определению является односторонней. ... Ленин не просто «адекватно транслировал марксистскую теорию в политическую практику», он скорее «форматизовал» Маркса посредством определения Партии как политической формы ее исторического вмешательства, точно также как святой Павел «форматизовал» Христа, а Лакан – Фрейд»⁹. Но повторить Ленина – это не значит вернуться к Ленину, резюмирует

С. Жижек. Это есть, прежде всего, вопрос о том, каким может быть сегодня, в XXI в., организационно сформированный субъект политической теории и политического действия. Окажутся ли способными философы-марксисты в современной ситуации найти пути реализации 11-го тезиса Маркса о Фейербахе, и какими могут оказаться эти пути, – эти вопросы остаются открытыми.

¹ Андерсон П. Размышления о западном марксизме. М., 1991. С. 22.

² Люксембург Р. О социализме и русской революции. М., 1991. С. 41.

³ Пантин И.К. Русская революция. Идея, идеология, политическая практика. М., 2015. С. 216.

⁴ Там же. С. 224.

⁵ Гефтер М.Я. Россия и Маркс // Коммунист. 1988. № 18. С. 93-104; Он же. Третьего тысячелетия не будет: русская история игры с человечеством: опыты политические, исторические и теологические о Революции и Советском мире как Русском / Михаил Гефтер в разговорах с Глебом Павловским. – М., 2015.

⁶ Дмитриев А.Н. Марксизм без пролетариата: Георг Лукач и ранняя Франкфуртская школа 1920-1930-е гг. СПб.; М., 2004.

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 373.

⁸ См. подробнее: Шевченко В.Н. Социализм с китайской спецификой // Свободная мысль. 2015. № 6.

⁹ Жижек С. 13 опытов о Ленине. М., 2003., С. 31, 51.

В.В. Калашиков

ИСТМАТ КАК ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ИСТОРИИ

Аннотация. Автор оценивает исторический материализм как самую фундаментальную общую теорию истории в современном обществознании. Доказывает неправомочность сведения истмата к экономическому детерминизму. Рассматривает проблемы периодизации мировой истории с точки зрения истмата.

Ключевые слова: исторический материализм, К. Маркс, Ф. Энгельс, формация, учение о базисе и надстройке, периодизация всемирной истории.

Доминирующая теория. Для историков наиболее важной в марксизме является та его составная часть, которая получила название исторического материализма или материалистического понимания истории. Истмат выступает как общая теория истории и, по нашему мнению, является самой фундаментальной *общей* теорией исторического развития в современном обществознании. Все варианты цивилизационной теории, которую часто пытаются представить альтернативой истмату, не могут с ним сравниться уже потому, что они не объясняют механизмы внутреннего развития общества, а исходят из банального тезиса о том, что все общества и этносы рождаются, взрослеют, дряхлеют и умирают.

Большинство историков в современном мире работают, опираясь на теорию истмата, хотя многие этого прямо не признают. Значительная часть заявляет о своем критическом к ней отношении. Это всегда было характерно для западных историков либерального толка, а после 1991 г. и в России многие отечественные историки в одночасье превратились из сторонников истмата в его критиков. Процесс идейного «перевооружения» в своей основе носил конъюнктурный характер, обусловленный сменой общественного строя и господствующей идеологии. Как правило, смена методологических вех оправдывалась несогласием с официальными трактовками ряда положений истмата, принятыми в советской исторической науке. Тем не менее, и самые ярые отечественные критики истмата работали и работают в рамках истматовской парадигмы. Чтобы это показать, надо разобраться в том, что представляет собой парадигма истмата, и как она возникла.

История становления. Термином «парадигма» обычно обозначается «основа основ» научного знания. В истории мировой науки издавна существовали и боролись две парадигмы – два основных взгляда на развитие природы и общества: идеалистическая концепция «креационизма» и материалистическая концепция эволюционизма.

В античном мире яркими представителями материалистической эволюционной парадигмы были философы милетской школы, которые видели свою задачу в том, чтобы объяснять явления природы из самой природы. В свою очередь историк Фукидид (460–396 до н.э.) искал рациональное объяснение всем историческим событиям. Его современник Демокрит (460–370 до н.э.) полагал, что люди сами выдумали своих богов. По его мнению, люди «приобрели умение делать все, что они делают» благодаря накопленному «опыту и наблюдениям», а также суровым условиям жизни: «нужда и опыт были для человека учителями во всем». Он выдвинул идею развития человечества от охоты и собирательства к скотоводству и земледелию, которую разделяли многие античные мыслители¹. Это был чисто эволюционный взгляд на развитие истории, не совместимый с концепцией божественного творения. В античном полисе такое вольнодумство допускалось в среде образованной части населения, хотя и не доминировало в общественном сознании.

В Средние века ситуация для сторонников теории материалистической эволюции резко ухудшилась. Господство христианства и ислама, развившихся из монотеистического иудаизма, привело к многовековому доминированию креационизма, дополненного развитой концепцией «божественного Провидения», объяснявшей все события Божьей волей². Сторонники такой концепции боролись с инакомыслием жесткими методами.

Однако в Новое время в Европе креационизм постепенно отодвигается на второй план, а затем теряет статус научной теории. В эпоху Просвеще-

ния были сформулированы все идеи, которые в середине XIX в. лягут в основу теории исторического материализма. Напомним главные из них.

Характерной чертой эпохи Просвещения являлась вера в наличие *объективных законов развития* мира и *принципиального единства* мировой истории, которая развивается по пути *прогресса*. Открытие Америки и знакомство с жизнью племен, находившихся на ранних стадиях развития, привели к утверждению эволюционного взгляда на историю человечества, которое прошло через этапы «дикости», «варварства», «цивилизации».

Фиксируя различия в уровне и образе жизни разных народов, мыслители эпохи Просвещения искали ответ на вопрос о причинах, которые порождают эти различия. Ответ, предложенный Шарлем Монтескье, гласил: географическая природная среда (климат, рельеф, почва, растительность, животный мир) определяет историю разных народов. Особое внимание он уделял климату: «От различия в потребностях, - писал Монтескье, - порождаемого различием климатов, происходит различие в образе жизни, а от различия в образе жизни – различие законов». Он подчеркивал важность размеров и географического положения государств и объяснял этими факторами деспотизм в Азии и «дух свободы» в Европе. В частности, Монтескье полагал, что ограниченные размеры греческого полиса были одним из необходимых условий формирования полисной демократии, а «бесплодная почва Аттики» способствовала становлению «народного правления»³. Тот факт, что выводы Монтескье часто были прямолинейны, не должен затемнять принципиальную важность его материалистического подхода. Этот подход был назван *географическим детерминизмом* и стал одной из важных основ, на которой формировалось материалистическое понимание истории: не бог, а окружающая материальная среда и создаваемые ей объективные условия жизни определяли историю развития общества.

Французские материалисты Ж. де Ламетри, К. Гельвеций, Д. Дидро и П. Гольбах наряду с понятием природной среды выдвинули термин «*общественная среда*» и рассматривали ее как источник формирования идей, определяющих поведение человека.

В начале XIX в. появились теории классов и классовой борьбы. Французские историки О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье связывали существование различных классов с формами собственности и с различными стадиями развития общества. Они пришли к выводу о том, что смена стадий носит объективный характер и происходит путем классовой борьбы и революции. Именно с этих позиций Франсуа Минье написал «Историю французской революции с 1789 до 1814 г.» (1824), видя в ней способ перехода от средневековой формы общества к новому общественному укладу в масштабах всей Европы⁴.

Британские экономисты указывали на важность процессов производства и производственных отношений для организации жизни общества.

Так, шотландский экономист Адам Смит пришел к выводу о существовании объективных экономических законов развития общества и подчеркнул важность формы собственности. Английский экономист Ричард Джонс сформулировал тезис о том, что отношения, возникающие при производстве и распределении произведенных продуктов, определяющим образом влияют на все другие сферы общественной жизни. В частности Джонс писал: «Изменения в экономической организации общества сопровождаются крупными политическими, социальными, моральными и интеллектуальными изменениями... Эти изменения неизбежно оказывают *решительное влияние* на различные политические и социальные основы соответствующих народов, и влияния эти распространяются на интеллектуальный характер, обычаи, манеры, нравы и счастье народов»⁵.

Очевидно, что все выше приведенные идеи имели важное значение для утверждения эволюционного материалистического взгляда на процесс развития природы и общества. В середине XIX в. пришло время для четкой формулировки и открытого выдвижения такого взгляда в противовес креационной парадигме. Эту задачу решили Карл Маркс и Чарльз Дарвин, которые практически одновременно сформулировали свои теории общественной и биологической эволюции, опираясь на одну и ту же парадигму эволюционного развития материального мира. Ч. Дарвин показал механизм *биологической эволюции* как процесса адаптации живых существ к изменениям в окружающей природной среде. В свою очередь Маркс показал, что развитие общества представляет собой процесс адаптации людей к природной и социальной среде. При этом он сформулировал важнейший принцип теории исторического материализма – первичности «общественного бытия» по отношению к сознанию людей: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»⁶.

Все сказанное позволяет сделать далеко не новый, но принципиально важный вывод о том, что исторический материализм не был рожден одиночкой. Маркс подвел итоги развития многовековой научной традиции и вывел ее на новый уровень: создал стройное учение о способе производства, производительных силах и производственных отношениях, базисе и надстройке. При этом сам Маркс скромно оценивал свой вклад в создание истмата, поскольку понимал, что основные идеи были высказаны его предшественниками. Важность сказанного обусловлена тем, что взгляд на истмат как закономерный результат развития современной науки был быстро и неслучайно забыт на Западе, а теперь о нем не вспоминают и в постсоветской России. Причины понятны: Маркс, опираясь на свою теорию, сделал революционные выводы о закономерности перехода от капитализма к коммунизму. Выводы вызвали шквал критики со стороны апологетов господствующего общественного строя. Сложилась парадоксальная ситуация,

при которой фактическое утверждение в науке материалистического понимания истории сопровождалось отрицанием истмата как теории, созданной радикальным революционером. С тем, чтобы снять это очевидное противоречие, уже современники Маркса из числа его оппонентов стали трактовать истмат как теорию экономического детерминизма. Такая вульгарная интерпретация делала теорию легким объектом для критики.

Экономический детерминизм. Повод для такой критики дали некоторые последователи Маркса, включая Поля Лафарга, который в 1909 г. в своей основной работе определил истмат как «экономический детерминизм»⁷. Лафарг и ряд других марксистов упрощено трактовали учение о базисе и надстройке, напрямую выводя из экономических отношений мораль, религию, искусство. Маркс был категорически против такой трактовки и говорил о диалектическом взаимодействии базиса и надстройки, об активной роли надстройки в преобразовании базиса в эпоху, когда старый базис в результате развития производительных сил должен уступить место новым производственным отношениям.

Большое внимание диалектике базиса и надстройки уделял Энгельс, который писал: «Дело обстоит совсем не так, что только экономическое положение является причиной, что только оно является активным, а все остальное – лишь пассивное следствие. ... Экономическое положение не оказывает своего воздействия автоматически ... люди сами делают свою историю, ... однако в данной, их обуславливающей среде, на основе уже существующих действительных отношений, среди которых экономические условия, как бы сильно ни влияли на них прочие – политические и идеологические, – являются в конечном счете все же решающими и образуют ту красную нить, которая пронизывает все развитие и одна приводит к его пониманию»⁸.

Эта позиция основоположников марксизма хорошо известна, и поэтому трактовка истмата как вульгарного экономического детерминизма несостоятельна и неинтересна для обсуждения. Она прямо противоречит главному тезису истмата об определяющем характере воздействия всего «общественного бытия» (т.е. всех условий жизни, всей окружающей социальной среды, а не чисто экономических отношений) на сознание и поведение людей как факторов истории. Она противоречит марксистскому пониманию диалектики взаимодействия объективных и субъективных факторов в конкретно-историческом процессе. Марксизм исходит из того, что любая конкретная ситуация несет в себе разные альтернативы развития, и поэтому в конечном счете ход конкретных событий определяет субъективный фактор, действующий в рамках объективных возможностей. Именно об этом говорил Энгельс в вышеприведенной цитате. В то же время он выступал и против попытки превращать истмат в «теорию факторов», в рамках которой эконо-

мические отношения не выступают как основные в процессе общественно-го развития.

Периодизация всемирной истории. Активная критика истмата ведется и по вопросу о периодизации мировой истории. Как известно, Маркс предлагал несколько вариантов периодизации, и наибольшее распространение получил тот, который рассматривал мировой исторический процесс как последовательную смену первобытнообщинного, азиатского, античного, феодального, капиталистического и коммунистического способов производства или общественно-экономических формаций⁹. Если оставить в стороне вопрос о коммунизме, который выходит за рамки истории как науки о прошлом, то историки основные баталии ведут по вопросу о том, является ли предложенная схема универсальной для всех регионов мира или же нет. И те, кто не согласен с предложенной схемой смены формаций, считают это основанием для отрицания истмата как общей теории истории¹⁰. Особые споры идут по поводу рабовладельческой формации и феодализма.

В этой связи отметим ряд принципиальных моментов.

Первое. Формационный подход нельзя сводить к методу периодизации мировой истории. Его главная функция – объяснить *механизмы* внутреннего развития общества при помощи учения о базисе и надстройке.

Второе. Судьба истмата и формационного подхода не может зависеть от удачности предложенной ее создателями периодизации всемирной истории. Такие схемы всегда обречены на уточнения по мере накопления новых знаний. Выделение в истории Европы античного (рабовладельческого), феодального и буржуазного (капиталистического) периодов появилось в трудах историков до Маркса. Он заимствовал эти термины, вписав их в свою формационную теорию. Иными словами схема, предложенная Марксом, опиралась на конкретный материал, которым располагали историки в то время.

Третье. Убедительных альтернативных схем развития мировой истории пока еще никто не предложил. Все многолетние дискуссии по этим вопросам (об «азиатском способе производства», о соотношении европейского и восточного вариантов развития и т.п.) показывают, что для однозначных выводов просто не хватает достоверного научного материала. Например, до сих пор нельзя точно сказать, какую роль играло рабство в античном обществе: был ли это уклад доминирующим или нет. Практически ничего неизвестно о роли крестьянской общины в Древнем Египте. Нет твердых данных о том, какие уклады доминировали в разных странах Востока в эпоху средневековья и т.п. Иными словами, задача периодизации мировой истории находится в процессе решения.

Четвертое. Все попытки создать варианты периодизации на основе отрицания основных положений теории исторического материализма, в част-

ности учения о способе производства, ведут к созданию явно слабых концептуальных построений или просто к отсутствию таковых.

На наш взгляд, весьма показательна попытка известного востоковеда Л.С. Васильева обосновать теорию кардинального отличия западного и восточного путей развития мировой истории и выводить эти различия из духовной сферы. Сама по себе эта идея отнюдь не нова. Ее можно найти у многих историков конца XIX – XX вв., сторонников так называемого цивилизационного подхода. Однако все они сталкивались с проблемой: не могли объяснить причины формирования духовных особенностей той или иной цивилизации. И Васильев столкнулся с этой проблемой и решил ее так: с одной стороны он идет в русле истмата, выделяя частную собственность в качестве ведущего и структурообразующего фактора европейского (западного) пути, а с другой стороны утверждает, что фундаментом древнегреческого общества (полисной демократии), положившего начало этому пути, являлись «идейно-институциональные» факторы, на которые якобы и опиралась «система рыночно-частнособственнических отношений»¹¹. И он не объясняет причины появления идейных факторов, обусловивших полисную демократию, ссылаясь лишь на некую «мутацию». Нельзя не отметить и тот факт, что античная собственность отнюдь не была просто частной. Она имела двойственный общинно-частный характер, и именно это привело к утверждению полисной демократии¹². Л.С. Васильев не смог опровергнуть тезис советских исследователей античности, которые утверждали, что материальной основой полисной демократии являлась экономическая самодостаточность семейных хозяйств, а не некие неизвестно почему возникшие идеи¹³. Нельзя игнорировать и наличие частной собственности на Востоке, о масштабах развития которой мы слишком мало знаем для того, чтобы делать однозначные выводы. Указанных замечаний достаточно, чтобы сделать вывод о шатком фундаменте выводов, предлагаемых Л.С. Васильевым.

Что касается проблемы периодизации всемирной истории, то на данном этапе целесообразно ограничиться более крупной схемой. В мировой истории ясно просматриваются три глобальных этапа, отделенных друг от друга коренными изменениями в способе производства материальных благ: первобытнообщинный строй, аграрное общество и индустриальное общество. Очевидно, что такая периодизация вполне возможна с точки зрения методологии истмата, ибо в ее основе лежит уровень развития производительных сил. Ее следует принять как основу, а дальше продолжить работу для того, чтобы выяснить, какие варианты и ступени формационного развития существуют в рамках этих мегаэтапов.

Истмат и новейшая историография. Объективный анализ результатов изучения всемирной истории, достигнутых на сегодняшний день, под-

тверждает верность двух основных положений истмата и формационной теории как его составной части: 1) о том, что уровень и характер развития производительных сил в обществе самым существенным образом определяет характер общественных отношений; 2) о том, что отношения, складывающиеся в процессе производства и распределения материальных благ, самым существенным образом влияют на формирование социально-политической структуры общества и господствующей идеологии.

Попытки игнорировать или отвергать эти положения приводят к курьезным результатам. Именно эти выводы вытекают из анализа новейшего шеститомного издания «Всемирная история», подготовленного группой авторитетных специалистов в 2011-2014 гг. Несмотря на сделанное во Введении заявление руководителя авторского коллектива академик А.О. Чубарьяна о том, что большинство российских историков отмежевались от «формационной парадигмы как универсального и единственного критерия для раскрытия и понимания истории человечества»¹⁴, многие авторы шеститомника интерпретируют ключевые проблемы мировой истории именно в рамках истматовского подхода, хотя и не подчеркивают это особо.

Так, у историков первобытного общества не вызывает сомнения тот факт, что наличие коллективных форм труда и собственности, а также преимущественно уравнительное потребление в первобытной общине охотников и собирателей были обусловлены низким уровнем развития производительных сил. Признание примата базисных отношений пронизывает трактовку сути и последствий «неолитической революции» – перехода к «производящей экономике», земледелию и скотоводству. Как справедливо пишет автор соответствующего раздела Х.Ф. Амирханов, «коренные изменения в хозяйственной деятельности стали во многом определять социальные отношения во всех основных сферах жизни общин – в системе брака и семьи, в родственных, экономических и общественных регламентациях. Утвердившийся в неолите хозяйственный механизм, по существу, уже предопределял возникновение частной собственности, имущественного расслоения, разрушение социального эгалитаризма и появление государства»¹⁵. В истматовском ключе автор решает и проблему происхождения искусства и религии. Сравнивая разные концепции происхождения искусства, он отбрасывает биологическую, игровую и религиозную теории и принимает производственно-эстетическую. Она гласит, что «искусство возникает на основе эстетического чувства, которое, в свою очередь, формируется и развивается в процессе общественной и производственной практики человека»¹⁶. В таком же ключе решается вопрос о происхождении религиозных верований. На этой основе автор формулирует общий тезис о том, что «познание мира первобытным человеком осуществлялось через его практическое освоение и использование в своих насущных интересах»¹⁷. Вопрос о

разложении первобытнообщинного строя автор также трактует в рамках методологии истмата: «Обобщая данные, касающиеся механизма разложения первобытнообщинного уклада и замены его государством, можно заключить, что в основе этого процесса лежит возникновение экономики, ориентированной на накопление богатств через производство и присвоение прибавочного продукта»¹⁸. Иными словами, все основные проблемы развития самой длительной эпохи в истории человечества трактуются на основе материалистического понимания истории и формационного подхода, подчеркивающего приоритет базиса над надстройкой.

Для авторов разделов, посвященных первым цивилизациям Древнего Востока, характерным является признание многоукладного характера экономики различных регионов. Никто не отрицает наличие там и рабства, и частной собственности и не решается делать каких либо жестких выводов по поводу общего характера существовавшего социально-экономического строя в силу отсутствия достаточных данных.

Авторы разделов по истории Древней Греции повторяют принятый в советской историографии тезис о том, что «смыслообразующим ядром» античности как особого исторического феномена «оказывается возникновение и развитие *полиса* – своеобразного типа государственного и общественного устройства, основанного на гражданском самоуправлении и неразрывно связанного со специфической формой собственности, индивидуализированной и частной, сопряженной с социальным статусом, правами и обязанностями члена полиса»¹⁹. Иными словами, именно особая форма античной собственности лежит в основе античного полиса, а не наоборот. Авторы прямо выводят политическую надстройку полиса из социально-экономических отношений: «По своему политическому устройству полисы классической Греции делились на два основных типа: демократические и олигархические. Тот или иной строй, как правило, отражал существенные различия в социально-экономических отношениях»²⁰.

Историки средневековой Европы, отметив дискуссионность проблемы феодализма даже для Европы, тем не менее, по-прежнему фиксируют все формы внеэкономической зависимости крестьян от сеньоров и отнюдь не отрицают существования феодалов как земельных пожалований, связанных с определенными правами и обязанностями. Серьезных аргументов, ставящих под сомнение господство феодальных отношений в Европе, авторы вводной статьи по феодализму не приводят. Заявление о том, что они «захватывали лишь небольшой сегмент общественных отношений» повисает в воздухе, потому что никаких количественных оценок в его пользу не приводится²¹. Историю конкретных стран Европы авторы явно излагают в рамках концепции феодализма, хотя стремятся не использовать этот термин, следуя модным веяниям.

Вопрос о феодализме на Востоке не вышел за рамки тех споров, которые велись в советской историографии с 1960-х гг. Иными словами ничего полезного провозглашенный отказ от концепции восточного феодализма как локальной версии общемирового феодального способа производства историкам Востока не дал.

В заключении тома, посвященного эпохе средневековья, содержится вывод о «типологическом единстве большинства оседлых обществ» Запада и Востока. Единство справедливо видится в том, что «повсеместно основой производства было индивидуальное крестьянское хозяйство с большей или меньшей ролью общины. Эксплуатация крестьянских хозяйств осуществлялась в основном путем внеэкономического принуждения»²². На наш взгляд, эта оценка служит фактическим признанием применимости концепции феодализма ко всей средневековой эпохе, ибо сутью феодализма как раз и является внеэкономическое принуждение индивидуальных крестьянских хозяйств со стороны привилегированных сословий, имевших какие-либо права на крестьянина и его землю.

Вопрос о существовании капиталистической формации сомнений не вызывает. Никто не пытается оспорить тезис о том, что в основе социальной структуры буржуазного общества, пришедшего на смену феодальному, лежит деление людей на наемных работников, лишенных средств производства, и работодателей, которые ими владеют. Внеэкономическое принуждение заменено экономическим. Знакомство с текстом этой новейшей работы, на наш взгляд, приводит к выводу о том, что весомой альтернативы истмату авторы предложить не могут, и тезис об отказе от истмата большинства российских историков фактически не подтверждается.

В заключение приведем еще одно доказательство верности формационной теории и учения о базисе и надстройке. Оно у нас перед глазами: смена экономического базиса в постсоветской России повлекла за собой самые существенные изменения во всех иных сферах российского общества. Частный капитал стал главной силой в общественных отношениях, и в обществе изменилось все: право, мораль, роль религии, искусство. Практика – критерий истины. Теория исторического материализма выдержала проверку этим критерием, что и подтверждает ее статус научной теории истории.

¹ Лурье С.Я. Демокрит. Тексты. Перевод. Исследования. Л., 1970. С. 323-324, 351, 354, 357.

² Августин А. О Граде Божием: В 22 кн. Т. 1. Кн. 1-7. М., 1994. С.234.

³ Монтескье Ш. Л. О духе законов. М, 1999. С. 16, 18, 204-205, 239-240.

⁴ Минье Ф. История Французской революции с 1789 по 1814 гг. М., 2006. С. 35-37.

⁵ Джонс Р. Политическая экономия народов / Экономические сочинения. Л., 1937. С. 320-321.

⁶ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 13. М., 1959. С. 7.

⁷ Лафарг П. Экономический детерминизм Карла Маркса. М., 2007.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 39. С. 175.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.13. С.7-8.

¹⁰ См., например: Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000; Васильев Л.С. Всеобщая история: В 6 т. М., 2012-2013 .

¹¹ Васильев Л.С. История Востока: В 2 т. Т. 1. М., 2013. С. 22.

¹² Античная Греция. Проблемы развития полиса. М., 1983. С.14-19.

¹³ Там же. С. 23.

¹⁴ Всемирная история: В 6 т. Т. 1. Древний мир. М., 2011. С. 5-6.

¹⁵ Там же. С.53.

¹⁶ Там же. С.48.

¹⁷ Там же. С. 45-46.

¹⁸ Там же. С. 61.

¹⁹ Там же. С. 403.

²⁰ Там же. С. 439.

²¹ Там же. Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока. М., 2012. С. 30.

²² Там же. С. 811.

В. Проданов

КРИТЕРИИ КЛАССИФИКАЦИИ ВИДОВ МАРКСИЗМА

Аннотация. Известно, что существует несколько разновидностей марксизма. В докладе делается попытка классифицировать их, опираясь на два основных принципа: пространственный и временной. На основе первого принципа разграничиваются различных виды марксизма в центре, на полупериферии и периферии мировой системы. На основе второго принципа устанавливаются границы между марксизмом аутентичным (время классического капитализма); варианты марксизма эпохи социального и кейнсианского капитализма; модификации марксистской теории эпохи неолиберального капитализма; настоящий этап, как полагает автор, связан с идеей «возвращения», «ренессанса», «отмщения» Маркса.

Ключевые слова: видоизменения марксизма, классификация, центр, полупериферия периферия, классический капитализм, кейнсианский капитализм, неолиберальный капитализм

Известно, что существует множество разнообразных трактовок и направлений развития идей Карла Маркса. И этому есть масса причин. Самой важной из них является наличие различных капиталистических реальностей и соответствующих данным реальностям практических задач, решаемых с помощью соответствующих модификаций марксизма. Разделю эти реальности, опираясь на два основных принципа: пространственный – путем дифференциации типов капиталистических пространств, и временной – путем разграничения отдельных стадий развития капитализма.

Пространственные отличия типов капитализма и соответствующие им варианты марксизма.

Маркс писал свои работы во времена так называемой первой глобализации, когда Англия утверждалась в качестве мирового гегемона, определя-

ющего направление развития. В условиях глобализации, направляемой доминирующей силой гегемона, мир кажется универсально развивающимся одним и тем же образом по одному и тому же пути. Однако дальнейшее развитие бытия капитализма наглядно демонстрирует процессы, ведущие к внесению соответствующих коррективов в понимание феномена капитализма. Основная причина этого заключается в том, что разновидности капитализма в разных частях мира не отличаются только тем, что одни более развиты, а другие – менее, а еще и тем, что более развитые формы вступают в асимметричные отношения эксплуатации со все еще недоразвитыми формами, и, следовательно, внутри менее развитых существуют разнородные, соподчиненные одна другой, разновидности капитализма, и, как следствие отношений эксплуатации между ними, – отношения между работниками. Именно поэтому в высокоразвитых странах налицо стабилизация, а в наименее развитых наблюдается рост революционных предпосылок – то, что лучше всего осознал В.И. Ленин и идентифицировал как понятие «слабого звена» в капиталистической системе. В наивысшей степени данную пространственную дифференциацию капитализма можно обнаружить в мир-системных теориях Иммануила Валлерстайна, Джованни Арриги, Андре Гюндера Франка, Самира Амина. Это и является предпосылкой для развития различных видов марксизма в центре, на полупериферии и периферии мировой системы.

И. Видоизменения *марксизма в центре мировой системы*. Маркс ожидал, что сначала пролетарская революция произойдет в Великобритании, как только пролетариат станет большинством трудящихся, и противоречия между ним и буржуазией разовьются в более антагонистические, а старые производственные отношения не смогут служить предпосылкой для развития производительных сил. Однако его ожиданиям не суждено было сбыться по *трем основным причинам*.

Первая причина – это развитие Второй промышленной революции и фордизма, связанных с массовым производством и прибылью в масштабах, которые можно реализовать только при наличии соответствующих доходов у большей части производителей, реализуемых, как описал в своей теории перераспределения Кейнс.

Вторая – это накопление асимметричных отношений эксплуатации с колониями и в целом с полупериферией и периферией мировой системы, через которые массово перебрасываются ресурсы в центр, и таким образом они могут быть перераспределены среди большего числа людей, что позволяет повысить доходы основной массы населения.

Третья причина – это накопление богатства в результате гораздо более длительного развития капитализма и нескольких столетий эксплуатации колоний и рабской силы, а также гораздо более высокой производительности труда в наиболее развитых странах.

Все это делает возможными два открытия капитализма, благодаря которым он выживает и приобретает черты, отличные, чем во времена Маркса – это либеральная демократия и социальное государство. Становятся возможными не только классовые антагонизмы, но и классовые компромиссы, которые ставят перед последователями Маркса задачу объяснить неугасающую силу капитализма и дефицит революционного давления со стороны рабочего класса. Все это ведет к появлению бернштейнианской ревизии некоторых фундаментальных положений марксизма и как следствие – вывод на первый план многопартийной представительной демократии в качестве средства на пути к социализму; утверждение тезиса о том, что противоречия между рабочими и капиталистами могут не расти и между ними возможен компромисс; появляется возможность постепенной гармонизации отношений в классовом обществе. Многочисленные версии западного марксизма, начиная с Антонио Грамши и до Луи Альгюссера, позднее будут пытаться объяснить, как растущая мощь идеологического воздействия буржуазии ведет к интеграции рабочего класса в систему.

II. Типы марксизма в *странах полупериферии мировой системы*.

В странах полупериферии, где отсутствуют значительные массы рабочего класса, налицо отставание социально-экономического характера и необходимость ускорения исторического развития, – именно в таких условиях зарождается ленинский тип развития марксистского учения, который политически ведет к большевизму. Для выхода из подобного состояния этим странам необходимо мобилизовать свои силы, сосредоточить ресурсы, чтобы наверстать отставание, – и здесь революционное нетерпение естественно, и ленинская теория более отвечает реальности. В своем анализе империализма Ленин объясняет, что мир разделен на разные зоны, при этом «слабым звеном» – тем, в котором начнется революция, – станут совсем не самые развитые страны, где наблюдается появление таких феноменов, как рабочая аристократия, «ллойдджорджизм», «трэдиюнионистское мышление», а менее развитые государства, такие, как Россия. Именно поэтому получает развитие идея о необходимости существования авангарда – политической партии, состоящей из профессиональных революционеров, которая активно ускорять развитие, а не будет ждать революции, как автоматического результата экономических событий, и надеяться, что сознание рабочих изменится стихийно, без приложения координированных организованных усилий. Поскольку пролетариат – меньшинство, то ему будет нужно привлечь к своей борьбе крестьян, а Ленин, таким образом, припишет революционную роль и крестьянам или, по крайней мере, некоторой их части, в отличие от Маркса, который рассматривал крестьянство как консервативную силу. В Китае крестьяне даже станут ведущей революционной силой, так как будут поддерживать вооруженную армию Мао,

в течение многих лет борющейся за власть. На этой основе свое развитие получит идея рабоче-крестьянского союза при руководящей роли партии пролетариата, начнутся поиски путей преодоления отсталости. Все это приведет к сильному централизованному государству диктатуры пролетариата, использованию политики как механизма ускорения социально-экономического развития и пренебрежительному отношению к политической демократии. Будет сформировано специфическое понимание социализма как централизованной, плановой, государственной системы, которая использует деньги в ограниченной степени. Вместо ожидаемого Марксом ослабления и отмирания государства, оно напротив резко усилит свою роль. Государственный социализм станет гигантской и драматической попыткой преодолеть тяжелейшие противоречия и растущее отставание стран второго эшелона мирового развития, а это невозможно осуществить без более высокой степени авторитаризма системы и снижения уровня потребления. Произойдет все это не по злой воле Сталина и не из-за «ошибок доктрины» Маркса и Ленина, а в результате растущей потребности слаборазвитых стран осуществить быструю индустриализацию в условиях Второй промышленной революции¹.

В этих странах будет введен «советский марксизм» или «марксизм-ленинизм» в совокупности трех своих основных составных частей: марксистской философии (диалектического и исторического материализма), марксистской политэкономии, отдающей предпочтение государственному центральному командному планированию, и «научного социализма». Советский марксизм, как отмечает в специально посвященном этой теме исследовании Г. Маркузе, принимает характер «поведенческой науки». Большинство его теоретических утверждений имеют практическую направленность, служат для объяснения, оправдания и обоснования определенных действий, например, ускорения коллективизации и индустриализации, стахановского движения, противопоставления буржуазной идеологии, утверждения «объективного действия экономических законов социализма» и т.д.²

III. Варианты марксизма на периферии мировой системы. В странах, находящихся на периферии мировой системы, появятся различные радикальные примитивные по своей сути разновидности марксизма. Так, в Китае Мао Цзэдун отодвинет в сторону идею городского пролетариата, отдав предпочтение крестьянству как ведущей революционной силе, которая осаждает и завоевывает города. Марксистское понимание классов Мао во многом заменит понятием нации, при этом международные отношения он описывает терминами классовых отношений и такими понятиями, как «класс-нация». Отправной точкой этому станет упоминаемая Марксом в последние годы его жизни возможность английского рабочего класса, благодаря эксплуата-

ции Англией ее колоний, превратиться в привилегированную группу, играющую аналогичную роль эксплуататора в отношении других стран. Китай, в этом случае, рассматривается как бедная и угнетаемая «пролетарская» нация, которой необходимо освободиться от бремени богатых буржуазных «наций-угнетателей». В целом, народы «третьего мира» рассматриваются как доиндустриальный пролетариат, эксплуатируемый развитыми странами Запада, а соучастниками в этой эксплуатации являются рабочие этих же стран. В свою очередь, буржуазия в этих странах также воспринимается в двух различных ипостасях: компрадорская, полностью зависимая от империалистических государств капиталистического центра, и «национальная буржуазия», которая становится союзницей истинного пролетариата в этих странах. Данные идеи подпитывают революционную активность в странах Азии и Африки и используются в ходе национально-освободительных движений. Таким же образом на Кубе возникает кастроизм, как разновидность марксизма, а в Африке – теории африканского социализма. Везде в странах «третьего мира» марксистские партии ассоциируются с национализмом и борьбой против колониализма.

Этапы капитализма и временные дифференциации марксизма

Наряду с пространственным делением мы можем разделить и время существования марксизма в зависимости от разных этапов развития капитализма.

Первым из этих этапов является классический патримониальный и диккенсовский капитализм классической политэкономии и викторианской Англии. Этот капитализм начинается в 70-х гг. XVIII в. с выходом в свет «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита, с началом французской и американской революций, тогда же Джеймс Уатт изобретает паровую машину и закладывает основы промышленной революции. Заканчивается он в 90-х гг. XIX в., когда в Великобритании по сути своей завершилась Первая промышленная революция, повысившая производительность труда в различных отраслях промышленности в разы (от 7-8 до 300-400 раз), страна превратилась в мирового гегемона, задающего вектор развития, в то время как ресурсы этой революции ускоренного развития капитализма постепенно деградировали. При таком капитализме XIX в. развиваются тенденции, описанные Марксом: усиливается эксплуатация рабочего класса, происходит рост его численности, рост противоречий, развивается рабочее движение.

Вторым этапом является фордистский, социальный и кейнсианский капитализм множества разновидностей марксизма. Начало этого этапа капитализма может быть отнесено к периоду между 1873 и 1896 гг. – времени продолжительной депрессии, из которой можно было выйти только с помощью нового технологического скачка, каким стала Вторая промышленная

революция (двигатель внутреннего сгорания и конвейер, фордизм, тейлоризм, массовое производство, нуждающееся в массовом потребителе, и государственные механизмы, создающие и гарантирующие этого массового потребителя).

Это время, когда появляется понятие «империализм», после смерти Маркса положившее начало дискуссии об империализме как стадии развития капитализма, связанной с господством банков и банковского капитала, вывозом капитала, разделением мира на сферы влияния и ведением войн за передел мира.

Экономическая теория, которой присуща идеологическая гегемония, превращается в мейнстрим – это доктрина Кейнса и так называемый «великий синтез» в экономической науке, объединивший методологический индивидуализм и субъективную школу макроэкономики и холистического подхода макроэкономики Кейнса. Время государственного капитализма, активно перераспределяющего доходы путем прогрессивного налогообложения, время сильных профсоюзов, кейнсианского стимулирования совокупного потребления и социального государства, ведущего к изменению устоявшегося дискурса классов – от дискурса рабочего класса и капиталистов к дискурсу среднего класса.

На этом подэтапе марксизм делится, в первую очередь, на два основных направления, связанных с двумя политическими типами партий – на западный марксизм и марксизм-ленинизм, а после Второй мировой войны появляется и его маоистическая версия.

Третий этап связан с восходом неолиберального капитализма, крахом восточноевропейского социализма и утверждениями о «смерти Маркса». Он начинается в 70-х гг. XX-го в., когда капитализм в очередной раз выходит на передний план в результате технологической революции – на этот раз благодаря Третьей промышленной революции, глобализации капитала и эрозии национального государства. Набирает силу неолиберальная волна, связанная с дерегулированием экономики, приватизацией собственности, выходом компаний из-под контроля национальных государств, взрывоопасного роста транснациональных компаний, находящихся вне зоны контроля национальных государств, но при этом ряд их по своему влиянию превышает национальные экономики отдельных государств. Похоже, что это время можно определить, как окончательное «исчезновение Маркса». Горбачевская перестройка методично убивает Маркса. Горбачев перестает упоминать Маркса. Объясняет это тем, что классового разделения уже нет, а существуют лишь общечеловеческие ценности, т.е. на Западе – капитализма нет. Восточноевропейский социализм делегитимирован и рушится. В начале 90-х гг. в Великобритании перестает выходить авторитетный журнал «Marxism Today». Постмодернистская мода отвергает марксизм, объяв-

ляя его, как и эпоху модернизма, мертвым. Эта модная тенденция представляет собой синтез множества ранее приводимых аргументов, выдвигаемых против марксизма логистическим позитивизмом, лингвистическим анализом, прагматизмом, экзистенциализмом, феноменологией, постструктурализмом.

Четвертый этап связан с идеей «возвращения», «ренессанса», «отмщения Маркса». С началом XXI в. наступает набирающий силу кризис неолиберального капитализма, стремительными темпами увеличивается задолженность стран капиталистического центра, налицо тенденции упадка мирового гегемона и появление все большего числа голосов, раздающихся с разных идеологических сторон и в разных контекстах, говорящих о возврате к эпохе капитализма Маркса. Неоконсерваторы, такие как Бьюкенен, высказываются о «смерти Запада», а еще один неоконсерватор, Роберт Кэган, в 2008 г. пишет работу «Возвращение истории и конец мечтаний», имея в виду возврат мира к геополитической ситуации до Первой мировой войны³. Слева поднимается волна публикаций на тему «возвращение Маркса» и «отмщение Маркса». Фредерик Джеймисон утверждает, что учение «Маркса-теоретика мирового рынка (особенно в его экономических работах 1857–1859 гг.) не только способно заменить сегодняшние разновидности постмарксизма, но и стать важной составляющей анализа более ранних этапов капитализма»⁴.

В сентябре 1999 г. британская ВВС провела опрос в Интернете на тему «Кто является самым выдающимся мыслителем минувшего тысячелетия». По результатам голосования Маркс был признан величайшим «мыслителем тысячелетия». Он опередил Альберта Эйнштейна, Исаака Ньютона и Чарльза Дарвина. Американский журнал «Time» и британская газета «Guardian» стали публиковать статьи о Марксе, какие ни одна из влиятельных болгарских газет не могла бы себе позволить. Двое самых известных международных марксистов Ален Бадью и Славой Жижек, начиная с 2009 г., стали проводить ежегодные значительные международные конференции на тему «Идея коммунизма». Четыре таких конференции уже прошли в Берлине, Лондоне, Нью-Йорке и Сеуле.

Глобальный мировой кризис капитализма, наступивший после 2008 г., превратился в своего рода ренессанс для Маркса, оказалось, что он воспринимается не только как величайший мыслитель прошлого тысячелетия, но и настоящего. В 2011 г. в издательстве Йельского университета была опубликована книга крупного английского философа и литератора Терри Иглтона **«Почему Маркс был прав»**, ставшая бестселлером⁵. 4 июля 2011 г. английская газета «Guardian» опубликовала статью Стюарта Джеффриса под уникальным названием **«Почему марксизм снова на подъеме»**. Статья заканчивается фразой из «Коммунистического манифеста»: *«Пусть правя-*

*щие классы трепещут пред коммунистической революцией. Пролетариату нечего в ней терять, кроме своих цепей*⁶.

6 ноября 2013 г. один из двух самых популярных научных журналов мира «Nature» опубликовал свое исследование, посвященное выдающимся мыслителям всех времен в различных областях науки, результаты его были получены с применением по отношению к ученым современных систем научных критериев и метрических показателей, позволяющих оценить вклад каждого. Сравнение прошли 35 000 ученых – представители всех направлений науки за все время ее существования. Оказалось, что Маркс остается самым влиятельным ученым всех времен⁷.

¹ См. Проданов В. Глобалните промени и съдбата на България. София, 1999. С. 215-222.

² Marcuse H. Soviet Marxism: A Critical Analysis. New York, 1958. P. 11-12.

³ Kagan R. The Return of History and the End of Dreams. 2008.

⁴ Джеймисон Ф. Реально существующий марксизм // Логос. 2005. № 3. С. 219.

⁵ Eagleton T. Why Marx Was Right. 2011.

⁶ Jeffries S. Why Marxism is on the rise again // The Guardian. 2012. 4 July.

⁷ Van Noorden R. Who is the best scientist of them all? Online ranking compares h-index metrics across disciplines // Nature. 2013. 6 November.

Т.Т. Гюева

«НИЧТО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ МНЕ НЕ ЧУЖДО» МАРКС В КРУГУ СЕМЬИ: ПО ПИСЬМАМ И ВОСПОМИНАНИЯМ СОВРЕМЕННОКОВ

Аннотация. В статье прослеживается личная жизнь Маркса, взаимоотношения с женой, детьми, ближайшим окружением. В качестве источников используются воспоминания современников, обширная переписка между Марксом, Энгельсом членами семьи, литература биографического характера.

Ключевые слова: Маркс, семья, дети, переписка, воспоминания.

На протяжении более чем полторы сотни лет фигура такого масштаба как Карл Маркс вызывает неизменный интерес, рождая жаркие споры и столкновения как противников, так и сторонников его теоретического наследия. Неслучайно, что по результатам общественного опроса, проведенного в 1999 г. Би-Би-Си, большинство респондентов назвали его «Человеком тысячелетия». Образ Маркса как выдающегося учёного, создателя теории научного коммунизма и борца за освобождение пролетариата хорошо известен. По данным Библиотеки конгресса США ему посвящено больше исследований, чем любой другой личности в истории человечества.

Между тем фигура самого Маркса, его частная жизнь, ближний круг родственников и друзей, характер их взаимоотношений, сложная и подчас

трагическая судьба его семьи чаще всего остаётся в тени. Нельзя сказать, чтобы подобный материал совсем отсутствовал. На протяжении десятков лет издавались биографии его жены Женни; совсем недавно вышло в свет полное собрание её писем¹. Очень интересный материал о семье Маркса можно найти в «Воспоминаниях о К. Марксе и Ф. Энгельсе»². В 1983 г. был опубликован том переписки Маркса и членов его семьи³. Изданные 14 томов переписки МЭГА полного собрания сочинений Маркса и Энгельса на языках оригинала дополняют этот документальный материал и дают возможность достаточно объективно представить картину его личной жизни. Особого внимания заслуживает выдержавшая несколько изданий книга О.Б. Воробьёвой и И.М. Синельниковой «Дочери Маркса»⁴. В 70-е гг. XX в. в русском переводе вышла биография Маркса, написанная его правнуком Робером Лонге⁵.

К сожалению, серьёзных, обстоятельных монографий по этой теме практически нет. В качестве исключения можно назвать работу американской писательницы и журналистки Мэри Габриэл «Карл Маркс. Любовь и капитал»⁶. Несмотря на некоторые неточности в изложении материала, не всегда верную трактовку документов и погрешности перевода, на сегодня она является, пожалуй, единственной биографией Маркса, где прослеживается неразрывная связь между его творчеством и личной жизнью. Нельзя не согласиться с замечанием автора, что со времён «холодной войны» интерпретация отдельных эпизодов его жизни зависела от принадлежности исследователей к тому или иному идеологическому лагерю и «колебалась в диапазоне – «безгрешный святой» – «бессовестный грешник»»⁷. Если монументальный, «одетый в гранит» образ Маркса – учёного, теоретика, борца – мешал увидеть в нём живого человека, то в другом варианте Маркс представлялся олицетворением пороков. И прежде всего, это касалось его семьи, особенно взаимоотношений с женой Женни, урождённой фон Вестфален.

Личность этой талантливой, незаурядной натуры вполне сопоставима с масштабом такой фигуры как сам Маркс. В течение 4-х десятков лет она оставалась не только верной спутницей в его полной драматических событий жизни, но и постоянным, бесценным помощником в работе, как интеллектуальной, так и общественной.

У всех, кто соприкасался с биографией Маркса, возникал интерес к этому своеобразному союзу – представительницы высшего общества Пруссии и вождя пролетариата. Авторы работ о жизни Маркса прежде всего акцентировали внимание на социальном неравенстве между супругами. Отец Женни, Людвиг фон Вестфален, тайный советник в правительстве г. Трира, занимал в городе довольно высокое положение, а по материнской линии был связан родственными узами с одним из самых аристократических семейств Шотландии – герцогами Аргайл. По взглядам и мировоззрению он

был приверженцем идей французского Просвещения, Французской революции XVIII в. и французского утопического социализма.

Отец Маркса, Генрих Маркс, происходил из совершенно другой среды. Сын потомственного раввина, он в 35 лет вынужден был креститься. Юрист по образованию, Г. Маркс возглавлял в Трире местную ассоциацию адвокатов. Воспитанный также на французской культуре и идеях Просвещения, он принадлежал к представителям той же передовой, либерально настроенной части общества, что и отец Женни. В этом смысле, несмотря на разницу в социальных статусах, Карл Маркс и его будущая жена воспитывались в схожей культурно-идейной среде.

Красивая, аристократически утончённая, великолепно образованная, с яркой и страстной натурой, Женни с юных лет привлекала внимание окружающих, но до 22 лет оставалась свободной. С таким богатым внутренним миром ей было не просто найти соответствующего её уровню супруга. Родители с пониманием к этому относились, но менее всего могли представить в качестве избранника любимой дочери гимназического товарища её младшего брата Эдгара, 18-летнего студента-первокурсника.

Маркс как близкий друг и одноклассник Эдгара, часто бывал в доме Вестфаленов. В этом любознательном, не по годам развитом мальчике Людвиг фон Вестфален нашёл ученика, а впоследствии и собеседника, поражавшего живостью ума и одновременно глубиной суждений. Под его влиянием молодой Маркс страстно увлёкся литературой, стал изучать труды французских социалистов-утопистов. Свою докторскую диссертацию «Различие между натурфилософией Демокрита и натурфилософией Эпикура» он посвятил отцу Женни – «Дорогому отцу и другу... в знак сыновней любви»⁸.

Женни была старше его на 4 года, и такая разница играла существенную роль в школьные годы: подросток вряд ли мог привлечь внимание уже взрослой девушки. В то время их связывали чисто дружеские отношения. Настоящее чувство пришло к ним значительно позже, когда Маркс, будучи студентом, приехал на каникулы в Трир летом 1836 г. Свою любовь он выразил в цикле стихотворений под общим названием «Книга любви» с посвящением – «Моей дорогой, вечно любимой Женни фон Вестфален»⁹.

Её притягивала пылкая, бунтарская натура юноши, его оригинальный ум и всесторонняя образованность. Даже внешне Маркс резко выделялся среди окружающих: смуглый, с шапкой вьющихся, чёрных волос, за что и получил впоследствии прозвище «Мавр», высокий, широкоплечий, крепкого телосложения, с энергичной жестикуляцией, небрежно одетый, он производил впечатление человека, не вписывающегося в общепринятые нормы. Эта неординарность во всём только обостряла чувство Женни, но в данном случае речь шла не о влюблённости, а о настоящей любви, подтверждением которой стала их вся последующая жизнь.

Женни отдавала отчёт в том, как её выбор воспримут в семье, но вряд ли предполагала, что ожидание союза со своим избранником затянется на такой срок, и «как Иаков за Рахиль, так и Маркс «отрабатывал» семь лет прежде, чем они поженились»¹⁰. Свадьба состоялась только в июне 1843 г.

Начиная с первых лет их совместной жизни и до самого последнего дня этой удивительной женщины, по одним только письмам мы можем проследить степень её участия и поддержки на всех областях деятельности Маркса. Их дочь Элеонора писала: «Не будет преувеличением, если я скажу, что без Женни фон Вестфален Карл Маркс никогда не мог бы стать тем, кем он был. Никогда ещё две жизни – и обе такие замечательные – не были так тесно связаны, дополняя одна другую»¹¹.

Опираясь на воспоминания близких и друзей, а главное – на колоссальное эпистолярное наследие, можно довольно подробно восстановить хронику личной жизни Маркса и его семьи. Уже в первые годы супружества было понятно, что их семье уготована непростая и беспокойная жизнь: частые переезды из одной страны в другую, связанные с преследованием Маркса со стороны властей; участие в революции 1848–1849 гг. и, наконец, осенью 1849 г. - отъезд в Англию, где они с Женни прожили до конца жизни.

Первое десятилетие эмиграции было самым тяжёлым в жизни Маркса и его близких. Небольшие денежные средства, привезённые с собой, быстро иссякли: немецкая бережливость и расчётливость в ведении хозяйства не были свойственны обоим супругам, а их небольшой, но гостеприимный дом был всегда открыт для радужного приёма и помощи эмигрантам. Единственным помощником по хозяйству была верная Елена Демут, служанка, но, по сути – член их семьи. Молоденькой девушкой она вошла в их дом в 1845 г. и осталась там на всю жизнь, став настоящим и преданным другом.

Из-за отсутствия у Маркса постоянного заработка семья подчас оказывалась на грани нищеты. В одном из писем к своим друзьям Женни Маркс очень образно представила картину бедствий: болезнь младшего сына, опись имущества за долги, включая мебель, белье, одежду, колыбельку ребёнка и даже детские игрушки; выселение из квартиры, продажа остатков мебели, чтобы с трудом на какое-то время поселиться в 2-х гостиничных комнатухах¹². Свидетельства подобной нужды можно найти и в письмах самого Маркса. В одном из них он признаётся, что у него нет денег, чтобы вызвать врача и купить лекарства больной жене и дочке, что «в течение 8–10 дней ...семья питалась хлебом и картофелем, а сегодня ещё сомнительно, смогу ли я достать и это»¹³.

К кабальной зависимости от домовладельцев и торговцев прибавились ещё более тяжёлые испытания – смерть детей. Из 7-х детей Маркса выжили только 3 дочери. Порой родителям приходилось залезать в долг, чтобы похоронить ребёнка. Трое умерли, не дожив до года, но самым страшным

ударом была смерть 8-летнего Эдгара. Необыкновенно живой, не по годам развитый мальчик был всеобщим любимцем. Не очень выносливый с рождения, он не смог сопротивляться болезни, которая, по словам Маркса «приняла наследственный в нашей семье характер изнурения желудка и кишечника»¹⁴. На долгие годы эта трагедия оставалась незаживающей раной и для Женни, и для Маркса. По его признанию, в отношении детей он был «не такой стойк, как в других вещах, и семейные несчастья» обходились ему «всегда дорого»¹⁵.

В этой ситуации единственный человек, которому он мог доверить свои душевные переживания, был Энгельс. «При всех ужасных муках, пережитых за эти дни, – писал Маркс – меня всегда поддерживала мысль о тебе и твоей дружбе и надежда, что нам вдвоём предстоит сделать ещё на свете кое-что разумное»¹⁶. Уникальный союз этих двух великих людей нуждается в отдельной теме. Энгельс, который отводил себе роль «второй скрипки», был не просто другом и соратником Маркса в творчестве и в революционной борьбе. Он стал его «alter ego». Именно поэтому все разговоры о приписываемом Энгельсу «меценатстве» по отношению к Марксу не имеют основания, если рассматривать их не с обычной, обывательской точки зрения, а проникнуть в суть взаимоотношений. Для семьи Маркса он был скорее её членом, чем просто другом. К его детям он относился с подлинно отеческой нежностью и заботой. Пережив Маркса на 12 лет, до конца жизни Энгельс оставался для его дочерей самым близким человеком.

Представляя Маркса чёрствым, бездушным эгоистом, принесшим в жертву судьбы близких ему людей во имя осуществления своих утопических идей, его критики зачастую обосновывают свои суждения на отдельных эпизодах и отрывках из писем Маркса и членов его семьи, вырванных из общего контекста. Однако при тщательном изучении всего эпистолярного наследия Маркса, его родственников, друзей, соратников, использовании их мемуаров предстаёт иная картина: при всей тяжести положения и трагических потерях семья Маркса была по-своему счастлива. Прежде всего потому, что этот союз был основан на любви, взаимном уважении, общности интересов и целей. «В этом храме исторического материализма жили богатой духовной жизнью, той единственной, которой стоит жить...» описывал атмосферу в доме Маркса его зять Шарль Лонге¹⁷.

Как и во всякой семье, в ней были трудные моменты. Женни Маркс, на протяжении многих лет выполняя нелёгкую обязанность секретаря мужа, несла на своих плечах бремя повседневного быта, заботы о здоровье и воспитании детей. Их болезни и смерти, наиболее острые моменты нужды, несбывшиеся надежды, в основном связанные с изданием работ Маркса, всё это подтачивало её силы, вызывало приступы депрессии, осложняло общую атмосферу семьи. Маркс прекрасно понимал это, сочувствовал жене

и одновременно переживал, сознавая степень собственной вины. Особенно чётко он сформулировал это в письме П. Лафаргу в связи с предстоящей помолвкой с ним его дочери Лауры. Поднимая вопрос о необходимости ответственности за будущее семьи, Маркс подчёркивал, что никогда не жалел об избранном пути, готов был бы снова его повторить, но «...только не женился бы. Поскольку это в моих силах, я хочу уберечь мою дочь от рифов, о которые разбилась жизнь её матери»¹⁸.

О жизни Маркса в семейном кругу написано немало. Каждый из рассказов его современников интересен и добавляет новые факты и подробности, но все сходятся в одном: образ сурового, жёсткого, беспощадного в борьбе с оппонентами, авторитарного вождя пролетариата никак не вяжется с образом мягкого, нежного отца, неистощимого на выдумки в общении с детьми; весёлого, радушного хозяина в кругу друзей. По свидетельству его друга Вильгельма Либкнехта, общество детей было потребностью для Маркса, с ними он отдыхал и сам на какое-то время становился ребёнком. При всей невероятной занятости он проводил немало времени в играх с ними, не уступая им в изобретательности. «Маркс был великолепной лошадкой, – вспоминала Элеонора Маркс, – мои сёстры и маленький брат впрягали Мавра в стулья, садились на них верхом и заставляли его возить»¹⁹. В подобные игры он позже играл и с внуками, проявляя к ним не меньше любви и тепла, на которые они отвечали ему той же привязанностью.

С особой радостью дети Маркса вспоминали семейные прогулки загород, когда по дороге отец рассказывал сочиненные им сказки, делившиеся не на главы, а на мили и скрашивавшие утомительный долгий путь; декламировал наизусть длинные отрывки из «Божественной комедии» Данте, их сменяли сцены из пьес Шекспира – «семейной библии» в доме Маркса. Великолепный знаток литературы, он любил читать детям вслух, ненавязчиво прививая им вкус к лучшим её образцам. В редкие часы отдыха Маркс с удовольствием обращался к своим любимым авторам – Г. Филдингу, В. Скотту, Ч. Диккенсу О. де Бальзаку; не оставлял он без внимания и развлекательную литературу – А. Дюма, Поля де Кока и др. Изучая русский язык, он стал читать русскую классику, отдавая предпочтение И.С. Тургеневу, М.Е. Салтыкову-Щедрину, Н.В. Гоголю, высоко ценил поэзию М.Ю. Лермонтова.

Чувство юмора, самоирония, способность подметить в людях наиболее характерные им черты были в равной степени присущи всем членам семьи Маркса. Именно поэтому каждый имел по несколько прозвищ сообразно их особенностям, увлечениям, пристрастиям или отличительным внешним данным. Помимо привычного «Мавр», Маркс в письмах дочерям частенько подписывался «Old Nick» («Леший») или «Old boy» («Старина»). Переписка Маркса с дочерьми – особый раздел его эпистолярного наследия.

По ней можно с определённой уверенностью сказать, что между ним и детьми с самого их раннего детства царил дух товарищества, настоящей дружбы, доверительных отношений и уважения к личности ребёнка. Он был нежным, снисходительным отцом, всегда готовым к обсуждению с ними любой темы на равных. Именно в силу этого равноправия его родительский авторитет был очень высок «Дети должны воспитывать своих родителей» – любил повторять Маркс.

Дочери Маркса, Женни, Лаура и Элеонора, – очень яркие личности. В этом была, безусловно, заслуга обоих родителей, которые в невероятно сложных условиях дали им великолепное образование и воспитание. Предельно экономя на себе, они предоставили им возможность развивать свои способности – помимо общепринятых в школе дисциплин, заниматься дополнительно иностранными языками, музыкой, рисованием, театральным искусством. Все три дочери выполняли секретарские обязанности при Марксе, заменив со временем мать.

Старшая дочь, Женни, унаследовала от отца и сильное внешнее сходство, и его энергичный характер. Начитанная, великолепно образованная, она прекрасно рисовала, свободно владела английским, французским и итальянским языками. Женни мечтала стать актрисой, имея для этого все необходимые данные, но так и не смогла осуществить свою мечту. Однако проявила себя как талантливый журналист. Опубликованная в газете «Марсельез» под псевдонимом «Мр. Уильямс» серия её статей о положении заключённых в тюрьмах ирландских революционеров имела широкий резонанс и способствовала освобождению значительной части осуждённых. Выйдя замуж за французского журналиста и революционера Шарля Лонге, она помогала ему в корреспондентской работе в газете «Жюстис». Ранняя смерть оборвала жизнь этой замечательной женщины, оставившей пятерых малолетних детей, единственных потомков Карла Маркса.

Средняя дочь, Лаура, с детства проявляла способности во многих областях, но более всего известна как переводчик. Вместе со своим мужем, видным деятелем французского рабочего движения Полем Лафаргом, она много сделала для пропаганды марксизма во Франции и Испании. Энгельс высоко ценил её эрудицию, одарённость и тщательность в работе, что делало переводы Лауры лучшими. Она блестяще перевела на французский язык многие работы Маркса и Энгельса, в том числе и «Манифест».

Младшая дочь, Элеонора, была видным деятелем английского профсоюзного и женского движения в Великобритании. Многие, кто её близко знал, говорили о сходстве характеров отца и дочери, который признавал, что «Женни похожа на меня, а Тусси – это я»²⁰. Не только друзья, но и идейные враги с одинаковым уважением отзывались о ней и её участии в общественно-политической жизни Англии.

Тема личной жизни Маркса огромна и не укладывается в формат небольшой статьи или краткого выступления. Человек, который видел смысл своей жизни в «борьбе за освобождение человечества» и, не сворачивая, следовал избранному пути, не мог прожить жизнь, в которой чётко прописаны правила и общепринятые нормы. Великие личности, как правило, – сложные люди и к оценке их жизни и деятельности надо подходить с особыми мерками. Любимое изречение Маркса – «Ничто человеческое мне не чуждо» даёт нам в этом направлении правильный ориентир.

¹ Дорнеман Л. Женни Маркс. М., 1988; Виноградская П. Женни Маркс. М., 1987; Jenny Marx. Die Briefe. Rolf Hecker, Angelika Limmroth (Hrsg.) Berlin, 2014; Rolf Hecker, Angelika Limmroth. Jenny Marx. Berlin, 2014.

² Воспоминания о К. Марксе и Ф. Энгельсе. 2-е изд., испр. и доп. Ч. 1, 2. М., 1983.

³ Переписка Карла Маркса, Фридриха Энгельса и членов семьи Маркса. 1835-1871 гг. М., 1983.

⁴ Воробьёва О. Б., Синельникова И. М. Дочери Маркса. 5-е изд., доп. и перераб. М., 1978.

⁵ Лонге Р.-Ж. Карл Маркс – мой прадед. М., 1979.

⁶ Габриэл М. Карл Маркс. Любовь и капитал. Биография личной жизни. М., 2014.

⁷ Там же. С. 79.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. С. 19.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 40. С. 333-438.

¹⁰ Воспоминания Ч. 1. С. 114.

¹¹ Там же. С. 113.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 27. С. 530-531.

¹³ Там же. Т. 28. С. 106.

¹⁴ Там же. С. 370.

¹⁵ Там же. Т. 33. С. 534.

¹⁶ Там же. Т. 28. С. 371.

¹⁷ Лонге, Р.-Ж. Карл Маркс ... С. 232.

¹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 436.

¹⁹ Воспоминания Т. 1. С. 108–109.

²⁰ Воробьёва, О. Б., Синельникова, И. М. Дочери Маркса... С. 208.

«Тусси» – домашнее имя Элеоноры Маркс

С.А. Гаврильченко

РАБОТА К. МАРКСА НАД КНИГОЙ Н. ФЛЕРОВСКОГО (В.В. БЕРВИ) «ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В РОССИИ»

Аннотация. В статье говорится об интересе Маркса к социальному и экономическому положению России в 1860-1870 гг., о его работе над книгой Флеровского, одновременно с которой шел процесс изучения русского языка. Приводится краткая биографическая справка о В.В. Берви-Флеровском.

Ключевые слова: Маркс и Россия, книга Флеровского, В.В. Берви.

В списке «Русское в моей библиотеке», который Карл Маркс составил в последний год жизни, упомянуто 115 названий, хотя в течение всей

жизни Маркс, безусловно, был знаком с большим количеством изданий на русском языке. О судьбе того, что сохранилось и что удалось разыскать исследователям и архивистам уже в послевоенные годы, подробно говорится в библиографическом издании «Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса» (Москва, 1979). Но даже по этому, заведомо неполному списку русских книг можно судить о вопросах, которые интересовали Маркса в тот или иной период его творчества, а оставленные им пометки и записи на страницах этих книг дают представление о его творческой работе.

В частности, интерес Маркса к России возрос в 1860–1870-е гг. в связи с отменой крепостного права в 1861 г. и достаточно быстрым развитием капиталистических отношений не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве. Материал для второго и особенно третьего тома «Капитала», например, для раздела о земельной ренте, Маркс предполагал собрать в значительной степени из русских источников. Энгельс впоследствии так оценивал эту работу Маркса: «В продолжение нескольких лет он изучал в подлинниках ставшие в России неизбежными после реформы 1861 г. статистические справочники и другие публикации о земельной собственности, представленные в его распоряжение русскими друзьями с желательной полнотой ... Благодаря разнообразию форм земельной собственности и эксплуатации сельскохозяйственных производителей в России в отделе о земельной ренте Россия должна была играть такую же роль, какую играла Англия в книге I при исследовании промышленного наемного труда»¹. С этими исследованиями было связано и желание Маркса лучше овладеть русским языком, чтобы иметь возможность читать источники в подлиннике.

В фонде РГАСПИ хранится одна из книг из библиотеки Маркса – работа Василия Васильевича Берви «Положение рабочего класса в России», который в 1869 г. выпустил ее в Санкт-Петербурге под псевдонимом Н. Флеровский². Маркс получил эту книгу в конце 1869 г. от одного из своих русских корреспондентов, писателя-экономиста, переводчика «Капитала» Николая Францевича Даниельсона, и активно работал над ней в течение нескольких месяцев в 1870–1871 гг.

В этот период Маркс занимался изучением материала для работы над последующими томами «Капитала» и с большим интересом отнесся к полученному им от Даниельсона исследованию Флеровского³. Он несет на себе следы интенсивной работы Маркса над полученным текстом, страницы книги испещрены пометками и замечаниями: для того, чтобы усвоить ее содержание, Маркс проделал большую работу для более основательного изучения русского языка, на котором книга была написана⁴. Особенно ярко это видно на начальных страницах книги: многие слова и выражения снабжены цифровыми сносками, которым на полях книги соответствуют перевод или комментарий Маркса.

По мере освоения лексики и овладения текстом заметки становятся не столь многочисленными и развернутыми, однако в «Заключении» они обретают первоначальный характер. И если 10 февраля 1870 г. Маркс писал Энгельсу, что он прочитал уже 150 страниц из книги Флеровского⁵, то есть как раз первую ее часть, то весь экземпляр Маркса с пометками по всей книге свидетельствует о том, насколько внимательно он прочитал работу объемом почти 500 страниц.

Упоминания и ссылки на работу Флеровского встречаются не только в подготовительных материалах для будущего 2-го тома «Капитала»⁶. Более подробные сведения об интересе Маркса к русским материалам и его намерении использовать их в дальнейшей работе над «Капиталом» включены в редакционную статью «Marx' Arbeit am dritten Buch des „Kapitals“», посвященную 3-му тому⁷. При разработке актуальных проблем, как, например, в работе Маркса и Энгельса «Альянс социалистической демократии и Международное Товарищество Рабочих», написанной в 1873 г., а также в более поздней статье Энгельса «Эмигрантская литература» (1875 г.) мы находим ссылки на фактические сведения из книги Флеровского⁸.

Однако уже и в начале своей работы над книгой Флеровского Маркс высоко оценил ее содержание и ее автора, прямо написав в обращении Генерального Совета Международного товарищества рабочих (МТР) к членам Комитета Русской секции Интернационала в Женеве: «Это – труд серьезного наблюдателя, бесстрашного труженика, беспристрастного критика, мощного художника и, прежде всего, человека, возмущенного против гнета во всех его видах, не терпящего всевозможных национальных гимнов и страстно делящего все страдания и все стремления производительного класса»⁹. Такую же оценку мы находим и в его письмах Энгельсу от 12 февраля и Лауре и Полю Лафаргам, датированным 5 марта 1870 г.¹⁰

К этому следует добавить, что русский корреспондент Маркса Н.Ф. Даниельсон продолжал снабжать его материалами о России, в том числе и работами Флеровского. Приблизительно около 11 (23) мая 1871 г., скорее всего, именно по просьбе Даниельсона, было написано и отправлено через его посредничество письмо, вернее, большая разъяснительная записка самого Н. Флеровского Марксу с описанием способов сбора материалов и работы над «Положением рабочего класса в России»¹¹. Впоследствии Даниельсон присылал Марксу и другие материалы, в том числе сборник статей «Русские общественные вопросы», в котором были опубликованы две статьи Флеровского, «Непрактичный законопроект» и «Классическая страна крупного землевладения»¹². Таким образом, Маркс мог быть в курсе экономических проблем, которыми занимался Флеровский и после выхода в свет первого издания своей книги.

Следует отметить, что подготовленное им и выпущенное в 1872 г. второе издание «Положения рабочего класса в России» было запрещено, а ос-

новная часть тиража (2465 экземпляров из 2500) была уничтожена по постановлению Комитета министров 24 января 1873 г.¹³

Но отношение Маркса к работе Флеровского не было однозначным. Его восхищение книгой касалось прежде всего того нового материала по экономическому положению пореформенной России, который в очень большом объеме собрал автор. С его теоретическими представлениями Маркс соглашался далеко не всегда. В уже упомянутом адресе к членам Русской секции МТР в Женеве, высказывая положительное отношение к сочинению, Маркс не мог избежать и критической оценки, упомянув о том, «что оно в некоторых местах не вполне удовлетворяет критике с точки зрения чисто теоретической»¹⁴.

Это доказывают и заметки Маркса на полях произведения Флеровского. Мы находим здесь не только перевод русских слов и выражений, но и его критические комментарии к теоретическим выводам автора, особенно касающихся его экономических представлений. В частности, Маркс выступает против требований Флеровского о «товариществах» капиталистов и рабочих, которые, по его мнению, должны привести к гармоничному развитию общества¹⁵. Он отмечает также недостаточное знакомство Флеровского с производственными отношениями в Западной Европе и, прежде всего, в Англии, на которые автор ссылается в своей книге¹⁶. Особенно острые замечания Маркса касаются описания автором особенностей и свойств славянского мира, его образа жизни, отличающихся от западноевропейских и способных, по мнению Флеровского, развиваться по некапиталистическому пути во избежание революции¹⁷. Маркс подчеркивает наивность Флеровского в социальных, экономических и политических вопросах. Подробно эти критические замечания Маркса анализирует Борис Иванович Николаевский в статье «Русские книги в библиотеках К. Маркса и Ф. Энгельса (материалы для изучения их отношения к России)»¹⁸.

Здесь уместно хотя бы коротко сказать несколько слов о том, кем был автор книги, так заинтересовавшей Маркса. Василия Васильевича Берви (Н. Флеровского) нельзя считать автором одного произведения, хотя бы и такого известного.

В.В. Берви прожил долгую, трудную, но очень плодотворную жизнь. Он родился 28 апреля (10 мая) 1829 г. в Рязани и умер 4 октября 1918 г. в городе Юзовка (ныне – Донецк, Украина). Он рос и воспитывался в семье профессора Казанского университета и сам с отличием окончил юридический факультет того же университета. Ему предстояла блестящая карьера, так как сразу после окончания курса, в 1849 г., он получил возможность поступить на службу в министерство юстиции в Петербурге, где и проработал до 1861 г. Правда, сам он отзывался об этой службе весьма скептически, с самого начала столкнувшись с косностью, осторожностью и консерватиз-

мом своих начальников. На службе В.В. Берви пользовался хорошей репутацией, министр юстиции граф Панин даже поручил ему разработку проекта судебных преобразований, предшествующих отмене крепостного права. Молодой чиновник выполнил это поручение с большой серьезностью, но министр нашел предложения В.В. Берви слишком радикальными и отверг их. Этот случай переполнил чашу терпения, он занялся поисками новой работы.

Получив предложение занять место профессора в Харьковском университете и почти одновременно такое же предложение от университета в Петербурге, он охотно расстался с государственной службой, тем более, что давно мечтал заняться научной и педагогической деятельностью. В.В. Берви выбрал Петербург. Ему нужно было сдать магистерский экзамен и пройти стажировку в университете в Гейдельберге. Экзамен не составлял для В.В. Берви особого труда, но перед отъездом в Гейдельберг осенью 1861 г. он выступил против ареста участников одной из студенческих демонстраций. За этим последовала отмена стажировки, что автоматически означало утрату места профессора. В 1862 г. В.В. Берви направил письмо Александру II в защиту 13 дворян Тверской губернии, выступивших против официальных условий освобождения крестьян и предлагавших свои, более приемлемые для крестьян варианты. За этот поступок его арестовали, объявили сумасшедшим и поместили на несколько месяцев в психиатрическую лечебницу для соответствующего обследования. Несмотря на отрицательный результат экспертизы, В.В. Берви лишился места работы и был сослан в Астрахань под надзор полиции.

Так закончилась блестящая карьера столичного чиновника и ученого, и начался совершенно новый этап в его жизни. В дальнейшем он пребывал, как правило, в небольших городах, часто удаленных от университетских центров (Астрахань, Казань, Кузнецк, Томск, Вологда, Любань и др.), в некоторых случаях под полицейским надзором. На жизнь для своей семьи он зарабатывал преимущественно литературным трудом, иногда на временных должностях. Эти обстоятельства изменили и его социальные и экономические взгляды, о чем позднее писал в воспоминаниях¹⁹.

Все эти годы В.В. Берви работал в провинции редактором, адвокатом, статистиком, находились и другие занятия. Частично он описал это в уже упомянутом письме Марксу от 11 (23) мая 1871 г.²⁰ Но общественный темперамент, свойственный В.В. Берви, и склонность к анализу увиденного заставляли его и дальше высказываться в печати. Помимо «Положения рабочего класса в России» – книга эта получила большой отклик у прогрессивно настроенных читателей, особенно у студентов²¹ – довольно скоро в свет вышло его сочинение «Свобода речи, терпимости и наши законы о печати» (в 1869–1872 гг. книга выдержала три издания), затем увидело свет

его главное произведение - «Азбука социальных наук» (Ч. 1-2, СПб., 1871), а год спустя - «Исследования по текущим вопросам» (СПб., 1872) и ряд других. Помимо исследовательской работы В.В. Берви занимался переводами, в частности трудов Фердинанда Лассаля, которые, к сожалению, не были опубликованы из-за банкротства издательства Н.И. Полякова. Ставшие известными эти книги, как и другие, менее значительные работы, сделали его одним из идеологов революционного народничества, участники которого восприняли его экономические и социально-политические взгляды. Он сотрудничал с некоторыми кружками народников (чайковцы, долгушинцы), писал для них брошюры²².

Совсем кратко представления В.В. Берви о преобразовании российского общества в общем русле мировой цивилизации можно было бы охарактеризовать как стремление к гармонии классов, братству и основанной на них свободе, что, в первую очередь, и вызвало решительную критику Маркса.

С другой стороны, власти и органы цензуры в России также выступили с резкой критикой В.В. Берви, увидев в его статьях и книгах пропаганду социалистических идей²³. Но именно в это время, в 1870–1880-е гг., его влияние на общественную мысль в России, на мировоззрение народников было особенно велико. К концу XIX – началу XX вв. оно, естественно, ослабло вместе с угасанием народнических идей. Смерть Василия Васильевича в октябре 1918 г., в разгар революции и гражданской войны в России, осталась незамеченной, хотя он и сыграл весьма заметную роль в развитии русского революционного движения. Своими представлениями о решающей роли моральных принципов и необходимости гармонизации отношений как между отдельными людьми, так и между классами в обществе, В.В. Берви оказал воздействие на несколько поколений молодых людей.

¹ Энгельс Ф. Предисловие к третьему тому «Капитала» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 10.

² РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2576.

³ См. письма: Н.Ф. Даниельсон – Марксу, 30 сентября (12 октября) 1869 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М. 1967. С. 167–168; Маркс–Энгельсу, 23 октября 1869 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 302.

⁴ Там же. Т. 32. С. 572; Т. 33. С. 147.

⁵ Там же. Т. 32. С. 357–358.

⁶ Marx Karl, Friedrich Engels. Gesamtausgabe (MEGA). Bd. II/11. S. 391. 41–42.

⁷ Там же. Bd. II/14. S. 450–451.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 18. С. 393, 542.

⁹ Там же. Т. 16. С. 428.

¹⁰ Там же. Т. 32. С. 363–364, 549.

¹¹ В письме Марксу от 11 (23) мая 1871 г. Даниельсон сообщает о посылке этого недатированного письма Флеровского. См.: К Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 191–195, 196–197.

¹² Там же. С. 246–247, 753.

¹³ Добровольский Л.М. Запрещенная книга в России. М., 1962. С. 93.

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 428.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2576. Страницы книги 67, 289, 290, 395, 300.

¹⁶ Там же. Страницы книги 346-347.

¹⁷ Там же. Страницы книги 120, 151, 475, 480.

¹⁸ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса / Под ред. Д. Рязанова. Кн. 4. М.;Л., 1926. С. 355–423. О Берви-Флеровском см. с. 357, 368–369, 372–378. См. также: Рабинович М.Д. К. Маркс о В.В. Берви-Флеровском // Материалы по истории освободительного движения в России в период капитализма. М., 1974. С. 41–49.

¹⁹ Берви В.В. Воспоминания // Голос минувшего. М., 1915. № 6. С. 122, 160.

²⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 191–195.

²¹ Аптекман О.В. Василий Васильевич Берви-Флеровский. Л., 1925. С. 54-58.

²² Грищенко О.И., Емельянова Т.Н. В.В. Берви-Флеровский и его философские взгляды. Красноярск, 2008. С. 27-28.

²³ Аптекман О.В. Указ. соч. С. 58-59.

Л.Л. Васина

К. МАРКС И РОССИЯ

(к изданию выписок Маркса по социально-экономическому развитию России во второй половине XIX в. в издании МЭГА)

Аннотация. В статье анализируются выписки Маркса по экономике России в 1870-е гг., готовящиеся к публикации в Полном собрании сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЭГА). Дается информация об издании МЭГА. Показана связь выписок Маркса с выводами относительно перспектив развития России в конце XIX в.

Ключевые слова: Маркс и Россия, издание МЭГА, история России XIX в.

Тема «Маркс и Россия» многогранна. Степень ее разработанности в различных аспектах не в последнюю очередь определялась процессом освоения научного наследия Маркса и его публикацией. Историография данного вопроса берет начало с работ основоположника научного марксведения, первого директора Института К. Маркса и Ф. Энгельса при ВЦИК СССР Д.Б. Рязанова.¹ Его статьи, опубликованные в начале XX века, затрагивали вопросы, продолжающие волновать российскую общественную мысль и сегодня. Это – дипломатическая история России в контексте геополитических проблем XIX в., взаимоотношения Маркса с различными российскими политическими и общественными деятелями, прежде всего с такими знаковыми фигурами в истории общественной мысли России, как М.И. Бакунин и А.И. Герцен и др.

Начиная с создания в 1921 г. ИМЭ, публикация материалов научного и эпистолярного наследия Маркса, связанного с Россией, была приоритетной в СССР, и можно констатировать, что к 1991 г. большинство этих материалов было издано на русском языке. Однако процесс освоения опубли-

кованной части наследия Маркса по России и введения этих материалов в научный оборот остался далек от завершения. В российском общественном сознании сегодня доминируют представления о русофобии Маркса и Энгельса, их оценках «реакционности славян», особенно русских², а также идеи о непригодности теории Маркса для России. Наиболее популярными стали высказывания Маркса и Энгельса о России, относящиеся к 1850-м годам. Эти давно известные на Западе³ идеи некритически воспроизводятся некоторыми российскими историками, социологами и публицистами.

Базой нового объективного и целостного рассмотрения взглядов Маркса на Россию сегодня может быть только Полное издание произведений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (Marx-Engels-Gesamtausgabe, сокр. MEGA (нем.) / МЭГА). Начатое в конце 1960-х гг. в Москве и Берлине, оно с 1990 г. издается с участием ученых ряда стран (Германии, России, Дании, США, Японии) под руководством Международного Фонда К. Маркса и Ф. Энгельса. При этом на профессиональном уровне работают только два участника проекта – группы МЭГА в Берлинско-Бранденбургской Академией наук и в РГАСПИ. Оба учреждения, наряду с Амстердамским Международным институтом социальной истории (МИСИ) и Домом-музеем Карла Маркса в Трире (ныне Центр исторических исследований Фонда Фридриха Эберта), являются соучредителями МФМЭ. К настоящему времени из запланированных в 114 томов вышли в свет 67 томов, всего опубликовано 139 книг издания (текст и научно-справочный аппарат каждого тома до 2015 г. публиковались, как правило, в отдельных книгах).

Издание подразделяется на четыре отдела: **I отдел** (философские, экономические, исторические и политические сочинения, статьи и наброски), **II отдел** («Капитал» во всех авторизированных изданиях, а также все, прямо связанные с ним сочинения и рукописи, начиная с «Экономической рукописи 1857–1858 гг.»), **III отдел** (переписка Маркса и Энгельса, включая письма в их адрес), **IV отдел** (выписки из книг, черновые заметки и пометки на книгах).

В 2012 г. был завершён Второй отдел МЭГА. Таким образом, экономическое наследие Маркса, связанное с работой над «Капиталом», полностью опубликовано. Интенсивно продвигается работа по завершению I отдела – зоне ответственности ВВАН. Примерно на 40-50% проделана работа по изданию томов III и IV отделов. Начиная с 2017 г., Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса издается не в виде томов, а в электронном формате. Таким же образом будут издаваться и тома IV отдела. Именно этот отдел издания содержит значительное число неопубликованных и малоизвестных материалов, связанных с изучением Марксом России.

Данная тема проходит в нескольких томах МЭГА, наиболее компактно выписки Маркса по экономике России в пореформенное время представлены в томе IV/22. Работа над этим томом была в значительной степени

проделана еще во второй половине 1980-х годов, продолжена в 1990-е гг., но так и осталась незавершенной. В настоящее время данный том готовится к публикации в группе МЭГА в РГАСПИ.

Внутреннее развитие России становится для Маркса объектом специального изучения России лишь в конце 1860-х годов. Важную роль в этом сыграло общение Маркса по переписке с переводчиком «Капитала» на русский язык, экономистом-народником Н.Ф. Даниельсоном. Отношения с ним установились после получения Марксом письма Даниельсона от 18 (30 сентября) 1868 г. о намерении петербургского издателя Н.П. Полякова издать на русском языке первый том «Капитала». ⁴ Даниельсон сыграл наиболее значимую роль в снабжении Маркса русской экономической литературой. Он стал регулярно посылать Марксу различные русские книги и публикации после того, как в конце 1872 г. получил письмо Маркса, в котором тот писал: «Во втором томе «Капитала», в отделе о земельной собственности, я намерен заняться очень подробно ее русской формой» ⁵.

Переломным событием в изучении Марксом России явилось, как известно, получение в конце 1869 г. книги Н. Флеровского (В.В. Берви) «Положение рабочего класса в России» (Спб., 1869), присланной Марксу Даниельсоном. ⁶ Книга Флеровского побудила Маркса заняться изучением русского языка, именно с чтения этой работы началось исследование Марксом России по оригинальным русскоязычным источникам.

Цикл выписок, названных Марксом «Russica», представляет собой комплекс из восьми тетрадей с выписками по России, сделанными в основном в 1875-1876 гг. Именно этот цикл научных занятий Маркса имел в виду Энгельс в предисловии к третьему тому «Капитала»: «...Благодаря разнообразию форм земельной собственности и эксплуатации сельскохозяйственных производителей в России в отделе о земельной ренте Россия должна была играть такую же роль, какую играла Англия в книге I при исследовании промышленного наемного труда.» ⁷

Хронологически первой рукописью, отнесенной Марксом к циклу «Руссика», был конспект работы М.А. Бакунина «Государственность и анархия» (Часть 1) (Цюрих-Женева, 1873), сделанный, во всей вероятности, в 1874 г. К нему примыкают сделанные в начале 1875 г. выписки из трех статей из январского номера журнала «Знание» за 1874 г., в том числе статьи Н.И. Зиберы «Экономическая теория Маркса».

Основные выписки «русского цикла» были начаты Марксом осенью 1875 г. Возможно, обращению Маркса к материалам по России способствовало общение Маркса во время пребывания на курорте в Карлсбаде в сентябре 1875 г. с русским социологом и историком М.М. Ковалевским.

Центральной темой, проходящей через все восемь тетрадей цикла является исследование социального, экономического и политического развития

России после отмены в 1861 г. крепостного права. К середине 1870-х гг. со времени знаменитого Манифеста 19 февраля 1861 г. прошло почти 15 лет. Появились работы, в которых содержалась оценка их результатов.

Важной особенностью черновых рукописей Маркса о России является тот факт, что занятия Маркса данной темой не получили финального завершения. Поэтому при анализе этой части научного наследия очень важно проводить разграничение между идеями конспектируемого источника и взглядами самого Маркса, не принимая первое за второе.

Начало работе над основным комплексом цикла «Руссика» положило изучение в осенью 1875 г. сборника «Революционный консерватизм» (Берлин, 1875), в который входили статьи историка-славянофила Ю.Ф. Самарина и публициста Ф.М. Дмитриева по поводу книги генерала Р.А. Фадеева «Русское общество в настоящем и будущем (чем нам быть)», а также работ юриста и историка К.Д. Кавелина «Чем нам быть? Ответ редактору газеты «Русский Мир»» (Берлин, 1875) и славянофила А.И. Кошелева «Наше положение». Все три книги содержали острую критику социального и политического развития России в пореформенное время и по цензурным соображениям не могли быть напечатаны в России. Они вышли в августе 1875 г. в Берлине и сразу же оказались в личной библиотеке Маркса. Чуть позже Маркс законспектировал еще одну работу Кошелева «Об общинном землевладении в России» (Берлин 1875). Для Маркса знаменательным был тот факт, что критика положения в России после 1861 г. исходила от представителей правящего класса.

Затем Маркс законспектировал четвертый выпуск «Военно-статистического сборника» (Спб., 1871), который имелся в его личной библиотеке. Первые три выпуска этого издания энциклопедического типа содержали информацию о странах Западной Европы и странах, имевших общую границу с Россией. Небольшой раздел был посвящен Соединенным Штатам Америки. IV-й выпуск объемом почти 1200 страниц был целиком посвящен России и являлся своего рода энциклопедией о стране. Раздел «Землевладение», с которого Маркс начал изучение «Военно-статистического сборника» содержал данные о главных положениях Закона 1861 г. об освобождении крестьян из крепостной зависимости и дополнительных постановлениях, регулирующих положение отдельных категорий крестьянства в различных губерниях Российской империи. На основе раздела «Сельское хозяйство» Маркс зафиксировал распределение губерний Европейской России на девять групп (Северные, прибалтийские, польские, западные, центральные, черноземные, юго-западные, юго-восточные и южные губернии) в зависимости от почвенных, климатических и хозяйственных условий в каждой из них, отражавших особенности аграрного развития каждого региона. Затем он сгруппировал данные о распределении земли в

каждой группе в зависимости от ее хозяйственного назначения, подробно записывал данные о системах земледелия, урожайности хлеба, производстве различных видов сельскохозяйственной продукции в каждом регионе, дававших в совокупности исчерпывающую характеристику сельскохозяйственного производства в Европейской части России.

Раздел «Государственное устройство Империи» содержал подробную характеристику органов государственного управления и земских учреждений, а раздел «Территория и население» – информацию о плотности, половом составе, динамике, национальном составе, вероисповедании населения в различных регионах страны. Маркса также интересовали данные о распределении населения России по сословиям, соотношении городского и сельского населения, различия в распределении земельных наделов и повинностей крестьян-землевладельцев различных российских регионов.

Следующий блок выписок связан с изучением работ русского агрохимика и публициста, редактора первого русского специализированного «Химического журнала» А.Н. Энгельгардта, о которых Маркса информировал Даниельсон в своем письме от 10 (22) мая 1873 г. Речь шла о статьях «Дороговизна-ли рабочих рук составляет большое место нашего хозяйства?» и «Химические основы земледелия», опубликованных в журнале «Отечественные записки» в 1872-1873 гг. В работах Энгельгардта Маркса интересовали особенности обработки земли в различных регионах России, методы ведения земледелия, данные о применении агрохимической науки, а также описание положения и видов занятости русского крестьянина. Выписки из работы Энгельгардта дополняли изучение Марксом вопросов агрохимии, начатое еще в начале 1850-х гг. изучением работ известного английского агрохимика Дж.Ф. Джонстона и основателя агрохимии, немецкого ученого Ю. Либиха.

В начале декабря 1875 г. Маркс начал конспектировать книгу И.Ю. Патлаевского «Денежный рынок в России от 1700 до 1762 г.» (Одесса, 1868), однако эта работа была прервана и возобновилась только в феврале 1876 г.

Это было связано с получением из России Марксом в декабре 1875 г. от Даниельсона десяти томов 22-томного на тот момент издания так называемых «Трудов податной комиссии» (большинство томов вышло в нескольких частях). Посылая книги Марксу, Даниельсон писал: «Это – редкое издание, оно не предназначено для публики. Узнав ..., что Вы изучаете теперь экономическое положение России, я посылаю Вам 10 книг этих «Трудов» (а именно: важнейший XXII том). Но эти книги мне одолжили лишь на два-три месяца. ... В феврале, во всяком случае, я сообщу Вам, можете ли Вы задержать у себя эти книги еще на некоторый срок.»⁸

Маркс выполнил условие, поставленное Даниельсоном, и к февралю 1876 г. работа над этими материалами была завершена. Из присланных Да-

ниельсоном 10 книг Марксом были подробно законспектированы девять книг 22-томной коллекции «Трудов», изданных в 1870-1874 годах. Из «Трудов» Маркс получил разнообразный материал, характеризующий экономику и положение русского крестьянства в 1860-1870-е гг. Помимо сведений о землепользовании и землевладении, механизме и размерах выкупных платежей и подушной подати, показывавших увеличение налогового бремени для крестьян, Маркс приводит в тетрадах десятки таблиц (частью им самим составленных или определенным образом переработанных) по губерниям и уездам с данными о земельных наделах крестьян, аренде земли, доходности крестьянских хозяйств, ценах на землю, урожайности, количестве скота и пр. Он фиксировал различия в качестве земель и системах земледелия в различных регионах страны, выгодность приближенности земель к рынкам сбыта и прочие данные, важные с точки зрения выявления специфически русских условий образования дифференциальной ренты.

Отобранный Марксом в результате глубокой аналитической работы материал давал разнообразную картину развития сельского хозяйства в пореформенной России, свидетельствующей о социальном (классовом) содержании реформ и крайне тяжелом положении основной массы производителей России, занятых тяжелым низкооплачиваемым трудом, не обеспечивающим даже элементарных условий выживания, задавленных налогами и административным произволом. *«Крестьянин, возделывающий собственную землю, – писал Маркс, – не получает даже обычной заработной платы работника»*⁹. Маркс отводит в своих записях много места данным о налоговом обложении крестьян, возросшим после 1861 г., отсутствии какого-либо соответствия между налогами и доходностью крестьянских хозяйств, результатом чего были все возрастающая задолженность и разорение русского крестьянина.

Материалы цикла «Руссика» наряду с другими выписками Маркса по аграрным отношениям в России, сделанными в 1880–1882 гг., служили основой для выводов Маркса относительно характера и перспектив экономического развития России, которые он сделал в письме в редакцию «Отечественных Записок» (1877 г.), в письме В.И. Засулич от 8 марта 1881 г. и в «Предисловии ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии»¹⁰ «Если русская революция послужит сигналом пролетарской революции на Западе, так что обе они дополняют друг друга, то современная русская общинная собственность на землю может явиться исходным пунктом коммунистического развития» – полагали в 1882 г. Маркс и Энгельс.¹¹

Выводы Маркса в основном относились к первым двум десятилетиям после отмены крепостного права. Анализируя экономическое развитие России позднее, Энгельс писал о русской общине как «мечте о невозврат-

ном прошлом» и о безусловном развитии России по капиталистическому пути.

Исследование России представляло для Маркса научный интерес в том числе с точки зрения изучения превращения добуржуазных форм земельной собственности в капиталистическую, т.е. процесса первоначального накопления, или генезиса капитализма. Наряду с Россией Маркс во второй половине 1870-х гг. изучал историю общинного землевладения в Индии, его интересовали процесс возникновения земельной ренты в США, где земля первоначально не являлась частной собственностью и где, по крайней мере, формально, с самого начала господствовал буржуазный способ производства, а также азиатские формы земельной собственности. Эти проблемы были лишь частью разработки Марксом в последние годы жизни концепции всемирной истории. Таким образом, изучение Марксом России в разных аспектах необходимо увязывать с общим контекстом его научных занятий. Издание МЭГА не только предлагает обширный текстологический материал для изучения, но и показывает необходимость подхода к этим текстам в историческом и интеллектуальном контексте того времени.

¹ Rjasanoff N. Karl Marx über den Ursprung der Vorherrschaft Russlands in Europa. Kritische Untersuchung. Deutsch von A. Stein. Stuttgart: Dietz, 1909 (Ergänzungsheft. Nr. 5, 5. März 1909); Rjasanoff N. Marx als Verleumder // Die Neue Zeit. Stuttgart. 1910. Bd. XXIX. S. 278–286; Рязанов Д. Карл Маркс и русские люди сороковых годов // Современный мир. 1912. №№ 8, 9, 11, 12 (отдельным изданием работа вышла в Петрограде в 1918 г.); Rjasanoff N. Sozialdemokratische Flagge und anarchistische Ware // Die Neue Zeit. Stuttgart. 1913. Bd. XXXII. Tl. 1. S. 150–161, 226–239, 265–272, 320–333, 360–376; Рязанов Д. Анархистский товар под флагом марксизма (Маркс и Бакунин в 60-х гг.) // Очерки по истории марксизма. Т. 1. М., 1928. С. 321–408; Rjasanoff N. Bakuniana. I. Bakunin und Karl Marx. II. Bakunin und J.Ph. Becker. III. Programm der Allianz // Grünberg's Archiv. 1915. Jg. 5. S. 182–199; Рязанов Д. Англо-русские отношения в оценке К. Маркса. Петроград, 1918 (впервые опубликовано на немецком языке в 1909 г.).

² См.: Кара-Мурза С.Г. Маркс против русской революции. М.: Эксмо, Яуза, 2008.

³ The Russian Menace to Europe. By Karl Marx and Friedrich Engels. A Collection of Articles, Speeches, Letters and News Dispatches, sel. and ed. by P.W. Blackstock and B.F. Hoselitz. London, 1953. Marx contra Rußland. Der russische Expansionsdrang und die Politik der Westmächte. Berichte von Karl Marx als europäischen Korrespondent der „New York Daily Tribune“, 1853-1856. Hrsg. von J.A. Doetig. Aus dem Engl. von J. Peter. Stuttgart-Degerloch, Seewald, 1960; Marx versus Russia. New York, 1962.

⁴ Даниельсон Н.Ф., Любавин Н.Н. – К. Марксу, 30 сентября и 2 октября 1868 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. М., 1967. С. 158–159.

⁵ Маркс К. – Н.Ф. Даниельсону, 12 декабря 1872 // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 33. С. 458.

⁶ Даниельсон Н.Ф. – К. Марксу, 12 октября 1869 // К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия... С. 167–168.

⁷ К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. С. 10.

⁸ К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия... С. 324.

⁹ Маркс К. Конспект трудов // Архив Маркса и Энгельса. Т. XIII. М.: 1955. С. 102.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 116–121, 250–251, 304–305, 400–421.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Предисловие ко второму русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии» // Там же. С. 305.

УРАЛЬСКИЕ ЧИТАТЕЛИ КАРЛА МАРКСА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Аннотация. В статье на основании делопроизводственной документации книгохранилища и «читательских следов» на сохранившихся книгах Свердловской областной универсальной научной библиотеке им. В.Г.Белинского (СОУНБ) реконструируются практики чтения книг К. Маркса в конце XIX – начале XX вв. в Екатеринбурге.

Ключевые слова: история чтения, распространение марксизма, личные библиотеки, общественные книжные собрания, история Свердловской областной универсальной научной библиотеке им. В.Г. Белинского (СОУНБ).

Изучение уральских читателей К. Маркса позволяет расширить и конкретизировать представления о распространении идей основоположника научного коммунизма «вширь» и усвоении ее «вглубь». Кроме делопроизводственной документации (библиотечные каталоги и отчеты), обратимся к эго-документам. К этому виду исторических источников мы относим свидетельства прочтения: пометы, записи и другие уникальные следы бытования. В Свердловской областной универсальной научной библиотеке им. В. Г. Белинского (далее – СОУНБ) сохранилось 29 экземпляров книг К. Маркса (19 – из личных библиотек, 10 – общественных книжных собраний). Изданные в 1872–1917 гг., они позволяют представить способы приобретения книжной продукции, познакомиться с владельцами и выяснить, что их интересовало, и как они понимали работы Маркса.

Среди сохранившихся книг лишь три изданы в XIX в. (первый том «Капитала» (1872) и два экземпляра «Критики некоторых положений политической экономии» (1896)), остальные – в начале XX в. (6 экземпляров – 1905 г. издания, 9 – 1906 г., по 5 – 1907-го и 1917-го, 1 – 1914-го).

На трех книгах есть указания, что они приобретены в екатеринбургских книжных магазинах (об этом свидетельствуют марки книгопродавцов в виде штампа на титульных листах). Брошюра «Общественные классы и коммунизм» (СПб., 1905) была куплена для СОУНБ в книжном магазине В. О. Куреньщикова. По воспоминаниям екатеринбуржцев, в этом магазине можно было приобрести революционные брошюры, которые активно предлагала (особенно учащимся) сотрудница – Клавдия Тимофеевна Новгородцева, будущая жена Якова Свердлова¹. Читатели, возможно, и не догадывались, что в действительности они читают «Манифест коммунистической партии» без введения и последней главы². Заметим, что в книге сохранились многочисленные следы прочтения: подчеркивания отдельных слов и выражений, выделение целых абзацев. Еще два издания были ку-

плены Е.М. Кремлевой: «Кельнский процесс коммунистов» (1906) в книжном магазине А. Клушиной, «Классовая борьба во Франции» (1905) – у В.О. Куреньщикова. Остальные 26 экземпляров не имеют свидетельств о способах приобретения. Вероятней всего, большая часть книг была получена благодаря услуге «книга почтой»³.

Экземпляры из личных книжных собраний представим в хронологическом порядке выхода изданий. Десять экземпляров принадлежали 7 владельцам, девять – атрибутировать не удалось, т. к. утрачены титульные листы и переплеты, не сохранилось никаких владельческих признаков, но в тоже время нет и штампов общественных библиотек. В СОУНБ эти издания поступили в 1920-х гг. (есть штемпель «1928 г. оценочный»).

Первый том «Капитала», вышедший в 1872 г., принадлежал М.К. Кетову, о чем свидетельствуют суперэкслибрис в виде оттиска на корешке инициалов «М.К.» и запись чернилами на авантитуле «Из книг М.К. Кетова». Внешний вид книги выдает респектабельность владельца и его серьезное отношение к своей библиотеке (на титульном листе есть запись: «№ 218», по-видимому, порядковый номер издания в собрании). У тома кожаный корешок, украшенный накладкой, и обтянутые материей крышки переплета. Переплетчики, работавшие в Екатеринбурге, «одевали» издания на любой вкус и кошелек, но таких материалов не использовали⁴. Михаил Константинович Кетов, коллежский ассessor, служивший в окружном суде, был одним из членов дружеского кружка, который сформировался вокруг Д.Н. Маминна-Сибиряка и его гражданской жены М.Я. Алексеевой в 1878 – 1879 гг.⁵ И после отъезда писателя в Санкт-Петербург в 1891 г. М.К. Кетов состоял в переписке с ним. Михаил Константинович, вероятно, был выпускником одного из столичных университетов или ближайшего к Екатеринбургу Казанского, раз имел такой чин и должность. В фонде СОУНБ есть и другие книги из его библиотеки, ярко характеризующие круг чтения уральского юриста. Например, труд французского журналиста и революционера, участника Парижской коммуны Вермореля Огюста Жан Мари «Деятели 1851 года: история президентства и основания Второй империи» (1870).

Экземпляр «Критики некоторых положений политической экономии» (1896) принадлежал Гавриленко Константину Михайловичу (экслибрис в виде штампа на титульном листе). К.М. Гавриленко внимательно прочитал этот труд К. Маркса. Особый интерес читателя вызвали рассуждения автора о труде; отмеченными оказались такие предложения: «Если здесь вместо выражения “труд” подставить выражение “реальный труд”, то сейчас же откроется смешение труда в одной форме с трудом в другой» и «Противоположность между реальным полезным трудом и трудом, составляющим источник меновой ценности, волновала Европу в течение XVIII столетия в форме вопроса: какой особый род реального труда составляет источник буржуазного богатства?»⁶

Елизавета Михайловна Кремлева, владелица личной библиотеки и заведующая СОУНБ в 1901–1922 гг.⁷, активно приобретала социал-демократическую литературу, но не читала ее (большая часть сохранившихся изданий с неразрезанными страницами). Так, только за 1905 год она купила более тысячи брошюр. Дело в том, что кроме экслибриса-штампа Е.М. Кремлева ставила порядковый номер книг своей библиотеки (так, наименьший номер на книгах 1905 года издания – 10 297, а номер 11 379 стоит уже на книге, изданной в 1906 г.). Тратя значительные суммы из своей скромной библиотечной зарплаты, она оставила непрочитанными и 4 брошюры К. Маркса: в двух вариантах Манифест коммунистической партии («Буржуазия, пролетариат и коммунизм» и «Капитализм и коммунизм» (1905), «Классовая борьба во Франции» (1905) и «Кельнский процесс коммунистов» (1906)⁸.

Экземпляр Манифеста (1906), принадлежавший Шукову, не только оказался весь испещрен пометами, но и сохранил на полях записи: римскими цифрами пронумерованные основные положения. Использование римских цифр выдает человека образованного, отсутствие экслибриса – человека, возможно, не очень обеспеченного. Дополняют эту характеристику «скрещенные линии» карандашом на полях напротив абзаца «Буржуазия сыграла в истории в высшей степени революционную роль»⁹.

Работа К. Маркса «К еврейскому вопросу» (1906) принадлежала Николаю Федоровичу Новикову (на обложке чернилами подпись «Н. Новиков»). В фонде ОРК имеются другие издания социал-демократической литературы из библиотеки¹⁰ поэта, прозаика, драматурга и журналиста. Исключенный за политические выступления студент Казанского университета Н.Ф. Новиков обосновался в Екатеринбурге, сделал успешную карьеру на писательской ниве, ушел добровольцем на фронт и погиб в 1916 г.¹¹.

Владельцем экземпляра первого тома «Литературного наследия», которое с 1907 года начало печатать московское издательство «Мир» и открывшее его публикацией трудов К. Маркса и Ф. Энгельса, был Яков Григорьевич Россомахин. Яков Григорьевич, златоустовский мещанин, проживавший в Верх-Исетском заводе (сейчас один из районов Екатеринбурга), был членом ревизионной комиссии в «Обществе взаимного вспоможения приказчиков г. Екатеринбурга» и председателем Уральской биржевой артели. В 1903–1904 гг. приобрел значительное количество книг из Общедоступной библиотеки Митрофана Алексеевича Водяникова, когда она прекратила свою деятельность. Были среди книг Россомахина и книги из коммерческой библиотеки В.И. Бабинова¹². На экземпляре «Литературного наследия» есть владельческая запись «Мусанов». Видимо, Я.Г. Россомахин собирал свою библиотеку, приобретая издания у других владельцев по сниженным ценам. Экслибрис-штамп проставлен на всех 400 страницах книги. Возможно, Яков Григорьевич прочитывал и так отмечал прочитанные страницы.

Из 10 экземпляров книг Маркса в общественных книжных собраниях только три всегда были в фонде СОУНБ, хотя, согласно отчетам за 1899–1914 гг. в библиотеке в разные годы было от 3 до 35 экземпляров книг К. Маркса¹³. До 1902 г. это два тома «Капитала» (1885–1893) и «Критика некоторых положений политической экономии» (1896)¹⁴. Отчеты СОУНБ демонстрируют, что интерес читателей к произведениям К. Маркса почти всегда соответствовал подъему общего интереса к социально-политической литературе. Наибольшее количество выданных в 1905–1907 гг. экземпляров книг К. Маркса, как показывают подсчеты, соответствуют максимальным показателям выдачи изданий из раздела библиотечного фонда «Общественно-политические науки» в эти же годы. В рейтинге среди других авторов этого раздела К. Маркс занимал третье место (77 книговыдач) в 1906 г. (после К. Каутского – 287 книговыдач и А. Бебеля – 104), четвертое – в 1912-м (9 книговыдач) и 1913-м (12 книговыдач), пятое – 1914-м (10 книговыдач). Повышение книговыдач кроме интереса, связано и с увеличением количества томов произведений К. Маркса в библиотеке. Так, если в 1902 г. томов было 3, то через десятилетие – уже 35(!). И этот показатель напрямую связан с читательским спросом. В годы первой русской революции, как отмечал попечительский комитет библиотеки, «поднялся спрос на научную книгу»¹⁵, и были приобретены книги наиболее спрашиваемых авторов (в 1911 г. книг К. Каутского было 68, К. Маркса – 35, М. Ковалевского – 33, Ф. Энгельса – 18, Э. Бернштейна – 16, А. Бебеля – 10).

Наибольший интерес, судя по читательским пометам (разный цвет чернил, карандашных помет и почерков), вызывал экземпляр «Классовой борьбы во Франции в 1848–50 гг.» (1906). Примечательно, что первые читатели исправили опечатки и ошибки этого издания. Например: «... равно как объяснить, что отдельные политические партии суть не что иное, что...», исправлено на «ни» на полях. «Июльская монархия была не чем иным, акционерным обществом для эксплуатации французского национального богатства», исправлено на «ни» на полях. Такого рода записи характеризуют не только читателей, но и издателей. В годы Первой русской революции, рассчитывая на магию имен, издатели публиковали десятки работ А. Бебеля, К. Каутского, К. Маркса, Ф. Лафарга, В. Либкнехта, Ф. Энгельса и других лидеров европейской социалистической публицистики¹⁶. Низкая квалификация переводчиков, поспешность и небрежность переводов вынуждала читателей самим исправлять явные ошибки.

В «Классовой борьбе» Маркс дает по дням описание происходивших в 1848 г. революционных событий во Франции. На полях (для облегчения конспектирования или прочтения последующими читателями) написаны даты событий, о которых идет речь в абзаце. Четкими прямыми линиями подчеркнут текст, где речь как будто идет не о далеком 1848-м, а о современ-

ном читателе, возможно, 1917-м: «Февральская республика была завоевана рабочими при пассивном способствовании буржуазии» (с. 55); «С другой стороны, друзья порядка были бы вынуждены сделать уступки правительству, одержавшему победу над «анархией», иначе их самих пришлось бы причислить к анархистам» (с. 141). На полях запись «наши КД» (партия конституционных демократов – прим. О.М). Один из читателей этого труда Маркса подчеркнул абзац, касающийся «экономического термометра» революции и «ее творческих сил» (с. 44). Читательских «высказываний» в этом издании множество, они заслуживают отдельной публикации¹⁷.

«Нищета философии» (1905), приобретенная для «Центральной библиотеки Пермской железной дороги» (находилась в Екатеринбурге), осталась почти неразрезанной, исключение составила глава «Стачки и коалиции рабочих», страницы которой не разрезали, а разорвали. Железнодорожники были активными участниками революционных выступлений 1905–1906 гг. и, возможно, у Маркса искали необходимых слов для агитационных брошюр и листовок. В допросах организаторов забастовки на железнодорожной станции в Екатеринбурге в декабре 1905 г. упоминаются «гектографированные рукописные брошюры»: «Проект и программа Партии социалистов революционеров» (издательство Роменской группы П.С.Р., 1905). При аресте активного участника железнодорожной забастовки старшего стрелочника С.И. Бахтеева были найдены брошюры: «Шире дорогу Свободная Россия идет», «Восходит новый день над царством тишины», «Устав Всероссийского железнодорожного союза» и др.¹⁸ Активно читались в этой библиотеке «Манифест Коммунистической партии» и «Первый манифест международного товарищества рабочих» (1917). В изданиях сохранились многочисленные следы прочтения (точками выделены предложения, карандашом подчеркнуты слова и целые абзацы).

В 1872 г. после выхода русского перевода «Капитала» Н.Ф. Даниельсон сообщил К. Марксу, что цензурный комитет, пропустив его сочинение, думая, что его никто не станет читать («принимая во внимание, что изложение отнюдь не может быть названо общедоступным»), глубоко ошибся, т.к. за две недели было продано 30% из трехтысячного тиража¹⁹. Кроме того, переводчик «Капитала» сообщал, что «большая часть журналов и газет поместила рецензии о книге. Все без исключения отзываются о ней хорошо»²⁰. Сочувственное отношение и интерес к учению Маркса в среде ученых-экономистов в годы Первой русской революции «исчезли»²¹, изменилось и отношение властей. Отдельные произведения К. Маркса, вышедшие после 1905 г., были арестованы и запрещены к распространению²². Но, несмотря на цензурные притеснения и критические высказывания, книги по теории и практики марксизма находили своих читателей. «И легальный, и подпольный марксизм широко и энергично распространялся по России», – подчеркивал М.М. Карпович²³.

Сохранившиеся издания в СОУНБ подтверждают приведенный выше тезис, но при этом свидетельствуют, что определенная группа читателей, расширяя круг чтения работ Маркса и Энгельса, сталкивалась с трудностями в освоении фундаментальных трудов теоретика коммунизма; исключение, по-видимому, составляла работа «Манифест коммунистической партии». В то же время, благодаря высокому образовательному цензу, ряд уральских читателей вполне успешно осваивали фундаментальные и объемные тома «Капитала», как и другие, не менее сложные для понимания произведения К. Маркса.

¹ Удинцев Б.Д. «Образы прошлого теснятся предо мною...»: (Воспоминания о Д.Н. Мамине-Сибиряке, родственных семьях, «о времени и о себе»). Нижний Тагил, 2002. С. 47.

² Сведения установлены по Генеральному каталогу Российской национальной библиотеки (ГАК РНБ).

³ Подробнее см.: Морева О.В. Почтово-посылочная книжная торговля во второй половине XIX – начале XXв.: законодательство и организация // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2012. № 2. С. 100–106. То же: [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17722566>

⁴ Подробнее см.: Устьянцева М. Выставка «Переpletные мастерские Екатеринбурга конца XIX – начала XX веков»: [Электронный ресурс]. URL: <http://book.uraic.ru/uralkp/center/news/news-110.html>

⁵ Митрофанова Л. Д.Н. Мамин-Сибиряк в контексте литературной, общественной и культурной жизни Урала 1880-х гг. // Урал. 2007. № 11. С. 179.

⁶ Маркс К. Критика некоторых положений политической экономии / пер. с нем. П.П. Румянцева; под ред. [и с предисл.] А. А. Мануилова. М., 1896. С. 31, 32.

⁷ Подробнее о Е.М. Кремлевой см.: Рябухина В.И. Два капитана одного корабля: [директора СОУНБ им. В.Г. Белинского Е. Кремлёва и Е. Григорьева] // Библиотека. 2015. № 1. С. 57–61; Устьянцева М. «В полном смысле слова... отдала библиотеке всю свою жизнь»: Елизавета Михайловна Кремлева: [Электронный ресурс]. URL: <http://book.uraic.ru/uralkp/center/exhibition/kremleva.html>

⁸ Заметим, что из 29 сохранившихся экземпляров 8 с неразрезанными страницами.

⁹ Манифест Коммунистической партии / с предисл. К. Маркса и Ф. Энгельса; полн. пер. с нем. В. А. Поссе. [СПб.], 1906. С. 21.

¹⁰ См., например: Прокопович С.Н. Длина рабочего дня по русскому законодательству. Ростов-на-Дону, 1905. 28 с.; Бебель А. Антисемитизм и коллективизм в Германии. СПб., 1905. 32 с.

¹¹ Екатеринбург: энцикл. Екатеринбург, 2002. С. 396.

¹² Белобородов С.А. Книжные собрания дореволюционного Екатеринбурга. Частные библиотеки общественного пользования // Библиотеки Урала. XVIII–XX вв. Вып. 4. Екатеринбург, 2007. С. 15.

¹³ Отчет Екатеринбургской публичной общественной библиотеки им. В.Г. Белинского за ... 1899/1900–1913/1914 гг. Екатеринбург, 1900–1917.

¹⁴ Каталог Екатеринбургской публичной общественной библиотеки имени В.Г. Белинского. Екатеринбург, 1902. С. 52–53.

¹⁵ Отчет Екатеринбургской публичной общественной библиотеки им. В.Г. Белинского за 8-ой год существования. Екатеринбург, 1907. С. 3.

¹⁶ Кельнер В.Е. Очерки по истории издательской деятельности народнических и демократических партий и организаций, 1895–1917 гг. СПб., 2014. С. 4.

¹⁷ Подробнее о социальном статусе, профессиональных, возрастных и гендерных характе-

ристиках читателей СОУНБ см.: Морева О.В. Читатели «Белинки» на рубеже XIX–XX вв. // Чтение в XXI веке: традиции и тенденции: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 29–30 мая 2014 г.). Екатеринбург, 2014. С. 109–121.

¹⁸ ГАСО. Ф. 185. Оп. 1. Д. 45. Л. 462, 468.

¹⁹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. Изд. 2-е, исправ. М., 2010. С. 62.

²⁰ Там же.

²¹ Воровский В. В. Личность Карла Маркса. К истории марксизма в России. Москва, 2012. С. 29.

²² См.: Боднарский Б.С. Справочный указатель книг и журналов, арестованных с 17 октября 1905 г. по 1 января 1909 г.: издание неофициальное / под ред. инспектора книгопечатания и кн. торговли в г. Москве П.И. Бернова. [Москва: типография Товарищества И.Д. Сытина, 1909]. 160 с.

²³ Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). М., 2012. С. 266.

П.И. Талеров

БАКУНИН И МАРКС НА ПУТИ К РАЗРЫВУ: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена историографии взаимоотношений К. Маркса и М. Бакунина. На протяжении без малого полутора веков эта тема не теряет своей актуальности у отечественных и зарубежных исследователей. Причина конфликта кроется не столько в личностных противоречиях двух идеологов революционного движения, сколько в направленности их мышления.

Ключевые слова: К. Маркс, Ф. Энгельс, М.А. Бакунин, коммунизм, анархизм, народничество, Первый Интернационал, революционное движение.

Тема разрыва Карла Маркса и Михаила Бакунина не нова: о ней писали, начиная с середины XIX в., достаточно много и подробно¹. Не теряет она своей актуальности и сегодня. Дело в том, что это был не просто личностный конфликт между двумя харизматическими людьми, хотя и представителей двух разных наций, а противостояние двух разных подходов в революционном движении, двух различных идеологий. С этим конфликтом удивительным образом связалась судьба не только Международного товарищества рабочих – I Интернационала, – но и дальнейшие пути развития как европейской, так и российской цивилизации. Именно тогда, в самом начале 1870-х гг., сформировалась теория и практика русского народничества, через которое в своем развитии прошло русское революционное движение. Молодежь, бросившаяся в народ, чтобы найти в нем смысл бытия и стимул дальнейшего освобождения и процветания, разочаровавшись, стала искать более радикальные приемы борьбы с ненавистным самодержавием. В расколе «Земли и воли» можно тоже увидеть отголосок раскола Интернационала. Однако радикализм «Народной воли» не принес успеха:

насилие одиночек привело лишь к усилению насилия власти. К жизни оказалась востребованной жестко регламентированная политическая партия по марксистскому образцу (РСДРП). Однако борьба различных взглядов и течений в русском революционном движении не завершилась. Разделение-размежевание российской социал-демократии на большевиков и меньшевиков – еще один разрыв в нашем историческом прошлом. И в дальнейшем все катаклизмы начала XX в. в России с нарастающим насилием, революциями и войнами лишь усиливали противостояние до тех пор, пока не установилась монополия одной партии, на долгие годы вставшей во главе русского государства. Был ли возможен иной, более демократический и менее кровавый сценарий проведения социальных преобразований в нашей стране? Споры об этом среди специалистов не утихают и поныне. Но вряд ли могло быть что-то иначе: сценарий событий был как бы сверстан еще на генетическом уровне, заложен теми давними событиями середины XIX в.

Историю конфликта К. Маркса и М. Бакунина большинство исследователей прослеживают, начиная с высказываний самих главных действующих лиц, справедливо считая, что личные качества сыграли здесь не последнюю роль. И хотя причина противостояния была, главным образом, в направленности мышления обоих знаменитых социалистов – в различии их отношения к роли славянства и других малых народов и племен в европейском революционном процессе, «разногласия в мнениях между Марксом и Бакуниным по такому великому современному вопросу должны были иметь такое огромное практическое значение, по сравнению с которым их взаимные личные антипатии потеряли бы всякую важность и значение, если бы они не повели <...> к легковерному принятию одной стороной всевозможных политических подозрений против другой»². Известно предубеждение основоположников марксизма к русским и всем малочисленным славянским народам, которых квалифицировали как контрреволюционные из-за их стремления к национально-освободительному движению в ущерб общему развитию цивилизации. Подвергая бакунинское «Воззвание к славянам русского патриота» резкой критике в «*Neue Rheinische Zeitung*» в феврале 1849 г., ими было откровенно заявлено: «кроме поляков, русских и, самое большее, турецких славян, ни один славянский народ не имеет будущего по той простой причине, что у всех остальных славян отсутствуют необходимые исторические, географические, политические и промышленные условия самостоятельности и жизнеспособности». И далее: «Народы, которые никогда не имели своей собственной истории, которые с момента достижения ими первой, самой низшей ступени цивилизации уже подпали под чужеземную власть или лишь при помощи чужеземного ярма были насильственно подняты на первую ступень цивилизации, нежизнеспособны и никогда не смогут обрести какую-либо самостоятельность». Речь должна

идти не о «братском союзе всех европейских народов под одним республиканским знаменем, а о союзе революционных народов против контрреволюционных»³. Такой подход и стал камнем преткновения в отношениях бакунистов и марксистов.

Историография проблемы «Бакунин и Маркс» весьма обширна⁴. К этой теме с самого начала обратились участники и свидетели конфликта, занявшие позиции с обеих сторон. Отдельные свидетельства и оценки можно встретить как в переписке К. Маркса, Ф. Энгельса, Н.И. Утина, других членов Русской секции Интернационала, так и в работах М.А. Бакунина, Д. Гильома⁵, М. Неттлау⁶, М.П. Сажина (Армана Росса)⁷, З.К. Ралли-Арборе⁸ и других сторонников бакунизма. К этой же группе источников нужно отнести документальные свидетельства, вошедшие в три тома материалов Базельского и Гаагского конгрессов I Интернационала⁹. Сюда, в частности, вошла и часть вышеупомянутой переписки.

Начало XX в. ознаменовалось появлением новых работ по этой теме как на Западе (Э. Бернштейн¹⁰, Г. Лагардель¹¹, Ф. Меринг¹² и др.), так и в России (А.А. Корнилов¹³, Д.Б. Рязанов¹⁴, В.П. Полонский¹⁵, Ю.М. Стеклов¹⁶ и др.).

Исследования в Советском Союзе, начиная с середины 1920-х гг., становятся всё более ориентированными на марксистско-ленинскую идеологию, установки выведенной из-под критики правящей партии коммунистов, наполняются стереотипными штампами, ярлыками и эклектикой¹⁷, что, в принципе, относится не только к рассматриваемой теме. Работы, отстаивавшие правоту К. Маркса и Ф. Энгельса в их борьбе с анархизмом М.А. Бакунина и его сторонниками публиковались и выносились на защиту в качестве диссертационных¹⁸. Авторы основанных на ограниченном круге источников «доброкачественных марксистских исследований» не осуществив необходимого глубокого и всестороннего анализа причин и последствий конфликта, резко критикуют работы своих предшественников и характеризуют Бакунина как склонного к эффектным жестам и саморекламе авантюриста и интригана, совершающего судорожные скачки в политике и беззастенчиво попирающего волю и взгляды самых ближайших своих сторонников¹⁹ – по всей видимости, основоположников марксизма, разоблачавших выверты анархиста Бакунина и двигавших дальше марксистскую науку²⁰.

Более сдержанные оценки этого конфликта появляются в нашей стране лишь в начале 1970-х гг. и связаны, прежде всего, с исследованиями Н.М. Пирумовой²¹, М.И. Михайлова²², В.А. Твардовской и Б.С. Итенберга²³. В этих работах говорится о первоначальном влиянии на Бакунина марксистских идей (материализма и атеизма Маркса, его политической экономии), но в дальнейшем сформировавшим «революционно-демократические, мелкобуржуазные по своей классовой сути» взгляды и постепенном отходе от классовых теорий Маркса. Это стало причиной непонимания Ба-

куниным той «роли, которую было призвано сыграть Международное товарищество рабочих в становлении самостоятельного рабочего движения»²⁴ и, в конечном счете, углубления конфликта и раскола. В подготовленной, но не опубликованной И.С. Книжником-Ветровым статье «М.А. Бакунин и Парижская Коммуна 1871 г.» автор приходит к выводу, что хотя Бакунин высоко ценил Интернационал как организацию, «долженствующую подготовить в массах и возглавить социальную революцию», однако сам не был склонен ждать наступления революции, а старался «провоцировать на нее Интернационал» путем организации внутри его своей собственной тайной группы – «Альянса». При этом Бакунин не понимал, что преждевременно устроенная социальная революция непременно приведет к разгрому Интернационала²⁵.

Одновременно в эти годы на русском языке выходит сокращенный перевод книги руководителя фракции ФКП во французском сенате Жака Дюкло «Бакунин и Маркс: Тень и свет»²⁶, полностью посвященной истории взаимоотношений и конфликта К. Маркса и М. Бакунина и в целом отразившей апологетику марксистских оценок негативной роли последнего в европейском революционном движении. По мнению автора, Бакунин, в жизни которого было много тени и который «не оставил живого учения, способного развиваться», проповедовал такую форму организации, которая «фактически отрицала всякую организованность, создавая все условия для разгула индивидуализма», и таким образом разоружал рабочий класс в его борьбе против эксплуататоров²⁷.

Горбачёвские «перестройка» и «новое мышление» второй половины 1980-х гг. раскрепостили научные изыскания, дав возможность отечественным исследователям отойти от директивных установок идеологов КПСС и под другим углом взглянуть на сложные общественно-политические события прошлого. И у нас, хотя кто-то и продолжал отдавать дань сложившимся стереотипам²⁸, появились слова сочувствия и даже поддержки позиции М.А. Бакунина и его сторонников в вековой давности конфликте. В последней работе уже упомянутой Н.М. Пирумовой «Социальная доктрина М.А. Бакунина» утверждается, что раскол Интернационала был вызван «исключением по ложному обвинению Бакунина, организованным Марксом», но это исключение не ослабило влияния Бакунина в тех странах, которые шли в фарватере бакунизма, а в России 1870-х гг., «стране с неразвитыми классовыми противоречиями капиталистического общества, бакунизм сыграл в целом крупную роль в развитии революционного движения»²⁹.

Новый век и новое тысячелетие открыли новую страницу в изучении исторической проблемы. Нам сложно судить и давать объективные оценки событиям тех далеких лет, но высказать свою позицию, исходя из нако-

пленного народом за эти годы опыта и социально-политических интересов сегодняшнего дня, вполне возможно и нужно.

Опыт буржуазной реставрации 1991 г. возбудил особый интерес к критике Бакуниным марксовской теории пролетарской революции. Аргументация Бакунина против этого учения оказывается исторически подтвержденной: «народные представители быстро превращаются в самодовлеющую бюрократическую корпорацию». Диктатура же может «породить и воспитать в народе только рабство», – считал Бакунин, точно характеризуя патерналистский характер социалистического государства³⁰. Итогом необъявленной кампании интриг и клеветы, организованной со стороны марксистской части Интернационала, стало «устранение идейной оппозиции, достижение единомыслия во всех его частях»³¹. Такая и в дальнейшем широко применяемая тактика под иезуитским девизом «цель оправдывает средства» не могла не отразиться на дальнейшей судьбе не только Интернационала, но и всего революционного движения. Трудно представить, что было бы, если Бакунин одержал верх в Интернационале, но вряд ли анархистская теория смогла бы реально осуществиться. Для этого мало искреннего желания освобождения человечества, сами условия окружающей действительности направляют его судьбу по особому, никому не ведомому, пути. Сегодня среди марксистов всё чаще можно встретить «достаточно критично относящихся к наследию своих идеологов», что в известной степени сближает их с современными анархистами. Последние же, также не лишённые внутренних споров «по разного рода тактическим и теоретическим вопросам, в своей массе продолжают антиавторитарную традицию Первого Интернационала. Причем анархистским авторам отнюдь не чуждо изучение марксизма»³².

Среди современных исследований рассматриваемой проблемы особо следует отметить объемную монографию немецкого ученого В. Экхардта, вышедшую на немецком и английском языках³³. С привлечением большого массива документальных материалов автор достаточно убедительно повествует о сложных взаимоотношениях как между К. Марксом и М. Бакуниным, так и представителями различных направлений европейского революционного движения второй половины XIX в. Исследователь приходит к неутешительному выводу о том, что, если бы Маркс и Энгельс *«не пытались изгнать современных им социалистов с помощью организационных и идеологических средств, то расслоение социализма на социал-демократию, коммунизм и анархизм в последней трети XIX в., возможно, произошло бы с меньшими противоречиями и более прозрачно»*. Однако такая упущенная возможность и ныне приводит к тому, что история различных социалистических движений «затушевывается полемически-идеологическим бросанием грязи в оппонентов»³⁴.

¹ См.: Талеров П.И. Жизнь и творчество Бакунина в научных исследованиях // Классический анархизм в теории и практике российского революционного движения. 1860-е – 1920-е гг.

- СПб., 2016. С. 389–410; К. Маркс и М. Бакунин: [Библиография] / Сост. Я. Розанов // Под знаменем марксизма. 1926. № 9/10. С. 202–210.
- ² Бернштейн Э. Карл Маркс и русские революционеры. [Харьков], 1923. С. 21–22.
- ³ Энгельс Ф. Демократический панславизм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 6. С. 294. Курсив автора.
- ⁴ См.: Анархизм в истории России: от истоков к современности: Библиографический словарь-справочник / Авторы-сост. В.Д. Ермаков, П.И. Талеров. СПб., 2007. 724 с.
- ⁵ Гильбом Д. Интернационал: (Воспоминания и материалы. 1864–1878 гг.): В 2 т. Пб.; М., 1922. 322 с.; Его же. Карл Маркс и Интернационал. Пб.; М., 1920. 131 с.
- ⁶ Неттлау М. Жизнь и деятельность Михаила Бакунина. Пб.; М., 1920. 99 с.
- ⁷ Сажин М.П. (Арман Росс) Воспоминания: 1860–1880-х гг. / С предисл. Вяч. Полонского. [М.], 1925. 144 с.
- ⁸ Ралли-Арборе З.К. Из моих воспоминаний о М.А. Бакунине // О минувшем: Исторический сборник. [СПб.], 1909. С. 287–352.
- ⁹ Интернационал. Базельский конгресс Первого интернационала: 6-11 сент. 1869 г. [М.]; [Л.], 1934. XXVII, 189 с., 2 с.; Документы Первого Интернационала. Гаагский конгресс Первого Интернационала. 2–7 сент. 1872 г. Протоколы и документы. М., 1970. XII, 676 с.; Документы Первого Интернационала. Гаагский конгресс Первого Интернационала. 2–7 сент. 1872 г. Отчеты и письма. М., 1972. XVI, 606 с.
- ¹⁰ Бернштейн Э. Карл Маркс и русские революционеры. [Харьков], 1923. 74 с.
- ¹¹ Лагардель Г. Маркс и Бакунин: (По новым документам) // Заветы. 1913. № 2. Отд. II. С. 44–64; № 3. Отд. II. С. 1–14.
- ¹² Меринг Ф. Карл Маркс: История его жизни. Пб., 1920. VI, 442 с.
- ¹³ Корнилов А. А. Годы странствий Михаила Бакунина. Л.; М., 1925. 587, [4] с.
- ¹⁴ Рязанов Д.Б. Очерки по истории марксизма. 2-е доп. изд. В 2 т. М.; Л., 1928. Т. 1. VII, 464 с.; Т. 2. 424 с.
- ¹⁵ Полонский В.П. Маркс и Бакунин: (Из истории революционной борьбы) // Путь. 1919. № 2 (март–апрель). С. 29–34; Его же. Бакунин в I Интернационале // Историк-марксист. 1926. Т. 2. С. 5–43.
- ¹⁶ Стеклов Ю.М. Маркс и Бакунин // Просвещение. 1914. № 5. С. 17–30; № 6. С. 15–25; Его же. Михаил Александрович Бакунин: Его жизнь и деятельность, 1814–1876: [В 4 т.] Т. 1–4. М., 1926–1927.
- ¹⁷ См., напр., работы: Абрамович О. Борьба Маркса и Энгельса с анархизмом-бакунизмом // Проблемы экономики. 1941. № 1.С. 150–153; Апресян З.Г. Маркс и Энгельс против Бакунина: проблемы молодежи // Молодой коммунист. 1979. № 8. С. 47–58; № 9. С. 63–74; № 10. С. 49–58; Бах И.А. Борьба Маркса и Энгельса в I Интернационале за единство действий международного пролетариата // Новая и новейшая история. 1964. № 5. С. 17–28; Ерофеев С.И. Критика К. Марксом и Ф. Энгельсом взглядов М. Бакунина на организацию будущего общества // Вестник Моск. ун-та. Серия: Право. 1964. № 2. С. 29–39; Колпинский Н.Ю. История разоблачения К. Марксом и Ф. Энгельсом бакунистского тайного Альянса // Из истории марксизма и международного рабочего движения: К 100-летию со дня основания I Интернационала: [Сб. ст.]. М., 1964. С. 208–232; Коротеева А.Е. Идеино-теоретическая борьба Маркса и Энгельса против бакунизма накануне Гаагского конгресса I Интернационала // История социалистических учений: Сб. ст. М., 1962. С. 301–341; Косичев А.Д. К характеристике борьбы К. Маркса и Ф. Энгельса против бакунизма // Уч. записки МГУ им. М. В. Ломоносова. М., 1954. С. 53–73; Его же. Марксизм и анархизм. М., 1971. 350 с.; Қунина В.Э. Борьба К. Маркса и Ф. Энгельса в I Интернационале против анархистского сектанства и реформизма (1871–1872 гг.) // Новая и новейшая история. 1964. № 4. С. 75–85; Николаева А. Маркс и Энгельс в борьбе с анархизмом: В связи с книгами: К. Маркс «Мнимые расколы в Интернационале»; «Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих» // Большевик. 1940. № 21. С. 73–82; Прозорова Н.С. Борьба К. Маркса и Ф. Энгельса против анархизма: Лекции по курсу «История политических учений». М., 1961. 95 с.; Тагиров Р.Ш. Связь русской секции I Интернационала с К. Марксом

и ее роль в разоблачении бакунизма // Уч. записки Казан. гос. пед. ин-та. Каф. обществ. наук. 1957. Вып. 12. С. 49–67; Энольский З. Из истории борьбы Маркса и Энгельса против бакунизма в I Интернационале // Исторический журнал. 1939. № 9. С. 41–51; Эрколи М. Марксизм и бакунизм // Коммунистический Интернационал. 1934. № 29. С. 21–28, и др.

¹⁸ См., напр., работы: Ерофеев С.И. Критика анархистских взглядов М. Бакунина в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. юр. наук. М., 1964. – 13 с.; Ибаньес Э. Борьба К. Маркса и Ф. Энгельса против анархизма Бакунина: Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филос. наук. Киев, 1953. 18 с.

¹⁹ Энольский З. Указ. соч. С. 42.

²⁰ Ибаньес Э. Указ. соч. С. 3.

²¹ Пирумова Н. М. Бакунин. М., 1970. 399 с.; Её же. Социальная доктрина М.А. Бакунина. М., 1990. 318, [1] с.

²² Михайлов М.И. Споры о бакунизме: (Историография и политика) // История социалистических учений: Вопросы историографии: Сб. ст. М.: Наука, 1977. С. 87–123; Его же. Борьба против бакунизма в I Интернационале. М.: Наука, 1976. 351 с.; Его же. Мелкобуржуазное бунтарство в эпоху промышленного капитализма. М.: Наука, 1988. 264 с.

²³ Твардовская В.А., Итенберг Б.С. Русские и Карл Маркс: выбор или судьба? М., 1999. 215 с.

²⁴ Пирумова Н. М. Бакунин. С. 72, 86, 5.

²⁵ М. А. Бакунин: pro et contra, антология. 2-е изд. испр. / Сост., вступ. статья, коммент. П.И. Талерова. СПб., 2015. С. 503–504.

²⁶ Дюкло Ж. Бакунин и Маркс: Тень и свет. М., 1975. 462 с.

²⁷ Там же. С. 259, 148–149.

²⁸ Волков Г.Н. Маркс и Бакунин: уроки истории // Волков Г.Н. Три лика культуры: [Ист.-филос. очерки]. М., 1986. С. 283–311.

²⁹ Пирумова Н.М. Социальная доктрина М. А. Бакунина. С. 307.

³⁰ Абрамов М.А. Marx contra Бакунин // Прямухинские чтения 2005 года. Тверь, 2006. С. 77.

³¹ Талеров П.И. Классический анархизм в теории и практике российского революционного движения. 1860-е–1920-е гг. СПб., 2016. С. 88.

³² Федоров А.Ю. Бакунин против Маркса: Кто был прав в Первом Интернационале // Acta eruditorum. 2016. № 21. С. 102.

³³ Eckhardt W. The First Socialist Schism: Bakunin vs. Marx in the International Working Men's Association. Oakland, CA: PM Press; Edmonton, Alberta (Canada): C/O Blak Cat Press, 2016. 12, 604, 10 p.

³⁴ Экхардт В. Россия, Бакунин и Маркс: Некоторые спорные вопросы в Первом Интернационале // Человек из трех столетий: [сб. мат.] / Междунар. науч. конф. Прямухинские чтения, посвященная 200-летию со дня рождения М.А. Бакунина, с. Прямухино 12-13 июля 2014 г. М., 2015. С. 401. Курсив автора.

И.А. Губозов

ПЛЕХАНОВ – ВЫДАЮЩИЙСЯ ИСТОРИК ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА

Возникновению марксизма как учения об обществе Плеханов посвятил немало работ. Но особое значение Плеханов придавал философской части марксизма и, прежде всего, материалистическому пониманию истории или историческому материализму.

В работе «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» Плеханов излагает историю возникновения и формирования историческо-

го материализма или материалистического понимания истории. Он прежде всего останавливается на социально-философских воззрениях французских философов-материалистов XVIII века, утверждавших, что мнения правят миром, или ход идей определяет ход вещей. Они не смогли объяснить, что лежит в основе социальных изменений. Они остались идеалистами при объяснении феноменов и процессов исторического развития общества.

От французских философов и историков Плеханов переходит к немецким философам. Прежде всего, он анализирует учение Гегеля о диалектике. Но Гегель был идеалист и считал, что всемирная история «совершается в духовной сфере», что «субстанциальным является дух и ход его развития»¹. Поэтому Плеханов справедливо замечает, что «история оказывается, таким образом, как бы прикладною логикой: объяснить известную историческую эпоху – значит показать, какой стадии логического развития абсолютной идеи она соответствует»².

Плеханов подчеркивает, что немецким идеалистам не удалось выявить движущие причины исторического развития, что эту задачу выполнил К. Маркс. «Великая научная заслуга Маркса заключается в том, что он подошел к вопросу с диаметрально противоположной стороны, что он на самую природу человека взглянул как на вечно изменяющийся результат исторического движения, причина которого лежит вне человека. Чтобы существовать, человек должен поддерживать свой организм, заимствуя необходимые для него вещества из окружающей его внешней природы. Это заимствование предполагает известное действие человека на эту внешнюю природу. Но, «действуя на внешнюю природу, человек изменяет свою собственную природу». В этих немногих словах содержится сущность всей исторической теории Маркса, хотя, разумеется, взятые сами по себе, они не дают о ней надлежащего понятия и нуждаются в пояснениях»³.

В этой связи Плеханов особое внимание обращает на роль орудий труда и географической среды в общественном производстве. Ссылаясь на Маркса, он пишет, что «географическая среда оказывает не менее решительное влияние и на судьбу более крупных обществ, на судьбу государств, возникающих на развалинах первобытных родовых организаций»⁴. Маркс действительно называл географическую среду естественным условием существования общества, являющегося продуктом длительной эволюции природы. Но вместе с тем он не абсолютизировал роль географической среды в развитии человечества. «Экономические эпохи, – писал Маркс, – различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд. В числе самих средств труда механические средства труда, совокупность

которых можно назвать костной и мускульной системой производства, составляют характерные отличительные признаки определенной эпохи общественного производства гораздо больше, чем такие средства труда, которые служат только для хранения предметов труда и совокупность которых в общем можно назвать сосудистой системой производства, как, например, трубы, бочки, корзины, сосуды и т.д. Лишь в химическом производстве они играют важную роль»⁵. Это особенно видно в современную эпоху, когда страны с прекрасными климатическими условиями оказались далеко позади стран с относительно неблагоприятными природными условиями.

Маркс совершил **эпистемологический разрыв** со всей прежней философией истории. Суть этого разрыва заключается в том, что для анализа общества как целостного социального организма Маркс не удовлетворяется категориальным аппаратом прежних философских теорий. Он разработал новые категории: *общественное бытие, общественное сознание, базис, надстройка, способ производства, материальная жизнь, производственные отношения* и др. Маркс создает новое материалистическое учение об обществе, и ему нужны были такие категории, которые адекватно отражают реалии исторического процесса и вместе с тем служат инструментом познания этого процесса.

Работа «Основные вопросы марксизма» посвящена общим вопросам марксистского учения. Плеханов подчеркивает, что «марксизм – это целое миросозерцание. Выражаясь кратко, это *современный материализм*, представляющий собою высшую в настоящее время ступень развития того *взгляда на мир*, основы которого были заложены еще в древней Греции Демокритом, а отчасти и предшествовавшими Демокриту ионийскими мыслителями: так называемый *гилозоизм* есть не что иное, как наивный *материализм*. Самая главная заслуга в разработке современного материализма принадлежит, без всякого сомнения, Карлу Марксу и его другу Фридриху Энгельсу. Историческая и экономическая стороны этого миросозерцания, т.е. так называемый *исторический материализм* и тесно связанная с ним совокупность взглядов *на задачи, метод и категории политической экономии и на экономическое развитие общества, в особенности же капиталистического*, являются в своих основаниях почти исключительно делом Маркса и Энгельса. То, что внесено было в эти области их *предшественниками*, должно быть рассматриваемо лишь как подготовительная работа собирания материала, подчас обильного и драгоценного, но еще не систематизированного, не освещенного одной общей мыслью и потому не оцененного и не использованного в своем истинном значении»⁶.

Таким образом, Плеханов как первый русский марксист вместе с тем был и первым русским историком марксизма. Он показал, что возникновение марксизма носит естественный и закономерный характер. В отличие от

своих предшественников Маркс создал науку об обществе как качественно новом образовании, возникшем на определенном этапе эволюции природы.

¹ Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб., 1993. С. 70.

² Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5 т. Т. 1. М., 1956. С. 597.

³ Там же. С. 608.

⁴ Там же. С. 613.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 191.

⁶ Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5 т. Т. 3. М., 1957. С. 124.

В.Г. Арсланов

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ КРИТИКИ ИСКУССТВА АВАНГАРДА У Г. ПЛЕХАНОВА И МИХ. ЛИФШИЦА

Аннотация. Доклад посвящен исследованию философских оснований критики искусства авангарда у Г. Плеханова и Мих. Лифшица, выяснению вопроса о природе красоты и идеального, как они толкуются в материалистической философии Плеханова и в онтогносеологии Мих. Лифшица.

Ключевые слова: авангардизм, идеальное, красота, истина, онтогносеология, монизм, идеализм, материализм, теория тождеств, консерватизм, демократия

Мих. Лифшиц немало позаимствовал у Г.В. Плеханова, например, плехановскую трактовку идеи «чистого искусства» Пушкина как вполне оправданную позицию честного художника, который не желал служить целям официальной идеологии при Николае I. В ситуации 30-х годов XX в. «течение» Лифшица-Лукача по-пушкински отстаивало свою независимость от ревнителей якобы «пролетарской культуры», от вульгарного марксизма. Классика Леонардо и Пушкина была в глазах «течения» «противоположным жестом» демократа, который ради более глубокого демократизма становится консерватором и проповедником идеи искусства, свободного от политиканства. Такой «вторичный консерватизм» – полная противоположность консерватизма в прямом смысле слова, консерватизма царского правительства, К. Леонтьева и К. Победоносцева. Консерватизм Пушкина и Бальзака – на самом деле превращенная форма демократии и народности, насколько они были возможны в конкретных условиях времени.

Мих. Лифшиц идею «противоположного жеста» князя Мышкина доводит до логической формулы: *не только вопреки*, но в известной степени *и благодаря* (не только вопреки консерватизму Пушкин великий поэт, но и благодаря). Эта формула легла в основу «теории тождеств» Лифшица, без которой его онтогносеология не понятна, превращается в дюжинную онтологию – и столь же одномерную гносеологию.

И Мих. Лифшиц, и Г. Плеханов бескомпромиссно отрицают искусство авангарда, определяя его как, говоря словами Плеханова, сугубо «отрица-

тельную величину». Философским основанием критики авангарда у них является материалистическое учение о природе красоты. Соглашаясь с Дарвином, что «людям, равно как и многим животным, свойственно чувство прекрасного»¹, Плеханов добавляет, что «звериные шкуры, когти и зубы» нравились первобытным людям «не только по причине своих естественных природных качеств», а потому, «что они были вывеской храбрости, ловкости и силы»², то есть природные качества вещей рассматривались людьми через призму общественных отношений. На полях этого текста Плеханова Лифшиц записывает: «1. “Содержание” = верно. 2. Отношение к форме = 0. 3. Но требуется так понять содержание, “мотив”, чтобы была понятна и форма. “Формальное” = т. е. более общее содержание»³. Лифшиц не соглашался в трактовке сущности красоты ни с т. н. «природниками», ни с «общественниками» в советской эстетике: «Эти молодчики, – писал он, – Борева – Столовичи, вертятся и так и сяк, но клонят к тому, что “эстетическое” есть общечеловеческое свойство, приписываемое трудом явлениям природы. Это они списали у меня. Ср. Павлов⁴ (не как авторитет, а как свидетель) о том, что все это вышло из одной моей фразы.

Но суть вопроса в том, что если общество создает красоту, то что именно красота? Чем это определяется? Их ответ сводит дело к коллективному субъекту. Но дело в том, что общество создает красоту, а красота как истина объективного мира создает общество. Вот это значение истины им чуждо и поэтому они поехали в сторону “аксиологии”»⁵. Полемика Лифшица выходила далеко за пределы собственно эстетики, она получала обоснование в его онтогносеологии.

Согласно Мих. Лифшицу, в природе нет, конечно, ни «Феноменологии духа» Гегеля, ни «Моны Лизы» Леонардо, – иначе говоря, в природе, какова она до появления человека, нет продуктов человеческой сознательной духовной деятельности. Но есть ли в природе истина, есть ли в природе идеальное, прекрасное? На этот вопрос можно ответить: и да, и нет. Сильная сторона идеализма в том, что он категорически не принимал отождествления человека с животным, в духовных потребностях человека идеалисты находили нечто такое, что свидетельствует о присутствии Бога в нашем мире. Но уже Платон в «Тимее» иронически изображал не только тех, кто превращается в свинью, поскольку постоянно роет носом в земле, но и тех, кто постоянно парит в облаках и чьи речи становятся не отличимыми от птичьего чириканья.

Так существует или не существует объективно идеальное за пределами человеческого мира, его общественной деятельности? Приведу пример, поясняющий, на мой взгляд, позицию Лифшица. Содержатся ли в теле еще нерожавшей женщины, в теле ее мужа и всей бесконечной природе ее будущие дети? Конечно, в актуальном виде – нет. Тогда откуда же они появля-

ются? Для Платона реальный мир – продукт деятельности матери-земли и отца-логоса, но все же наш материальный мир у Платона вовсе не сводится к деятельности матери или отца, он так же реален, если исходить из смысла метафоры Платона, как и появившиеся на свет дети. Разумеется, мы – нечто третье между матерью и отцом, мы продукт их деятельности, но все же мы – материальные существа, а не образуем некую третью субстанцию между матерью и отцом, которую неомарксисты и неокантианцы называют «деятельностью».

Вопрос усложняется тем, что реальные дети материальны, а продукты духовной деятельности человека идеальны. Если они – отражение природы, то что они отражают в природе? Норму, отвечает Лифшиц, или форму. Ведь всякая подлинная форма вещей, существующих в природе, есть их норма, есть их подлинное понятие, есть их идеал, к которым сами вещи стремятся в своем развитии. Но если идеальное существует объективно, независимо от человека, то Лифшиц, получается, идеалист?

Нет, не идеалист, отвечает Лифшиц, потому что философский идеализм смотрит на мир слишком приземленно, грубо-материально. Материя, природа для идеалистов, в конечном счете, только кусок бессмысленной грязи, а человек сам по себе, как природное существо – только животное. А разве не так, разве не доказывает именно это современная наука, фрейдизм в его многообразных вариантах?

И вот тут мы обратимся к искусству авангарда. Казалось бы, с авангардом, как и со всяким другим протестом против капитализма, марксисты должны искать союза. Почему же все марксисты, начиная с зятя Маркса Поля Лафарга и вплоть до Ленина включительно, были бескомпромиссными критиками авангарда, как показывает Лифшиц в своей книге «Незаменимая традиция» (написана совместно с Л.Я. Рейнгардт)?

Для понимания отношения марксизма к авангарду можно вспомнить Гоголя, в частности его «Заколдованное место», «Портрет» и «Вий». В финале повести «Вий» звучит фраза: «... у нас в Киеве все бабы, которые сидят на базаре, – ведьмы», а Хома Брут погиб, потому что побоялся, «а если бы не боялся, то бы ведьма ничего не могла с ним сделать. Нужно только, перекрестившись, плюнуть на самый хвост ей...».

Панночка-ведьма, клад, оказавшийся сором, и тысяча золотых, выпавшие из рамы портрета и погубившие художника Чарткова, – это все одна и та же чертовщина. Секрет этой мистической силы, как показал автор «Капитала», – в товарном фетишизме, а фетишизм, сила мистическая, имеет свой реальный источник – капиталистический способ производства. Победить власть денег, казалось бы, легко – плюнь на них, как на хвост ведьмы, – и нет никакой власти этих денежных бумажек. Но, как говорит рассказчик повести «Заколдованное место», дьячок: «Захочет обморочить дьявольская сила, то обморочит; ей-богу, обморочит!»

Искусство авангарда, доказывал Лифшиц – это род фетишизма для современного образованного обывателя. Любой сор и дрязги могут приобрести – и приобретают дьявольскую власть над людьми; простую консервную банку, превращенную в фетиш современным искусством, покупают за огромные деньги не профаны и дьячки, а опытные дельцы. Так в чем дьявольская сила, например, обыкновенного сора в так называемом мерц-искусстве Курта Швиттерса? Искусствоведы в своих лекциях в «Гараже» доказывают, что мерц-искусство – не просто сор, а знак духовной позиции художника, его протест против фетишизма вещей в капиталистическом обществе. Об этом, однако, еще раньше, в 60-е годы XX в., писал Лифшиц, причем именно о мерц-искусстве Швиттерса (в своей полемике с Д. Лихачевым). Но он не останавливался на этом очевидном для него факте.

Почему погиб Хома Брут и художник Чартков, почему нечистая сила посмеялась над героем «Заколдованного места»? Деньги – нечто идеальное, пишет Маркс. Но капитал, деньги вместе с тем – это определенные человеческие отношения, форма человеческих отношений, способ производства, и потому деньги, капитал – сила материальная. С одной стороны, посмотришь на деньги – бумажка. С другой стороны, нет в мире современных людей ничего сильнее денег.

Так что же, идеальное как таковое, картины Леонардо, музыка Баха, «Капитал» Маркса – это то же самое по сути, что и деньги? Такой вывод делал Э. В. Ильенков, но Лифшиц в этом вопросе был с ним категорически не согласен. Дело в том, что есть два вида идеального – одно представляет собой род фетишизма, то есть ложного сознания, а другое – норма и форма, идеал самой действительности, идеал природы.

Есть ли в природе вещей идеал, красота и добро, истина? Материя – это область греха и источник чертовщины, отвечал идеализм, а источник идеального – либо в надприродной силе, Боге, либо в нашей душе, в нашей субъективности. Но зададимся вопросом: реальна ли бесконечность, бесконечна ли природа? Между тем никто и никогда из людей не видел и не увидит бесконечности, она – свойство природы, такое же, как атрибут материи, мышление и пространство, согласно Спинозе. Недаром Хайдеггер отрицает реальность бесконечности, ведя непримиримую борьбу с идеальным как таковым – с точки зрения самого современного идеализма.

Одна из папок архива Лифшица называется «Бесконечность как ключ ко всему». Люди, в отличие от животных, научились верно соединять бесконечное с конечным и в своем мышлении, и в науке, и в искусстве. Суть человеческого сознания – синтез конечного и бесконечного. Но бесконечное не может вместиться в конечное человеческое сознание, оно превышает его возможности? На этот вопрос убедительный ответ нашли еще христианские теологи Дионисий Ареопагит и Григорий Палама: человеческое

сознание вмещает в себя невместимое подобно тому, как конечное зеркало отражает весь мир. Чтобы понять во всей глубине материалистическую теорию отражения, необходимо знать и христианских теологов тоже, у которых метафора зеркала играет первостепенную роль.

Разумеется, это только метафора, но она лежит в основе грандиозной философской системы абсолютного идеализма Гегеля. Что такое и природа, и человечество, согласно Гегелю? – Это реальное зеркало, в которое смотрится Абсолютная идея, для того, чтобы увидеть и узнать саму себя. Согласимся, отвечают Гегелю материалисты Фейербах и Маркс: действительно, человек узнает себя, глядя на природу, он узнает себя в созданном им самим обществе, в продуктах общественного производства – раскрытой книге человеческих сущностных сил. Однако не человек создал природу, не человеческое сознание сотворило природу, а материальный мир, природа сотворила человека. Следовательно, делает вывод Лифшиц, не только человеческое сознание смотрит на природу и видит себя в ней, как в зеркале, но с еще большим основанием можно сказать, что весь бесконечный мир смотрит в те зеркала, которые созданы человеком, и природа видит, понимает сама себя: «в действительности не мы мыслим и чувствуем объективную реальность – она мыслит и чувствует себя нами»⁶. Не возвращаемся ли мы в таком случае к идеализму Гегеля с его Абсолютной идеей, которая смотрит на материальный мир, как в зеркало? Вовсе нет, считает последовательный монист и материалист Г. Плеханов, ибо «не трудно понять, что субъективные “переживания” суть не что иное, как самосознание объекта, сознание им самого себя, а также того великого целого (“внешнего мира”), к которому он принадлежит»⁷.

Вот тут снова необходимо вспомнить о споре «общественников» и «природников» в советской эстетике. Абсолютной идеи, объективного гегелевского духа нет ни в природе, ни вне природы. Но есть нечто, что шире и глубже любой человеческой идеи, – то, что Спиноза называл «абсолютным мышлением» Бога (= природы у Спинозы); человеческое сознание, согласно Спинозе, лишь модус этого абсолютного мышления природы. Оно шире и глубже человеческого именно потому, что не обладает сознанием, целенаправлением и волей, которые могут быть только у конечного существа, у человека. Значит, природа мыслит, чувствует, создает все великие мысли и чувства, а человек только отражает их?

Чтобы решить эту проблему, Лифшицу потребовалась его теория тождеств, суть которой – верное соединение «да» и «нет». Содержатся ли в теле нерожавшей женщины ее дети? И да, и нет. Но ограничиться таким суждением нельзя, ибо оно – отрицание логики, отрицание мышления. В теле нерожавшей женщины нет ее будущих детей – а где же они первоначально появляются? В замысле отца и матери. Однако сам по себе этот замысел ни-

что, если не запускает бесконечный природный процесс: в ребенке оживает и актуализируется первая клеточка, появившаяся в мировом океане многие миллионы лет тому назад. В свою очередь для возникновения, самопорождения этой клетки необходимо было уникальное сочетание бесконечного количества составляющих: света, тепла, воды, многообразных химических веществ.

Сознание человека – зеркало, но оно приобретает свойство отражать бесконечность не иначе, как посредством актуализации заключенных в природе возможностей. Человек, пишет Лифшиц, интерпретируя тезисы Маркса о Фейербахе, субъективизирует своей сознательной деятельностью природу, пробуждает в ней как бы субъективные качества: природа в деятельности человека приобретает свойство мыслить и чувствовать саму себя, иначе говоря, она актуализирует объективно ей присущее свойство зеркальности, зримости, отражаемости.

Но кто же мыслит и чувствует себя? Галактика, атом, обыкновенный кусок материи, вроде вот этого пенька или валенка? Нет, чувствовать и мыслить может только человек, однако эту свою способность он обретает не иначе, как посредством того, что пробуждает заложенные в самой материи творческие силы. Человек – зеркало природы, потому что природа смотрит на саму себя глазами человека. Но обратная теорема не верна, нельзя сказать, что природа – нечто вторичное, зеркало для идеи, которая видит в это зеркало саму себя. Между духом и материей не полное тождество, между ними некий зазор, щель. Природа создала человека, но не деятельность человека создала природу. Следовательно, как бы ни был деятелен человек, какие бы чудеса своей свободной воли и свободного мышления он ни проявлял – в конечном счете, в его деятельности обретает себя природа, в конечном счете, все творит объективный мир, хотя прекрасное вообще и прекрасные создания искусства возникают лишь благодаря человеку. Природа без человека и его мышления не полна, природа становится вполне природой, продолжал мысль Герцена Лифшиц, вместе с появлением человека. Но свои атрибуты, такие как мышление (и, добавим, такие свои объективные качества, как красота и истина), природа содержит в себе от века – подобно тому, как Бог-отец, согласно Шеллингу, всегда содержал в себе Христа, хотя Христос был рожден земной женщиной в определенное время и в определенном месте.

Вот что происходит в любом действительном произведении искусства, вот что происходит в процессе человеческого мышления: природа становится сама собой, она обретает необходимо ей присущие свойства мыслить и чувствовать прекрасное, но эти свойства актуализируются лишь благодаря особому зеркалу природы, каким является человеческое сознание. А что мы видим в искусстве авангарда? Прямо противоположный процесс: не беско-

нечная природа, а отбросы человеческой деятельности, такие как обыкновенный мусор, приобретают дьявольскую власть над человеком, подавляют его способность к свободному мышлению, способность любить, радоваться по-человечески, превращают человека в немыслящее, изломанное, конечное существо, над которым господствует всякий сор («мерц») или писсуар («Фонтан» Дюшана). Как совершается этот естественно-исторический, но, по сути, противоестественный процесс, Маркс объясняет в «Капитале», а искусство – в художественных образах Гоголя, Бальзака, Гофмана и Достоевского.

¹ Плеханов Г. В. Письма без адреса // Плеханов Г. В. Соч. Под ред. Д. Рязанова. Т. 14. М., 1924. С. 11.

² Там же. С. 7.

³ Лифшиц М. А. Маргиналии на: Плеханов Г.В. Письма без адреса (Плеханов Г. В. Соч. Т.14. М., 1924. С. 7). Архив М. А. Лифшица.

⁴ Вероятно, имеется в виду Тодор Павлов.

⁵ Лифшиц Мих. Наша современная эстетика. Так называемые «общественники». Проблема объективности прекрасного // Архив М.А. Лифшица. Папка 140. Varia. Л. 103-109.

⁶ Лифшиц М.А. В мире эстетики. М., 1985. С. 223.

⁷ Плеханов Г. В. Materialismus militans. Ответ г. Богданову. Письмо второе // Плеханов Г.В. Соч. Т. 17. М., 1924. С. 41.

А.С. Лагурев

СПРАВЕДЛИВА ЛИ ИСТОРИЯ?

Аннотация. Статья рассматривает концепцию материалистического понимания истории в ракурсе проблемы «Справедлива ли история?». Основываясь на анализе работ Мих. Лифшица и Г.В. Плеханова, становится возможным указать на различные линии в интерпретации марксистской философии истории. Тем самым вопрос «Справедлива ли история» обнаруживает принципиальную связь с пониманием трагической исторической коллизии.

Ключевые слова: марксизм, М.А. Лифшиц, Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, К. Маркс, Ф. Энгельс, трагическое.

«Все в мире подтасовано» – эта старая истина, высказанная когда-то аббатом Галиани, пришлась по душе Дени Дидро. Да, все в мире подтасовано, вновь повторил ее в «Записках одного молодого человека» А.И. Герцен. Мировая история наполнена не только удивительными встречами, но и удивительными несовпадениями.

Хорошо известен «демонизм» встречи Гёте и Шиллера. Нечто демоническое видел и Мих. Лифшиц в своей встрече с Дьердем Лукачем. В чем же этот демонизм? В том, что в свободном выборе людей, в их сознательных и целенаправленных действиях обнаружилось нечто, выходящее за пределы

обыкновенного человеческого рассудка. Но, с другой стороны, в истории бывает необходимым, чтобы «распалась связь времен», чтобы требуемая встреча не состоялась – причем именно по причине страстного стремления людей к истине и справедливости, к расширению области свободы, стремления к встрече всех людей, то есть к миру братства, товарищества. Это историческая необходимость контрреволюции, наказания революционеров за совершенную ими историческую ошибку. Но если мы, например, пытались создать товарищеские отношения, однако этого не получилось, и мы наказаны, над нами посмеялись, что из этого следует? Обыватель злобно и самодовольно усмехается, а Шекспир видит трагедию Гамлета, Отелло, Ромео и Джульетты. Если мы не поймем, что взгляд на историю марксизма – это продолжение и развитие взгляда Софокла, Шекспира и Пушкина, то наше понимание марксизма сведет это учение к мудрости Полония и короля Клавдия.

Философская встреча Мих. Лифшица и Г.В. Плеханова состоялась в годы Первой мировой войны, когда Лифшицу, тогда еще учившемуся в школе, попала в руки его первая книга по философии – знаменитое произведение Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», оказавшее, наряду с «Материализмом и эмпириокритицизмом» Ленина, огромное влияние на формирование его мировоззрения.

Плеханов, следовавший в этом отношении за Энгельсом, не устал подчеркивать, что от всех предшествующих философских систем марксизм как мировоззрение отличается от них прежде всего тем, что дает реальную почву идеальным стремлениям людей к истине и справедливости. Марксизм не исключает вопроса о справедливости или несправедливости истории, напротив, он позволяет правильно, материалистически сформулировать его и найти на него ответ. Этот вопрос находился в центре жарких полемик – на страницах журналов, циркуляров и газет, на баррикадах и в кабинетах ученых, без него нельзя понять исторического материализма.

Справедливо ли, к примеру, что первобытный коммунизм, о котором писал Энгельс, сменяется классовым обществом? Справедливо ли, что целые поколения героических борцов за освобождение человечества должны были погибнуть вместе со всеми своими иллюзиями, а трезвые апологеты нарождающегося капиталистического общества, лучше всех почувствовавшие, какая партия празднует сегодня победу, пожинали плоды чужих усилий? Для всякого, кто усвоил исторический материализм, согласно Плеханову, ответ на эти вопросы начинается с ясного сознания того, что сама смена формаций, победа одних и поражении других мало считаются с нашими чувствами, благими пожеланиями, с нашим моральным негодованием, с нашими представлениями о том, что есть справедливость и как *должно быть*. Что должно прийти – придет, что должно погибнуть – погиб-

нет. История представляет собой, любил повторять Плеханов, определенный законосообразный процесс: способы производства сменяют друг друга в силу экономической необходимости, и лишь познав ее законы, действующие как бы «за спиной» у всего мира культуры, человечество способно избавить себя от ее слепого господства. Эта несомненная истина составляет основу материалистического понимания истории. В своих трудах Плеханов убедительно доказал, что сознание, отрывающееся от материальной действительности истории, неизбежно оборачивается ее тираническим господством, а бессильный моральный протест против нарождающегося капитализма вопреки субъективным стремлениям превращается в его самую грубую апологетику. Таким образом, справедливо в истории то, что необходимо.

Однако бывает необходимость и необходимость: если победа капитализма столь же необходима сколь и победа революции, если все имеет равные исторические права, то история превращается в худший вид театральной постановки, в безразличное столкновение сил, общественно-экономических машинерий. Естественно, что механическому объекту на одном полюсе должен противостоять отделенный от него пропастью субъект на другом, дополняющий этот механизм своими субъективными ценностями. Одной из несомненных заслуг Плеханова стало преодоление этой неокантианской схемы. В своей полемике с народниками он ясно указал, что хотя сознание всегда является продуктом определенных социально-экономических условий, определенной действительности, в самой этой действительности всегда присутствуют как бы две тенденции, две стороны, два расходящихся в будущее исторических пути, и все дело заключается в том, на какую из этих тенденций опереться. Это положение крайне важно для исторического материализма, но утвердив его, Плеханов как будто выходит за пределы своей собственной схемы, ведь тем самым оказывается, что сама история не однородна, не безразлична по отношению к имеющимся в ней возможностям. И если это так, то необходимость коммунизма справедливее, чем необходимость капитализма, а процветание самых трезвых сикофантов – несправедливее гибели революционеров со всеми их иллюзиями.

И Плеханов сам пишет об этом: для него отнюдь не сикофанты двигают мировую историю вперед, не узкокорыстные интересы сознательных апологетов классового общества. Он посвящает самые проникновенные свои страницы защите бескорыстного интереса в истории, честной борьбы за истину и справедливость. Нелепыми называет он любые попытки объяснить деятельность людей, подобных И. Канту, слепым механическим выражением классовых интересов. И, тем не менее, сам Плеханов относит их к разряду идеологов буржуазного общества. Почему? Дело в том, что хотя Кант, согласно Плеханову, и не был сикофантом буржуазного общества, он бес-

сознательно, бескорыстно, сам того не зная, все же работал именно на него, поскольку такова была объективная задача исторического момента. Тем самым оказывается, что хотя у действительности есть две стороны, выбор одной из них превращается, как писал Мих. Лифшиц, в род исторического утилитаризма, производящего расчеты с точки зрения абстракции прогресса. Иначе говоря, в конечном счете, выбор, сделанный Кантом, был предопределен какими-то силами, стоящими за ним, над ним, а не обусловлен его свободной и сознательной волей? В таком случае все люди, и великие, и маленькие, и свободные, и несвободные превращаются в кукол, которых дергает за ниточки и ведет невидимая и всесильная «история».

Плеханов, в своих работах блестяще изобразивший, как свобода переходит в необходимость, как сознание, мнившее себя независимым, на деле оказывается простым эпифеноменом материального бытия, оставляет непроясненным вопрос, как из необходимости рождается свобода, как, благодаря чему сознание перестает быть простым продуктом породивших его условий среды и обретает качество сознательности. Без этого понимания абсолютно невозможно объяснить, например, почему Маркс и Энгельс, несмотря ни на что, полагали, что подлинным революционером времен крестьянской войны в Германии выступал не Франц фон Зиккинген, а утопический коммунист Томас Мюнцер, героической борьбе которого они отдавали предпочтение даже по сравнению с трезвым Мартином Лютером; остается непонятным, почему Маркс приветствовал героическое выступление Парижской коммуны в 1871 г., которое считал преждевременным и обреченным на поражение.

Непроясненность и недоработанность вопроса о роли свободного выбора, о более справедливом и менее справедливом ходе исторического развития в плехановской версии исторического материализма нашла отражение в его знаменитой фразе «не нужно было и браться за оружие». Предметом ее была оценка итогов вооруженного восстания во время революции 1905 г. в Москве. Однако вопрос, обсуждавшийся в связи с ними, был намного шире и глубже: точно так же, как проблема Томаса Мюнцера или Парижской коммуны, это была конкретно-историческая формулировка вопроса о том, справедлива ли история?

Не надо было браться за оружие: условия не созрели, но массы выступают. Плеханов читает им мораль с точки зрения знатока исторических законов. Ленин же, обращаясь к Марксу, показывает, что сами исторические законы не одномерны, в них также есть грани и оттенки. Да, необходимый процесс проложит себе дорогу, историю не обмануть, но от того, как, в какой форме необходимое воплотится в действительности, зависит очень многое (в одной из работ того периода Плеханов также как будто соглашается с этим). К конечному результату ведут разные пути, выбор между

ними крайне важен. Деморализация движения, либо героический порыв, романтика, штурм неба - вот дилемма, стоящая перед каждым настоящим революционером.

Штурм неба пробуждает нравственную силу в истории, ее ноуменальную сторону, иначе говоря, раскрываются скрытые объективные потенции реальности. Например, стали бы люди мореплавателями, если бы когда-то не отважились переплыть море на какой-нибудь утлой ладье? Маркс – не только в письмах к Кугельману – обращается к проблеме существования в истории моральной силы, без которой вообще не было бы никакой истории. В «Гражданской войне во Франции» он размышляет о том, что после выступления Коммуны французские власти постоянно теряли моральную силу, моральное право. И именно в этом была важная - историческая - сторона Коммуны. То же самое писал Ленин о московском восстании (рецензия на письма).

Моральная сила в истории не всегда проявляется прямым путем, не всегда происходят реальные чудеса, когда революционная Франция побеждает коалицию или революционная Россия побеждает интервенцию. Справедлива ли история? *«Она справедлива тем, – писал Мих. Лифшиц – что сознает свою несправедливость».*

Какой смысл сокрыт в понятии «трагическая коллизия», играющем очень важную роль в марксизме, как показали Лукач и Лифшиц? Именно реальные трагические коллизии истории раскрывают смысл парадокса, гласящего: ошибочное в формально-экономическом смысле может быть верно во всемирно-историческом. Так Ленин обнаружил после 1917 г., что идеи народничества о крестьянской революции, ведущей к социализму, заключали в себе много исторической истины. В этом же смысле, как и народники, был правы и Мюнцер, и Коммуна, и московское восстание 1905 г., которому Плеханов читал мораль как раз с точки зрения формально-экономической «правильности» Но еще Гегель доказывал: трагический герой должен быть виновен, и он даже хочет быть виновным. В переводе на язык исторического материализма, трагические коллизии способствуют росту самосознания борющегося человечества, они как бы приоткрывают завесу будущего, явившегося слишком рано. Их гибель – прямое следствие их правоты в историческом смысле, но вины с точки зрения реально осуществимого в данный исторический момент.

Но значит ли, что хорошо поняв законы они (трагические герои) не должны были бы выступать? Конечно, нет. Они все так же выступили бы. Потому что должны были, не могли иначе – иначе деморализация и еще худшие последствия. Ведь моральная сила - тоже сила и ее легко лишиться. Если бы это была простая ошибка, основанная на непонимании законов истории, то она не была бы трагедией – трагедия есть такая необходимая

ошибка, которая возвышает историю, открывает новые горизонты, пока неведомые человеку, действующего только в рамках известного и хорошо проверенного.

Но именно тот, кто действует по принципу «уши выше лба не растут», часто попадает впросак и остается в дураках. Вдумайтесь в стратегию Ленина в русской революции, и вы увидите, что в ней такая метафизическая глубина, перед которой концепция «броска» и «наброска» Хайдеггера является расчетом гнусного обывательского сознания. Вместе с тем, ленинская стратегия – не парение в метафизические выси, а, прежде всего, трезвый политический расчет. Соизмерение кажущегося несоизмеримым – расчета и «штурма неба» – проблема, без постановки которой марксизм, согласно Лифшицу, окажется либо вариантом унылого прагматизма, либо экзистенциалистским волюнтаризмом.

«Ошибки гигантов» (Лифшиц), т.е. забегание за границы возможного (ошибка Мюнцера, ошибка Маркса в 1848 г., Парижской коммуны, ошибка Ленина в 1917 г.), в отличие от ошибок в собственном смысле этого слова, приводят к тому, что человечество не могло бы достигнуть очень многого, например, бесценного исторического опыта строительства социализма в СССР, не будь совершена эта «ошибка». Без восстания Мюнцера все человечество оказалось бы ниже самого себя, без Парижской коммуны европейское общество пребывало бы под абсолютной моральной властью самодовольного французского рантье (каким был, например, Шопенгауэр), без Октябрьской революции планы Дж. Кейнса о радикальном реформировании западной экономики остались бы на бумаге, мир погрузился бы в спячку новой «китайщины».

Таким образом, моменты самосознания и основанного на нем свободного действия вполне реальны: человечество, отказавшееся от штурма неба, наказывается победой всякой чертовщины («черносотенства» в разных вариантах, вплоть до фашизма). Капитуляция революционеров оборачивается годами тьмы. Прусский путь, по терминологии Ленина, есть тоже своего рода кара за отказ от борьбы за американский путь.

Но и «ошибки гигантов» оборачиваются, например, возрождением азиатчины в стране якобы «победившего социализма» при Сталине и Брежнев. Несправедливо, что казнен Мюнцер, несправедливо, что ныне Ленин – объект шельмования со стороны всяких недоумков. Но история справедлива тем, что она понимает свою несправедливость. Когда люди поймут, почему так несправедливо наказаны совершившие «ошибку гигантов», то они начнут искать дорогу, на которой за свободное действие, за поиск справедливого хода истории не надо будет расплачиваться так, как расплатились Мюнцер и поднятое им на восстание крестьянство. Но они смогут во всей полноте понять и мысль Горация – «согрешись, избегая ошибки».

Если бы первые люди в раю не совершили ошибки, то не было бы никакой человеческой истории. Люди были наказаны, согласно библейскому мифу, за стремление к познанию. Они бывают наказаны и за стремление к свободе и справедливости, за выход за пределы возможного. Но как заранее просчитать с абсолютной точностью, что возможно, а что нет?

Упрек «не надо было браться за оружие» следует обратить к одноклеточным, писал Лифшиц. Сущность всякой жизни – это проба штыком границ возможного. Мудрость обывателя возвращает жизнь к неорганическому состоянию материи, то есть к смерти. Но, с другой стороны, тот, кто не понимает, как история наказывает и за «ошибку гигантов», тоже становясь историей несправедливой, карающей и правого, и виноватого, тот не марксист, а проповедник «холерного бунта» (Мих. Лифшиц).

Итак, справедлива ли история? Если справедлива, то благородные устремления и героические действия людей не напрасны, и само существование человечества в бескрайних пространствах космоса не бессмысленно. По убеждению Мих. Лифшица, несмотря на все расхождения и споры, несмотря на крайнюю сложность и пока далеко недостаточную разработанность вопроса о справедливости и свободе человека, марксистская традиция едина. Нужно мечтать, писал Ленин, нужно «разбудить в толпе героическое самосознание», учил Плеханов. История все же справедлива, утверждал Лифшиц. История неизбежно станет более справедливой, если люди на собственном горьком опыте постигнут и историческую оправданность ее несправедливости, когда она казнит таких людей, как Томас Мюнцер, осмысляют и осознают глубокую правоту, благородный трагический подвиг тех, кто, совершив «ошибку гигантов», сделал нечто, что никогда не смогли бы совершить те, кто благоразумно сидит на берегу мирового океана и не решается на свой страх и риск выйти в бескрайнее море.

Список литературы:

1. Ленин В.И. Предисловие к русскому переводу писем К. Маркса к Л. Кугельману // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 371-379.
2. Ленин В.И. Уроки московского восстания // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 13. С. 369-377.
3. Лифшиц Мих. Ветер истории // Лифшиц М.А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. М., 1984. С. 273-316.
4. Лифшиц Мих. Г.В. Плеханов: Очерк общественной деятельности и эстетических взглядов // Лифшиц М.А. Собр. соч.: В 3 т. Т. 3. М., 1988. С. 107-188.
5. Лифшиц Мих. Что такое классика? М., 2004.
6. Маркс К. Гражданская война во Франции // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 17. С. 317-370.
7. Плеханов Г.В. Еще о нашем положении // Г.В. Плеханов. Соч. Т. 15. М.; Л., 1926. С. 3-19.
8. Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю // Плеханов Г.В. Соч. Т. 7. М.; Л., 1925. С. 57-327.
9. Плеханов Г.В. К шестидесятой годовщине смерти Гегеля // Плеханов Г.В. Соч. Т. 7. С. 29-57.

МАРКСИЗМ, Г.В. ПЛЕХАНОВ И ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается роль марксистской теории и Г. В. Плеханова в объяснении социально-экономического развития России, его убежденность в необходимости прохождения капиталистической стадии развития. Показывается, что эта убежденность основывалась на положении об экономической предопределенности исторического развития, что стало причиной его разногласий с большевиками по вопросу о путях развития общества.

Ключевые слова: Экономический детерминизм, объективные законы истории, русская революция, советское общество, экономические преобразования.

Марксизм как теория и даже мировоззренческая концепция для нашей страны имеет особое значение. Русская интеллигенция, по выражению Н.А. Бердяева, была пропитана марксизмом. И по общему признанию «отцом» русского марксизма был Г.В. Плеханов. Конечно, сегодня марксизм у нас «не моден», некоторые обществоведы его стесняются или даже стараются забыть. Но тем, кто его серьезно изучал и вырос в его атмосфере, трудно перестать мыслить в марксистских категориях. Марксизм – это как таблица умножения для культурного человека. Сколько бы ему не говорили, что сегодня при наличии электронных калькуляторов и компьютеров знать таблицу умножения совсем не нужно, это прошлый век и т.д., однако же, забыть или выбросить ее из головы просто физически невозможно. Да и сами компьютеры построены на принципах этой таблицы.

Итак, марксизм живет, сколько бы его не критиковали и сколько бы от него не отворачивались. Как ни странно, но после развала «социализма» в СССР, марксизм не только не умер, а, наоборот, демонстрирует бурное развитие. К сожалению, в основном, в западных странах. Пока и в этом отношении нынешняя Россия отстает от «цивилизованного» Запада. Поэтому нам и надо, никуда не торопясь, разбираться с марксизмом и спокойно обсуждать возникающие проблемы в области теории и практики. Кардинальным является следующий вопрос: сохраняет ли марксизм свою ценность как теория познания и инструмент преобразования современного мира, или он ушел в небытие вместе с провалом планов построения социализма в одной стране? И другой, этим тесно связанный с первым вопрос: насколько можно говорить о последовательной реализации марксистской теории в советской практике? Был ли «советский социализм» марксистским? И еще: есть ли у нас какая-то иная теория, которая лучше и полнее объясняет наш современный мир?

В советский период почти невозможно было поставить под сомнение то или иное положение марксизма и тем более объявить его устаревшим. А та-

ковых было и есть немало. Например, тенденция средней нормы прибыли к понижению и автоматического краха капитализма или положение об абсолютном обнищании пролетариата. Совершенно очевидно, что ни автоматического краха капитализма, ни абсолютного обнищания сегодня в мире не наблюдается. Значит, эти положения марксизма при общем подходе не подтвердились жизнью, оказались неправильными, если их воспринимать буквально.

Однако будет весьма опрометчивым делать на этой основе общий вывод о том, что марксизм в целом был ошибочным или устарел. Прежде всего, надо иметь в виду, что мир капитализма не стоял на месте, он видоизменялся и продолжает видоизменяться. Менялся в том смысле, а может быть, и, прежде всего, под влиянием марксистской критики и успехов социалистического движения. Да и само изменение капиталистического мира достаточно очевидно было предсказано марксизмом: отсталые страны идут по стопам более развитых, усиливается концентрация и монополизация производства, разные страны все теснее переплетаются в единую капиталистическую систему и т.д. Поэтому просто неразумно брать конкретные описания Маркса капиталистического общества 150-летней давности и примеривать их к современному западному обществу. В этом смысле, конечно, марксизм устарел. Но устарел так же, как «устаревают» родители по отношению к своим детям.

Итак, экономическая теория марксизма. Разных теорий, в том числе экономических, довольно много. И нельзя сказать, что все они или многие из них плохие и ничего не стоят по сравнению с марксистской идеей. Многие экономические, так сказать, немарксистские, теории, концепции, положения знать нужно и полезно. Нелепо же считать, что экономическая теория Маркса исчерпала все и вся. Есть очень большой круг экономических явлений и процессов, которые экономическая теория марксизма вовсе не касается или нейтральна. Да и многие положения самой экономической теории марксизма требуют серьезного переосмысления. Но в данном случае речь идет, собственно, о самом главном в экономике, о теории экономического процесса, теории экономического строя общества. Марксистская теория, проделав в этой области колоссальную работу, обладает значимыми результатами. Конечно, у марксистской экономической теории по этому кругу вопросов есть конкуренты, но без экономической теории марксизма дать внятное описание этой темы, на мой взгляд, просто невозможно.

В экономической теории марксизма имеется достаточно положений, которые и сегодня помогают понять современное капиталистическое общество. Ведь не надо забывать, что марксизм объясняет механизм рыночной экономики и эволюцию капиталистического общества. Стало быть, покуда Россия находится в лоне того и другого, марксизм продолжает оставаться

для нас весьма актуальной научной теорией. Конечно, это не марксизм советского образца, который под названием «марксизм-ленинизм» представлял собой искусственную идеологическую конструкцию, изготовленную в сугубо политических целях обоснования авторитарного режима.

Но есть другой, а на самом деле действительный марксизм, способный критически осмыслить не только советский «марксизм-ленинизм», но и некоторые положения классического марксизма. Вот, например, как быть с социализмом, про который у Маркса почти ничего нет, остается неясным. То есть, если общество перейдет в посткапиталистическую стадию, станет обществом «знаний», где рыночный механизм утрачивает свою регулирующую функцию, нужна ли будет экономическая теория марксизма? Не сохранять же нам на вечные времена российский дикий капитализм с единственной целью – увековечить марксистскую экономическую теорию.

Известно, что человеческая история эволюционирует не хаотично, а в соответствии с объективно действующими законами, которые и называют законами исторического развития. Задача науки состоит в выявлении таких законов и в разъяснении обществу необходимости следовать этим законам. История детерминирована объективными условиями человеческого существования (и, прежде всего, экономическими), что полностью подтверждается и сегодня. Такая концепция была разработана марксистским учением под названием исторический материализм или экономический детерминизм, крупнейшим представителем которого в России являлся Г.В. Плеханов.

Г.В. Плеханов эту концепцию развил и применил для России в острейшей идеологической борьбе с народниками, которые вслед за А.И. Герценом искали особые пути развития страны. Так Герцен еще в 1863 г. писал: «Почему же народ, самобытно развившийся, при совершенно других условиях, чем западные государства, с иными началами в быте, должен пережить европейские зады, и это – зная очень хорошо, к чему они ведут?»¹. Герцен искал и предлагал иной путь развития, который миновал бы буржуазную стадию и никак не мог сделать вывод об объективной неизбежности для России капиталистической стадии развития. На что Плеханов заметил, что «у нашего автора не хватает силы принять этот вывод»². Тем не менее, среди русской интеллигенции конца XIX в. весьма распространенной была вера, как писал Н.К. Михайловский в 1880 г., в «возможность непосредственного перехода к лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадию европейского развития, стадию буржуазного государства»³. Между прочим, эта вера в то, что стадию буржуазного развития можно проскочить или максимально сократить прочно сидела в головах и душах многих советских обществоведов. Г.В. Плеханов достаточно метко и остроумно критиковал такого рода упражнения российских интеллектуалов, которые по-

лагали, что объективные исторические законы для России не обязательны. «Подобно тому, – писал он, – как русский крестьянин не любит писаных законов и стремится обделать всякое дело по-своему, «по душе», русский интеллигентный человек боится законов исторических и апеллирует к самобытности, к «субъективному методу в социологии» и т.п., т.е., в сущности, к той же «душе»⁴. Пожалуй, лучше и сказать трудно.

Именно марксизм наиболее глубоко разработал теорию экономического детерминизма и дал научное объяснение историческим закономерностям. Марксово понимание исторического процесса можно найти в следующих словах: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего». «Всякая нация может и должна учиться у других. Общество, если даже оно напало на след естественного закона своего развития, ... не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами»⁵. Эти классические положения означают, что, например, буржуазные отношения никогда не могут появиться на базе феодальных производительных сил. Так же и социалистические производственные отношения никогда не могут появиться на основе развивающихся капиталистических производительных сил. То есть, для образования социалистического общества необходим настолько высокий уровень развития производительных сил капиталистического общества, который, по сути, будет означать, что им уже тесно в рамках старых (т.е. буржуазных) производственных отношений. Согласно теории марксизма получается, что социализм может «победить» только в самых экономически развитых странах и в силу транснационального характера современного производства, что сегодня стало совершенно очевидным, в целом ряде стран одновременно как взаимосвязанный процесс.

Если строго придерживаться этой формулы, разъяснению которой Г.В. Плеханов посвятил много сил, то становится трудно объяснить социалистический характер Русской революции 1917 г. и последующее строительство социализма в отдельно взятой стране. Как известно, Русская революция произошла в отсталой стране с крайне низким уровнем развития капитализма. Согласно марксистской теории в России могла произойти только буржуазно-демократическая революция, целью которой было, прежде всего, преодоление пережитков феодализма. Россия в начале XX в. никак не могла прежде европейских стран приступить к социалистическому переустройству общественной жизни, ибо капитализм здесь только начал развиваться.

Г.В. Плеханов много раз предупреждал о невозможности взятия государственной власти пролетарской партией в тех экономических условиях, которые были характерны для России начала XX в. В октябре 1917 г. он писал: «Наш рабочий класс еще далеко не может с пользой для себя и для

страны взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть – значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем и для всей России»⁶. И еще: «Социалистическая, как и всякая другая, организация требует соответствующей ей основы. Этой-то основы и нет в современной России»⁷. И в другой работе, ставя популярный тогда вопрос – «должна» или «не должна» Россия пройти через школу капитализма, – отвечает новым вопросом: «Почему же бы ей и не окончить той школы, в которую она уже поступила?» И далее отвечает: «За капитализмом вся динамика нашей общественной жизни, все те силы, которые развиваются при движении социального механизма и, в свою очередь, определяют направление и скорость его движения»⁸. И Г.В. Плеханов специально разъяснял этот момент: «Крестьянству нужна земля, в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается. Больше того: хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена не в сторону социализма, а в сторону капитализма. В этом опять-таки не может сомневаться никто из тех, которые хорошо усвоили себе нынешнюю социалистическую теорию»⁹. Г.В. Плеханов делает и такое заключение: «Объективные общественные условия производства не созрели еще для социалистической организации, а потому и в самих производителях нет еще ни стремления, ни способности к такой организации» И наконец: «Мы должны сознаться, что отнюдь не верим в близкую возможность социалистического правительства в России»¹⁰.

Таким образом, развитие производительных сил вызывает соответствующие изменения производственных или общественных отношений. Значит, по степени развития производительных сил можно определять общественные отношения или общественное устройство конкретной страны. Значит, есть какие-то объективные критерии развития, в равной мере (более или менее, конечно) применимые для всех стран. Социальные науки должны давать более или менее четкие критерии общественного развития, помогать в определении стадии развития страны или группы стран, установить соотношение уровней их развития и движущие силы. Это означает, что все страны при их безусловных отличиях и многих особенностях, имеют одни и те же закономерности исторического развития, проходят в своем историческом развитии примерно одни и те же этапы. Общество не может ни перескочить естественные фазы своего развития, ни отменить их в законодательном порядке. Поэтому говорить о социалистическом характере российской революции 1917 г., с точки зрения Г.В. Плеханова, просто нелепо.

В этой связи встает и другой вопрос: а был ли в Советском Союзе социализм? Г.В. Плеханов, естественно, на этот вопрос ответил бы отрицательно. Но есть много сторонников противоположной точки зрения, что в нашей

стране все же был социализм. Действительно, за годы советской власти многое удалось сделать, удалось превратить полуколониальную царскую Россию в высокоразвитую индустриальную страну, во вторую сверхдержаву мира. Это бесспорно. Но при этом СССР серьезно отставал от многих европейских стран не только в обеспечении материального благосостояния народа, но и в качественных показателях развития промышленности и эффективности всей экономики. Словом, если страны с более высоким экономическим и культурным развитием не были социалистическими, то и СССР не мог быть социалистическим. С точки зрения классического марксизма и Г.В. Плеханова, – это нонсенс.

Другое дело и другой вопрос, что у нас были элементы социалистичности и, в ряде случаев, довольно существенные, но это в целом не меняло дела. В Швеции тоже имеются довольно значительные элементы социализма. Таким образом, сделаем вывод, несмотря на то, что Советский Союз официальными властями объявлялся страной социализма, последнего тут не было и не могло быть. Данное положение ныне разделяется многими исследователями.

Итак, Г.В. Плеханов считал, что «русская история еще не смолола той муки, из которой будет со временем испечен пшеничный пирог социализма, и что пока она такой муки не смолола, участие буржуазии в государственном управлении необходимо в интересах самих трудящихся»¹¹. При этом он оговаривался: «Демагоги запоют, завопиют и возглаголят на разные голоса, что я советую социалистам петь хвалы буржуазии. Это, разумеется, вздор. Мы должны критиковать буржуазию, мы должны всеми силами отстаивать от ее посягательств интересы рабочего класса. Но мы должны делать это разумно и целесообразно; мы должны позаботиться о том, чтобы, идя в одну комнату, не попасть в другую; мы должны вести свою пропаганду и агитацию так, чтобы под их влиянием народ не вообразил, будто ему не остается ничего другого, как теперь же попытаться сделать социалистическую революцию»¹². В этой связи вполне можно согласиться с мнением, высказанным по итогам обобщения современных «Плехановских чтений»: «Плеханов показал, что, несмотря на «особенную статью», российская история протекает в русле общей истории человеческой цивилизации, а потому и для ее «измерения» существует общий для всего человечества «аршин»¹³.

Действительно, история нашей страны сложная и противоречивая, но понимать и объяснять ее надо. Гигант общественной мысли – Г.В. Плеханов в начале XX в. сказал много мудрых слов о нашей истории. Наша задача – понять его мысль, понять нашу российскую историю, а значит, понять нашу современность.

¹ Герцен А.И. Концы и начала // Герцен А.И. Собр. соч. : В 30 т. Т. 16. М., 1959. С. 198.

² Плеханов Г.В. А.И. Герцен и крепостное право // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения: В 5 т. Т. 4. М., 1958. С. 674.

³ Михайловский Н.К. Литературная критика и воспоминания. М., 1995. С. 190.

⁴ Плеханов Г.В. Наши разногласия // Плеханов Г.В. Избранные философские... Т. 1. М., 1956. С. 305.

⁵ Маркс К. Капитал Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М., 1960. С. 9-10.

⁶ Плеханов Г. В. Год на Родине. // От первого лица. М., 1992. С. 51.

⁷ Плеханов Г.В. Наши разногласия. // Плеханов Г.В. Избранные философские... Т. 1. С. 103.

⁸ Там же. С. 288.

⁹ Плеханов Г. В. Год на Родине // От первого лицаС. 51.

¹⁰ Плеханов Г.В. Наши разногласия // Плеханов Г.В. Избранные философские... Т. 1. С. 103.

¹¹ Плеханов Г. В. Год на Родине // От первого лица. ...С. 20.

¹² Там же. С. 20.

¹³ Филимонова Т.И. Плехановские чтения // Россия в 1912–1922 гг.: период социально-политического слома и национальной консолидации: Материалы к конференции, 30 мая – 1 июня 2008 г. / VIII Плехановские чтения. СПб., 2008. С. 10.

Х. Сакамото

ОТНОШЕНИЕ Г.В. ПЛЕХАНОВА К ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ

В ноябре 1905 г. в «Дневнике социал-демократа» № 3 Плеханов впервые упомянул о тактике на выборах в Государственную Думу: «Допустим, что тактика бойкота Государственной Думы, еще так недавно вызывавшая между нами такие горячие споры, была на самом деле наилучшей тактикой при данном настроении городов. Но по отношению к деревне это допущение очевидно невозможно. Всякий понимает, что при своей страшной политической неразвитости крестьянство совершенно неспособно было бы понять идею бойкота, и всякий должен понять также, что при умелом воздействии на ход волостных выборов мы могли бы вызвать целый ряд таких столкновений крестьян с администрацией, которые в короткое время создали бы сознательную оппозицию в деревне. Этого одного было достаточно для того, чтобы отказаться от бойкота»¹. Из этого видно, что тогда Плеханов отказывался от тактики бойкота только в деревне.

Но уже в декабре того же года, в следующем «Дневнике социал-демократа» № 4 он взял свои слова назад и написал: «Не только в деревне, но и в городе участие наше в выборной агитации даст нам возможность довести до максимума влияние на широкие слои трудящегося населения. Поэтому я против бойкота»². И в статье «О выборах в Думу» («Дневник социал-демократа». Март 1906. № 5) он пишет: «Следовало бы нам принять участие в выборах; участие в выборах содействовало бы развитию политического сознания народа»³.

В апреле 1906 г. на Стокгольмском Объединительном съезде Плеханов выступил по вопросу об отношении к Государственной думе, и его резолюция, отменившая тактику бойкота, была принята.

И после разгона первой Думы (9 июля) его тактика осталась неизменной. В статье «Общее горе» («Дневник социал-демократа». Август 1906.

№ 6) он писал: «Бойкот был и останется вредным для дела политического воспитания народа. Но отказываясь от бойкота, как от нецелесообразного приема борьбы, враги реакции должны самые выборы в будущую Думу сделать средством пропаганды идеи Учредительного Собрания. Только при этом условии участие в выборах даст для политического воспитания народа все то, что оно может дать»⁴.

В сентябре 1907 г. перед выборами в третью Думу в статье «Неосновательные опасения» Плеханов, отвечая кадету А.А. Кизеветтеру, который критикует избирательную платформу социал-демократов, признал, что она «написана неудачно» и «плохо продумана». Вслед за Марксом он утверждал, что передовые рабочие «должны, как страшной ошибки и как величайшего позора, избегать всякого такого шага, который ослабил бы позиции либеральной буржуазии в ее борьбе со старым порядком»⁵. Эта статья вызвала критику автора со стороны большевистского ЦК РСДРП и Петербургского Комитета РСДРП.

То, что и после созыва третьей Думы Плеханов по-прежнему придерживался предложенной им тактики, показывают следующие строки из статьи «Заметки публициста», написанной им в 1908 г.: «Государственный переворот 3 июня дал возможность правительству обеспечить себе, наконец, послушное, почти раболепное думское большинство, найти, наконец, свою «Chambre introuvable». И вот, когда дело «порядка», торжествует, а «крамола» все более и более загоняется в «подполье», из среды «умеренно-правых» депутатов, тех депутатов, от которых правительство, казалось, не могло ожидать себе ничего, кроме удовольствия, раздается крестьянский голос: «Мы требуем принудительного отчуждения». Выходит, что, в какие «охранительные» партии ни заманивай крестьянина, он, – подобно волку, о котором говорит пословица и который, как известно, «все в лес смотрит», – все думает о земле. И с этим, очевидно, ничего не поделаешь, по крайней мере в настоящее время, при нынешних наших условиях. Гони природу в дверь, она влетит в окно»⁶.

Его тактика была тесно связана с его оценками перспективу революции в России. Он надеялся на то, что участие в выборах содействует развитию политического сознания рабочих и крестьян. Это должно открыть возможность свержения самодержавного строя. По мнению Плеханова, предстоящая революция в России является буржуазной. Поэтому он стремился создать блоки социал-демократов и кадетов на выборах. Но его тактика пришла к концу, когда Николай II закрыл четвертую Дума в январе 1915 г.

¹ Плеханов Г.В. Соч. Т. 13. М.; Л., 1926. С. 350.

² Там же. Т. 15. М.; Л., 1926. С. 15.

³ Там же. С. 61.

⁴ Там же. С. 164.

⁵ Там же. С. 347.

⁶ Там же. С. 415.

МАРКСИСТСКИЕ ТЕОРИИ КОЛОНИАЛЬНОГО ИМПЕРИАЛИЗМА И ФАШОДСКИЙ КРИЗИС 1898 Г.

Аннотация. В статье предлагается вариант интерпретации марксистских теорий колониализма, опирающихся на элементы преимущественно экономического характера. Колониальные события в конце XIX в. анализируются в соответствии с особенностями европейской дипломатии в эпоху империализма. Процесс раздела Африки рассматривается как результат деятельности политиков и дипломатов великих держав. Как показал Фашодский кризис, колониальный империализм развивался при сохранении европейской системы альянсов.

Ключевые слова: Маркс; империализм; колониализм; «борьба за Африку»; Фашода; европейская дипломатия.

Антиколониальный интернационализм Маркса исходил из того, что если колониализм существовал до капитализма и без него, то капитализма не существовало и не могло бы существовать без колониализма. Колониализм породил капитализм и стал его постоянным условием¹.

В «Манифесте» показано, что колониализм являлся исторической предпосылкой капитализма в Европе². Установление колониальной системы и последовательное создание мирового рынка определили экономический, социальный и политический характер мировой капиталистической системы. Маркс полагал, что колонизация даёт буржуазии метод решения повторяющихся экономических кризисов. Представляя собой модус вивенди капитализма и одновременно способ решения его внутренних противоречий, колонизация также стала источником космополитизма и интернационализма буржуазии. В результате, в колониализме усматривалось «основное условие» появления капитализма³.

По Ленину, форма колониализма, которую он назвал империализмом, была «высшей стадией капитализма», а не просто одной из многих фаз становления самого капитализма. Ленин разделял мысль Маркса о том, что колониализм и капитализм были создателями и созданиями друг друга⁴.

Очевидно, марксистские размышления о колониальном империализме предполагают элементы преимущественно экономического характера⁵. Однако, если рассматривать процесс раздела африканского континента, вошедший в историю как «борьба за Африку», то можно представить другую интерпретацию колониальных событий в соответствии с более специфическими особенностями европейской дипломатии в эпоху империализма. Дело не в том, чтобы продемонстрировать здесь европоцентристское тече-

ние марксизма, которое ставит под сомнение аподиктическую связь между капитализмом и империализмом, но в дополнение и расширение существующих интерпретаций.

«Борьба за Африку», как правило, в соответствии с марксистскими предпосылками трактуется как конкуренция между европейскими державами за формальный контроль над рынками, которые изначально открыл капитализм. Однако некоторые авторы, как например, Рональд Робинсон и Джон Галлахер, используют иной способ толкования. По мнению этих исследователей, это не бизнесмены и не миссионеры начали раздел Африки, а скорее, дипломаты, которые рассматривали африканские дела в зависимости от внеафриканских вопросов⁶.

Как считал и историк Филдхаус, у стремления европейских инвесторов найти сбыт для избытка капитала не было ничего или мало общего с разделом Африки и территорий Тихого океана между европейскими державами⁷. С этой точки зрения, империализм⁸ не рассматривается им как причина раздела.

Тезис Робинсона и Галлахера основан на том факте, что на протяжении всего XIX в. политика Британской империи была довольно «минималистской»⁹. Внезапная волна официальных аннексий в Африке в течение 1880-х и 1890-х гг. рассматривается не как результат изменения этой общей политики, но как потребность в том, чтобы успехи националистических движений в Египте и Южной Африке не создали угрозу более широким интересам Великобритании, в первую очередь контролю торгового пути в Индию.

Обеспечение безопасности Суэцкого канала привело к британской оккупации Египта, а затем к аннексии части Западной Африки Францией, желавшей предотвратить осуществление континентального превосходства Великобритании. В этом контексте стратегические приоритеты соперников не совпадали с экономическими. Для того, чтобы устранить французов из Египта, премьер-министр Великобритании лорд Солсбери был готов потерять господство над Западной Африкой, коммерческий потенциал которой был значительным, в пользу защиты интересов Англии в долине Нила, где земля была мало плодородной.

Галлахер, в частности, делает вывод, что во время раздела Африки главной заботой европейских держав было нежелание уступить территории друг другу, а не собственно стремление к завоеванию: «торговля, в общем, следовала за флагом»¹⁰.

Таким образом, хотя по отношению к европейскому контексту дипломатия действовала как средство сохранения предшествующего политического равновесия или создания более стабильного равновесия, во внеевропейском контексте характерным для нее было расширение географического пространства¹¹. Следовательно, за пределами Европы первые основные гео-

стратегические проекты начинали определяться на основе владения ключевыми сферами земного шара, которые считались жизненно важными для государств, их присвоивших или предъявлявших на них специальные права. Идея территориального единства привела Великобританию из Кейптауна в Каир, Португалию – из Анголы в Мозамбик, Германию – из Западной Африки в Трансвааль, Францию – из Сенегала в Джибути. Такое соревнование за захват портов и станций, населения и полезных ископаемых называли «схваткой за Африку».

Все это было бы невозможно без идеологий, которые по-разному обосновывавших колониальное призвание великих держав, в то время как в самой Европе происходили политические трансформации и экономический рост.

На внешнеполитическую дискуссию во Франции повлияла потеря Эльзаса-Лотарингии после франко-прусской войны 1870-1871 гг. В силу этого любая форма сотрудничества с Германией оказывалась немыслимой, а стремление к реваншу толкнуло Францию в направлении сотрудничества с Англией и соглашений с Россией¹².

Концепция экстерриториального господства, поддержанная правительством Англии, прямо исходила из утверждения морского превосходства и преимущества британского флота над флотами других европейских стран. Согласно теории «стандарта двух держав», считалось, что военно-морской флот Англии должен достичь такого уровня развития, чтобы быть равным по своей силе двум подобным флотам великих держав¹³.

Германия, несмотря на проявленную активность колониального движения, развивавшегося в рамках географических ассоциаций и торговых кругов, не преследовала цели создания собственной африканской империи. Появление империализма было скорее результатом преднамеренного решения, принятого Бисмарком весной 1884 г.¹⁴ Намерение Германии стать *ipso facto* колониальной державой заложило основы такой формы сотрудничества с Францией, которая (хотя подобное было совершенно неприемлемо в европейских делах), при определенных обстоятельствах могла превратиться в средство дипломатического давления на Англию при возникновении проблем, касающихся решения именно общих европейских дипломатических вопросов¹⁵.

Удивительно, но «борьба за Африку» не была начата ни одной из великих держав. Путь к переделу Африки «открыл» Леопольд II, король Бельгии, влияние которой на европейский баланс сил было практически ничтожным. Деятельность Леопольда II связана с появлением в 1876 г. «капиталистического предприятия пиратского стиля»¹⁶, Международной ассоциации по исследованию и цивилизации Центральной Африки. В период с 1878 по 1882 гг. идея международной филантропической ассоциации усту-

пила место идее частного предпринимательства и таким образом был осуществлен переход от целей этических к политическим. В результате, король бельгийцев создал Свободное государство Конго, являвшееся, фактически, личным владением и «бизнесом» короля.

До 1879 г. только одна десятая часть африканского континента принадлежала европейским державам: Франция приобрела Алжир, Сенегал, Габон, Мадагаскар, базу Обоков в Сомали и Тунис, а Великобритания – Египет, Гамбию, Сьерра-Леоне, Нигерию, Занзибар, Аден, Капскую колонию и Трансвааль. Бардосский договор (май 1881 г.), установивший протекторат Франции над Тунисом, и английская оккупация Египта (сентябрь 1882 г.), обозначившая окончание англо-французского кондоминиума, стали причиной общей экспансии в Африке, достигшей своего апогея в последнюю декаду XIX в.¹⁷

Египет и Тунис могли бы стать отправными точками для проникновения в черную Африку, с одной стороны, в направлении Нигера и Западной Африки, с другой – долины Нила и Восточной Африки. На основе таких исключительных прав разворачивались два крупных геополитических проекта: французский проект предусматривал ось связи по направлению восток-запад, тогда как в основу английского проекта была положена идея экспансии по линии север-юг. Осуществление того и другого требовало, чтобы был завоеван Судан. Как результат, в сентябре 1898 г. в болотистой местности Фашоды (современного города Кодок) французская экспедиция, которую возглавил генерал Маршан, вошла в столкновение с британской армией под руководством лорда Китченера¹⁸.

Вопрос принадлежности Судана-Нила решился французским отступлением и договором от марта 1899 г., в силу которого Франция укрепила свои позиции в Западной Африке, получив согласие Англии. Таким образом, Фашодский кризис стал последним звеном в длинной цепи африканских колониальных событий. Хотя процесс раздела Африки закончился официально в 1911-1912 гг., в результате раздела Марокко между французами и испанцами и почти совпавшей по времени аннексией Италией территории Ливии.

Фашодский кризис показал, что практика колониального империализма, направленного на достижение престижа, уже уступила место таким отношениям между державами Старого света, в основе которых лежали компромиссные договоренности¹⁹.

До 1890 г. дипломатическое равновесие Европы основывалось на превосходстве центральных империй. Последующее противостояние между Тройственным и Франко-русским союзами изначально не раскололо Европу на два лагеря. Тройственный и Франко-русский союзы могли даже объединиться, как показала практика вмешательства европейских держав

в дела Китая и Японии. При этом Россия не придерживалась политики, направленной против Германии или ее союзников²⁰, а новый немецкий император Вильгельм II намеревался сохранить мир в Европе для дальнейшего экономического развития Германии и поддержания своего влияния на европейские дела, которое немецкая нация унаследовала от Бисмарка²¹.

Политика Вильгельма II не отличалась от линии Бисмарка, не всегда добросовестные дипломатические усилия которого были направлены к формированию противостояния Санкт-Петербурга и Парижа Лондону²². Германская «вельтполитик», однако, исходила из концепции построения односторонней внешней политики, и кайзер менее интересовался системными аспектами внутриевропейских отношений²³.

Англия, со своей стороны, положительно относилась к Тройственному союзу и не желала создавать противовеса гегемонии этой комбинации, поддерживая дружеские отношения с членами Тройственного союза и не участвуя в нем формально²⁴.

Дипломатическая революция, следовательно, осуществилась не с помощью заключения Франко-российского альянса в 1891 г.²⁵, но путем преодоления соперничества между Англией и Францией после Фашодского кризиса. Разрешение этого кризиса стало первым шагом на пути к созданию Антанты в 1907 г. Однако Фашодский кризис, сочетавший в себе все черты империализма того времени, не стал переломным моментом в европейской дипломатии, поскольку развитие последующих событий приняли неожиданный оборот.

Непрекращающиеся споры и соперничество, которые вызывали столкновение экономических интересов европейских империалистических стран, привели ко многим вооруженным конфликтам: китайско-японской войне, греко-турецкой войне, англо-бурской войне. Эти разногласия, однако, некоторое время оставались локальными; наличие у держав непримиримых экономических интересов пока не достигло критического уровня, способного спровоцировать полномасштабный конфликт²⁶. Британское правительство, несмотря на угрожающую британским экономическим интересам в Китае политику России в Маньчжурии, в марте 1898 г. отвергло идею о прямом вмешательстве для предотвращения создания российской военно-морской базы в Порт-Артуре.

Единственный случай, когда такое столкновение едва не закончилось реальной войной между двумя европейскими державами, случился именно во время Фашодского кризиса²⁷. Как результат, «борьба за Африку», несмотря на некие обструкционистские тенденции, завершилась признанием взаимных интересов Лондона и Берлина. Но этого не произошло в процессе решения колониальных споров Лондона и Парижа. По мнению французов, потеря Египта была равнозначной потере Эльзаса-Лотарингии, а завоева-

ние англичанами Верхнего Нила, полагали французы, служило инструментом реванша²⁸.

Египетский кризис 1881-1882 гг. превратился в вопрос международного плана. Великие державы могли решить, поддерживать ли Англию, не будучи практически ее союзниками. Фашодский кризис, наоборот, коснулся только двух конкурентов в «борьбе за Африку». В том же контексте европейские альянсы играли несущественную роль: Великобритания не отказалась от своей политики «блестящей изоляции», а Франция оказалась изолированной из-за того, что лишилась поддержки России как своего союзника, и Германии, с которой были установлены контакты перед поражением Маршана в противостоянии при Фашоде.

Тем самым Африка стала единственной реальностью, в которой могли раскрываться антагонизмы, скрытые на европейском континенте. Колониальные споры держав базировались на том, что африканского баланса сил не было. Великие державы стремились сохранить баланс сил в Европе и придать прочность европейской системе²⁹.

При дальнейшем развитии колониального империализма в начале XX в. шел процесс пересмотра отношений между великими державами и проверялась эффективность сложившихся дипломатических комбинаций.

¹ Jaffe H. *Marx e il colonialismo*. Milano, 1977. P. 17.

² Marx K., Engels F. *Il Manifesto del partito comunista*. Roma, 1971. P. 57-58.

³ Jaffe H. *Marx e il colonialismo*. Milano, 1977. P. 17.

⁴ Ibid. P. 9. См. также: Jaffe H. *Colonialism Today*. London, 1962; Jaffe H. *Processo capitalista e teoria dell'accumulazione*. Milano, 1973.

⁵ Fieldhouse D. K. *The Theory of Capitalist Imperialism*. New York, 1967; Fieldhouse D. K. *Economics and Empire, 1830-1914*. London, 1973. См. также: Hobson J.A. *Imperialism. A Study*. London, 1902; Kautsky K. *Socialismo e colonialismo*. Milano, 1922; Luxemburg R. *L'accumulazione del capitale e Anticritica*. Torino, 1960; Lenin V. *L'imperialismo fase suprema del capitalismo*. Roma 1970; Schumpeter J.A. *Imperialismo e classi sociali*. Bari, 1972.

⁶ Robinson R., Gallagher J. *Africa and the Victorians. The Official Mind of Imperialism*. London, 1961; Robinson R., Gallagher J. *The Partition of Africa* // F.H. Hinsley (ed.) *The New Cambridge Modern History. Volume XI. Material Progress and World-Wide Problems, 1870-1898*. Cambridge, 1962. P. 593-640; Wolfe P. *History and Imperialism: A Century of Theory, from Marx to Postcolonialism* // *The American Historical Review*. Vol. 102, No. 2, 1997. P. 388-420.

⁷ Fieldhouse D. K. *Letà dell'imperialismo 1830-1914*. Roma-Bari, 1975.

⁸ Fieldhouse D.K. *The Colonial Empires. A Comparative Survey from the Eighteenth Century*. London, 1966; Ganiage J. *L'expansion coloniale et les rivalités internationales*. Paris, 1975; Hardy G. *La politique coloniale et le partage de la terre aux dix-neuvième et vingtième siècles*. Paris, 1937; Kiernan V.G. *European Empires from Conquest to Collapse, 1815-1960*. London, 1982; Miège J.L. *Espansione europea e decolonizzazione dal 1870 ai giorni nostri*. Milano, 1976; Mommsen W.J. *Letà dell'imperialismo*. Milano, 1970; De Moor J.A., Wesseling H. (eds.) *Imperialism and War. Essays on Colonial Wars in Asia and Africa*. Leyde, 1989.

⁹ Robinson R. Gallagher J. *The Imperialism of Free Trade* // *Economic History Review*. No. 6, 1953. P. 1-15.

¹⁰ Fieldhouse D. K. *Imperialism: An Historiographical Revision* // *Economic History Review*. No. 14, 1961. P. 187-209; Porter N., Holland R. F. (eds.) *Theory and Practice in the History of European Expansion Overseas: Essays in Honour of Ronald Robinson*. London, 1988.

¹¹ Alonzi R. *Fascioda e il rovesciamento delle alleanze*. Milano, 2008. P. 37.

¹² Brunschwig H. *Mythes et réalités de l'imperialisme colonial français, 1871-1914*. Paris, 1960; Ganiage J. *L'expansion coloniale de la France sous la Troisième République, 1871-1914*. Paris, 1968; Girardet R. *L'idée coloniale en France de 1871 à 1962*. Paris, 1972; Hanotaux G., Martineau A. (s.d.) *Histoire de colonies françaises et de l'expansion de la France dans le monde*. Paris, 1930-34; Murphy A. *The Ideology of French Imperialism, 1871-1881*. Washington, 1948.

¹³ Barié O. *Idee e dottrine imperialistiche nell'Inghilterra vittoriana*. Bari, 1953; Bodelsen C.A. *Studies in Mid-Victorian Imperialism*. London, 1960; Christopher A.J. *The British Empire at Its Zenith*. London, 1987; Lowe C.J. *The Reluctant Imperialists: British Foreign Policy, 1878-1902*. London, 1967; Semmel B. *Imperialism and Social Reform. English Social-Imperial Thought, 1895-1914*. London, 1960; Thornton A.P. *The Imperial Idea and Its Enemies*. London, 1959.

¹⁴ Wesseling H. *La spartizione dell'Africa*. Milano, 2001. P. 157; Busch M. *Les Memoires de Bismarck*. 2 vol. Paris, s.d. I. P. 552; Smith W.D. *The Ideology of German Colonialism, 1840-1906* // *Journal of Modern History*. 1974. № 46. P. 641-663; Taylor A.J.P. *L'Europa delle grandi potenze*. Bari, 1961. P. 426.

¹⁵ Brunschwig H. *L'expansion allemande Outre-Mer du quinzième siècle à nos jours*. Paris, 1957; Cornevin R. *Histoire de la colonisation allemande*. Paris, 1969; Taylor A.J.P. *Germany's First Bid for Colonies, 1884-1885*. London, 1938; Taylor A.J.P. *The Rise and the Fall of Germany's Colonial Empire*. New York, 1930.

¹⁶ Taylor A.J.P. *L'Europa delle grandi potenze*, Op. cit. P. 427.

¹⁷ Cecil G. *Life of Robert Marquis of Salisbury*. 4 vols. London. 1921-22. IV, P. 310.

¹⁸ Boulger D.C. *Fashoda and the Upper Nile* // *Contemporary Review*. Vol. 74, 1898. P. 667-673; Churchill W.S. *The Fashoda Incident* // *North America Review*. Vol 167:6, 1898. P. 736-743; Hanotaux G. *Le partage de l'Afrique: Fachoda*. Paris, 1909. P. 80; Jackson H.W. *Fashoda 1898* // *Sudan Notes and Records*. Vol. III, 1920. P. 1-11; Giffen M.B. *Fashoda and its Diplomatic Setting*. Chicago, 1930; Batut (De La) G. *Fachoda ou le renversement des alliances*. Paris, 1932; Treves P. *Il dramma di Fascioda. Francia e Inghilterra sull'Alto Nilo*. Milano, 1937; Taylor A.J.P. *Prelude to Fashoda. The Question of the Upper Nile, 1894-1895* // *English Historical Review*. Vol. 65, 1950. P. 52-80; Stengers J. *Aux Origines de Fachoda: l'Expédition Monteil* // *Revue Belge de Philologie et d'Histoire*. Vol. 38, 1960. P. 366-404, 1040-1085; Eubank K. *The Fashoda Crisis Examined* // *Historian*. Vol. 22/2, 1960. P. 145-162; Brown R.G. *Fashoda Reconsidered. The Impact of Domestic Politics on French Policy in Africa 1893-1898*. Baltimore, 1969; Sanderson G. N. *The Origins and Significance of the Anglo-French Confrontation at Fashoda, 1898* // Gifford P., Louis W.R. (eds.) *France and Britain in Africa: Imperial Rivalry and Colonial Rule*. London, 1971; Kanya-Forstner A.S. *Gabriel Hanotaux, the Colonial Party and the Fashoda Crisis* // *Journal of Imperial and Commonwealth History*. Vol. 3/1, 1974. P. 55-95; Salvy-Guide G.P. *Fachoda: Missione Marchand*. Milano, 1979; Cockfield J. *Germany and the Fashoda Crisis, 1898-99* // *Central European History*. Vol. XVI, 1983. P. 256-275; Bates D. *The Fashoda Incident of 1898. Encounter on the Nile*. Oxford, 1984; P. 55-104; Lewis D.L. *The Race to Fashoda. European Colonialism and the African Resistance in the Scramble for Africa*. London, 1988; Smith H. *The Unknown Frenchman. The story of Marchand and Fashoda*. England, 2001.

¹⁹ Alonzi R. Op. cit. P. 722.

²⁰ Langer W.L. *La diplomazia dell'imperialismo*. 2 voll. Milano, 1942. I. P. 88.

²¹ Bérard A. *La France et Guillaume II*. Paris, 1907. P. 19-21; Bourgeois E., Pagès G. *Les origines de la Grande Guerre*. Paris 1921. P. 240-241.

²² Laloy E. *La politique de Guillaume II depuis son avènement jusqu'à la déclaration de guerre de l'Angleterre (1888- 4 août 1914)*. Paris, 1917. P. 40; Mévil A. *De la paix de Francfort à la Conférence d'Algesiras*. Paris, 1909. P. 4.

²³ Formigoni G. *Storia della politica internazionale nell'età contemporanea*. Bologna 2000. P. 214.

²⁴ Viscount Grey of Fallondon *Twenty-Five Years, 1892-1916*. 3 vols. London, 1925. I. P. 50-51.

²⁵ Nolde B. *L'alleanza franco-russa. Le origini del sistema diplomatico*. Milano-Varese, 1949. P. 658.

²⁶ Torre A. L'Europa nell'età guglielmina. Bologna, 1958. P. 80

²⁷ Ibid.

²⁸ Contamine H. La Revanche: 1871-1914. Paris, 1957. P. 75.

²⁹ Alonzi R. Fascioda e il rovesciamento delle alleanze // Studi Senesi. CXXII, 2010. P. 22-64.

В.Л. Павлов

К. МАРКС О ТРУДЕ: НОВОЕ В ТЕОРИИ, МЕТОДОЛОГИИ, ПРАКТИКЕ

Аннотация. Рассматривается вклад К. Маркса в разработку проблемы труда. Обращается внимание на специфику использования ученым понятий «деятельность», «практика», «труд». Отмечается его роль в исследовании отчужденного труда. Отдельное внимание уделяется выводу Маркса о двойственном характере труда. Показывается роль конкретного и абстрактного труда в формировании разных форм стоимости – потребительной и меновой. Выделяются особенности методологии исследования мыслителем труда и его роли в функционировании производства и общества в целом. Раскрывается связь марксовской концепции труда с практикой общественной жизни.

Ключевые слова: деятельность, практика, труд, рабочая сила, отчуждение, двойственный характер труда, конкретный труд, абстрактный труд, капитализм, товар, потребительная стоимость, меновая стоимость, методология.

В палитре проблем, тем и вопросов, которым К. Маркс уделял пристальное внимание в течение всей своей сознательной жизни, особое место занимала проблема труда. Именно проблема. Исследователь хорошо понимал, что труд – в высшей степени сложное, многофункциональное образование. Постоянно сохраняя свои сущностные, неуничтожаемые качества и выступая базовой основой бытия индивидов, их различных объединений, общества в целом, он является причиной существования неисчислимого количества объектов, обладающих нередко противоположными характеристиками и по-разному влияющих на жизнедеятельность людей, природу, социум. Труд – одновременно источник богатства и сила, способная, при соответствующих условиях, уничтожить все живое на планете. В зависимости от обстоятельств он может доставлять радость или мучения, творить прекрасное или продуцировать низменное, быть созидающей или разрушительной силой.

В огромном и разноплановом теоретическом наследии немецкого философа и экономиста широко используются *три* близкие и одновременно разные по содержанию и функциональной направленности термина: *деятельность, практика, труд*. С помощью *первого* фиксируется собственно человеческий способ присутствия в мире. Деятельность – форма активности, посредством которой люди влияют на окружающую среду и тем са-

мым изменяют ее в соответствии со своими потребностями и интересами. Исторически она возникла тогда, когда наши древние предки перестали отождествлять себя с миром собственного бытия и начали относиться к нему как существующему по-иному, чем личное Я. Иными словами, состоялось выделение «Я» из всего того, чем есть «не Я». Деятельность, в строгом смысле слова, возможна лишь там, где имеет место различие субъекта и объекта, где субъект в состоянии посмотреть на объект со стороны, где наличествует отношение того, кто осуществляет активность, к объекту, на который активность направлена. Данный термин имеет высокий уровень абстрактности. Широко используется философией и другими отраслями знания. Понятие «*практика*» применяется, в первую очередь, для обозначения деятельности в мире предметов и вещей. Отличительная черта этого пути освоения человеком действительности – его чувственно-предметный характер. В марксизме, особенно в период ленинского этапа, высшим проявлением практики считалось революционное переустройство общества. Известное выражение К. Маркса «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹ ориентировано именно на практическое преобразование среды. Непреходящее значение практики в том, что она является критерием истины. Понятие «*труд*» сферой своего преимущественного функционирования имеет экономику. Хотя нередко используется и в более широком смысле – как деятельность по созиданию материальных и нематериальных ценностей. Без преувеличения можно утверждать, что труд – краеугольный камень, на котором держится все «здание» общества, его базис и надстройка.

Для К. Маркса очевидно, что объем богатства, существующего в обществе, напрямую зависит от количества и качества труда, потраченного на его создание, а производительность труда – важнейший показатель эффективности экономики. Вместе с тем, он указывал на отчетливо заявляющее о себе противоречие: при капитализме рост этой производительности не обязательно положительно сказывается на уровне жизни тех, кто непосредственно занят в производственном процессе. Зато выгоду всегда имеют собственники фабрик и заводов. Хотя труд принадлежит к ценностям абсолютного характера (как жизнь, здоровье, время и др.), в его оценке доминирует, к сожалению, субъективный фактор. Не случайно за один и тот же труд разные субъекты нередко получают существенно различающееся вознаграждение. В данном контексте можно говорить, что труд оплачивается неполно, по заниженным показателям и ставкам. Факторов, влияющих на означенную ситуацию, довольно много.

Проблема труда в творческом наследии К. Маркса наиболее полно представлена в сочинениях, посвященных экономической тематике, в первую очередь в «Капитале». Но еще задолго до начала работы над этим уни-

кальным произведением в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» он обратил внимание на феномен отчуждения, присутствующий во всех сферах капиталистического общества и в высшей степени негативно влияющий на жизнь простых тружеников. Отчуждение – это ситуация, когда результаты человеческой деятельности выходят из-под контроля тех, кто их создавал, и превращаются в самостоятельный мир, диктующий людям правила поведения. Причина такого положения вещей, по мнению мыслителя, – в отчуждении труда. Последнее он трактовал как процесс, в котором труд лишен привлекательности, отягощает человека, выступает постылой обязанностью зарабатывать деньги для поддержания физических и интеллектуальных сил субъектов производства. Отчужденный труд не доставляет и априори не может доставлять удовольствия людям. Хотя он и не существует сам по себе, вне человека, его сущность здесь чужая и даже враждебна индивидам. Ученый считал, что преодоление этого изъяна возможно при условии ликвидации частной собственности на средства производства.

Изучая публикации экономистов – своих предшественников и современников – и одновременно всесторонне анализируя специфику капиталистического способа производства, мыслитель констатировал бытовавшую в литературе поверхностность в понимании роли труда в формировании стоимости товара и прибыли, а также «белые пятна» в многочисленных попытках объяснить причины существования и характер взаимосвязи ряда экономических явлений и процессов. Например, популярная в то время трудовая теория стоимости не в состоянии была ответить, среди прочих, на вопросы: почему прибыль пропорциональна размеру авансированного капитала, который, сам по себе, ее не продуцирует; почему прибыль не пропорциональна количеству занятых на производстве рабочих, трудом которых она создается; как формируются конкретные формы прибавочной стоимости, как возникает меновая стоимость и другие.

Неслучайно исследователь так нелицеприятно отзывался о стремлениях трактовать экономическую жизнь общества с позиций абстрактного понимания труда и без учета многочисленных факторов объективного и субъективного характера, влияющих на экономические механизмы. «...Сведение товара к «*труду*», – писал он, – у всех предшествующих экономистов двусмысленно и неполно. Недостаточно свести товар к «*труду*», необходимо свести его к *труду* в двойкой форме...»². Важнейшая заслуга К. Маркса – открытие *двойственного* характера труда. Он убедительно показал, что эта двойственность проявляется в разных формах стоимости товара: *потребительной и меновой*. *Потребительная стоимость* – результат конкретных (по содержанию, обстоятельствам и направленности) трудовых операций, выполняемых соответствующими производителями. Создаваемые товары

(жилье, одежда, продукты питания, транспорт и др.) предназначены для удовлетворения предельно конкретных потребностей людей. Иными словами, речь идет о *конкретном труде* и его конкретных результатах. Он, по мнению мыслителя, характеризуется «...своей целью, характером операций, предметом, средствами и результатом»³. Это одна сторона труда и одновременно сторона бытия товаров, им созданных. Но существует и другая сторона – т. н. *абстрактный труд* и во многом иное проявление стоимости тех же товаров. Ее экономическим воплощением является *меновая стоимость*. Один товар, независимо от его предназначения (заложенных в него функций), т. е. потребительной стоимости, можно, при необходимости и наличии соответствующих условий, обменять на товар совершенно иной, имеющий нередко качественно иную предназначенность (иную потребительную стоимость). Согласно К. Марксу, и теоретически, и практически это осуществимо потому, что конкретика труда в данном случае не просто отодвигается на задний план, а элиминируется, исчезает из поля внимания. Товары, подлежащие обмену, рассматриваются как результаты просто труда, *вне его конкретики*. Труд как деятельности в ее абстрактном проявлении – абстрактного труда. И хотя в обоих случаях имеет место одно и то же – труд, данная целостность проявляет себя как *единство двух сторон: труда конкретного и абстрактного*. Эти стороны имеют диалектический характер. В зависимости от обстоятельств на определенное время одна из них становится доминирующей. Говорить в данном случае о борьбе противоположностей в ее выраженном виде не приходится. Тем не менее, налицо проявление первого закона диалектики. Немецкий философ и экономист по праву гордился своим открытием. «Эта двойственная природа содержащегося в товаре труда, – писал он, – впервые критически доказана мною»⁴.

Без преувеличения, речь идет о научном открытии, имеющем важное значение не только для политической экономии и прикладных экономических дисциплин, но и для понимания сути и специфики труда в общепhilosophическом смысле. Сам исследователь ставил его на один уровень с еще одним своим открытием – законом прибавочной стоимости, который считал основным законом капитализма. Завершив подготовку к опубликованию первого тома «Капитала», он писал Ф. Энгельсу: «Самое лучшее в моей книге: 1) подчеркнутый уже в *первой* главе *двойственный характер труда*, смотря по тому, выражается ли он в потребительной или в меновой стоимости (на этом основывается *все* понимание фактов); 2) исследование *прибавочной стоимости независимо от ее особых* форм: прибыли, процента, земельной ренты и т.д.»⁵.

Автор «Капитала» не ограничился констатацией факта бытия труда в двух означенных выше его ипостасях, но и указал причину такого положения дел. Она – в двойственной функции рабочей силы, которая является

носителем труда, его субъектом. *С одной стороны*, рабочая сила – важнейшая составляющая производительных сил общества. В этом статусе реализует себя в множественных актах *конкретного труда*, результатом которого выступает все богатство создаваемых товаров и услуг. *С другой стороны*, рабочая сила – один из субъектов производственных отношений. В данном контексте труд как проявление активности этой силы выполняет иную функцию. Он обеспечивает связь между теми, кто занят в системе производства. Иными словами, труд создает базис общества, является фундаментом основополагающего типа общественных отношений – производственных, выступая при этом в обезличенной форме и заявляя о себе как *абстрактный труд*. Предлагая такую аргументацию своим выводам, мыслитель тем самым показал, как возможен переход в познании от сущности одного порядка к сущности второго порядка.

Использование К. Марксом концепта «двойственный характер труда» позволило принципиально *по-новому* посмотреть на формирование и функционирование товарных отношений в современном ему обществе, дало возможность с действительно научных позиций объяснить природу феномена стоимости. Поскольку все, что происходит в экономической сфере, в большей или меньшей мере связано именно с трудом, то, согласно исследователю, его двойственная природа так или иначе находит проявление во *всех без исключения* экономических процессах. И хотя это не всегда видно на уровне явлений, в сущностном плане такое присутствие не подвергается сомнению. В данном случае налицо *методологическая роль* учения о двойственном характере труда. Иными словами, речь идет о том, что оно получило статус важного методологического принципа, с позиций которого можно не только исследовать разные стороны, аспекты экономики как целостной системы, но и теоретически постигать глубинные основы ее функционирования, недоступные эмпирическому уровню познания. Без сомнения, имеет место качественный прорыв, новое слово в *методологии* познания экономических процессов. В свою очередь, это оказало огромное влияние на практику протестного движения пролетариата против буржуазии. Наконец стали понятны истинные причины и механизмы эксплуатации наемной рабочей силы. Если раньше рабочие видели своего врага в машинном производстве, то теперь их внимание было обращено на буржуазию как эксплуататорский класс. Машины – лишь средство, способствующее интенсификации труда и увеличению прибавочной стоимости. Поэтому бороться необходимо не с ними, а с теми, кто эксплуатирует труд и варварски присваивает себе его результаты. Сказанное – еще один пример того, как формулировки и выводы теоретического характера, в нашем случае имеющие непосредственное отношение к экономике, получают выход в практику.

Марксово учение о двойственном характере труда интересно в философском плане. В нем свою экономическую интерпретацию и конкре-

тизацию одновременно нашло диалектическое положение о единстве конкретного и общего. Любой труд в контексте его исторического функционирования, а также разового проявления, во многом уникален, в ряде случаев неповторим ни процессуально, ни по своим результатам. Он *всегда конкретен* по субъектам, осуществляющим деятельность, времени и пространству, условиям, используемым средствам и многому другому. Одновременно несет в себе черты *общего*, того, что обуславливается характером эпохи, уровнем развития производительных сил и производственных отношений, спецификой организации производства в той или иной отрасли, номенклатурой выпускаемой продукции, качеством подготовки рабочей силы и др. При этом нельзя забывать, что общее и абстрактное – *не одно и то же*. Поэтому выражение «труд как единство конкретного и абстрактного» не тождественно по содержанию выражению «труд как единство конкретного и общего». Феномен абстрактного труда – диалектическое «преодоление» означенной выше конкретики. Здесь акцент делается на повторяющемся, некоем «знаменателе», к которому можно свести разные проявления труда. Таким «знаменателем» выступает то *объединяющее*, что присутствует в любом труде, независимо от того, где, когда и кем он осуществляется. Речь идет о расходовании субъектом труда своих сил и потенций: физических возможностей, знаний, умений, воли, эмоций, времени и др. Существование и функционирование в обществе денег имеет место потому, что они выступают эквивалентом данного «знаменателя».

Важно помнить: положения и выводы К. Маркса о труде сделаны на основе тщательного и всестороннего анализа механизмов функционирования капиталистической экономики. Этот пласт фактического и теоретического материала был объектом его первостепенного внимания. Учет особенностей экономических процессов в докапиталистических формациях тоже нельзя сбрасывать со счетов. Автор «Капитала» постоянно подчеркивал, что труд – основа хозяйственной активности людей на протяжении всей истории. Но если в первобытной формации он имеет примитивный характер и его компоненты в силу неразвитости содержания и формы выражены слабо, то по мере усложнения экономической жизни труд все сильнее заявляет о себе как фундаментальный фактор общественного развития. Поэтому неслучайно именно капитализм, в котором, с позиций того времени, в зрелой форме проявляли себя тенденции, закономерности и законы товарного производства, являлся территорией активного творческого поиска мыслителя. Эта «зрелость», умноженная на талант исследователя и его огромную работоспособность, позволила сформулировать выводы, по праву получившие статус научных открытий.

Немаловажную роль в этом сыграла предложенная К. Марксом *методология исследования*. Он обосновал положение об исходной «клеточке»

капиталистического производства – товаре и показал, что в ней скрыты все противоречия капитализма. Экономическая теория капиталистических производственных отношений в самом широком смысле слова – это «разворачивание» путем теоретических обобщений содержания данной «клеточки» на разных этапах ее функционирования: производство товара, формирование стоимости и цены, прибыль, обмен, потребление. Базовым принципом такого разворачивания, как показал Маркс, выступает *принцип стоимости*. В «Капитале» имеет место то, что в диалектической логике называется единством начала и принципа. Нельзя обойти вниманием и эффективное использование автором продуктивных *методов исследования*. Речь идет, в первую очередь, о методах анализа и синтеза, восхождения от абстрактного к конкретному, единства исторического и логического.

Умелое применение означенной методологии своим результатом и имело марксову *концепцию труда, позволившую* увидеть в труде то, что лишено очевидности: его внутреннюю структуру, детерминацию трудом прибавочной и меновой стоимости товара, присутствие труда в «снятом» виде в самых различных проявлениях экономических отношений и др. В значительной мере это помогло К. Марксу углубить аргументацию вывода о труде не только как об источнике материальной жизни людей, но и основе бытия социума в целом.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 4.

² Там же. Т. 49. С. 49.

³ Там же. Т. 23. С. 50.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Соч. Т. 31. С. 277.

Б. Дуранкев

КАРЛ МАРКС ОБ ИНДИКАТОРАХ ПЕРЕХОДА ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ

Аннотация. Разница между теорией Карла Маркса и идеями мыслителей его времени (а также и доминирующей неолиберальной доктриной до и после) может быть сформулирована однозначно: Маркс использует системный подход к вопросам развития – и во времени, и в пространстве.

Ключевые слова: Карл Маркс; капитализм; социализм; системный подход

Разница между теорией Карла Маркса и теориями остальных мыслителей его времени (а также и доминирующей неолиберальной доктриной до и после) может быть сформулирована однозначно: *Маркс использует системный подход к вопросам развития* – и во времени (с мыслями о будущем поколении), и в пространстве (с очертанием сложной взаимосвязи «природная система – экономическая система – демографическая система»).

Именно системный подход позволяет Марксу выделить как материалистическое понимание истории, так и задуматься о том, как выглядит «конец истории» (не по Фрэнсису Фукуяме) в одном социалистическом обществе. При этом Маркс представляет себе *переход от капитализма к социализму* не как единичный акт, а как **процесс** с определенными характерными недостатками. Не название системы важно, а ее содержание.

Ниже будут рассмотрены различия между капитализмом и социализмом по отношению к трем основным системам: природной, экономической и социальной.

1. Отношение к природной системе.

«Любое определенное отношение к природе обуславливается формой общества»¹, утверждает Маркс.

При капитализме природа толкуется двусторонне: с одной стороны, как «ресурс» экономической системы – средство для достижения увеличения прибыли; с другой стороны, как место для хранения людских отходов. Именно такое общественное отношение к природной системе обуславливает ее эрозию, осушение земель и их загрязнение – все, что приводит к антропогенному «шестому вымиранию»².

Последняя *капиталистическая неолиберальная доктрина о глобализации и антропоцентризме* на самом деле окончательно устанавливает главенство экономической системы над природной в независимости от экологического эффекта. Результатом становится абсолютный кризис природной системы, намного более глубокий и опасный, чем финансовый кризис 2007 г.

Альтернативная социалистическая идея признает природную систему как источник всего живого, как средство обитания *и* человека, а права природы признаются так же, как и ее объективные потребности. Из стран мира Эквадор юридически первым **добавляет Права** природы в свою Конституцию (2008 г.). Государство обязуется ввести ограничительные меры, сужающие деятельность, которая могла бы привести к исчезновению видов, уничтожению экосистем и постоянным переменам в природных циклах. Следующими странами, узаконившими права природы, стали Боливия, Мексика и Бразилия. США и Европейский союз, хотя и декларирующие защиту потребностей и прав живой природы³, ведут себя очень неуверенно и неустойчиво. Но некоторые штаты и государства принимают собственные правила об экологии, которые идут впереди общего законодательства.

Вырабатываемые правила природопользования все более начинают соответствовать действующим принципам функционирования экосистемы. Вместо выработки и принятия *запретительных законов, действующих постфактум*, можно создать *позитивное и стимулирующее деятельность законодательство*, способное привести к не только сохранению, но и раз-

витию природной среды, поддерживающей все виды жизни, включая человеческую. Вместо парадигмы, что природа по определению незащищена, и вокруг нее нужно создавать системы по защите, социалистическая теза заключается в том, что природа по идее защищена, а закон служит для определения допустимых границ в поведении человека, которые не нарушают динамический баланс в окружающей среде. Одним из самых ценных конкретных достижений в признании прав природы станет его влияние *на человеческое сознание*. Осознание *обществом* взаимной зависимости природной системы и человека должно быть зафиксировано юридически, тогда право изменит поведение человека, который в своей деятельности руководствуется прагматичным интересом и не учитывает прав природы. Такое положение уже привело к экологическому кризису, свидетелями которого мы сегодня являемся. Точно так же, как Европейская конвенция о правах человека возникла как реакция на последствия II мировой войны, так и права природы следуют естественной эволюции в развитии права – и это будет следующим глобальным достижением прав, которое даст человечеству шанс цивилизованно выйти из глобального экологического кризиса.

2. Отношение к экономической системе.

«Богатство общества, в котором господствует капиталистическое производство, является „огромным скоплением товаров“, а отдельный товар – его элементарной формой»⁴. Но кроме этого, в капитализме появляется один особенный товар, открытый Марксом, – *товар «рабочая сила»*. Особенности этого нового товара блестяще проанализированы в первом томе «Капитала».

По причине того, что для *капиталиста расход на товар «рабочая сила»* эквивалентен любому другому виду расходов, он стремится минимизировать единый расход на единицу (своей) конечной продукции. Именно это принуждает его оказывать постоянное давление на рабочую силу с тем, чтобы она работала как можно больше, не требуя дополнительных расходов. «Любая экономия, в конце концов, сводится к экономии времени».

Для *капиталистического общества* последствия такого положения дел создают многообразный эффект: появляется олигархия; экономика, политика и медиа контролируются богатыми; налоговая политика ведется в интересах богатых за счет бедных слоев населения; в рамках синдикатов наемные рабочие стеснены в праве организоваться для предъявления требований по изменению зарплаты и условий труда; даже минимальная зарплата обычно слишком низка для простого воспроизводства рабочей силы; студенческие, жилищные и потребительские долги создают «современных рабов» банков; государственный долг является постоянно растущим бременем для общества, а возможность его выплаты становится для его членов все более призрачной; отсутствие или недостаток достойных рабочих мест

заставляет огромное число потенциальных работников «реализовать» в области киберпреступности, торговли наркотиками и проституции, усматривающих в этих видах деятельности единственную возможность выживания.

Современное увеличение «веса» капиталистического класса тождественно увеличению его собственности относительно собственности пролетариата и прекариата.

Обратно этому, для *социалистического общества* рабочая сила перестает быть товаром, а личность превращается в цель свободного и всестороннего человеческого развития. Именно эта идея обращает внимание Маркса на то, что на современном языке называется оптимальным «вектором конечной продукции» (фонд потребления), который будет формировать «богатство общества», представляющего собой «огромное скопление личностей», а отдельная личность – его «элементарную частицу». В будущем обществе богатство будет измеряться свободным, а не рабочим, временем.

«Техническое отличие» между экономикой капитализма и экономикой социализма не только в отсутствии эксплуатации, но и в замене горизонтальных рыночных отношений *спланированными комплексными связями* для будущего.

Важная ремарка. *Феномен «социализм» не тождественен арифметическому увеличению роли государства в экономике.* Комбинация капиталистической экономической системы и государственной собственности зависит от первой – она диктует рыночные цены, политику и работу средств массовой информации. Переход от капиталистической системы к социалистической может пройти через государственную собственность (дающий сильные позиции и благодетельный для «госдеятелей» – в СССР, в Болгарии и т.д.), но также может и перепрыгнуть государственную собственность.

3. Отношение к общественной системе.

Маркс видит *основное противоречие капиталистической системы* в противоречии «производственные силы – производственные отношения». Ленин конкретизирует положение: противоречие тогда, «когда одни не могут управлять, а другие не хотят жить по-старому», формулирует утверждение, у которого есть далекие точки соприкосновения с основным противоречием Маркса. Общественная система оказывается намного более сложной, чем «горизонтальное» представление Маркса, а также и «вертикальное» Ленина.

Но Маркс прав, говоря, что у *капитализма есть свои богатые возможности «развития производительных сил»* и увеличения «богатства» как растущего «огромного скопления товаров». Но «обогащение» капиталистических рынков опасными «товарами» приводит к *убийствам и дегуманизации*. Например, в США при свободной продаже оружия лишь за период 1.01.2018–11.05.2018 г. было убито 5116 человек (из которых 1220 детей) и ранено 9198

человек⁵ – больше, чем погибло американских солдат за весь XXI век! Прибыль превышает людей: ее можно получать, установив свободную продажу наркотиков; узаконив проституцию, легализовав азартные игры и т.д.

И даже если *при капиталистической системе «свобода рынка» огромна*, эта свобода не обеспечивает достаточное количество рабочих мест и достойной зарплаты значительной части населения, особенно молодежи и расовым меньшинствам. Отказ некоторых капиталистических стран от принятия здравоохранительной схемы с единственным плательщиком является геноцидом для бедных, молодых, людей в возрасте и непривилегированных; под воздействием усиливающегося экономического стресса возникают хронические болезни, падает доступность здравоохранения и происходит деградация качества продуктов питания. Развитие привыкания к наркотикам и алкоголю, как и связанный с ними рост преступности, представляют собой основной эффект коллапса системы охраны труда и падения доходов. Фармацевтическая индустрия увеличивает свои богатства, убивая миллионы людей каждый год из-за неправильного использования и злоупотребления медикаментами. Можно наблюдать «подоходный» геноцид пожилых людей за счет элиминации возможности получать достойные пенсии и разрушения системы социального обеспечения. Продолжительность жизни, например, в США, меньше чем во многих других развитых странах и демонстрирует тенденцию к постоянному снижению.

В отличие от капитализма, в будущем *социалистическом обществе* действует принцип «От каждого по способностям - каждому по потребностям» – баланс межотраслевых связей и использование компьютерных технологий упрощают возможности для такого подсчета; принцип «равенство» и «братство» позволят иметь достойную жизнь с рождения – за счет удлинённой полезной жизни – до самой смерти.

Заключение

Маркс, несомненно, гениальный мыслитель. *Но марксисты должны развивать марксизм, а не догматизировать его.*

Можно дискутировать относительно возможностей такого окончательного развития.

1. По мнению Маркса, каждая последующая формация приведет к более высокой степени развития производительных сил. *Но не каждый новый этап в развитии производительных сил к автоматически ведет к соответствующему прогрессивному уровню развития производственных отношений.* Переход от капитализма к социализму при подобном толковании получится не за счет количественного роста рабочего класса, увеличение его политической силы, а вследствие *исчерпывания* капиталистических идей.

2. Маркс был прав, когда заметил, что на определенном этапе старое начинает мешать, но эти «помехи» не относятся единственно к развитию про-

изводительных сил. *Старое мешает* развитию культуры, решению определенных задач (равенства, например), решению имманентных конкретному этапу эволюции противоречий.

3. Внутренние государственные постановления, международные резолюции, разрешение глобальных проблем современности, взятые отдельно, не способны привести к желаемым результатам: их необходимо решать одновременно и требуют властных (*вертикальных*) решений. Демократия «рабочего класса» – рыночный горизонтальный вопрос, который преследует краткосрочные интересы. *Никакое «рыночное обсуждение» мер и решений не может заменить науку, лидерство и вертикальные – силовые – решения.*

4. Марксизм – логическая наука, но также и идеология. Идеология трудно объясняет *случайные изменения*, которые зачастую являются революционными и отбрасывают теорию.

5. Революция инноваций и согласованность мира через Интернет отправляют на отдаленную перспективу решения вопроса о революционной роли кражи «избыточной стоимости». Анализ *единственной связи «капиталисты – пролетариат» не приведет к появлению ясных очертаний параметров будущего общества.*

¹ Маркс К., Энгелс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгелс Ф. Соч. Т. 3. 1957. С. 28-46.

² Living Planet Report 2016: [электронный ресурс]. http://wwf.panda.org/about_our_earth/all_publications/lpr_2016/

³ Директива 92/43/ЕИО Совета 21 мая 1992 года о сохранении естественных местобитаний и дикой флоры и фауны : [электронный ресурс]. http://www.biodiversity.bg/files/File/101_direktiva_za_habitatite.pdf

⁴ Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгелс Ф. Соч. сч. Т. 23. 1980. С. 46.

⁵ <http://www.gunviolencearchive.org/>

Д.Б. Энттейн

О ДИАЛЕКТИЧНОСТИ НЕКОТОРЫХ ПОЛОЖЕНИЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Аннотация. В статье рассматриваются положения марксистской политэкономии о будущем революционном переходе к социалистическому обществу и самом этом обществе, которые, как показала жизнь, были утопическими. Первая идея – это идея уничтожения товарообмена, денег, рынка и товарно-денежных отношений в ходе ликвидации частной собственности и строительства социалистического общества. Вторая идея – это идея упрощенного до предела классового устройства капиталистического и социалистического общества. При ближайшем рассмотрении оказывается, что эти положения были недиалектичными, то есть противоречили известным выводам диалектики.

Ключевые слова: политическая экономия, марксизм, диалектика, революционная теория, русская революция.

В этой статье мы остановимся на ряде положений политэкономии марксизма о будущем революционном переходе к социалистическому обществу и самом этом обществе, которые, как показала жизнь, были утопическими. Они не были воплощены в жизнь, несмотря на серьезные попытки и большие жертвы, понесенные и революционерами, и населением России. Более того, при ближайшем рассмотрении оказывается, что эти положения были недialeктичными в том смысле, что противоречили известным выводам диалектики и, как следствие, ошибочными. С учетом этого, опыт Великой русской революции учит относиться с величайшей серьезностью к положениям, на которые опираются революционные силы, с тем, чтобы в перспективе избегать попыток втискивать жизнь в прокрустово ложе утопических, чрезмерно упрощенных или по другим причинам ошибочных политэкономических построений, ведущих к неоправданным жертвам и способных дискредитировать саму идею революционного преобразования общества.

Мы рассмотрим две такие идеи. Первая идея – об уничтожении товарообмена, денег, рынка, товарно-денежных отношений при социализме. Она обосновывалась Марксом и Энгельсом тем, что в обществе, где экономика базируется на общественной собственности и нет частных производителей, исчезает смысл в существовании товарообмена, рынка, денег, товарно-денежных отношений. Маркс писал: «В обществе, основанном на началах коллективизма, на общем владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов; столь же мало труд, затраченный на производство продуктов, проявляется здесь как стоимость этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд уже не окольным путем, а непосредственно существует как составная часть совокупного труда»¹. Эта же идея об «устранении» товарного производства на основе сознательной организации четко выражалась и Энгельсом. Этой идеей руководствовались Ленин и партия большевиков, безуспешно пытаясь осуществить отмену денег и переход к прямому продуктообмену².

Недialeктичность идеи отказа от товарообмена, денег, товарно-денежных отношений проявляется, прежде всего в том, что эта идея предполагает **замену велениями пролетарского государства** сложного механизма, существовавшего и развивавшегося несколько тысяч лет, объединяющего миллионы производителей, неким центром, реализующим идеи общества. Между тем, диалектика утверждает невозможность «простого отрицания» и уничтожения неких общественных явлений. В реальности они не уничтожаются, а «снимаются», то есть, теряют часть своих свойств, преобразуются и воспроизводятся «на новом витке» с измененными свойствами и новой ролью в ходе «отрицания отрицания». Диалектика также требует, как известно, «восхождения от абстрактного к конкретному», то есть движения

анализа от простых абстракций к реальной действительности в исследовании и предвидении. Простая абстракция «производства, основанного на общественном владении средствами производства», руководимого из единого центра, с этой точки зрения оказывается чрезмерно упрощенной по сравнению с реальной экономикой. Такую сложную систему невозможно заменить никаким простым вычислением неких параметров общественного производства и их разверстыванием между производителями! Недостаточность этой абстракции бьет в глаза.

Один из «элементов диалектики», перечисленных В.И. Лениным³, требует анализа «...внутренне противоречивых тенденций (и сторон)» явления или вещи и «возврата к якобы старому». Внутренне противоречивыми сторонами социалистической экономики при наличии общественной собственности оказываются две противоположные группы интересов – интересы общественные и индивидуальные интересы личностей (работников). Эти несоответствия должны быть учтены при построении системы управления социалистической экономикой. Следовательно, никакая работа центра не решает полностью проблем управления социалистической экономикой, если не действует система, направляющая действия в обособленных интересах работника в общественное русло. И такой системой оказывается система распределения по труду, увязывающая результаты труда работника с его долей в потребляемом общественном продукте. Но отсюда следует, что работник фактически обменивает (должен обменивать) определенное количество своего труда на строго определенное количество потребляемых благ, созданных обществом. Из этого следует необходимость сохранения обмена, товарности производства, денег как универсального средства обмена⁴. Так совершается диалектический «возврат к якобы старому» и «повторение в высшей стадии известных черт, свойств etc. низшей»⁵.

Таким образом, в социалистической экономике неизбежно будут действовать два основных управляющих и регулирующих начала: деятельность центра, стремящегося воплотить интересы общества, и деятельность работников, стремящихся сочетать свои особые интересы с интересами общества в своей самостоятельной деятельности. Это двуединство управляющих начал прямо следует из высказываний Маркса в «Критике Готской программы». Буквально через пять строк после мысли об отсутствии обмена «в обществе, основанном на началах коллективизма...» Маркс говорит, что в таком обществе «каждый отдельный производитель получает обратно от общества за всеми вычетами **ровно столько, сколько сам дает ему**»⁶. Но это и означает признание того факта, что наряду с интересами общества имеют место интересы производителя, и одни не сводимы к другим. Именно учет этого факта и диктует предсказанное Марксом распределение по труду, которое неизбежно выливается в товарообмен и товарно-денеж-

ные отношения, но...при наличии и управляющей деятельности центра. Буквально, одного шага не хватило Марксу, чтобы увидеть необходимость сохранения в социалистической экономике товарообмена, денег, товарно-денежных отношений. Синтез обоих начал в предвидении не состоялся, и эта недиалектичность (отрицание товарного производства и денег) перешла в программы социал-демократических партий, а затем и в попытки Российской Коммунистической партии во главе с Лениным воплотить в жизнь бестоварный и безденежный продуктообмен в революционной России 1917–1922 гг.

Лишь в 1921 г. Ленин признает ошибкой попытки организации бестоварного и безденежного продуктообмена: «...мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению. Мы решили, что крестьяне по разверстке дадут нужное нам количество хлеба, а мы разверстаем его по заводам и фабрикам, – и выйдет у нас коммунистическое производство и распределение...»⁷. А в 1918–1920 гг. торговля большинством продуктов питания была запрещена. Для крестьян вводилась продрозверстка, для населения городов – карточное снабжение. Началась длительная и, в конечном итоге, безуспешная борьба советской власти с попытками, с одной стороны, населения, прокормить себя и свои семьи, а, с другой, крестьян – с попытками продать избыточную часть сельскохозяйственной продукции⁸. Эта борьба, безусловно, привела к большим и неоправданным жертвам среди населения и к удлинению Гражданской войны. Тем не менее, идея отмены товарно-денежных отношений и замены их производством и распределением в рамках командной экономики по типу «единой фабрики» в конце XIX – начале XX в. казалась многим вполне обоснованной, научной и не оспаривалась.

Видимо, одним из первых подверг на русском языке научной критике саму возможность эффективного функционирования экономики без товарно-денежных отношений в 1922 г. российский экономист Б.Д. Бруцкус⁹. Он показал, что в отсутствие товарно-денежных отношений центр не имеет необходимой информации ни о предпочтениях потребителей, ни об общественно-необходимых затратах, и это мешает ему эффективно управлять экономикой.

Таким образом, развитие экономической науки позволило увидеть, что противоречие между товарностью и общественным характером производства разрешается при наличии власти трудящихся не уничтожением товарного производства, а его государственным регулированием в интересах всех. И этот вывод принципиально важен.

Вторая идея, которая черпала свое начало в марксизме и которую мы тоже вынуждены отнести к недиалектичным, – это упрощенный до предела взгляд на классовое устройство капиталистического и социалистического

общества. Интересы буржуазии и пролетариата противоположны, первая заинтересована в сохранении капитализма, а второй – в его разрушении и переходе к социализму. А крестьянство – потенциальный союзник пролетариата, но оно мелкобуржуазно, и его, во-первых, надо своими действиями привлечь на свою сторону, а во-вторых, так или иначе постоянно удерживать от буржуазных поползновений. Примерно такая схема многими считается марксистским взглядом на классовую структуру и до сих пор. Этот взгляд находит свое основание в «Манифесте Коммунистической партии»: «Наша эпоха, эпоха буржуазии, отличается, однако, тем, что она упростила классовые противоречия: общество все более и более раскалывается на два большие враждебные лагеря, на два большие, стоящие друг против друга, класса – буржуазию и пролетариат... Из всех классов, которые противостоят теперь буржуазии, только пролетариат представляет собой действительно революционный класс. ...В тех странах, где развилась современная цивилизация, образовалась – и как дополнительная часть буржуазного общества постоянно вновь образуется – новая мелкая буржуазия, которая колеблется между пролетариатом и буржуазией»¹⁰.

Казалось бы, в трудах Маркса и Энгельса неоднократно говорится о многих социальных группах в предшествовавших капитализму обществах, например, в «Манифесте коммунистической партии»¹¹. Там же Маркс говорит о людях умственного труда – «враче, юристе, священнике, поэте, человеке науки»¹². Но превратила ли она их в пролетариат? Или всех их можно отнести к мелкой буржуазии, поскольку они продают свою рабочую силу?! Между тем, в этих группах просматриваются важные социальные различия, которые не устраняются ни при капитализме, ни при социализме. Речь идет о различиях работников управленческого труда и труда исполнительского, труда преимущественно умственного и труда преимущественно физического. Они не исчезают при социализме и становятся источниками острых противоречий.

Есть еще одна важная социальная группа, о роли которой с уважением Маркс упоминает в «Манифесте...», но далее не придает этой группе особого значения: «...в те периоды, когда классовая борьба приближается к развязке... **небольшая часть господствующего класса отрекается от него и примыкает к революционному классу, к тому классу, которому принадлежит будущее. Вот почему... часть буржуазии переходит к пролетариату, именно – часть буржуа-идеологов, которые возвысились до теоретического понимания всего хода исторического движения**»¹³. Это, как показал исторический опыт, критически важная социальная группа (представители образованных слоев и классов, переходящие на сторону пролетариата), так как именно из нее формируется костяк партий рабочего класса и вырастает большинство его лидеров. Ленин также уделил этой группе в работе «Что

делать» большое внимание, согласившись с К. Каутским, что пролетариат в массе не способен сам выработать социалистического сознания, это делают представители буржуазной интеллигенции, перешедшие на его сторону¹⁴.

Но вот в России произошла революция, пролетариат победил буржуазию в гражданской войне, начал строить социализм и вдруг...оказалось, что кроме (или внутри?) пролетариата есть какая-то, не очень понятно откуда взявшаяся «бюрократия». Она, оказывается, сильна и неистребима, она стремится узурпировать власть, подменить диктатуру пролетариата своей и стать новым эксплуататорским классом. И с ней пролетариату нужно бороться, причем это намного сложнее, чем бороться с буржуазией, так как она – повсюду... Именно такое впечатление оставляют труды Троцкого, начиная с 1923 г., а ряд работ Ленина – еще раньше. Причем основа этой бюрократии – представители интеллигенции, которые перешли на сторону пролетариата. Большое число современных левых авторов приходит к следующему выводу о развитии СССР: бюрократия в 1920 – 30-х гг. отняла власть у рабочего класса и, разрушив СССР, превратилась в компрадорскую коррумпированную буржуазию.

Допустим! Но откуда взялась эта «бюрократия», и почему она оказалась так сильна, если бюрократический аппарат царской России был разбит? Марксизм проповедовал наличие пролетариата, буржуазии, мелкой буржуазии, в том числе крестьянства, а при социализме – пролетариата, крестьянства и «прослойки» – социалистической интеллигенции. Но тогда почему рабочие, доросшие до вождей или функционеров партии и государства, вдруг якобы превратились в бюрократию и повели войну с пролетариатом?! Нечто не возникает из ничего.

И тогда становится понятным, что это нечто, существующее помимо пролетариата и буржуазии, а также крестьянства, – это работники умственного труда, прежде всего, в государственном аппарате и в экономике. Они были необходимы уже на самых ранних стадиях развития общества. Эти слои получили явно выраженный общественный статус, видимо, на ранних стадиях зарождения рабовладения (или азиатского способа производства), если не ранее. Отдельно можно говорить об управленческом труде и управленцах как особом слое классовых обществ, его роли и интересах.

Подходы к теоретическому рассмотрению вопросов о роли наемных управленцев в социалистическом обществе, об их контроле со стороны пролетариата мы находим в марксизме. Выборность «из рабочих или признанных представителей рабочего класса», сменяемость, зарплата чиновника не выше заработной платы рабочего – вот основные элементы, с помощью которых, по мнению Маркса, с учетом опыта Парижской Коммуны, решается проблема контроля пролетариатом своих представителей¹⁵. На эти же элементы обращал внимание Ленин в «Государстве и революции»¹⁶.

Но достаточны ли указанные выше меры для обеспечения реального контроля пролетариата над своей бюрократией, обретшей статус и силу государственного аппарата?! Длительно противостоять бюрократическому перерождению диктатуры пролетариата возможно при наличии реальной демократии, всей совокупности политических свобод. В этом случае предложенных Марксом мер было бы достаточно. Но Гражданская война, вылившаяся в сотни тысяч неоправданных жертв с обеих сторон (красных и белых), в том числе из-за ошибочной экономической политики, привела к невозможности осуществления всей совокупности политических свобод на длительный период. Отсюда – монополия одной партии и одной идеологии на власть, подрывающая возможность реального контроля пролетариата над своей бюрократией. В рамках этой идеологии не решенная ранее теоретически проблема взаимоотношения бюрократии (государственного аппарата) и пролетариата (а затем и всех трудящихся) остается нерешенной.

Поразительно, что, тем не менее, потенциал революционных идей Маркса и Ленина, заложенный в основу построения СССР, оказался столь мощным, что после смерти Сталина государственно-партийный аппарат провел реформы, позволившие осуществить переход к хотя и не развитым, но социалистическим производственным отношениям, то есть таким, при которых государственная власть действует в экономике в интересах всех классов общества, причем опережающими темпами растет благосостояние крестьянства и рабочего класса¹⁷. И в этом мы видим заслуги не только и не столько рабочего класса, сколько многочисленных представителей государственного аппарата и той самой интеллигенции, которая недооценивалась и нередко третировалась в сталинский период, хотя именно ее, а не Сталина, поиски и находки стояли за всеми подлинными материальными и интеллектуальными достижениями СССР.

¹ Маркс К. Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. М. Соч. Т. 19. С. 19.

² «Надо стремиться к возможно более быстрому проведению самых радикальных мер, подготавливающих уничтожение денег». Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 100.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 201-203.

⁴ Подробно мы доказываем это в работе: Эпштейн Д.Б. Судьбы товарного производства: советские и постсоветские дискуссии // Вопросы политической экономии. 2015. № 4. С. 105-118.

⁵ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 201-203..

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.19. С. 18.

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 157.

⁸ Достаточно детальное описание этого процесса см. в работе: Давыдов А.Ю. Нелегальное снабжение российского населения и власть. 1917-1921 гг.: мешочки. СПб., 2002. 341 с.

⁹ Бруцкус Б.Д. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // Экономист. Петроград. 1922. № 1, 2, 3.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 425, 434, 450.

¹¹ Там же. С. 424.

¹² Там же. С. 427.

¹³ Там же. С. 433-434. Выделено автором текста.

¹⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 39-40.

¹⁵ Маркс К. Гражданская война во Франции //К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 17. С. 342.

¹⁶ Ленин В.И. Соч. Т. 33. С. 43-44.

¹⁷ Подробно это доказывается нами в: Эпштейн Д.Б. Социализм XXI века: вопросы теории и оценки опыта СССР. М., 2015. 505 с.

М.Б. Конашев

КАРЛ МАРКС, ГОСУДАРСТВО И КОММУНИЗМ

Создание и широкое использование персонального компьютера, т.е. *информационной машины*, поставило проблему взаимодействия человека и *информационной машины*, которая рассматривалась, как правило, не только в голливудских фильмах по-голивудски: при достаточном накоплении «умственных способностей», эта машина становилась вровень со своим создателем и начинала требовать равных прав себе, или брала их сама. При всей внешней эффектности данного сюжета, в ее основе лежит совсем несовременная логика и история взаимоотношений *хозяина* и *раба*. Ведь первые восстания машин произошли задолго до новой эры*, ибо рабы для их хозяев по существу были ничем иным как *живыми машинами*.

В ту же эпоху использования человека человеком в качестве живой машины было высказано предположение, что создание *неживой* машины освободит машину живую (человека). Это предположение развивалось на протяжении всей последующей истории человечества. Что же нового в процесс освобождения человека машиной вносит появление и эволюция *информационной машины*? С момента создания первой неживой машины на протяжении большей части истории эта неживая машина оставалась между человеком и природой в процессе воспроизводства человека. Создание *информационной машины* означало революцию во взаимоотношении человека не только с самой машиной (системой машин), но также с природой и с самим собой. Неинформационная машина была неполной машиной, так как она действовала (даже автомат) лишь при участии человека. Любому, самому совершенному автомату, нужно «включение», т.е. небезызвестный «первоначок». В этом смысле начиная с изобретения первого автомата, человек слегка потеснил создателя, обретая способность собственного «первоначка». В качестве творца «первоначков» человек вынужден был дополнять собою машину, выполняя функцию ее управляющей части, своего рода «системного блока», присоединяемого к различным, созданным им же, «периферийным устройствам» в виде часов, ткацкого станка, паровоза, и т.д. Даже в самых сложных автоматизированных системах он продолжает выполнять ту же функцию стартера, а еще контролера и управляющего. С созданием информационной машины человек между собой и природой,

любым необходимым предметом помещает уже и управляющую часть. Теперь машина стала, пусть и несовершенной, но уже полной машиной, т.е. такой машиной, которая заменяет собою человека как *живую машину* целиком.

Более того, уже сейчас складываются предпосылки не только создания всеобщей (глобальной) системы информационных машин, но и всеобщего (глобального) производства на их основе, возникают первые элементы такого производства. Одной их характеристик современного глобального капитала и капитализма является как раз формирование системы всеобщего глобального производства: «Глобальный масштаб превращения науки в непосредственную производительную силу лежит в основе формирования и развития *глобальных технических производительных процессов* (энергетических, информационных-телекоммуникационных, транспортных, перерабатывающих)»¹.

Если имеется полная информационная машина, то, тем самым, и человек становится *полным человеком*, самодостаточным, *достроившим себя* целиком. Ведь создав управляющую часть, искусственную «голову», он фактически завершил построение своего двойника, того самого своего *заместителя*, который должен выполнять роль *раба*, – устройства, делающего всю *нечеловеческую* работу.

Что же остается тогда человеку? И остается ли что-то вообще? Можно предположить, что человеку в этом случае остаётся, а точнее, достаётся благодаря собственной созидательной деятельности, включая социальную революцию, именно человеческая, т.е. творческая, *создательная* (как у «создателя») деятельность.

Это означает, что теперь человек действительно оказывается *вне* обычного процесса материального производства. Из нового характера труда возникает и новое разделение труда. Традиционный, прежнего типа работник (и система работников) становится не нужен, ибо он полностью как совокупность частичных индивидов заменяется совокупностью машин. Тем самым изменяется и отношение *человека к человеку*. Если другой человек не нужен как живая машина, *раб*, то он может быть нужен либо как такой же *человек*, со-творец, либо лишь как материал, объект. С появлением нового характера труда и нового человека неизбежно появляется и новое общество, главным отличием которого является то, что материальное производство *исключается, выводится из сферы отношений между людьми*². Это уже общество людей, если и зависящих друг от друга, нуждающихся друг в друге для удовлетворения своих материальных потребностей, то опосредованно, через систему информационных машин. В тоже время, само поддержание такой системы и её развитие требуют взаимодействия людей как со-творцов, их совместного, совокупного творчества.

Согласно известному выражению К. Маркса и Ф. Энгельса коммунизм не абстрактное состояние, а действительное движение, которое, «снимая» капитализм, сразу приходит ему на смену, преобразуя капиталистическую действительность в коммунистическую³. Созидание «раннего социализма», в т.ч. в Советском Союзе, как первой фазы коммунизма и как ассоциации новых, советских людей нужно было и будет нужно снова как раз потому, что стать и быть действительно новыми, советскими люди могут только в процессе такой совместной деятельности, целью которой является сам человек, его всестороннее развитие и его расширенное воспроизводство.

Тем самым снимается и проблема не отмирающего вроде бы вопреки теории государства в «реальном социализме». Отрицательные стороны существования и использования советского государства при советском «реальном социализме» привели к появлению теории, по которой оно было капиталистическим, т.к. в СССР был не социализм, а госкапитализм. Поэтому вместо государства и государственной собственности нужен некий общественный институт, заменяющий собой государство, и некая общественная собственность вместо государственной⁴. Но эта теория вступает в явное и непреложное противоречие не только с теорией классиков марксизма, но и с реальностью. Диктатура пролетариата, т.е. пролетарская демократия, – это государство, но уже принципиально иное и действительно отмирающее как *машина для насилия* и для *управления людьми*, и остающаяся необходимой и востребованной только как машина для управления природными и технологическими процессами, созданными человеком⁵. Таким образом, государство действительно из органа противостоящего человеку превращается в орган ему подчиненный и служащий ему.

Современное производство таково, что оно по своему характеру является общественным: сотни и тысячи людей делают стиральные машины или ракеты, создают необходимые для существования и развития общества инфраструктуры, которые в принципе не могут использоваться частным лицом или даже группой лиц, и которые в тенденции становятся общепланетарными. Таковы дороги, электросети, мобильная связь, Интернет и многое другое. Такие структуры уже сходны с природными: лесами, дававшими и дающими до сих пор человеку воздух и дерево как энергетический и строительный материал, реками, озерами и морями как водными дорогами, и т.д. Их создание и нормальное функционирование, а тем более, развитие, уже невозможны без совместного труда большого числа людей, и в этом труде все большую часть занимает именно творческий, созидательный труд, в первую очередь научный. Они по сути не могут быть товаром, и остаются им лишь искусственно, только из заинтересованности в этом горстки людей, их не создавших и не создающих, не поддерживающих и не развивающих своим трудом, а лишь владеющих ими как своей частной соб-

ственно, которая давно превратилась в т.н. корпоративную, и на них паразитирующих.

По той же причине шагом назад, приводящим лишь к деградации этих инфраструктур, является их приватизация. Разделение газо- или нефте-трубы, электрического кабеля, железнодорожного полотна, линий метрополитена или автобусных маршрутов на отдельные куски и передача их в частные руки якобы с целью их более эффективной работы с технологической точки зрения не имеет никакого смысла и абсолютно бесполезно, а точнее, вредно. Российская и международная практика это подтверждает примерами двоякого рода. Во-первых, само такое разделение приводит рано или поздно к их неизбежной деградации, постепенному разрушению, а затем часто и к уничтожению. Во-вторых, не менее часто на каком-то этапе начинается в рамках всё того же «рынка» обратный процесс: куски прежде единого целого снова соединяют юридически в виде крупных компаний, холдингов и т.д. Наиболее характерным и наглядным примером в этом смысле являются авиакомпании, либо являющиеся национальными, или наднациональными, либо входящие в наднациональные объединения. Так, Эр Франс объединена с KLM⁶, авиакомпанией Нидерландов, а почти 30 авиакомпаний входят в так называемый «звездный альянс»⁷. Основная тенденция развития в этом направлении сохраняется, хотя и сопровождается периодическими переформированиями объединений с выпадением, обычно временным и недолгим, части компаний в частные. Прогресс противоречия между общественным характером труда и частным характером присвоения результатов этого труда в том, что теперь и создаваемая этим трудом материальная *субстанция*, его результат, будь то традиционные средства производства в виде металлургических или автомобильных заводов, или инфраструктуры в виде сети железных дорог, нефтепроводов и линий электропередач являются неразделимым на куски общим целым, т.е. необходимым всему обществу продуктом, причем необходимым настолько, что без нормального существования и функционирования этого продукта общество ни существовать, ни развиваться уже не может.

Но если для создания, обслуживания и развития таких общественных по своей природе производств и инфраструктур нужен только совокупный общественный труд, и если ликвидируется паразитическая группа, ими владеющая, то отпадает и необходимость в государстве как *аппарате насилия*, и остается необходимость в нем лишь как в *аппарате управления технологическими процессами*. Тем самым государство естественным образом и по объективной необходимости сразу после революции и начала коммунизма, перехода от «предыстории» к истории человека отмирает как машина насилия, и, напротив, развивается, преобразуется в *не-государство*, в машину управления человеком средствами производства и инфраструктурой

производства, необходимыми для воспроизводства всего человечества как единого органического целого⁸.

В этом случае, когда государство из аппарата насилия над людьми преобразуется в аппарат управления машинами и природой, сами собой отпадают возражения против государства, в т.ч. против тоталитаризма и несвободы в таком государстве. Никто ведь не возражает против «тоталитаризма» железнодорожного транспорта, метро, почты, родильных домов, больниц, правил уличного движения. Ибо ни железная дорога, ни метро не подавляют свободы человека, а являются как раз средством обретения, сохранения и развития этой свободы. Кто же согласится поменять перелёт на самолёте на поездку, пусть и в карете, а не на телеге, по грунтовой дороге?

Конечно, пролетарское государство как машина по определению должно отличаться от буржуазного так же, как машина такси или вагон метро от «Мерседеса» капиталиста и, тем более, кареты аристократа или паланкина китайского императора. Не случайно поэтому К. Маркс всегда настаивал на том, что пролетариат должен овладеть государством как машиной и преобразовать ее. В марте 1850 г. лондонский комитет «Союза коммунистов» разослал своим членам «Обращение», отредактированное К. Марксом. В заключении «Обращения» говорилось: «Рабочие, разумеется, *в начале движения* (здесь и далее курсив мой – М.К.) не могут еще предлагать никаких коммунистических мер, но они могут: ... сконцентрировать возможно больше производительных сил, перевозочных средств, фабрик, железных дорог и т.д. *в руках государства*. Они должны предложения демократов, которые будут выступать не революционно, а только реформаторски, доводить до крайних пределов и превращать их в прямые нападения на частную собственность, так, напр., если мелкие буржуа предлагают выкупить железные дороги и фабрики, рабочие требуют, чтобы все это, как собственность реакционеров, просто и без вознаграждения было конфисковано *государством*»⁹.

Этих основных пунктов с некоторыми частными изменениями будут придерживаться и «поздние» К. Маркс и Ф. Энгельс¹⁰. В частности, о превращении средств производства в государственную собственность после взятия пролетариатом государственной власти Ф. Энгельс писал в «Анти-Дюринге»¹¹, а в третьем томе «Капитала» общественная собственность определяется как совместное владение средствами производства: «Экспроприация — исходный пункт капиталистического способа производства; осуществление ее является его целью, и, в частности, его целью является экспроприация всех индивидуумов от средств производства, которые с развитием общественного производства перестают быть средствами частного производства и продуктами частного производства и могут быть средствами производства лишь в руках ассоциированных производителей, т. е. их общественной собственностью, как они являются их общественным продуктом»¹².

Овладение государством как машиной и преобразование ее важно также и потому, что в ходе этого процесса, начинающегося пролетарской революцией, человек из капиталистического человека, из *предчеловека* преобразует себя самого в действительного, подлинного, коммунистического человека. При действительно общественном характере труда и его продуктов в виде производств и производственной инфраструктуры, человек в силу общественного, совместного, всеобщего по своей сути, совокупного труда, освобождается для такой же всеобщей свободной деятельности. Каждый может действительно участвовать в управлении государством, т.е. и мыслительно, и в качестве материального субъекта производства он действует на все государство и на все воспроизводство человека в целом. Таким образом, каждый человек в своей духовной и материальной деятельности соединяется и совпадает со всеми остальными людьми, с человечеством в целом, и, тем самым, досоздает себя до полного, всеобщего и универсального человека, *Homo sapiens et humanus*.

¹ *Димитриос П.* Антифашистское восстание на Украине... О позиции коммунистов-интернационалистов // Альтернативы. 2015. № 4. С. 160.

² Приведем два ключевых и наиболее известных утверждения К. Маркса и Ф. Энгельса: «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства». (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 2. С. 386-387); «Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества, — является в то же время **последним самостоятельным актом его как государства** (здесь и далее в цитате выделено жирным шрифтом мной — М.К.). Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпает. **На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами.** Государство не «отменяется», оно *отмирает*» (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 224-225).

³ К обычно цитируемым фразам в данном случае следует добавить в силу их важности еще несколько из той же «Немецкой идеологии»: «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено, не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения порождены имеющейся теперь налицо предпосылкой. Впрочем, наличие массы людей, живущих *только* своим трудом, — массы рабочей силы, отрезанной от капитала или возможности хотя бы ограниченного удовлетворения своих потребностей и характеризующейся поэтому уже не только временной потерей самой этой работы, как обеспеченного источника жизни, но и вообще совершенно непрочным положением, — всё это предполагает, в силу конкуренции, существование *мирового рынка*. Пролетариат может существовать, следовательно, только *во всемирно-историческом смысле*, подобно тому как коммунизм — его деяние — вообще возможен лишь как «всемирно-историческое» существование. А всемирно-историческое существование индивидов означает такое их существование, которое непосредственно связано со всемирной историей». (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 34-35); «Но столь же эмпирически обосновано и то, что эта столь таинственная для немецких теоретиков сила уничтожится благодаря ниспровержению существующего общественного строя коммунистической революцией (о чём ниже) и благодаря тождественному с этой революцией уничтожению частной собственности; при этом освобождение каждого отдельного индивида совершится в той же самой мере, в какой история

полностью превратится **во всемирную историю** (здесь и далее в цитате выделено жирным шрифтом мной – М.К.). То, что действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений, ясно из сказанного выше. Только в силу этого отдельные индивиды освобождаются от различных национальных и местных рамок, вступают в практическую связь с производством (также и духовным) всего мира и для них становится возможным приобрести способность пользоваться этим **всесторонним производством всего земного шара** (всем тем, что создано людьми). *Всесторонняя* зависимость, эта стихийно сложившаяся форма *всемирно-исторической* совместной деятельности индивидов, превращается благодаря коммунистической революции **в контроль и сознательное господство** над силами, которые, будучи порождены воздействием людей друг на друга, до сих пор казались им совершенно чуждыми силами и в качестве таковых господствовали над ними» (См.: Там же. С. 36).

⁴ См. например: Семенов Ю. И. Политарный («азиатский») способ производства: сущность и место в истории человечества и России: философско-исторические очерки. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 2014. С. 137; Шубин А. В. Золотая осень, или период застоя. СССР в 1975-1985 гг. М., 2008. С. 92. Критику этой критики см.: Эпштейн Д. Б. Бюрократия и политическая демократия в СССР // Альтернативы. 2015. № 4. С. 122-123.

⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 291-292.

⁶ См.: Company profile // <http://www.klm.com/corporate/en/about-klm/profile/index.html>

⁷ См: About Star Alliance Headquarters // <http://www.staralliance.com/en/about-star-alliance-HQ>; см. также: Альянс авиакомпаний Star Alliance (Стар Альянс) // http://www.airlines-inform.ru/airline_alliances/star_alliance.html

⁸ Вот как об этом задолго до появления компьютера писал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге»: *«Пролетариат берет государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность. Но тем самым он уничтожает самого себя как пролетариат, тем самым он уничтожает все классовые различия и классовые противоположности, а вместе с тем и государство как государство* (здесь и далее в цитате выделено жирным шрифтом мной – М.К.). <...> Когда государство наконец-то становится действительно представителем **всего общества**, тогда оно само себя делает **излишним**. С того времени, когда не будет ни одного общественного класса, который надо бы было держать в подавлении, с того времени, когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы, которые происходят из этой борьбы, — с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе для подавления, в государстве. Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества — взятие во владение средств производства от имени общества, — является в то же время последним самостоятельным актом его как государства. Вмешательство государственной власти в общественные отношения становится тогда в одной области за другой излишним и само собой засыпает. **На место управления лицами становится управление вещами и руководство производственными процессами.** Государство не «отменяется», оно *отмирает*» (См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 224-225; Т. 20. С. 291-292).

⁹ Берлин П. А. Неизвестный Карл Маркс: Жизнь и окружение. М., 2012. С. 189.

¹⁰ Так, К. Маркс писал об этом в «Критике Готской программы» в 1875 г., а Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» в 1878 г. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 18-20, 26-27; Там же. Т. 20. С. 291-292. См. подробнее: Акопов Р. Я. К. Маркс и Ф. Энгельс об экономике коммунистического общества. Саратов, 1979.

¹¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 224-225. См. подробнее: Акопов Р. Я. К. Маркс и Ф. Энгельс об экономике коммунистического общества. Саратов, 1979.

¹² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 1. С. 483. Эта цитата, только более обширная, приводится в подтверждение того положения К. Маркса, что кредитная система и акционерные общества при капитализме есть уже переходные формы к новому способу производства. См.: Михаил-Матцас С. Диалектика в переходную эпоху // Альтернативы. 2006. № 3. С. 35. См. также перепечатку: Михаил-Матцас С. Диалектика в переходную эпоху // Альтернативы. 2016. № 2. С. 68.

РОЗА ЛЮКСЕМБУРГ: КОНЦЕПЦИЯ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА В КОНТЕКСТЕ МАРКСИСТКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Аннотация. В данной работе анализируются взгляды Розы Люксембург по вопросу о системном кризисе капитализма, их сходство и различия по сравнению с «мейнстриймской» марксистской классической политэкономии. Сопоставляются ее представления по данному вопросу с положениями таких мыслителей, как Сисмонди и Ленин. Предложен анализ современной экономической теории и концепции Розы Люксембург по вопросу о кризисе капитализма.

Ключевые слова: Роза Люксембург, Карл Маркс, Ленин, Сисмонди, системный кризис капитализма.

В истории марксистской политической экономии выделяется один неординарный исследователь, Роза Люксембург, чей уникальный подход, изложенный в фундаментальном труде «Накопление капитала» (1913),¹ по сей день предметом дискуссий поколений исследователей. Основная идея, которую она разрабатывает и отстаивает в рамках самой жесткой полемики внутри марксизма, следующая: капитализм, основывающийся на изъятии прибавочной стоимости, не может быть самодостаточной системой. Постоянное увеличение объемов производства сопровождается сокращением внутреннего капиталистического рынка, и развитие капитализма возможно только за счет внешних некапиталистических сегментов экономики. Развиваясь, капитализм во все более крупных масштабах включает в свою орбиту элементы некапиталистической среды, преобразуя их на капиталистических принципах, вследствие чего он вынужден расширять взаимодействие со своей периферией. Так как в планетарном масштабе эта периферия конечна, то и капитализм как общественно-политический строй конечен. Рано или поздно он столкнется с границей своего развития, и тогда наступит системный кризис, который, как считала Люксембург, закончится социалистической революцией.

Эти рассуждения Розы Люксембург во многом совпадают и с нашими убеждениями. Все-таки мы считаем, что наш подход более широк, т.е. мы говорим не только о капитализме, но и о более общих принципах взаимоотношений в экономике между финансовым и потребительским сектором, который для финансового сектора играет роль внешней среды. Капитализм как совокупность фирм является одним из сегментов финансового сектора, т.е. по отношению к нему действуют те же самые принципы. И как финансовый сектор ведет себя по отношению к своей внешней среде – потребительскому сектору, – осуществляя постоянную экспансию, пока для

нее есть поле, таким же образом и капитализм ведет себя по отношению к внешней для него среде, представляющей собой потребительский сектор и некапиталистические сегменты финансового сектора.

Есть разница и в масштабах обобщения, но это тоже понятно, так как Роза Люксембург работает в рамках строго марксистского варианта классической политэкономии, согласно которому прибыль возникает только в промышленности, а финансовый сектор описывается несколько иначе. Но это только означает, что в ходе своей работы Розе Люксембург пришлось столкнуться с серьезными теоретическими трудностями, а выдвинутые ею положения только усиливают значимость ее научных достижений.

Существует еще и другое расхождение между нашими выводами и концепцией Люксембург. Она связывает конец капитализма с физическим исчерпанием натуральных элементов капиталистической периферии. Так как в этот период (конец XIX – начало XX в.) к периферии относилась значительная часть территории и населения Земли, то Роза Люксембург предполагала, что системный кризис капитализма является всего лишь вопросом далекого будущего. С нашей точки зрения граница капитализма кроется в другой сфере, денежной. Конечно, можно упрекнуть Люксембург в том, что она совсем не задумывалась, откуда на периферии берутся деньги, которые постоянно переливаются в капиталистический сегмент экономики. Это тем более странно, если иметь в виду еще и то, что в связи с предложенной Марксом моделью Люксембург формулирует вопрос: «Откуда берутся деньги?» и наглядно показывает, что на него нет удовлетворительного ответа.

В действительности граница капиталистического развития в рамках сложившейся на тот момент в мире системы разделения труда была достигнута значительно раньше и даже раньше, чем Роза Люксембург сформулировала свою теорию. Начало первого глобального системного кризиса капитализма надо искать где-то в первой половине 70-х гг. XIX в.² (для болгарской аудитории напомним, что наша Родина находилась еще в пределах Османской империи, и даже еще не было Апрельского восстания), когда и родилась сама Роза Люксембург. Пролетарская революция тогда не произошла, несмотря на то, что в 1880–90-х гг. XIX в. она вполне могла состояться. Но это не означает, что системный кризис не наступил – его прямым следствием стала Первая мировая война, после которой последовала Вторая мировая война, вспыхнувшая по причине того, что по итогам Первой мировой войны не были решены проблемы, связанные перераспределением мировых рынков сбыта. Вывод, который можно сделать, – глобальный прогноз Люксембург о смене формации оказался неверным.

Каким образом данная проблематика получила свое развитие? В экономической науке существует так называемая «догма Смита»³, которая исходит из того, что для Смита понятие «капитал» не существовало (что

явилось причиной его критики Марксом). Капитал, утверждал Смит, есть продукт предыдущего капитала и труда, но этот последний капитал тоже является продуктом капитала и труда, и рассуждая таким образом, можно подойти к моменту, когда в конце этой цепочки капитал исчезнет и останется только труд. Т.е. весь капитал как таковой может быть сведен к простому труду. Ошибка Адама Смита была в том, что он утверждал, что этот цикл происходит в рамках годового оборота (за один год), что, конечно, является неверным утверждением. Оппонентам Смита этого было вполне достаточно, чтобы обрушиться на него с критикой. Презумпция годового оборота капитала была воспринята как вполне логичная, но дальше, очевидно, следовало, что в рамках одного года капитал всегда должен существовать. В рамках этого самого года капитал входит и выходит из хозяйственной системы, и обычно это происходит с каким-то его изменением (чаще всего – с увеличением). На таком основании Маркс и стал развивать свои схемы воспроизводства (простое и расширенное). Исходя из них, он доказывал, что даже если рабочие не станут покупать продукты на рынке, капитализм сам по себе должен наращивать капитал внутри себя, что будет приводить к его приращению. В этом смысле в рамках расширенного воспроизводства внешние рынки принципиально не нужны.

Первым на эти утверждения ответил Сисмонди, который заметил, что капитализм имеет свойство снижать трудоемкость производства по всей производственной цепочке. Маркс не соглашался с такими выводами Сисмонди, добавляя свое утверждение, что через куплю-продажу на рынке капитализм сам создаст себе спрос. Другой вопрос, что если не будет происходить снижения трудоемкости от действия капитала, то тогда при капитализме теряется смысл его применения. Сегодня все согласны, что действительно капитализм в состоянии снижать трудоемкость, как утверждал Сисмонди, правда, при определенных условиях, связанных с углублением разделения труда. Рассуждая в терминах Смита, где виден труд во всей производственной цепочке, можно понять само явление снижения полной трудоемкости, что в моделях Маркса не очевидно. То есть, при производстве определенного продукта всегда капиталист будет стремиться снижать трудоемкость продукции. Иначе говоря, в процессе одного полного кругооборота капитала⁴, в рамках всей системы не должно происходить его увеличение (в этом случае не важно, каким будет соотношение между трудом и капиталом), так как в таком случае сам процесс общественного производства окажется неэффективным и бессмысленным.

Как же Маркс обозначает схему расширенного воспроизводства?

Вспомним формулу капитала: $D - T - D'$. Имеем: деньги – капитал – деньги штрих (т.е. – вложенный капитал плюс его увеличение). Как получается

D' в денежном выражении? В капиталистической экономике деньги самопроизвольно не появляются – т.е. деньги, с которыми начали период, должны остаться в таком же количестве до конца периода, если в этот промежуток времени не произведены новые деньги. Откуда ΔD появится? Есть что-то за пределами капитализма (вспомним, что капитализм является организацией разделения труда внутри фирмы), и это рынок. В рамках экономической системы индивидуальный предприниматель может получить ΔD , если благодаря снижению трудоемкости он произведет свой товар дешевле, чем цена на рынке, а продаст по рыночной цене. Но при этом, если в хозяйстве есть какое-то количество денег, то оно будет уменьшаться, так как часть денег утекает в карман этого капиталиста и таким образом выводится из денежного оборота. Сисмонди, в отличие от Маркса, утверждает, что капитализм в принципе не может функционировать как замкнутая система.

В чем состоит проблема «Капитала» Маркса? Схему $D - T - D'$ он разрабатывает в I-ом томе. А первый том посвящен обороту только индивидуального капитала. Т.е. для оборота индивидуального капитала схема $D - T - D'$ верна, но для общественного производства (соответственно – капитала) схема не применима. Хозяйство как единое целое у Маркса рассматривается только во втором томе «Капитала»⁵, но в нем он рассматривает уже не схему $D - T - D'$, а другую, более сложную. Во втором томе Маркс утверждает, что Адам Смит был неправ в своем утверждении, что капитал не существует (вспомним технологическую цепочку Смита, которая сводится к простому труду). Более того, Карл Маркс расписывает его более развернутую примерную формулу в соответствии с предложенной схемой простого воспроизводства. Как она выглядит:

В хозяйстве есть первое подразделение – производство средств производства, которое можно обозначить формулой:

$$I - 4000c + 1000v + 1000m = 6000 - \text{основные средства производства.}$$

где $4000c$ – постоянный капитал, $1000v$ – переменный капитал (заработная плата рабочих), $1000m$ – прибавочная стоимость (прибыль для капиталистов).

4000 единиц идут на собственное воспроизводство первого подразделения. Заработная плата и прибавочная стоимость капиталистов полностью, в общей сумме 2000 единиц, используется для приобретения средств производства для второго подразделения, которое как таковое отражает производство предметов потребления и выглядит следующим образом:

$$II - 2000c + 500v + 500m = 3000$$

где $2000c$ единиц являются средствами производства во втором подразделении (для производства предметов потребления), а $500v$ и $500m$ потребляются внутри второго подразделения в виде предметов для личного потребления.

То есть, $Pc = Iv + Im$, что является, согласно Марксу, главным условием сбалансированности. Однако, при сбалансированности экономической модели (которая в своем математическом варианте вполне сбалансированная), ΔD , как следует из Первого том «Капитала» должна иметь стоимость ноль.

Дальше Маркс рассматривает вариант с расширенным воспроизводством, при котором часть прибавочной стоимости в каждом из подразделений будет использоваться на накопление и будет соответствующим образом расти: в своих схемах расширенного воспроизводства он выводит условие неизменных пропорций между постоянным и переменным капиталом и показывает, что таким образом экономика может расти. Позже Ленин развивает теорию расширенного воспроизводства Маркса, корректируя ее, утверждая, что, поскольку идет повышение капиталоемкости общественного производства, то производство средств производства для производства средств производства должно расти быстрее производства предметов потребления. Именно последняя закономерность, выведенная Лениным, выполнялась на протяжении всех лет социализма в странах восточной Европы, когда ставилась задача в больших объемах производить средства производства для средств производства по сравнению с предметами потребления.

С критикой этих схем и формул выступает Роза Люксембург и отмечает, что в теоретических схемах Маркса действительно рост очевиден, но она задает вопрос, как, собственно, это может происходить на практике, и откуда в этой возрастающей экономической системе, описанной схемами, берутся⁶ дополнительные деньги, чтобы обслуживать постоянно возрастающие обмены между отдельными подразделениями? В данном контексте идея Маркса о замкнутости системы капитализма не работает.

У Розы Люксембург, безусловной сторонницы марксизма, не было никаких сомнений по поводу адекватности выдвинутых в первом томе «Капитала» утверждений, в котором рассматривался индивидуальный капитал, тем более, что книга была подготовлена к печати самим Марксом. Зато она посчитала нужным сделать комментарии ко второй тому «Капитала», так как было известно, это незавершенная работа Маркса, сохранившаяся в черновиках. В своих комментариях Люксембург показывает, что сам автор во многом сомневался в написанном, так как он постоянно возвращался к одним и тем же мыслям и рассуждениям, без окончательного их разрешения. До самой своей смерти Маркс также понимал, что в экономической системе важен вопрос появления денег, поэтому собирался подвергнуть его анализу, однако замыслы остались неосуществленными. Люксембург берет черновик Маркса и принимается развивать его, что и было реализовано в работе «Накопление капитала». Т.е. каждый в свое время достиг каких-то

высот, которые впоследствии развивались, и каждый по-своему был прав в своих рассуждениях.

Почему Ленин не воспринимал тезисы Люксембург, которые она отстаивала в своих работах по экономической проблематике? Какая была точка зрения вождя пролетарской революции по вопросу о рынках как принципиальной проблеме, касавшейся всей экономической теории и общего представления о развитии экономики? Ленин утверждал вполне традиционный аргумент в классической марксистской политэкономии, что при существующем рынке последний, без каких-либо воздействий со стороны, может в своих недрах породить капитализм с постоянным ростом разделения труда, техническим обеспечением и т. д., что впоследствии и приводит к общественному разделению труда. Относительно общественного разделения труда Ленин не представляет никаких дополнительных объяснений его природы, лишь констатируя его появление⁷. Он утверждает, что рынок развивается вследствие того, что идет последующее углубление разделения труда (диалектическая взаимосвязь). В его представлениях вопрос о рынке при капитализме не стоит. Для него рынок есть простое выражение общественного разделения труда при товарном хозяйстве, из чего следует, что он (рынок) может расти так же бесконечно, как и разделение труда: „...пределы развитию рынка, при существовании капиталистического общества, ставятся пределами специализации общественного труда. А специализация эта, по самому существу своему, бесконечна – точно так же, как и развитие техники“⁸. Такая точка зрения, излагаемая в ее ленинской трактовке, выглядит достаточно любопытно: т.е. существует разделение труда, которое в каждой отдельной стране может расти сколько угодно, до самых развитых образцов⁹ – любая страна на планете может стать развитым рынком не хуже американского. Эта точка зрения всегда разделялась большинством экономистов, которые не считали нужным устанавливать, откуда берется разделение труда и что влияет на его углубление.

Такое представление о разделении труда Ленина ведет к логическому выводу, что капитализм может развиваться бесконечно, если бы не его имманентное противоречие между общественной формой производства материальных благ и частным распределением полученных от их реализации доходов! Как уже было отмечено, у Люксембург было совсем иное представление о механизмах развития капитализма как конечной по своей сущности общественно-экономической системы.

К сожалению, даже сейчас широкой общественности¹⁰ не очень понятно, что может заменить капитализм. Может быть, как раз из-за этого происходит его вымирание медленным образом (с учетом передышек в процессе, связанных с укрупнением систем разделения труда), продол-

жающегося последние полтора века! Может быть сегодня, когда уже сформулированы и понятны механизмы системного кризиса капитализма, стоит надеяться, что поиск альтернативных путей будет идти быстрее.

¹ Люксембург Р. Накопление капитала. Государственное социально-экономическое издательство. М., 1934. <http://propaganda-journal.net/bibl/rl.pdf>

² Некоторые исследователи даже называют конкретный год – 1873, когда наступает всемирный биржевой крах, вслед за которым начинается мировой экономический кризис, получивший название „Долгая депрессия“, формально закончивший в 1896 г.

³ Смит А. Богатство на народите. ИК „Рата“, 2006

⁴ Капитал вступает в роли законсервированного труда.

⁵ Маркс К. Капитал. Т.1, 2. София, 1989

⁶ Даже если примем, что в начале периода экономическая система уже располагает каким-то количеством денег, обслуживающих хозяйственный оборот, то в схемах Маркса это предположение не замечается в явном виде. То есть, у него идет описание только натуральных обменов в замкнутой системе.

⁷ Разделение труда воспринимается как некая „природная“ данность, которая не ставится на обсуждение.

⁸ Ленин В. И. По поводу так называемого вопроса о рынках // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 95

⁹ В этой связи стоит отметить, что в России того периода марксисты встроились очень успешно в политическую структуру общества и пользовались широкой поддержкой буржуазии, особенно на фоне „реакционных народников“, которые мечтали о построении аграрного царства на территории Российской империи.

¹⁰ Это совсем не означает, что нет отдельных групп, которые очень интенсивно (по мере своих ограниченных материальных возможностей) работают над этим вопросом! См. Матеев, Е. Структура и управление на экономической системе. Университетско издательство на УНСС, 2015 (1987); Григорьев, О., Эпоха на растежа. Лекции по некономика. Разцвет и упадък на световната икономическа система. Издателство «Изток – Запад», С., 2016 (2014).

А.А. Куреньшев

МАРКСИЗМ И КРЕСТЬЯНСТВО.

Некоторые проблемы теории и революционной практики

Аннотация. В статье раскрывается сущность марксистского отношения к крестьянству как революционной силе в истории России, нашедшего свое отражение в трудах крупнейших теоретиков и социальных практиков: Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина, Троцкого, Зиновьева, Богданова и некоторых других известных мыслителей и специалистов в области решения аграрного вопроса в стране и мире в целом.

Ключевые слова: крестьянство, марксизм, революция, аграрный вопрос и его решение.

Марксизм изначально относился к крестьянству как к социальному слою, сословию, составлявшему дуальную пару феодальной формации, как к пережитку, признаку атавизма а этой самой формации в новых условиях капиталистической формации, победившей, как считали Маркс и Энгельс,

в большинстве европейских стран – Англии, Франции, Голландии, определивших, по их мнению, дальнейший ход поступательного прогрессивного развития всего человечества. Соответственно, крестьянство – признак отсталости, недоразвития этого самого капитализма. Историческая судьба крестьянства определялась основоположниками марксизма соответственно: расслоение на два системообразующих класса буржуазного общества – буржуазию и пролетариат, – и исчезновение с исторической арены. Конечно, нельзя не отметить того, что из-под пера Ф. Энгельса вышла такая фундаментальная работа как «Крестьянская война в Германии», а К. Маркс высказывался иногда о крестьянстве, как антифеодальной силе и составной части буржуазных революций. Маркс разработал и учение о способах чистки феодального землевладения для капитализма. Он же дал им и названия: революционный и реформистский. Работа Энгельса посвящена истории мощного восстания крестьян и городских низов (плебеев) в 1525 г. Маркс в 1844 г. называл это восстание самым радикальным фактом немецкой истории. Оно явилось кульминационным пунктом ранней буржуазной революции в Германии – Реформации начала XVI века¹. «Подчеркивая роль крестьянства, как революционной силы, подрывающей устои феодального общества, Энгельс вскрыл также и слабые стороны крестьянского движения», – писали авторы предисловия к работе Энгельса². Основной идеей аграрной программы российской социал-демократии, как и западноевропейской, являлось признание полной аналогии между промышленностью и сельским хозяйством в их хозяйственном развитии: концентрации капиталов, вытеснении ремесла капиталистически образованными предприятиями, поглощении мелких предприятий крупными и т.д. Из убеждения, что сельское хозяйство подчиняется тем же законам развития, что и обрабатывающая промышленность, само собой вытекало, что крестьянству предстоит та же участь, что и ремесленникам. Промышленный пролетариат не может освободить сам себя, не освободив и сельское население, в результате чего «бок о бок с крестьянами возникнут социалистические латифундии (крупные поместья), которые будут обрабатываться не жалкими наемными рабами, а благоденствующими товариществами свободных веселых людей, тогда вместо бегства с собственного клочка земли в город возникнет еще более ускоренное бегство с этого клочка в товарищеские крупные предприятия» и, таким образом, «социалистическое крупное производство создаст для мелких хозяев не экспроприацию, а освобождение из ада, к которому они теперь привязаны своей частной собственностью». Считая, что «в деревне все движется по шаблонному пути, указанному Марксом, мелкое землевладение уничтожается, и мелкие крестьяне обращаются в пролетариев», социал-демократы видели свою задачу в том, чтобы отделить земледелие от землевладения. Землевладение должно было уступить место зем-

лепользованию и мобилизации земли в интересах всего общества с целью его наилучшего использования. Однако процесс пауперизации деревни по мере развития в ней капитализма социал-демократами так и не был доказан. Несмотря на это, социал-демократы продолжали исходить из Постановления Брюссельского конгресса 1868 г., определявшего что «мелкое крестьянское хозяйство осуждено политически, социально и экономически, что оно нигде себя не оправдало и нигде не может служить надежным спутником современной промышленности и социального прогресса; что оно пятое колесо в колеснице социально- политического прогресса, свинцовая гиря, парализующая рабочее движение, как во Франции, так и на всем континенте». Еще определеннее были высказаны эти идеи на конгрессе в Базеле в 1869 г., где в принятой резолюции указывалось, что «общество вправе упразднить индивидуальную собственность на землю и обратить ее в общественную собственность», что это совпадает с интересами общества. Экономический детерминизм К. Маркса, развиваемый позже К. Каутским, не учитывал изменившиеся условия развития крестьянского хозяйства, в котором начали сказываться последствия кооперации. Кроме того, в пореформенный период в России происходило увеличение числа крестьянских хозяйств и прирост крестьянского землевладения, в том числе и за счет сокращения землевладения крупных хозяйств. Ф.О. Гертц констатировал отсутствие организационного превосходства крупного хозяйства над мелким, подчеркивая, что крупное сельскохозяйственное производство ни в каком случае не может вытеснить мелкое ни медленной конкуренцией, ни бурной волной производства³. Д-р Э. Давид в своей книге «Социализм и сельское хозяйство» отмечал, что «история не знает ни одного примера, когда крестьяне разорились бы вследствие технического превосходства крупных хозяйств. В соперничестве при работе крестьянин до сих пор везде оставался непобедим»⁴. Сам ход сельскохозяйственного развития характеризовался раздроблением хозяйств в промышленных странах. «Вдали и в начале развития – крупное производство, вблизи и на высоких стадиях интенсивности – мелкое», – такова типичная картина в области сельскохозяйственного производства. На этой точке зрения стоял и Э. Бернштейн, отмечавший, что в вопросе об укрупнении производства «сельское хозяйство свидетельствует либо о застое, либо о совершенном регрессе в размере хозяйств»⁵. По справедливому замечанию А.И. Чупрова, за четверть века, прошедших после смерти К. Маркса, в земледелии и земледельцах произошли такие перемены, которые никак не мог предвидеть даже гениальный автор «Капитала»⁶. Противоречивость позиции социал-демократии по аграрной проблеме и вопросу о месте и роли крестьянского хозяйства нашла свое отражение в различных течениях внутри РСДРП. Умеренные социал-демократы – меньшевики в основу своей аграрной программы положили идею муници-

пализации земли, предусматривающую отчуждение земель средних и крупных владельцев, которые наряду с частью государственных, удельных, кабинетских земель передавались под контроль общедемократических все-сословных органов самоуправления для дополнительного наделения крестьян без перехода к ним права собственности на эти земли. Предусматривались три формы земельной собственности: а) общественная – сюда относились перешедшие в распоряжение органов областного самоуправления (муниципалитетов) отчужденные земли, которые затем должны были сдаваться в аренду крестьянам; б) частнособственническая – наделные крестьянские земли; в) государственная – земельные запасы, предназначенные для переселения и расселения⁷. Основным пунктом аграрной программы меньшевиков являлась ликвидация всех сословных стеснений (в т.ч. общинных) крестьянской земельной собственности, это преследовало цели защиты интересов мелких собственников, а не развития самой мелкой собственности. Церковные, монастырские и удельные земли подлежали конфискации, а частновладельческие – отчуждению, минимальный размер которого определялся областным народным представительством. Мелкая земельная собственность таким образом консервировалась в своем количественном росте за счет ликвидации крупной, однако ее развитие посредством частных сделок строго не ограничивалось. Концептуальное выражение аграрная программа меньшевиков получила в проекте основных положений аграрной реформы, внесенной во II Государственную думу И. Церетели от имени социал-демократической фракции 19 марта 1907 г. Проект был внесен в виде заявления, в пяти пунктах которого были сформулированы принципы равенства крестьянской земельной собственности со всякой другой земельной собственностью, отчуждения без выкупа частновладельческих земель (кроме мелкого землевладения и наделных земель), права каждого гражданина поселяться в каждой местности, «принимать участие в делах органов мелкого самоуправления, следовательно, и в распоряжении принадлежащими самоуправлению землями, и в определении условий пользования ими»⁸. Таким образом, в рамках развития капитализма в деревне аграрная программа меньшевиков стремилась реализовать мысль, высказанную К. Марксом в письме В.И. Засулич 8 марта 1881 г., отмечавшем, что «у русских крестьян пришлось бы превратить их общую собственность в частную собственность»⁹ с одновременным созданием запаса земель для ведения общественного хозяйства или иной формой пользования, определяемой местным самоуправлением. Сохранение в неприкосновенности существующих форм крестьянского землевладения (с устранением негативных последствий общинной формы) сближало аграрную программу меньшевиков и Конституционно-демократическую партию, несмотря на различие положенных в их основание политических

принципов. Однако будучи более теоретиками, меньшевики не разработали каких-либо критериев отчуждения земли и приобретения права пользования ею, целиком полагаясь в этом вопросе на органы местного самоуправления.

В.И. Ленин, как известно, рассматривал русскую революцию как «крестьянскую буржуазную революцию»¹⁰. Вместо буржуазии, по мысли Ленина, массовой демократической составляющей этих революций становится крестьянство. К подобным выводам Ленин пришел даже раньше событий революции 1905–1907 гг. На это обстоятельство указал в своей полемике с Троцким Г.Е. Зиновьев. «Ленинизм есть марксизм эпохи империалистских войн и мировой революции, непосредственно начавшейся в стране, где преобладает крестьянство. Ленин был пролетарским революционером с головы до ног. Но он в то же время знал, что непосредственно действовать ему приходится в стране, где преобладает крестьянство и где, поэтому пролетариат может победить только при правильном отношении рабочего класса к крестьянству. Выдвинув перед революцией 1905 года великий лозунг «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства»»¹¹.

«Крестьянство включает в себя массу полупролетарских элементов наряду с мелкобуржуазными. Это делает его тоже неустойчивым, заставляя пролетариат сплотиться в строго-классовую партию. Но неустойчивость крестьянства коренным образом отличается от неустойчивости буржуазии, ибо крестьянство в данный момент заинтересовано не столько в безусловной охране частной собственности, сколько в отнятии помещичьей земли, одного из главных видов этой собственности. Не становясь от этого социалистическим, не переставая быть мелкобуржуазным, крестьянство способно стать полным и радикальнейшим сторонником демократической революции»¹².

Крестьянство ни в коем случае не было до конца революционным классом, это верно. До конца революционным классом был и остается только пролетариат. Но при том сложном классовом переплетении, который характеризовал социальную структуру нашей страны до 1917 г., крестьянство в течение долгого времени оставалось революционным классом или, говоря осторожнее, было более или менее революционным классом и при благоприятных условиях под руководством пролетариата могло стать (и стало) очень большой революционной силой. И вся задача сводилась к тому, чтобы «условно» революционную силу, потенциальную революционную силу крестьянства превратить в реальную революционную силу, идущую за рабочим классом, – чего тогда не поняли ни Плеханов, ни Парвус, ни Троцкий, ни Мартов. Плеханов был уверен в том, что реализация политической программы народников привела бы к созданию архаичнейшего формирования наподобие империи инков. «Несколько лет тому назад мы, разбирая про-

грамму партии «Народной воли», намекнули на то, что ее экономическая часть при своем осуществлении повела бы к созданию государства Инков на востоке Европы в конце XIX века. Тогда мы говорили это предположительно, доводя мысль наших противников до абсурда. Теперь оказывается, что г.г. старые народовольцы не видят ничего нелепого в подобном предположении»¹³.

Как отмечал Зиновьев: «Основной источник неверности всей тактической линии Плеханова и шедших за ним меньшевиков в первый период русской революции (в 1905–1907 гг.) состоит в том, что они совершенно не поняли этого соотношения между буржуазной революцией вообще и крестьянской буржуазной революцией»¹⁴.

Как можно заметить, Ленин не считал центральными вопросы, связанные с землевладением и землепользованием крестьян. Поэтому он шел на признание народнических требований социализации и национализации земли (эсеры и энесы, трудовики в Думе). Для него был важен несомненный революционный потенциал крестьянства, и он его всячески пропагандировал, формулировал, объяснял в марксистских терминах, чтобы избежать обвинений в народничестве, мелкобуржуазности и т.п. Но был ли «ленинизм» до конца последовательным марксизмом?

Ленин на первом этапе существования диктатуры пролетариата считал необходимым добиться нейтрализации среднего крестьянства, чтобы не дать последнему сделаться опорой буржуазии. Но вместе с тем, большевики провели чисто «троцкистскую» акцию по внесению классовой борьбы в поравненную в результате «черного передела» деревню путем создания комитетов деревенской бедноты. В дальнейшем же предполагалось привлечь середняка, то есть основную массу крестьянства к сотрудничеству с рабочей властью, что и было осуществлено в конце 1918 – начале 1919 гг. в ходе выработки принципов формирования Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) и практических мер по ее комплектованию. В это время у Троцкого и Ленина расхождений в теории и практике взаимоотношений рабочего государства и крестьянства не было. В дальнейшем, однако, расхождения начались вследствие разных оценок перспектив развития Русской революции внутри страны и на международной арене. И Ленин, и Троцкий считали возможным использовать крестьянскую по своему личному составу Красную Армию для решения задач экспорта революции¹⁵. На Кавказе и в Средней Азии эта практика увенчалась успехом, Красная армия с успехом решила задачу установления Советской власти в Грузии, Армении, Азербайджане и Туркестане. Польский поход, имевший те же цели, окончился, как известно, провалом. После нескольких подобных неудач планов экспорта революции в другие страны (Германия 1923 г., Китай 1927 г. и др.) в советском руководстве окончательно победила линия на строительство социализма в одной

стране. Русское крестьянство, таким образом, опосредованно оказало воздействие на внутренние и внешние перспективы развития революционного движения в стране и мире. Создание в 1922 г. СССР, несмотря на декларативную открытость нового государственного образования для вхождения других стран и народов в Союз социалистических государств, было все же и заявлением об окончании активной фазы мировой революции, то есть своеобразным международным НЭПом. Это последнее обстоятельство было подтверждено участием страны Советов в международных конференциях, устраивавшихся «акулами империализма», заключением ряда договоров и началом дипломатического признания СССР. НЭП, как известно, тоже был следствием поражения рабочей власти в войне с крестьянством¹⁶.

Итак, мы видим достаточно большой разброс представлений марксистов о роли и значении крестьянства в новейшей истории России и мира в целом. От полного отрицания революционно-созидательного потенциала большинства населения не только России, но и мира в целом, до признания союзнических, равноправных отношений рабочего класса и выразителей его интересов – коммунистов – с крестьянством. Существует еще и ряд промежуточных позиций, одну из которых проводил в жизнь Л.Д. Троцкий, считавший, что армия – важнейшая для крестьянства организационно-милитаристская форма преобразования общества в нужном для рабочего государства и распространения мировой революции направлении. Так было, по его мнению, в 1917 г. Аналогично рассматривал низвергнутый вождь ситуацию и в СССР и мире 1939 г.

И последнее. Еще один марксистский теоретик А.А. Богданов предупредил, что Ленин, «став во главе правительства, провозглашает социалистическую революцию и пытается на деле провести военно-коммунистическую»¹⁷. Круг, как говорится, замкнулся...

¹ Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии. М., 1953. С. V.

² Там же. С. VI.

³ Гертц Ф.О. Аграрный вопрос. М., 1900. С. 151-154.

⁴ Давид Э. Социализм и сельское хозяйство. СПб., 1906. С. 547-550.

⁵ Бернштейн Э. Социальные проблемы. Пер. с нем. П.С.Когана. М., 1901. С. 125. См. также: Он же. Развитие форм хозяйственной жизни. СПб., 1904; Он же. Социальные проблемы. Условия возможности социализма и задачи социал-демократии. СПб., 1906.

⁶ Чупров А.И. Мелкое земледелие и его основные нужды. СПб., 1905. С. 2-3.

⁷ Куреньшев А.А. Революционная война и крестьянство // Отечественная история. 2001. № 6. С. 33-46.

⁸ Там же.

⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 250-251.

¹⁰ Ленин В.И. Лев Толстой как зеркало русской революции // Полн. собр. соч. Т.17. С.210.

¹¹ Зиновьев Г.Е. Ленинизм: Введение в изучение ленинизма. 2-е изд. Л., 1926. 360 с.

¹² Там же. С. 44.

¹³ Плеханов Г.В. Неизбежный поворот // Плеханов Г.В. Соч. Т. 3. М.; Пг. 1923. С.39.

¹⁴ Зиновьев Г.Е. Указ соч. С. 44.

¹⁵ См. об этом: Куренышев А.А. Указ соч. С. 33-46.

¹⁶ Павлюченко С.А. Крестьянский Брест, или предыстория большевистского НЭПа. М., 1996. 299 с.

¹⁷ Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1990. С. 348.

Tamara Prosic

HEGEMONY, RELIGION, REVOLUTION

Summary. In Western Marxist theory the concept of hegemony is most often used in a Gramscian sense as dominance of class-influenced cultural values and attitudes which can either generate or hinder revolutionary struggle. Cultural values, however, as much as they can be class-based can also be based on other totalizing social phenomena such as religion. The paper discusses religion as the basis of cultural hegemony in Russia at the time of the revolution and its role as one of the factors contributing to its success.

Keywords: hegemony, Antonio Gramsci, Russian revolution, religion

The term hegemony had a long history before Antonio Gramsci, the imprisoned leader of the Italian Communist Party, used it to designate one of his central ideas about forms of domination in capitalism. Among the members of the Russian Social Democratic movement, it was used as a category with class references and designated the political dominance and the leadership of the proletariat (and the RSDP) within potential political alliances the proletariat might form with other social groups in the struggle against tsarism. Thus, in a letter to Struve in 1901, Axelrod stated that: ‘By virtue of the historical position of our proletariat, Russian Social-Democracy can acquire hegemony in the struggle against absolutism.’¹ A decade later, after the 1905 revolution forced the monarchy to make some political concessions which prompted some members of RSDP to argue that RSDP should represent not “hegemony, but a class party” Lenin stated that “As the only consistently revolutionary class of contemporary society, it [proletariat] must be the leader in the Struggle of the whole people for a fully democratic revolution, in the Struggle of all the working and exploited people against the oppressors and exploiters. The proletariat is revolutionary only insofar as it is conscious of and gives effect to this idea of the hegemony of the proletariat.”² So, hegemony in the context of Russian RSDP, although acquiring class connotations was strictly related to the political sphere and more or less meant commandeering a leadership role for the proletariat in the political struggle of all the exploited members within bourgeois society.

After the revolution of 1917, hegemony disappeared from the discourse within USSR, but continued to live in the speeches and manifestos of the first four congresses of the Communern. Gramsci was the Italian representative at the Fourth Congress in 1922 and it is most likely that it was on this occasion

that he became familiar with hegemony in relation to class dominance. He was arrested in 1926 and it was during the years in prison that he extended the RSPD understanding of hegemony to the sphere of culture and identified class dominance in the sphere of generally accepted social values as one of the key factors which can either aid or thwart revolutionary movements.

Gramsci's ideas from *Prison Notebooks* belong to the so-called Western Marxism tradition which developed after World War I when Marxist theory reached a kind of impasse from which it could move forward only by seriously rethinking some of its own basic premises. Confronted with the revolutionary success in Russia and the defeats in the West, Marxists began to reassess the somewhat naive revolutionary expectations implicit in the economic determinism of nineteenth and early twentieth century historical materialism. Marx claimed that "At a certain stage of development, the material productive forces of society come into conflict with the ... property relations within the framework of which they have operated hitherto ... Then begins an era of social revolution. The changes in the economic foundation lead sooner or later to the transformation of the whole immense superstructure."³ Based on this formulation, Marxists of the Second International expected that the socialist/communist revolutions would by default happen first in the countries of Western Europe which best fitted Marx's descriptions. They were highly industrialized and they had a numerous working class already well acquainted with the exploitative nature of capitalist relations. To everyone's surprise, the revolution succeeded in Russia, the country which was semi-feudal, industrially underdeveloped, and where peasants rather than workers made the majority of the population.

In the face of this disparity between Marxist theory and historical experience, it became apparent that between the economic base and the superstructure, the two structural elements that in Marx's view are what every society consists of, Marx overestimated the power of the economic base to generate social transformation. As the failed Western movements clearly demonstrated, highly industrialized conditions and a developed capitalist system of production did not necessarily lead to revolutions. Marx claimed in *Capital* that "Along with the constantly diminishing number of the magnates of capital, who usurp and monopolize all advantages of this process of transformation, grows the mass of misery, oppression, slavery, degradation, exploitation; but with this too grows the revolt of the working class, a class always increasing in numbers, and disciplined, united, organized by the very mechanism of the process of capitalist production itself."⁴ But what transpired in the West clearly contradicted that claim. While the Western proletariat did rise in revolt, instead of demonstrating revolutionary class self-consciousness by 'expropriating the expropriators',⁵ the revolt ended in reformism; effectively, in siding with the bourgeoisie and in legitimizing exploitative economic relations.

Western revolutionary failure in combination with the unexpected success in Russia essentially questioned Marx's claim that the main generator of revolutions was situated in the material base of a society. The lack of revolutionary consciousness of the Western proletariat clearly demonstrated that class domination went beyond the sphere of objective economic elements and that it was also occurring in the more elusive sphere of subjectivity and its completely immaterial contents, such as values, ideals, perceptions of oneself, others and the world, attitudes, practices, expectations, beliefs and effectively everything else that plays a role in what R. Williams would much later describe as the "lived system of meanings and values – constitutive and constituting – which as they are experienced as practices appear as reciprocally confirming... that is to say, in the strongest sense a 'culture'".⁶ Accordingly, the focus of Marxist theory moved from economic analyses to investigations of culture and forms of cultural domination.

Most of the theories that developed from the heightened awareness about the significance of culture in shaping class self-consciousness, however, were preoccupied with the situation in developed Western countries. The elements and properties of Russia's culture and their possible contribution to the radicalization of the Russian population and thereby to the success of the revolution did not overly interest Western Marxists. At the fourth congress of the Komintern Trotsky gave a perfunctory explanation that the Russian achievement was due to an extremely weak bourgeoisie which the Bolsheviks managed to catch by surprise and this seems to have been accepted without much questioning.⁷ The only exception to this general Western Marxists' disinterest for the role Russia's culture played in the revolution was Gramsci. Taking into consideration the mentioned remark by Trotsky, but also drawing on his own experience from the failed Italian movement, he claimed that the defeat in the West was due to the hegemonic position and the control bourgeoisie exercised in the sphere of cultural values. According to Gramsci, the institutions of the civil society in the West disseminate and present bourgeois values and interests as general social values which secures their spontaneous acceptance by the masses.⁸ Thus, the Western revolutions were not lost because the proletariat succumbed to the crude, coercive powers of the state, but because it could not break free from the chains of cultural hegemony, the bulwark of ideological consent that bonded the rulers and the ruled. The situation in Russia was, in his view, completely different. The embryonic condition of Russia's bourgeoisie meant that the civil institutions, the main propagators of bourgeois values in the West, were also almost non-existent and that Russia was free from bourgeois cultural hegemony. In this situation the ruling class could rely only on the coercive powers of the state as mechanism of social control.⁹ Once the state apparatus disintegrated, everything else fell down with it allowing the Bolsheviks a relatively quick

victory in comparison to their Western counterparts who would have to engage in a long process of establishing proletarian cultural hegemony before they attempt political seizure of power.¹⁰

Gramsci's theory about the role cultural hegemony or rather its presence/absence played in Russian and Western conditions has been met with unanimous acceptance in Marxist circles. However, as much as his theory might be heuristic regarding Western conditions, it is equally confounding in relation to Russia. The first problem is his reductionist understanding of cultural hegemony. He treats it as a social phenomenon produced by and existing only in developed capitalism. As a result, in his writings semi-feudal Russia appears without cultural dominance of any kind, as some kind of cultural *tabula rasa* which the Bolsheviks after the October revolution quickly populated with proletarian values which then led to popular support of communist ideas and victory in the civil war. This line of thinking, however, cannot be justified on any grounds. First of all because every historical period has values that are accepted as general cultural values and therefore each historical period, whichever way the periodisation is done, is subjected to some type of cultural hegemony. The hegemonic values can often be allied with the interests of the ruling class, but their source does not necessarily have to be class-related. In pre-modern, feudal, Western European countries, it was Christianity, more precisely the teachings of Roman Catholicism and Protestantism, that were the main source shaping the general worldview, and which gave, as Gramsci would say, "general direction" to social life.¹¹ Similarly, in pre-revolutionary Russia, and particularly among the peasants, which were not just the majority of the population, but were according to Trotsky also instrumental in the success of the revolution, it was the traditions of Eastern Orthodox Christianity that governed people's values, attitudes, expectations, everyday-life behavior, relationships with others, etc. So, while it could be said that Gramsci was right that Russia did not have cultural hegemony that reflected capitalist interests, his assumption that thereby it was also a pristine cultural space free from any influence and widely open to the views and ideas of the Bolsheviks is certainly far from the truth.

Equally questionable is Gramsci's assumption that Bolsheviks managed to establish proletarian cultural hegemony during the years of the civil war. As a matter of fact, even they had problems explaining the popular support the revolution enjoyed, and often changed their views about the reasons behind its success. In March 1918, when the civil war began, Lenin claimed that the survival of the Russian revolution depended on the success of the German revolution.¹² In 1920, when it was clear that the German revolution was not happening, he called the Russian revolutionary success a miracle, claiming somewhat romantically that it happened due to the solidarity and the sympathy foreign soldiers felt for their Russian comrades.¹³ At the Fourth Comintern Congress Trotsky insisted

on the role of the Bolsheviks, referring to the war as being also a “political process” during which “by being resolute in our actions we made the peasant masses understand that there was only one choice open to them – the choice between the revolutionary proletariat on the one side, and the officers of noble birth at the head of the counter-revolution, on the other”.¹⁴ What he failed to explain in that speech was the nature of the “political process” and the “resolute actions” that “made [the peasants] understand.” This is a significant omission because it is precisely this “understanding” which the peasants demonstrated that is the key to the Russian success. Without clear knowledge of the nature of the common ground on which this “understanding” was forged between the masses and the Bolsheviks, the Russian revolution still remains wrapped in the mysteries of Lenin’s miracle from 1920. Furthermore, without that common ground, the revolution would have gone the path Western revolutions went: as a valiant, but short-lived attempt to correct social injustices.

Gramsci’s analysis of failed Western revolutions quite clearly demonstrates that revolutions do not succeed unless there is an understanding between the ideals promoted by revolutions and the ideals of the majority of the population. Therefore, the main question regarding the success of the Russian revolution that needs answering is not how weak was the Russian state or how effective were the Bolsheviks’ educational efforts during the civil war, but what was the ideational space where the dominant cultural values and the communist ideals of the Bolsheviks met, interacted and mutually endorsed each other. In searching for this, however, the influence of religion as the source of dominant cultural values cannot be overlooked. As Gramsci, who both admired it and detested it, knew too well, religion is not limited to one or another sphere of the society. Like socialism, it is a form of total social praxis and as such it is always political and can be either an ally or an enemy. Moreover, in the case of Russia it could have been one of the more important factors given that the majority of population was uneducated and that its views, expectations and behaviour were mainly shaped by religious rather than any kind of rational discourse.

There are many elements of Eastern Orthodox Christianity which could be considered as part of the common ideological ground on which the masses’ and the Bolsheviks’ ideals met. There are the obvious messages about the communal life of the first Christians, Jesus’ preferential treatment of the marginalised and the poor, but there are also elements that are less obvious and much less researched in the context of the revolution, such as the collectivist nature of Eastern Orthodoxy and its mystical aspect, the transcendent that is both immanent and imminent. My research is in these less direct and less readily accessible forms of the Orthodox worldview and their role in the revolution. The twentieth century experience has demonstrated that revolutions are not so much propelled by historical necessity, as Marx hoped for, but, as Bloch would

say, by “the principle of hope”, by an anticipatory-utopian drive which is often neither completely rational nor rationalised, but which arises as a confluence between the externally fermenting possibilities, or in Bloch’s terms the “Not-Yet-Closedness” of the “dialectically-materialistically mediated newness”, and the internally effervescing wishes of the consciousness.¹⁵ In simpler language, revolutions happen not just in times when the society is in turmoil, but also when the humans feel not as closed, fixed realities, but as open, “reality-processes”. It is in these conditions that the wanted future, as Bloch says, “...does not come to man as fate, but man overcomes the future and enters it with what is his.”¹⁶ And this is precisely what I think happened during the Russian revolution. Man dared to appropriate the future. That future, however, was not the future of a historically conditioned man, but the utopian future of a man seen through the collectivist mystical lenses of Orthodox Christianity.

¹ Anderson P. The Antinomies of Antonio Gramsci // New Left Review. 1976. № 100 (November-December). P. 16.

² Lenin V.I. Reformism in the Russian Social-Democratic Movement // Sotsial-Demokrat . № 23. 1911. September 14 (1). <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1911/sep/14.htm>

³ Marx K. A Contribution to the Critique of Political Economy. Moscow, 1977. <https://www.marxists.org/archive/marx/works/1859/critique-pol-economy/preface.htm>

⁴ Marx K. Capital: Critique of Political Economy. Vol. I. Moscow, 1977. P. 536. <https://www.marxists.org/archive/marx/works/download/pdf/Capital-Volume-I.pdf>

⁵ Ibidem.

⁶ Williams R. Marxism and Literature. Oxford, 1977. P. 110.

⁷ Trotsky L. The First Five Years of the Communist International. <https://www.marxists.org/archive/trotsky/1924/ffyci-2/20.htm>

⁸ Gramsci A. Selections from the Prison Notebooks. London, 1971. P. 12.

⁹ Ibid. P. 238.

¹⁰ Ibidem. P. 236.

¹¹ Ibidem. P. 12.

¹² Lenin V.I. Political Report of the Central Committee. (Extraordinary Seventh Congress of the R.C.P.(B.), 1918). <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1918/7thcong/01.htm>

¹³ Lenin V.I. Speech Delivered at the First (Inaugural) All-Russia Congress Of Mineworkers. 1920. <https://www.marxists.org/archive/lenin/works/1920/apr/01.htm#fw01>

¹⁴ Trotsky L. The First Five Years of the Communist International.

¹⁵ Bloch E. The Principle of Hope. Vol. 1. Cambridge, 1986. P. 197.

¹⁶ Ibid. P. 198.

В.А. Сахаров

КАРЛ МАРКС И ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС О СОЦИАЛЬНОЙ ПРИРОДЕ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ПОТЕНЦИАЛЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Аннотация. К. Маркс и Ф. Энгельс относили интеллигенцию к средним слоям общества по уровню ее материальной обеспеченности и жизни и также указывали на ее социальное родство как наемных работников, с пролетариатом физического

труда, не отождествляя их. Этой двойственностью их социального положения они объясняли сложность ее отношений с пролетариатом и неоднозначность политического отношения к коммунистической революции. Рост активности интеллигенции в этой революции они связывали с тенденцией относительного снижения уровня жизни средних слоев и их положения в обществе, означающего завершение процесса превращения наемных работников, занятых умственным трудом, в пролетариев умственного труда.

Опыт Великой Октябрьской социалистической революции подтвердил все оценки, опасения и надежды К. Маркса и Ф. Энгельса относительно включения интеллигенции в процесс социалистических преобразований, а также их значения для победы революции и дальнейшего развития социалистического общества.

Ключевые слова: К. Маркс, Ф. Энгельс, интеллигенция, пролетарии умственного труда, социалистическая революция, политический союз пролетариев физического и умственного труда, В.И. Ленин, И.В. Сталин, социальное положение интеллигенции в социалистическом обществе.

Вовлечение интеллигенции – людей занятых умственным трудом – в процесс социалистического преобразования общества оказалось едва ли не самой трудной проблемой пролетарской революции. Это объясняется, прежде всего, сложностью ее социального характера. Разработку этой проблемы начали К. Маркс и Ф. Энгельс. Достаточно много материала для уяснения сути их взглядов на социальную природу интеллигенции и оценки ее социалистического потенциала, мы находим уже в «Манифесте Коммунистической партии».

Характеризуя социальную структуру буржуазного общества, К. Маркс и Ф. Энгельс **не** выделяют интеллигенцию в особый класс общества. Не относят ее ни к классу буржуазии, ни к мелкобуржуазным слоям общества¹. Вместе с тем, они определенно указывали на то, что она, как и пролетариат, является продуктом развивающегося капитализма, призванным служить буржуазии: «Буржуазия... врача, юриста, священника, поэта, человека науки... превратила в своих платных наемных работников»². В этой фразе – ключ к определению социальной природы интеллигенции, оказывающейся в определенном родстве с пролетариями, которые, по определению Маркса и Энгельса, представляли собой «класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу», а будучи вынужденными «продавать себя поштучно», они «представляют собой такой же товар, как и всякий другой предмет торговли»³. Такое положение интеллигенции и пролетариата обусловлено отсутствием у них собственности на средства производства. Для них, как наемных работников, характерны отношения конкуренции за рабочие места и партнерства в процессе производства, что отличает их от буржуазии и мелкой буржуазии, для которых – собственников средств производства и продавцов, принадлежащих им товаров – свойственны иные отношения партнерства и конкуренции.

Однако по своему материальному положению интеллигенция, в отличие от пролетариата, принадлежит не к социальным низам, а к «средним слоям» общества, что сближает ее с мелкой буржуазией. Но перспектива ее развития в условиях капитализма иная, чем у мелкой буржуазии, обреченной на разорение и снижение ее роли в обществе. К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что пролетариат (также как и буржуазия) растет и крепнет с развитием капитализма, в то время как «все прочие классы приходят в упадок и уничтожаются с развитием крупной промышленности»⁴. Учитывая отмеченное ими социальное родство интеллигенции и пролетариата, можно утверждать, что данный прогноз распространялся ими и на интеллигенцию.

Характеризуя борьбу «средних слоев» с капитализмом, К. Маркс и Ф. Энгельс указывали на то, что их социальные особенности предопределяли иные, чем у пролетариата, цели борьбы: «мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин... борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование от гибели, как средних сословий»⁵. Иначе говоря, они борются за сохранение имеющейся у них собственности на средства производства, и, следовательно, капитализма.

Интеллигенция в капиталистическом обществе, относясь к «средним слоям», но, не владея средствами производства, ведет борьбу не за их сохранение, а за улучшение **условий найма** на работу, своего *труда* и его *оплаты*. Так же, как и пролетариат, борьба которого объективно ведет к изменению существующего **способа присвоения** при условии взятия им в свои руки общественных производительных сил. К. Маркс и Ф. Энгельс писали, что пролетариат, не обладая собственностью на средства производства, «могут завоевать общественные производительные силы, лишь уничтожив свой собственный нынешний способ присвоения»⁶. В свете выше изложенного, это же можно сказать и об интеллигенции.

К. Маркс и Ф. Энгельс возражали тем, кто не допускал распространения коммунистического способа «**присвоения и производства материальных продуктов...на присвоение продуктов умственного труда**». Они считали это возможным⁷. А осуществить подобное можно только при условии социального родства между производителями как «материальных продуктов» (пролетариат), так и «продуктов умственного труда» (интеллигенция), т.е. такого родства, которое не отменяется очевидной разницей в их положении в системе общественного производства.

Следовательно, в историческом плане пролетариат и интеллигенция нужны друг другу, поскольку только совместно они могут вести и развивать любое производство в своих интересах без капиталиста-хозяина, который *без них не способен на это!!!* Поэтому их борьба против порядков буржуазного общества ведет в итоге к уничтожению буржуазной собственности и к обобществлению всего хозяйства в их руках (в той или

иной форме), **а значит, к ликвидации капитализма и становлению** общества социальной справедливости – **социализма**. В пользу такой трактовки К. Марксом и Ф. Энгельсом роли интеллигенции в пролетарской революции косвенным образом свидетельствует тот факт, что практически все намеченные ими уже в «Манифесте Коммунистической партии» первые мероприятия революционного правительства не могли быть проведены без ее участия⁸.

Говоря о социальном родстве интеллигенции и пролетариата, К. Маркс и Ф. Энгельс имели в виду только ту, большую часть ее, которая жила своим трудом, т.е. получала весь свой доход в виде заработной платы или оплаты результатов личного труда (гонорар и т.п.). Эта оценка не может распространяться на ту, меньшую часть, интеллигенции, которая, благодаря высоким доходам, имела возможность (приобретая акции, сдавая в наем жилье и т.д.) включиться в процесс эксплуатации работников, занятых наемным трудом, в том числе и интеллектуальным.

Теоретическая оценка К. Марксом и Ф. Энгельсом объективно существующего социалистического потенциала интеллигенции – это одна сторона проблемы. Другая сторона ее – собственное осознание интеллигенцией своего социального положения и заинтересованности в преобразовании общества на социалистических началах, а также способности вести борьбу за эти преобразования. Указание К. Маркса и Ф. Энгельса на социальное родство наемных работников физического и умственного труда не означает смешивания ими пролетариата и интеллигенции, игнорирования их разных функций и места в системе общественного производства, различий в структуре их знаний, социально-политическом опыте, разницы между трудом физическим и умственным, и т.д.

Психологические и идеологические предубеждения, порожденные той «разночинной» средой, из которой тогда рекрутировалась интеллигенция (разорившиеся дворяне, обанкротившиеся буржуа, мелкая буржуазия), более высокий социальный статус и культурный уровень, лучшее материальное положение ее, чем пролетариата, порождали в ее среде определенный снобизм по отношению к нему. Все это затрудняло осознание ею своего социального родства с ним, общности коренных социальных интересов и необходимости взаимодействия в борьбе за них. К. Маркс и Ф. Энгельс прекрасно понимали это и очень аккуратно формулировали свою оценку их социальной природы, оговаривая, что **люди интеллигентного труда «не принадлежат» к рабочему классу в «точном смысле этого слова**. Отождествления нет, но есть указание на социальную близость, родство.

К. Маркс и Ф. Энгельс весьма резко оценивали политическое поведение интеллигенции как представителя «среднего класса», которая, как и мелкие рантье, продается буржуазии, служит ей, укрепляет ее господство,

склонна пренебрегать интересами основной массы народа и может подвести революционеров в минуту опасности. Они предупреждали, что люди интеллигентного труда будут служить пролетариату только в том случае, если он будет достаточно грамотен и активен в деле управления и т.п., иначе говоря, сможет стать гегемоном революции. В противном случае интеллигенция сядет ему на шею⁹. И тем не менее, они усматривали способность интеллигенции участвовать в борьбе за социалистическое преобразование общества в одних рядах с пролетариатом. Со временем эта оценка их становилась все более определенной и оптимистической.

Прежде они, отмечая противостояние и даже отчужденность интеллигенции от пролетариата, идентифицировали чартизм как пролетарское движение, а социализм – как движение буржуазии и интеллигенции, отмечая при этом необходимость их взаимодействия в интересах победы пролетариата¹⁰. Теперь они говорили о социальном родстве их, указывали на объективно существовавшее совпадение коренных социально-экономических и политических интересов, а существовавшие между ними противоречия расценивали как неантагонистические, обусловленные исторически, имеющие преходящий характер и вполне преодолимые в ходе совместной борьбы против буржуазии. Это преодоление обеспечивалось уже развитием капитализма, благодаря чему, считал К. Маркс, должно было «увеличиться... число плохо оплачиваемых художников, музыкантов, адвокатов, врачей, ученых, учителей, изобретателей и т.д.»¹¹.

Из сказанного, следует важный для нас вывод: понять пролетарскую сущность интеллигенции и правильно оценить ее возможности в социалистической революции можно только в том случае, если подходить к этим вопросам конкретно-исторически, учитывая динамику развития капиталистического общества и положение интеллигенции в нем. Именно такой подход мы встречаем в поздних работах Ф. Энгельса. Так, например, в октябре 1891 г. он писал: «Для того, чтобы овладеть средствами производства и пустить их в ход, нам нужны технически подготовленные люди и притом в большом количестве... я предвижу, что в ближайшие 8 – 10 лет к нам придет достаточное количество молодых специалистов в области техники и медицины, юристов и учителей, чтобы с помощью партийных товарищей организовать управление фабриками и крупными имениями в интересах нации. Тогда, следовательно, взятие нами власти будет совершенно естественным и произойдет относительно гладко»¹². В мае 1893 г. он вновь выразил уверенность, что со временем «наши идеи распространятся повсюду как среди рабочих, так и среди учителей, врачей, юристов и пр. Если нам придется взять власть завтра, нам потребуются инженеры, химики, агрономы. Что ж! Я твердо уверен, что многие из них будут с нами»¹³. Важно отметить, что **в качестве основных, главных социальных сил, изначально включавших-**

ся в процесс социалистического преобразования общества, им названы лишь рабочий класс и интеллигенция.

19 декабря 1893 г. в приветствии международному конгрессу студентов-социалистов Ф. Энгельс, фактически подводя итог всем своим и К. Маркса размышлениям по данной проблеме, сформулировал ее предельно четко и ясно: «Пусть ваши усилия приведут к развитию среди студентов сознания того, что именно из их рядов должен выйти тот *пролетариат умственного труда*, который призван плечом к плечу и в одних рядах *со своими братьями рабочими, занятыми физическим трудом*, сыграть значительную роль в надвигающейся революции», ибо для ее победы «понадобятся... врачи, инженеры, химики, агрономы и другие специалисты, ибо дело идет о том, чтобы овладеть управлением не только политической машиной, но и всем общественным производством, а тут уж нужны будут отнюдь не звонкие фразы, а солидные знания» (курсив и жирный шрифт наши. – В.С.)¹⁴. Таким образом, **включение в состав пролетариата большей части интеллигенции (работающей на условиях найма и не вовлеченных в процесс эксплуатации наемных работников)**, является одним из принципиальных для марксизма положений.

Выражая уверенность в способности интеллигенции включиться в процесс социалистического преобразования общества, Ф. Энгельс все же не упрощал проблему. Указывая на трудности, стоящие на пути социалистической революции, он 21 августа 1890 г. писал: «На пути осуществления завтра же этого переворота – речь идет о постепенном осуществлении – я не вижу совершенно никаких трудностей... наши рабочие способны на это... Я не могу понять, как можете Вы говорить о невежестве масс в Германии после блестящего доказательства политической зрелости, которое наши рабочие дали в победоносной борьбе против закона о социалистах. Мнимочеловеческое чванство наших так называемых образованных представляется мне гораздо более серьезным препятствием. Конечно, нам не хватает еще техников, агрономов, инженеров, химиков, архитекторов и т.д., но на худой конец мы можем купить их для себя так же, как это делают капиталисты, а если несколько предателей – которые наверняка окажутся в этом обществе – будут наказаны как следует в назидание другим, то они поймут, что в их же интересах не обкрадывать нас больше. Но за исключением этих специалистов, к которым я отношу также и школьных учителей, мы прекрасно можем обойтись без остальных «образованных»¹⁵.

Даже в теории пролетарской революции проблема вовлечения в нее интеллигенции представлялась хотя и решаемой, но трудной задачей, вопросы реализации которой К. Марксом и Ф. Энгельсом еще не могли быть детально проработаны. В практике революций ее решение оказалось очень сложным делом. История Великой Октябрьской социалистической

революции свидетельствует, что, с одной стороны, оправдались надежды К. Маркса и Ф. Энгельса на способность интеллигенции принять пролетарскую революцию и бороться за построение социализма, а, с другой – сбылись их все предостережения относительно трудностей, стоящих на этом пути. Проблема вовлечения интеллигенции в процесс социалистического строительства, утратив свой прежний, теоретический, оценочный характер, превратилась в одну из важнейших практических задач, решаемых поэтапно, в зависимости от конкретных политических и социально-экономических обстоятельств.

Говоря об опыте Великой Октябрьской социалистической революции по привлечению интеллигенции к социальному переустройству страны, отметим только следующее: во-первых, необходимо учитывать, что эта революция была не только *закономерной*, но и исторически *ранней*, ставшей возможной благодаря тому, что, совершая ее, пролетариат России в ключевые моменты ее мог опереться на массу крестьянства, сохранявшего в себе, благодаря общине, определенный социалистический потенциал, на который указывал в свое время К. Маркс¹⁶, значение которого для построения социализма в СССР отмечал И.В. Сталин¹⁷. Благодаря общине, В.И. Ленину удалось раздел земли крестьянами провести как процесс ее социализации, фактически означавшей ее национализацию, что впоследствии создало условия для вовлечения их в процесс социалистического преобразования сельского хозяйства¹⁸. Учет этой особенности проясняет причины трудностей включения интеллигенции в процесс строительства социалистического общества: она была еще далека как от осознания своего положения в качестве «пролетариев умственного труда», так и своих коренных социально-экономических и политических интересов, реализуемых только в ходе социалистической революции.

Во-вторых, опыт революции, в общем и целом, подтвердил высказанную К. Марксом и Ф. Энгельсом мысль о социальной природе интеллигенции в буржуазном обществе (наемные работники, занятые умственным трудом – пролетарии умственного труда). Отметим в этой связи, что изменение в начале социалистических преобразований отношения к советской власти небольшой части интеллигенции, начавшей сотрудничать с ней, а также потенциально возможное изменение социально-политической «физиономии интеллигенции в целом», И.В. Сталин связывал с занятой ею политической позицией и с массовостью ее участия в социалистической революции на стороне пролетариев физического труда и их союзников¹⁹. И здесь имманентно содержится мысль, которую мы встречаем у К. Маркса и Ф. Энгельса: позиция интеллигенции в социальной структуре буржуазного общества и в социалистической революции зависит от нее самой и конкретно-исторических условий, в которых данная революция развивается.

В-третьих, ввиду исторически обусловленных особенностей российской интеллигенции, В.И. Ленин, в полном соответствии с идеями К. Маркса и Ф. Энгельса, рассматривал ее как представителя «средних слоев», не фиксируя, однако, ее пролетарского характера, оценивал ее как «попутчика», а не союзника пролетариата. Соответственно этому он намечал политику в отношении ее²⁰. Лишь после упрочения социально-политических позиций Советской власти в ноябре 1918 г. он поставил задачу перехода к политике союза с интеллигенцией²¹, учитывая, таким образом, ее в системе диктатуры пролетариата **в качестве союзника**. Решение этой проблемы оказалось очень трудным делом. Позднее, на ХУШ съезде ВКП(б) И.В. Сталин, указывая на эту проблему, говорил о недоверии, переходившем порой в ненависть по отношению к интеллигенции со стороны социальных низов²².

В-четвертых, после достижения решающих успехов в деле социалистического строительства, в октябре 1938 г., И.В. Сталин, говоря о роли советской интеллигенции, которую ей, по его мнению, предстояло сыграть в будущем, сформулировал задачу: «Интеллигенция должна у нас быть солью земли.... Все наши кадры – это интеллигенты, и они должны стать солью нашей земли, и они могут стать»²³. К сожалению, эта задача не была решена, что, полагаю, явилось, в свою очередь, одной из главных причин обострения кризисных явлений в развитии социалистического общества.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 431, 449–450.

² Там же. С. 427.

³ Там же. С. 430.

⁴ Там же. С. 434.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 440.

⁸ Там же. С. 446 – 447.

⁹ Там же. Т. 4. С. 57, 467; Т. 7. С. 9; Т. 9. С. 464; Т. 23. С. 209; Т. 33. С.3.

¹⁰ Там же. Т. 2. С. 461.

¹¹ Там же. Т. 26. Ч. 1. С. 206.

¹² Там же. Т. 38. С. 163.

¹³ Там же. Т. 22. С. 564.

¹⁴ Там же. С. 432.

¹⁵ Там же. Т. 37. С. 380.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. соч. М., 1987. Т. 6. С. 58 – 80.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 354. Л. 56.

¹⁸ Сталин И.В. Соч. Т. 12 . С. 150-153.

¹⁹ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. 11-е изд. М., 1952. С. 647.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 380; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 101.

²¹ Ленин В.И. Соч. Т. 37. С. 195.

²² Сталин И.В. Вопросы ленинизма. С. 647.

²³ И.В. Сталин о «Кратком курсе истории ВКП(б)» // Исторический архив. 1994. №5. С. 27 –29.

СОВЕТСКАЯ ПРАКТИКА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ РОССИЙСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Аннотация. В публикации определяются основные этапы развития советского общества в довоенное время. В ней отмечено, что после победы Советской власти у большевиков появилась возможность реализации планов социалистического переустройства России. Но незрелость страны для прямого перехода к строительству социализма побудила советское руководство искать пути достижения намеченной цели, отличные от ранее намечавшихся. На основании анализируемых документов в работе делается вывод, что отношение дореволюционной интеллигенции к большевикам и Советской власти менялось в процессе развития страны. В исследовании показано, что старые специалисты, первоначально занявшие выжидательную позицию, в последующем перешли к сотрудничеству с Советской властью в деле общественного переустройства страны.

Ключевые слова: Советская власть, большевики, дореволюционная интеллигенция, социалистическое строительство, НЭП, репрессии, сотрудничество.

«Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий вынуждена будет стать у власти, чтобы в конце концов проводить все же такие вещи, которые отвечают непосредственно не нашим интересам, а интересам общереволюционным и специфически мелкобуржуазным; в таком случае под давлением пролетарских масс... мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны... Однако все это не важно, и самое лучшее, что можно сделать, – это уже заранее подготовить... историческое оправдание нашей партии на тот случай, если это действительно произойдет»¹.

Предположение, которое высказал Ф. Энгельс в письме Й. Вейдемейеру 12 апреля 1853 г., в полной мере сбылось в России в 1917 г. В условиях общенационального революционного кризиса, который грозил государственной катастрофой, и неспособности либеральных сил ее предотвратить, партия большевиков, сместив Временное правительство путем вооруженного восстания, провозгласила установление в России Советской власти. При этом у руководителей РСДРП (б), которой принадлежало большинство в советских органах, было понимание того, что Россия еще не созрела для проведения прямых социалистических преобразований. Об этом свидетельствуют первые законодательные акты новой власти: «Декрет о мире», «Декрет о земле», «Декларация прав народов России» и многие другие документы. Они имели ярко выраженную общедемократическую направлен-

ность. Разъяснять насущные практические задачи Советской власти большевикам пришлось в процессе их осуществления. Особенно много и часто это делал идейный лидер РСДРП(б) В.И. Ленин. Его статья «Очередные задачи Советской власти» насыщена призывами к налаживанию повседневной практической деятельности и трудовой дисциплины. Выступая на I Всероссийском съезде Советов народного хозяйства, В.И. Ленин заметил: «Мы не закрываем глаза на то, что нам одним – социалистической революции в одной стране, если бы она была даже гораздо менее отсталой, чем Россия,... своими силами всецело не выполнить»². Таким образом, Советской России, стране с преобладанием крестьянского населения, аграрно-индустриальной по уровню развития производительных сил предстоял длительный путь продвижения к социализму. Дореволюционным специалистам в осуществлении намеченных планов отводилась очень важная роль: «... в дверь стучится эпоха использования пролетарской государственной властью буржуазных специалистов...», – заявлял В.И. Ленин³.

Между тем, отношение значительной части дореволюционной интеллигенции к социалистам, особенно большевикам, которое сложилось еще в дооктябрьский период, было недоверчивым, а нередко – даже высокомерным. А.Н. Бенуа, близкий к либералам, в ответ на обвинения в симпатиях к левым политическим партиям заявлял: «Социалистом я вообще никогда не был и не буду, ибо не верю в эти милые, но опасные бредни»⁴. З.Н. Гиппиус, имевшая тесные политические контакты с эсеровскими кругами, не скрывала своего враждебного отношения к большевикам: «Большевики же все, без единого исключения, разделяются на: 1) тупых фанатиков; 2) дураков природных, невежд и хамов; 3) мерзавцев определенных и агентов Германии»⁵. Даже немало тех, кто примыкал к социалистическому движению, нередко демонстрировали свое неприятие большевиков. Так, например, молодой историк философии И.А. Боричевский был связан с меньшевиками. Но их оборончество, отсутствие готовой продуманной программы решения внутренних российских проблем расстраивало Боричевского: «Слова, слова, слова! Руки опускаются»⁶. И, тем не менее, его выбор был не в пользу большевиков: «... большевики в политическом отношении неумыты и непричесаны; остается пойти к меньшевикам, которые тоже не всегда на высоте»⁷. Недвусмысленно выразил свое отношение к большевикам и К.И. Чуковский. 19 июня 1917 г. он записал в своем дневнике: «...вторую ночь читаю «Красное и Черное» Стендаля. ... жена сказала о демонстрации большевиков, произведенной в Петрограде вчера. Мне это показалось менее интересным, чем измышленные страдания Жюльена, бывшие в 1830 г.»⁸ А 10 июля 1917 г. Чуковский высказался еще определеннее: «Россия после векового самодержавия вдруг сразу становится государством социалистическим. Но, нет-с, история своего никому не подарит. Вот одним мановением руки, она отняла

у передовых кучек крайнего социализма власть и дала ее умеренным социалистам; у социалистов отнимет и передаст кадетам – не позднее, чем через 3 недели. Теперь это быстро», – записал он в дневнике 10 июля 1917 г.⁹

Таким образом, интеллигенция Петрограда разных политических взглядов дистанцировалась от большевиков, которые пугали своим радикализмом. Многие ее представители, так и не определившись с политическим выбором, к осени 1917 г. отошли от активной общественной деятельности и заняли выжидательную позицию.

Свержение Временного правительства, провозглашение Советской власти во главе с большевиками не вызвали оптимизма у большинства представителей российской интеллигенции. Однако чувства долга и патриотизма побудили многих из них остаться в России и включиться в повседневную работу по налаживанию мирной жизни в стране. А.Н. Бенуа активно трудился в сфере сохранения национальных культурных ценностей и организации музейного дела. К.И. Чуковский сотрудничал с Наркомпросом, регулярно обсуждал с его руководителем А.В. Луначарским актуальные вопросы просвещения трудящихся. О.А. Добиаш-Рождественской была созвучна программа Советской власти по преобразованию страны. Она энергично включилась в организацию высшей школы и архивного дела в новой России. Ее муж, Д.С. Рождественский, был одним из основателей Оптического института в Петрограде. М.М. Зоценко, оставшийся в России вопреки уговорам уехать в Париж, объяснил свой выбор очень просто: «Я не испытывал никакой тоски по прошлому. Напротив я хотел увидеть новую Россию, не такую печальную, как я знал. Никаких так называемых «социальных расхождений» я не испытывал. Я приветствовал новую жизнь, которая сулила лучшее»¹⁰.

Иностранная военная интервенция и спровоцированная ею полномасштабная Гражданская война заставили Советскую власть форсировано вводить и утверждать порядки, близкие, по сути, к социалистическим: национализация средней и мелкой частной собственности, прямой продуктообмен, обязательная трудовая повинность. Эти и некоторые другие меры позже назовут политикой «военного коммунизма». Она многих дореволюционных специалистов укрепила в прежнем представлении о курсе большевиков на социалистическое переустройство России. Безусловное неприятие подобных перспектив и крушение надежд на победу Белого движения оставляли им единственный выход: эмигрировать. В 1919 г. из Петрограда под предлогом чтения лекций для красноармейцев уехали З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, Д.В. Философов. Именно интеллигенция преобладала среди почти 2 миллионов, покинувших в это время Советскую Россию.

Провозглашение в 1921 г. РКП(б) и Советским правительством новой экономической политики (НЭП) вызвало у многих представителей дорево-

люционной интеллигенции недоумение. Допущение большевиками частного предпринимательства и рыночных отношений было абсолютно непонятно старым специалистам. Их настроения очень точно передал художник С. Бережков: «Коммунизм, как ни плох был эксперимент, работал для будущего. Сейчас в страстных прениях о свободном товарообмене мне, прежде всего, бросается в глаза эта будничность и эгоистичность»¹¹. Немало было тех, у кого НЭП породил предположение, что Советская власть, не справившись с задачей социализации России, вынуждена была отступить. Возврат к буржуазным порядкам, по их мнению, приведет ее к перерождению. Стремление ускорить этот процесс способствовало формированию сменовеховского движения. Его суть хорошо раскрыл экономист Д.А. Лутохин: «Признать «Советы» не значит оправдать их. Но, становясь гражданами Советской России, мы приобретаем возможность большего воздействия на ее будущее, чем разбросанно живя по всему земному шару»¹².

Однако, несмотря на непонимание замысла НЭПа и различие мотивов, которые удержали многих представителей дореволюционной интеллигенции в Советской России, а некоторых побудили вернуться из эмиграции, они радостно приветствовали новую внутреннюю политику большевиков. Она сулила им расширение возможностей для творчества. «Холодные мокрые ноги и восторг», – так передала свои ощущения от новых условий литературный критик Е.Ф. Книпович¹³. С началом НЭПа старые специалисты не только обрели больше свободы для профессиональной деятельности, но и смогли ощутимо улучшить свое материальное положение. К.И. Чуковский в 1925 г. отметил в своем дневнике: «Этот год – год новых вещей. Я новую ручку макаю в новую чернильницу. Передо мною тикают новые часики. В шкафу у меня новый костюм, а на вешалке новое пальто»¹⁴.

Тем не менее, вопреки первоначальным задумкам и многим ожиданиям, период НЭПа оказался очень кратковременным. XIV съезд ВКП(б) принял решение о переходе к социалистической реконструкции в СССР. Интеллигенция обратила на эту новость самое пристальное внимание. «Читаю газеты взасос. Съезд не представляет для меня неожиданности. Я вижу, что на мелкобуржуазную, мужицкую руку не так-то легко надеть социалистическую перчатку. Я все ждал, где же перчатка прорвется. Она рвется на многих местах – но все же ее натянут гениальные упрямцы, замыслившие какой угодно ценой осчастливить во что бы то ни стало весь мир. Человеческий, психологический интерес этой схватки огромен», – записал 31 декабря 1925 г. в своем дневнике К.И. Чуковский¹⁵.

Существует множество объяснений преждевременного сворачивания НЭПа и перехода к прямому социалистическому строительству в СССР. Они были и у дореволюционной интеллигенции. Будничность и эгоистичность новой экономической политики, на которые указывал С. Бережков,

безусловно, грозили потерей революционного общественного подъема и соответственно творческого потенциала, необходимого для решения грандиозных задач коренного переустройства российского общества. Уже в первые годы проведения НЭПа советское руководство столкнулось с недовольством рабочих из-за увольнений с частных предприятий. В обществе стали нарастать социальные язвы и психологический разлад. «Взятки, растраты. Пьянство сверхъестественное», – отмечал в дневнике И.А. Боричевский¹⁶. Ему вторил С. Бережков: «Говорят, кокаин, опиум часто становятся распространенным средством для недолгих радостей, для ухода от печальных фактов. Определенно реакционная психология овладевает обществом»¹⁷.

После XIV съезда ВКП(б) дореволюционная интеллигенция продолжила сотрудничество с Советской властью, стремясь приблизить задуманные преобразования к реальным условиям и возможностям. Она активно участвовала в обсуждении и разработке Первого пятилетнего плана, с удовлетворением отмечала нарастающие позитивные перемены в жизни страны, всемерно помогая им. Во время экспедиции по Алтаю в 1927 г. академик А.Н. Самойлович записал в своем блокноте: «...количественный рост школ хорошо. ...колоссальные культурные запросы»¹⁸. «Несомненно, рождение новой культуры», – отмечал С. Бережков¹⁹. И.А. Боричевский также обратил внимание на положительные явления вокруг: «Рабочие покупают абонементы на бетховенские концерты. В университетских коридорах – не прежние люди. Новые. Страна идет вперед»²⁰.

«Большой скачок» 1929 г., заключавшийся в резком ускорении процессов, увеличении результатов, намеченных в Первом пятилетнем плане, привел к трагическим срывам, перекосам и неудачам в развитии страны. Дореволюционная интеллигенция открыто критиковала происходивший поворот к форсированному строительству социализма в СССР. На конференции промышленников-экономистов, проходившей весной 1929 г. в Ленинграде, присутствующие на ней профессора технических вузов заявили, что «ссылки на героя нашего времени – инженера – и на его якобы практическую специализацию – неверны»²¹. Они выступили против сокращения сроков теоретической подготовки инженеров. Профессор Технологического института В.И. Павлов по этому поводу едко заметил: «Идеалом Советской власти является приглашение иностранных квалифицированных специалистов, а не подготовка своих»²². Дореволюционная интеллигенция не соглашалась с задуманным советским руководством прыжком из состояния среднеразвитой аграрно-индустриальной страны в основанное на социалистических принципах государство. К.И. Чуковский с горькой иронией заметил в своем дневнике: «Ведь какая получается трагическая ситуация: страна только и живет, что собственниками, чуть ли не каждый из

150 миллионов думает о *своей* курочке, *своей* карьере, *своих* удобствах, и из этого должно быть склеено хозяйство «последовательно-социалистического типа»²³.

Критические замечания дореволюционной интеллигенции относительно планов советского руководства по форсированному строительству социализма в СССР актуализировали теорию «попутчиков». На ее основании все неудачи и срывы в осуществлении намеченных планов стали объяснять вредительскими действиями старых специалистов. Вслед за словесными обвинениями их начали подвергать откровенным репрессиям. А «Шахтинское» и «Академическое» дела проложили дорогу масштабным преследованиям интеллигенции по социальному признаку. Погружение советского общества в эту душную атмосферу неправды отразил в своем дневнике С. Бережков: «"Принимая во внимание пролетарское происхождение от наказания освободить". Такая фраза теперь не редкость в газетах, в отчетах о суде»²⁴. Пытаясь за отдельными фактами разглядеть суть происходящего, он предположил: «Не знаю, очень ли обманывает меня предчувствие, но, кажется, внутри революция, которую назовут контрреволюцией. Чубаровский процесс. Пожар завода «Кооператор», периодически возрождающиеся очереди – все это суровые показатели»²⁵.

В действительности, до «большого скачка» и в его начале та часть дореволюционной интеллигенции, которая так и не смогла принять намеченный советским руководством курс развития страны, постаралась эмигрировать. Еще в 1926 г. не вернулся из заграничной командировки А.Н. Бенуа, в 1931 г. по официальному разрешению уехал из СССР Е.И. Замятин. Оставшиеся не видели себя вне Родины. Обвинения их в антисоветской деятельности были беспочвенны.

Тяжело переживая обрушившиеся на нее гонения, дореволюционная интеллигенция стремилась не только понять сущность поворота, происшедшего в конце 1920–х гг., но и выявить его причины. Особый интерес представляют размышления на этот счет О.А. Добиаш-Рождественской. В 1936 г. в переписке со своим учителем и наставником И.М. Гревсом, который противопоставлял западноевропейскую демократию советскому беззаконию, она оспаривала подобные утверждения: «Нет, Иван Михайлович, там тоже отнюдь нет ни свободы, ни истины. У нас ее будет больше со временем. Сейчас, конечно, нет. Но это и трудно. ...характеристики осуждающие должны быть отнесены не к волне, а к накипи, не к существу, а к неудачному, раннему и подчас опошляющемуся осуществлению. ... сейчас оно во многом может подрываться жестокостью и захватываться грязными руками»²⁶.

Однако, не имея возможности повлиять на определение курса развития страны и опровергнуть обвинения в антисоветской деятельности, выдвиг-

нутые против нее, дореволюционная интеллигенция пыталась доказать приверженность задаче прогрессивного обновления советского общества своим активным участием в жизни страны. Ее основным девизом стало жизненное правило российского дворянства, ранее положившего начало формированию отечественной интеллигенции: «Делай, что должно, и будь, что будет!». Огромный вклад дореволюционных специалистов в создание материально-технической базы СССР и советской духовной культуры мирового уровня в довоенный период – неоспорим.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 28. С. 490-491.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 382.

³ Там же. С. 178.

⁴ Бенуа А.Н. Дневник. 1916-1918. М., 2010. С. 312.

⁵ Гишпиус З.Н. Дневники. М., 2017. С. 199.

⁶ ОР РНБ. Ф. 93. Д. 6. С. 49.

⁷ Там же. С. 55.

⁸ Чуковский К.И. Дневник (1901 – 1929). М., 1991. С. 79.

⁹ Там же. С.80.

¹⁰ ЦГАЛИ СПб. Ф. 469. Оп. 1. Д. 9. Л. 44.

¹¹ Там же. Ф. 416. Оп. 1. Д. 20. Л. 23.

¹² ОР РНБ. Ф. 445. Д. 4. Л. 12.

¹³ Литературная газета. 1988. 9 ноября.

¹⁴ Чуковский К.И. Дневник ... С. 335.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ОР РНБ. Ф. 93. Д. 6. Л. 34.

¹⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. 416. Оп. 1. Д. 22. Л. 24 об.

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 671. Д. 81. С. 6.

¹⁹ ЦГАЛИ СПб. Ф. 416. Оп. 1. Д. 22. Л. 18.

²⁰ ОР РНБ. Ф. 93. Д. 28. Л. 26.

²¹ Технолож. 1929. 29 марта.

²² Технолож. 1929. 23 ноября.

²³ Чуковский К.И. Дневник ... С. 356.

²⁴ ЦГАЛИ СПб. Ф. 416. Оп.1. Д. 22. Л. 10.

²⁵ Там же. Л. 43.

²⁶ Архив РАН. Ф. 726. Оп. 2. Ед. Хр. 94. Л. 7, 10.

Kay Schweigmann-Greve

BER BOROCHOW (1881 -1917) UND DIE PARTEI PO'AE TSIYON

Geboren in Zolotonosha wuchs Dov Ber Borochoch in Poltawa, in einer von der Haskala, der jüdischen Aufklärung, und sozialistischem Gedankengut geprägten Umgebung auf. Sein Vater, von Beruf Hebräischlehrer, war ein prominentes Mitglied der örtlichen Chowewei Zion („Liebhaber Zions) einer protozionistischen Bewegung, die infolge der Pogrome zu Beginn der Achtzigerjahre entstanden war. Borochoch wurde schon als Gymnasiast Anhänger Nachman Syrkins (1868-1924) und seines sociali-

stischen Zionismus.¹ Nach Abschluss des Gymnasiums im Jahre 1900 übersiedelte er nach Ekaterinoslaw, wo er der SDAPR beitrug. Schon in Poltawa hatte er mit philosophischen Studien begonnen und entwickelte bald eine eigenständige Position, die sich vom Mainstream des Zionismus genauso wie von den verschiedenen sozialistischen Strömungen unterschied. Seine Auffassungen wandelten sich im Laufe seines Lebens mehrfach in grundlegenden Fragen, die bleibenden Kontinuitäten dabei waren jedoch ein monistisch-marxistisches Selbstverständnis, die Orientierung auf das jüdische Proletariat und dessen Befreiung aus ökonomischer Not, Assimilationszwang und politischer Unterdrückung. Sein zweites Arbeitsgebiet neben der Politik war die jiddische Linguistik, die sich mit der sprachlichen Grundlage der zukünftigen freien jüdischen Kultur beschäftigte. Die von ihm gegründete Partei Po'ale Tsiyon, „Arbeiter Zions“ und ihre Variante des Marxismus gehört in den Kontext der zum Teil erbittert geführten Debatte unter jüdischen Sozialisten im Zarenreich über die jüdische Teilnahme an der allgemeinen revolutionären Bewegung und die Zukunft der ostjüdischen Bevölkerung, jener etwa 7 Millionen Menschen, die um die Wende zum 20. Jahrhundert zusammengedrängt im jüdischen Ansiedlungsrayon lebten, unter Armut und Perspektivlosigkeit litten und gleichzeitig eine organisatorische Vorhut der sozialistischen Bewegungen in Osteuropas bildeten.

Aufgrund seiner zionistischen Ansichten wurde Borochof im Mai 1901 aus der SDAPR ausgeschlossen und gründete die „Zionistische Sozialistische Arbeiterunion“. In seiner Zeit als sozialdemokratischer Agitator hatte er sich intensiv mit Alexander Bogdanow (1873-1923), dem Empiriekritizismus, Richard Avenarius und Ernst Mach auseinandergesetzt, er bezeichnete sich nun selbst als historischen Materialisten und Monisten. Dan Diner¹ betrachtet den Terminus des „*stichischen Prozesses*“ als das spezifische und zentrale Moment von Borochofs deterministischem Geschichtsverständnis. Er weist darauf hin, dass, bei allen grundsätzlichen Differenzen in anderen Dingen, der naturphilosophische Monismus ein Charakterzug des damaligen russischen Marxismus, sowohl des Empiriomonismus Bogdanows als auch Lenins, gewesen sei. Bogdanow und auch Borochof verstanden Marx als Naturwissenschaftler, der eine naturwissenschaftliche Philosophie des sozialen Lebens entwickelt habe. Bogdanow, so Diner, „*beseitigt in seiner Analyse alle Elemente des Subjektivismus und schließt jede Vorstellung einer Willkür und Zufälligkeit im Gang der Erscheinungen aus.*“² Typisch für den russischen Marxismus sei die Beeinflussung durch die zeitgenössische bürgerliche westliche Naturphilosophie und ihren Determinismus. Ähnlich wie Anton Pannekoek betrachtet Diner den russischen Marxismus, in dessen Kontext auch Borochof gehört, als „*Entwicklungstheorie eines rückständigen Landes, das man in Richtung eines entwickelten Kapitalismus treiben wollte*“. „*Evolutionismus, Determinismus - kurz: stichischer Prozeß. Das war eigentlich die Vorstellung, die in allen Variationen des russischen Marxismus präsent waren. Erst*

¹ Syrkin veröffentlichte gerade seine beiden einflussreichen Texte „Die jüdische Frage und der jüdische sozialistische Staat“ (1898) und „Aufruf an die jüdische Jugend“ (1901).

aus diesem Zusammenhang heraus ist der ‚sozialistische Zionismus‘ Borochows zu begreifen. ³

Während der Auseinandersetzungen um den Uganda-Plan schloß sich Borochow der Position Menachem Ussishkins,⁴ an, der ebenfalls in Ekaterinowlaw lebte und dessen enger Mitarbeiter er wurde. Beide waren „Zions-Zionisten“, die, anders als die Territorialisten, jedes andere Territorium als Eretz Israel als Ort jüdischer Staatlichkeit ablehnten. Ussischkin schätzte Borochow, obwohl er dessen klassenkämpferischen Marxismus ablehnte. Auf dem 7. Zionistischen Weltkongreß 1905 leitete Borochow den Teil der „Po’ale Tsiyon“-Delegierten, der sich gegen Uganda als möglichen Siedlungsort aussprach.

Borochow war davon überzeugt, dass sich die Juden in Rußland nicht proletarisieren könnten und folgerte daraus die ökonomische Notwendigkeit jüdischer Emigration. Die Entwicklung des Kapitalismus dränge die Juden „notwendig“ an den Rand der gesellschaftlichen Entwicklung und zwingt sie letztlich, aus jedem sich entwickelnden Land in ein weniger entwickeltes auszuwandern, dieser Prozess sei unvermeidlich mit Antisemitismus bei den umgebenden Völkern verbunden. Aus diesem Grunde war es für ihn auch fernliegend, von der sozialen Revolution in Russland oder Europa die Lösung der Probleme des jüdischen Volkes zu erwarten. Er war daher in dieser Periode gegen die Teilnahme der Arbeiterzionisten an den Klassenkämpfen der Diasporaländer. Alle Energie sollte auf die innerjüdische Selbsthilfe und die Kolonisation Palästinas verwandt werden. Die Juden seien überall die ersten, die ins Kreuzfeuer der ökonomischen Modernisierung gerieten; er illustrierte dies mit Beispielen nicht nur aus Russland, sondern auch aus Persien und Marokko.⁵ Als Randgruppe in ihrem jeweiligen Land würden die Juden auch beim Sieg der progressiven Kräfte zwischen den Fronten der gesellschaftlichen Auseinandersetzungen zerrieben; die Arbeiter eines Landes seien angetreten, ihre Probleme zu lösen, nicht die der Juden.

Die einzige Lösung für dieses Dilemma sah er in der Gewinnung eines eigenen Territoriums und dem Aufbau einer jüdischen Gesellschaft. Unter den Bedingungen des Kapitalismus war eine solche Entwicklung jedoch regelmäßig zum Scheitern verurteilt. Mit dem ökonomischen Fortschritt einer jüdischen Kolonie zöge diese notwendig eine große Anzahl einheimischer Arbeiter an. Diese seien aufgrund ihres extrem niedrigen Lebensstandards und ihrer Gewöhnung an schwere physische Arbeit immer die stärkeren Konkurrenten um jede physische Arbeit. Aus diesem Grunde werde auch in diesen Kolonien kein jüdisches Proletariat entstehen. In der Auseinandersetzung mit diesem nichtjüdischen Proletariat - der zukünftige historische Sieg der Arbeiterklasse überall auf der Welt stand für Borochow außer Frage - könnte das jüdische Volk nirgends gewinnen. Aufgrund besonderer Umstände sei dies nur in Palästina anders, nur dort bestünde eine Möglichkeit für das Entstehen eines jüdischen Proletariates, denn in Palästina, einer abgelegenen Provinz des Osmanischen Reiches, entwickle sich der Kapitalismus extrem langsam. Da es dort zudem weder

Gold, noch Diamanten oder andere Naturschätze gab, war Palästina äußerst unattraktiv für andere europäische Einwanderer. Darüber hinaus existierte in Palästina bereits eine nicht unerhebliche einheimische jüdische Bevölkerung, die, konkurrenzfähig gegenüber den arabischen Einwohnern, ohne weiteres Teil des jüdischen Proletariats werden konnte. Das entscheidende Argument waren jedoch die nichtjüdischen Einwohner selbst. Die dort lebenden „Fellachen“ seien die direkten Nachkommen der antiken Juden und der kanaanitischen Völker „mit einem sehr kleinen Anteil arabischen Blutes“. Diese Fellachen unterschieden sich nicht wesentlich von den sephardischen Juden der Region und würden sich, verwurzelt in ihren Dörfern, nur langsam in die entstehende kapitalistische Ökonomie integrieren. „Aufgrund ihres relativ niedrigen Kulturlevels“ würden sie den stärker westlich und modern geprägten einwandernden Juden keinen starken kulturellen Widerstand entgegensetzen und daher als Teil des entstehenden nationalen Proletariats absorbiert werden. Die jüdischen Einwanderer könnten folglich eine ähnliche Symbiose mit den Fellachen eingehen, wie die amerikanischen Schwarzen mit den schwarzen Einheimischen in Liberia. Daher kam Borochof zu dem Schluß, nur in Palästina bestehe eine realistische Möglichkeit für eine jüdische Neuansiedlung und Staatsgründung.⁶

Unter diesen Umständen könne die zionistische Bewegung sich auf ökonomisch begründete historische Gesetzmäßigkeiten stützen, ohne dass diese jedoch alleine zur Entstehung des jüdischen Staates führen würden. Der Kapitalismus bringe mit derselben Notwendigkeit, mit der er die sozialistische Bewegung erzeuge, auch die zionistische hervor. Während jene jedoch nur die ohnehin sich vollziehende Entwicklung beschleunigen und die Leiden der Arbeiter verringern könne, sei die ökonomische Entwicklung allein für den Erfolg des Zionismus nicht ausreichend. Ungesteuert werde der sozioökonomische Prozeß die Juden in die Katastrophe, nicht jedoch in einen jüdischen Staat führen. Nur die gezielten Aktionen einer bewussten Avantgarde führten zum Erfolg. Während sich der Sozialismus naturnotwendig entwickle und keinen besonderen Plan der Arbeiterparteien benötige, bedürfe der Zionismus, der die Abnormität der Lage des jüdischen Volkes diagnostiziere, eines bewussten Planes, ähnlich der Therapie eines Arztes für die Krankheit eines Menschen. Nur eine bewusste Minderheit von Pionieren könne diese Aufgabe in Angriff nehmen. Diese Gruppe wachse mit ihrem Erfolg, ohne dass zunächst ihr endgültiger Erfolg garantiert sei. Erst zu einem späteren Zeitpunkt, nachdem die Pioniere eine soziale Bewegung unter den Juden evoziert hätten, entstehe eine ökonomische Eigendynamik. Ökonomische Faktoren könnten daher erst in einem späten Stadium der Umsetzung der zionistischen Ziele zum dominierenden Faktor werden.⁷ Notwendigkeit verstand Borochof zu dieser Zeit, nicht im Sinne von wissenschaftlicher Bestimmbarkeit, sondern im Sinne eines historischen Imperativs; Palästina stellte die einzige realisierbare Alternative zur absehbaren vernichtenden Katastrophe der Juden in der Diaspora dar. „*In sum, Borochof in his Ussishkin period was politically in favor of immediate colonisation and indifferent (or even hostile) to the revolution in Russia. He was organization-*

ally an elitist who assigned a crucial role to the avantgarde and placed no reliance on mass action. He was philosophically a dualist who balanced determinism against voluntarism, materialism against idealism, the socioeconomic against the psychological, and the needs of the moment against the demands of history."⁸

Ab Dezember 1905 erfuhren Borochows Ansichten entscheidende Veränderungen. Er formulierte nun seine monistisch-marxistische Philosophie aus, die als „Borochowismus“ den marxistischen Flügel des Zionismus über Jahrzehnte prägte. Nach dem Gründungskongress der landesweiten „Jüdischen Sozialdemokratischen Arbeiterpartei Po'ale Tsiyon“ im Februar 1906 publizierte Borochow - mit 24 Jahren - seine grundlegende Schrift „Unsere Plattform“⁹ in der (russischsprachigen) Parteizeitung „Evreiskaia Rabochaia Khronika“. Die neue Partei verstand sich nun dezidiert proletarisch, in strategischen Fragen orientierte sie sich an den Bolschewiki. Sie boykottierte wie diese die erste Duma und trat für eine aktive Politik der „Expropriation“ und die aktive Teilnahme an der Revolution in Rußland ein.¹⁰ Auch in der jüdischen nationalen Frage bemühte sie sich, nicht nur den „Bund“, sondern auch die anderen jüdischen Sozialisten an Radikalität zu überbieten. Sie forderte „*personale politische Autonomie für Juden*“, womit eine weitreichende Selbstbestimmung für jüdische Minoritätensejms in Rußland gemeint war und zielte des weiteren auf die „*territoriale Autonomie*“, d.h. einen jüdischen Staat in Palästina. Sie befürwortete die Ansiedlung jüdischer Pioniere in Palästina, die als Vorboten der großen Einwanderungswelle betrachtet wurden, ohne dies jedoch als entscheidend für die historische Durchsetzung des Zionismus zu halten.¹¹ Die Bedeutung der individuellen idealistischen Tat der Pioniere trat in den Hintergrund; in den Vordergrund traten ökonomische Gesetze: Zionismus und Sozialismus erschienen nunmehr als parallel laufende Bewegungen. Die Befreiung des jüdischen Volkes konnte nur das Werk der jüdischen Arbeiterklasse sein; der sozialistische jüdische Staat konnte nur als Produkt des Klassenkampfes errungen werden.

Das Proletariat habe, so Borochow, unter allen Umständen für die Verbesserung seiner Situation, wie gering und unsicher die Fortschritte auch seien, zu kämpfen. Zudem seien die Juden nur eine der unterdrückten Nationalitäten, die gemeinsam mit allen anderen gegen das Zarenregime zu kämpfen habe; weder das polnische noch das armenische Proletariat könnten die Rechte ihrer Nation allein erkämpfen. Die Differenz zu diesen Nationen erschien ihm insofern nicht grundsätzlich, sondern nur graduell. Die Aufgabe bestünde darin, die weitreichendsten Forderungen für die Juden in Russland zu erheben, um keine Möglichkeit ungenutzt zu lassen, die Situation des jüdischen Proletariats zu verbessern und seinen revolutionären Geist zu heben.

Politische und kulturelle Änderungen seien Resultat eines ökonomischen Umsturzes: „*Sozialismus bedeutet die Vergesellschaftung der Produktionsmittel - das und nichts anderes.*“¹² Nach der Umgestaltung des russischen Staates könne der jüdische Sejm ein wirksames Mittel zur Interessenvertretung der Juden sein und darüber

hinaus den russischen Staat möglicherweise dazu veranlassen, sich für die Juden im Osmanischen Reich einzusetzen. Er betonte jedoch, dass diese Politik die ökonomischen Tendenzen, die die Juden von der Wirtschaftsentwicklung ausschlossen, zwar dämpfen, aber keinesfalls aufheben könnte.

In direktem Gegensatz zu seinen bis 1905 vertretenen Positionen ging Borochow nun davon aus, dass der Erfolg des Zionismus - wie auch die gesellschaftliche Entwicklung zum Sozialismus - primär Resultat spontaner ökonomischer Entwicklungen - eines „*stichischen (spontanen, naturwüchsigen) Prozesses*“ - sei und dass willentliche politische Aktionen ausschließlich eine ergänzende Rolle spielen. Daher könnten die jüdischen Arbeiter auch im eigenen Interesse an der russischen Revolution teilnehmen, auch wenn die Erfolge, die sie dabei für die jüdische Nation erringen würden, unsicher und unzureichend wären. Nichts sei verkehrter, meinte er nun, als der Glaube, die abnorme Situation der jüdischen Nation durch voluntaristische politische Aktionen aufheben zu wollen.

Das bewusste Vorantreiben der jüdischen Siedlungsaktivitäten ohne Berücksichtigung der ökonomischen Entwicklung - wie es besonders Nachman Syrkin befürwortete - erschien ihm nun utopisch und genauso fehlgeleitet, wie die politischen Bestrebungen der bürgerlichen Zionisten.¹³ Voraussetzung der jüdischen Massenimmigration nach Palästina sei der unregelmäßige Fluss von Kapital und Arbeit, den es allenfalls nach dessen Einsetzen zu kanalisieren gelte. Erst nachdem Amerika, England und Südafrika aus inneren Gründen ihre Tore für Neueinwanderer weitgehend geschlossen hätten und den Juden nur die Einwanderung in sich rasch entwickelnde Ökonomien wie Argentinien und Brasilien bliebe, wo sie als Farmer kaum mit den einheimischen Bauern konkurrieren könnten, entstehe ein relevanter Einwanderungsstrom nach Palästina. Unter diesen Voraussetzungen komme es dort zu einer ökonomisch „notwendigen“, nicht willentlichen Konzentration jüdischen Kapitals und jüdischer Arbeit. In diesem ökonomisch bedingten Prozess spiele die zionistische Bewegung eine untergeordnete Rolle. Sie könne die Investitionen für jüdisches Kapital erleichtern, indem sie Universitäten und Forschungseinrichtungen fördere, die das für die Entwicklung des Landes erforderliche naturwissenschaftliche und technische Wissen hervorbrächten. Hierbei könne die „Po'ale Tsiyon“ auch mit bürgerlichen Kräften zusammenarbeiten. Primär gelte es jedoch, eigene Arbeiterorganisationen auch im Lande selbst zu etablieren. Die Einwanderung der Arbeiter solle jedoch nicht die Folge aktiver politischer Bestrebungen, sondern des „stichischen“ - spontanen - ökonomischen Prozesses sein. „*Borochow übersetzt*“, wie Dan Diner schreibt, „*den geschichtsteologischen Determinismus [des russischen Marxismus] in einen naturhaften soziologischen Sog, in einen ‚stichischen‘ Prozeß, der in der Notwendigkeit der Auswanderung des jüdischen Proletariats nach Palästina mündet.*“¹⁴ Mit dem Anwachsen der jüdischen Bevölkerung wachse auch das jüdische Proletariat; die Klassenseinwanderung sei von Anfang an Teil der jüdischen Einwanderung. Aufgrund der Erfolge des jüdischen Proletariats werde irgendwann die türkische Obrigkeit ein-

greifen müssen, um die bestehende Ordnung aufrecht zu erhalten. In dieser Situation entwickelte sich der Kampf um die Unabhängigkeit der jüdischen Nation (gemeinsam mit der bereits ansässigen übrigen Bevölkerung) gegen die türkische Fremdherrschaft. *„Wir haben unsere Lektion bereits aus der russischen Revolution - und von früheren - gelernt. Wir wissen, dass wir in der kommenden palästinensischen Revolution an zwei Fronten werden kämpfen müssen: gegen die türkische Bürokratie und gegen die jüdische Bourgeoisie. Wir werden versuchen eine Revolution zu machen, die demokratisch in ihren Mitteln und in ihrem Resultat sein wird. Wir werden für die unbegrenzte Freiheit des Volkes in Palästina kämpfen.“*¹⁵

So wie der Sieg der Revolution in Russland dem jüdischen Volk zu einem Sejm verhelfen und sein Selbstbewusstsein und seine Handlungsmacht stärken sollte, so sollte die Revolution in Palästina das Selbstbewusstsein der jüdischen Arbeiter dort und in der Diaspora stärken. Es bestehe kein Widerspruch zwischen dem politischen Kampf der „Po'ale Tsiyon“ in den Ländern der Diaspora und in Palästina; der Klassenkampf alleine sei überall bis zum Sieg der Revolution und der Diktatur des Proletariats der richtige Weg.¹⁶

Auf dem 8. Zionistischen Weltkongress im August 1907 in Den Haag betrieb Borochow den Rückzug der russischen „Po'ale Tsiyon“ aus der bürgerlichen zionistischen Organisation, um die Unabhängigkeit des Arbeiterzionismus zu gewährleisten und setzte sich für die im Sommer 1907 in Den Haag erfolgte Gründung des „Weltweiten Jüdisch-Sozialistischen Arbeiterverbandes Po'ale-Tsiyon“ ein. Von nun an bis zum Ausbruch des Ersten Weltkriegs warb Borochow in Mittel- und Westeuropa für die Ziele dieses internationalen Verbandes und betrieb gleichzeitig linguistische Studien zur jiddischen Sprache. 1914 musste er als „feindlicher Ausländer“ mit russischer Staatsbürgerschaft Österreich verlassen und wanderte er in die USA aus, wo er Sprecher der amerikanischen „Po'ale Tsiyon“ wurde, und sich an der Gründung des „American Jewish Congress“ beteiligte. In New York gab er die jiddische Zeitung „Di Warheit“ heraus. Kurz vor Ausbruch der Oktoberrevolution kehrte er nach Russland zurück.

1917 trat er noch einmal vor dem 3. Parteikongress der Po'ale Tsiyon in Kiew auf. *„Alle Mitglieder“*, so beschreibt Frankel sein Erscheinen am dritten Kongreßtag, *„erhoben sich von ihren Sitzen und applaudierten stürmisch. Die Ovationen dauerten mehre Minuten. Wiederholt wurde gerufen 'Lang lebe Genosse Borochow, der Gründer der Partei!' Blumensträuße regneten von der Empore und es wird berichtet, dass binnen kurzem die Bühne wie ein Blumengarten aussah.“*¹⁷ Diese Begeisterung verflog jedoch schnell, als Borochow seine politischen Positionen darlegte. Seine in den letzten Lebensjahren vertretenen Auffassungen widersprachen erneut in vielen Punkten dem, was als „Borochowismus“ die anerkannte Ideologie der Partei darstellte und näherten sich wieder den vor 1905 vertretenen Positionen an. So widersprach er nun einem engen ökonomischen Determinismus und agitierte für die Gründung palästinensischer Siedlungen auf sozialistischer Basis. Ausdrücklich bezog er sich

in seiner Rede auf den Ausspruch Herzls „*Wenn ihr wollt, ist es kein Traum!*“ Es ging ihm nicht nur um den geographischen Landstrich Palästina, für dessen jüdische Besiedlung die dürren ökonomischen Fakten sprachen, sondern um „Eretz Israel“, dem Land, nach dem sich Generationen von Juden in der Diaspora gesehnt hatten und dem einzigen Land, für das sich die Kraftanspannung des ganzen jüdischen Volkes gewinnen lasse. In seiner Rede auf dem Kiewer Parteitag im September 1917 fasste Borochow seine Position abschließend keineswegs eindimensional marxistisch-orthodox wie folgt zusammen: „*Sozialismus hat verschiedene Aspekte. Ökonomisch bedeutet er die Sozialisation der Produktionsmittel, politisch das Ende der Herrschaft von Egoismus und Anarchie, die das kapitalistische System charakterisieren. So ist es auch mit dem Zionismus. Ökonomisch bedeutet er die Konzentration der jüdischen Massen in Palästina, politisch das Erreichen territorialer Selbstständigkeit, emotional das Streben nach einer Heimat.*“¹⁸

Überraschend starb Borochow im Dezember desselben Jahres auf einer Vortragsreise in Kiew an einer Lungenentzündung. Zwar hatte er auf dem Parteikongress massiven Widerspruch erfahren, das Auseinanderbrechen der Partei konnte jedoch zunächst verhindert werden. Erst 1920, drei Jahre nach seinem Tod spaltete sich die „Po’ale Tsiyon“ in einen rechten und einen linken Flügel, deren Erben, die verschiedenen Kibbutzbewegungen und Parteien „Mapai“ (sozialdemokratisch) und „Mapam“ (quasikommunistisch), auch nach der Gründung des Staates Israel getrennte Wege gingen. Ein Teile der Po’ale Tsiyon eliminierte sogar die zionistischen Elemente aus ihrem Programm und wurde zur örtlichen Kommunistischen Partei.¹⁹

Auch wenn Patkin und Na’aman Borochow gegen eine vulgärökonomische Interpretation in Schutz nehmen und Frankel in seiner differenzierten Darstellung zu Recht darauf hinweist, daß sich Borochow als Denker nicht auf die orthodoxe marxistische Position des „Borochowismus“, wie er zuerst in „Unsere Plattform“ formuliert wurde, reduzieren lässt, so ist er doch primär in dieser Form historisch wirksam geworden.²⁰

Borochow ist philosophisch ein deterministischer russischer Marxist und in der Organisationsfrage an den Bolschewiki orientiert (die linken Zionisten konnten wegen dieser Nähe bis 1928 in der Sowjetunion legal existieren), seine Analyse der historischen und gesellschaftlichen Rolle der Juden weist Parallelen auf zu den Auffassungen Kautskys und Lenins: Wie für diese war auch für ihn ein Territorium eine zentrale materielle Voraussetzung nationaler Existenz. Während jene jedoch aus dieser Analyse die historische Notwendigkeit der Assimilation der Juden an die umgebenden Völker ableiteten, sobald ihre juristische und kulturelle Ausgrenzung vom revolutionären Proletariat beseitigt sein würde, leitete Borochow aus denselben Prämissen die Notwendigkeit einer jüdischen Neuansiedlung in Palästina ab. Shlomo Na’aman beschrieb die psychologische Bedeutung dieser Auffassung, die nach dem Selbstverständnis Borochow’s auf sozio-ökonomischen Gesetzen basierte, für die Ak-

tivistischen der Bewegung wie folgt: „In Polen, wie in Galizien und Amerika, wo diese Art der Begründung des Palästinenismus vorherrschte, gab die wissenschaftliche Prognose zusätzliche Sicherheit. Für die Po'ale-Zionisten, die an ihren sofortigen Einsatz in Palästina dachten, wie Rachel Jana'it, Jitzchak Ben Zwi, David Ben Gurion und Jizchak Tabenkin, war die Prognose Garantie, dass ihr Alleingang dennoch historisch der richtige Weg sei... Die Po'ale-Zionisten widmeten sich ganz den russischen Geschehnissen - der Abwehr der Pogrome... Für sie war ein Gesetz, das ganz ohne menschliches Zutun wirkt, der gegebene Ausweg aus dem ideologischen Dilemma - in Russland zu wirken und doch von Palästina zu träumen. Der 1907 gegründete Weltverband der Po'ale Zion brauchte die Plattform zur Begründung der Gegenwartsarbeit in den Ländern der Diaspora: Klassenkampf, wie er jeweils verstanden wurde und die Verstärkung der Gewissheit, dass das jüdische Territorium in Palästina früher oder später mit Naturkraft realisiert werden würde.“²¹

Die Position Borochows kam historisch der tatsächlichen geschichtlichen Entwicklung näher als der anderen jüdischen Sozialisten, man darf dennoch nicht vergessen, dass ohne die Shoah, die keiner der sozialistischen Theoretiker voraussehen konnte, die historische Entwicklung nicht mit derselben Konsequenz zum Erfolg der zionistischen Bewegung geführt hätte. Dennoch ist der Staat Israel mehr als die Folge der nazi-deutschen „Endlösung der Judenfrage“ in Europa. Ohne die 1948 bereits ein halbes Jahrhundert währende jüdische Aufbauarbeit in Palästina/Eretz Israel hätten die Vereinten Nationen der Staatsgründung des jüdischen Gemeinwesens nicht zustimmen können, da ohne die „ahistorische“ und „utopische“ Siedlungstätigkeit gerade der jüdischen Arbeiterbewegung, ohne ihre Gewerkschaft, ohne die gemeinwirtschaftliche Industrie und ohne die Kibbutzim dieses Projekt niemals hätte Wirklichkeit werden können.

¹ Diner D. Materialismus, Fortschritt und Utopie - Elemente europäischer Geistesgeschichte im «sozialistischen Zionismus» // Karlheinz Schneider / Nikolaus Simon (Hrsg). Der Zionismus und seine europäischen Wurzeln. Dokumentation einer Arbeitstagung in der Evangelischen Akademie Arnoldshain, November 1986. Berlin, 1987. S. 37-53.

² Ebd. S. 39.

³ Ebd. S. 41. Vgl. auch Anton Pannekoek, Lenin als Philosoph. Kritische Betrachtung der philosophischen Grundlagen des Leninismus, in: ders., Arbeiterräte. Texte zur sozialen Revolution. Fernwald (Annerod), 2008, S. 297-368.

⁴ Menachem Ussishkin (1863-1941) war Funktionär der bürgerlichen zionistischen Bewegung, trat für die jüdische Besiedlung Palästinas und die Gründung von landwirtschaftlichen Siedlungen ein, übersiedelte 1919 nach Palästina und war zeitweise Vorsitzender des 1901 gegründeten „Jüdischen Nationalfond“ („Keren Kayemet Le-Israël“, KKL), der „Jewish Agency“ und der „Zionistischen Weltorganisation“.

⁵ Jonathan Frankel. Prophecy and Politics. Socialism, Nationalism and the Russian Jews 1862-1917. Cambridge, 1981. S. 340.

⁶ Ebd., S. 341.

⁷ Ebd., S. 342.

⁸ Ebd., S. 344.

⁹ Ber Borocho. Unsere Plattform // Po'ale tsiyon shriften ershtes Bukh (Po'ale Tsiyon Schriften. Erster Band). New York, 1920. S. 111-320.

¹⁰ Jonathan Frankel. Prophecy and Politics... S. 345.

¹¹ Ebd., S. 346.

¹² Ebd., S. 200.

¹³ Jonathan Frankel. Prophecy and Politics... S. 349.

¹⁴ Diner D. Ebd. S. 39

¹⁵ Zit. nach Frankel ebd., S. 351 (aus einem im Wilnaer „Vorwärts“ vom 4. Mai 1907 erschienenen Artikel Borocho's).

¹⁶ Jonathan Frankel. Prophecy and Politics... S. 351.

¹⁷ Jonathan Frankel. Prophecy and Politics... S. 352.

¹⁸ Ber Borocho. Eretz Israel in unserem Programm und unserer Taktik, zit. nach Aaron L. Patkin. The Origins of the Russian-Jewish Labour Movement, a.a.O. S. 236.

¹⁹ Vergl.: Mario Kessler. Die Komintern und die Poale Zion 1919 bis 1922. Eine gescheiterte Synthese von Kommunismus und Zionismus // Arbeit Bewegung Geschichte. 2017. II. S. 15-30.

²⁰ Aaron L. Patkin. The Origins of the Russian-Jewish Labour Movement. Melbourne; London, 1947. S. 229-241; Shlomo Na'aman. Marxismus und Zionismus. Gerlingen, 1997. S. 151; Na'aman betont, daß nur eine solche dogmatische Reduktion nach Borocho's Meinung die Basis für eine erfolgreiche Parteiagitiation abgeben konnte. Patkin und Na'aman betrachten die Argumentation ab 1905 als parteistrategisch begründet, während Frankel von einer zweimaligen inhaltlichen Wandlung der Positionen Borocho's ausgeht.

²¹ Shlomo Na'aman. Marxismus und Zionismus. a.a.O. S. 151.

О.А. Милевский, С.А. Терехова

НА ПУТИ К МАРКСИЗМУ: «ЧИГИРИНСКОЕ ДЕЛО» В РЕВОЛЮЦИОННОЙ СУДЬБЕ Л.Г. ДЕЙЧА

Аннотация. В статье на основе архивных документов, хранящихся в фондах Москвы и Киева рассматривается малоизвестный эпизод из раннего периода революционной деятельности Л.Г. Дейча – «Чигиринского заговора» (1876–1877 гг.). Оценивается влияние этих событий на судьбу народнической организации «Земля и воля» и та роль, которую в ее распаде сыграли участники «Чигиринского дела», в том числе и Л.Г. Дейч.

Ключевые слова: Революционное народничество, «Чигиринский заговор», Дейч Л.Г., Стефанович Я.В., «Земля и воля», «Черный передел».

Революционная биография одного из первых российских марксистов Льва Григорьевича Дейча достаточно хорошо изучена историками. Однако в его длинном послужном революционном списке до сих пор есть страницы, на которые исследователи практически не обращали внимания, так как эти факты не слишком гармонировали с его дальнейшей марксистской биографией. Одним из таковых является его участие в «Чигиринском заговоре», хотя отметим, что сам Л. Дейч оставил об этом событии воспоминания¹.

Однако при обращении к ним следует помнить, что данные свидетельства написаны уже после 1917 г., и, как и любая мемуарная литература,

весьма субъективны. Поэтому представляется вполне оправданным попытаться оценить участие Л. Дейча в чигиринских событиях 1876–1877 гг. через призму сохранившихся архивных документов, не игнорируя при этом и свидетельства мемуаристов.

Л. Дейч родился 26 сентября (7 октября) 1855 г. в местечке Тульчин Каменец-Подольской губернии в зажиточной еврейской семье. Путь его в революционное движение был традиционным для того времени. Примером для него были старшие сестры, увлекавшиеся нигилистическими идеями 1860–х гг., а далее, как он писал в своей автобиографии, знакомство с «нашими классиками как художественной, так и критически-публицистической литературы еще на школьной скамье вызвало у меня сильное стремление к общественной деятельности»².

На выработку революционных взглядов Л. Дейча большое влияние оказало и знакомство с И.Ф. Фесенко – одним из первых пропагандистов марксизма в России. Л. Дейч вступил в его кружок в Киеве в 1874 г. В то время И. Фесенко крайне критично относился к идеям тогдашнего властителя дум «передовой молодежи» П.Л. Лаврова, да и вообще был «не особенно лестного мнения о народе, мотивируя это тем, что долгое господство крепостного права в России наложило на крестьян печать приниженности, забитости, рабства»³. Иное дело, по его мнению, представляли сектанты; «в них жив дух протеста, готовность к самопожертвованию, к борьбе и страданиям за идеи»⁴. Исходя из этого члены кружка, куда входило около 20 человек, пришли к выводу, что сектанты более склонны к протесту и более развиты, чем крестьяне, а так как их в России около 20 миллионов, то при умелой пропаганде среди них результат может быть очень успешным.

Под влияние подобных мыслей весной 1875 г. члены кружка пошли в народ, избрав объектом пропаганды именно сектантов. Л. Дейч вместе со своим приятелем И. Щепанским отправился к молоканам. Неудача пропагандисткой миссии среди молокан и в целом провал «хождения в народ» не оттолкнули Л. Дейча от революционных увлечений, но заставили задуматься об иных способах достижения поставленной цели.

Осознание неготовности крестьян к восприятию абстрактных социалистических идей в то время посетило многих народников. В «социалистических инстинктах» мужика разуверился и Л. Дейч: «Все мы горьким опытом убеждались в том, что пропаганда социализма крестьянам не имеет никакого среди них успеха и приводит нередко к самым печальным результатам, – к выдачам полиции молодых энтузиастов самими же пропагандируемыми»⁵. Поэтому попытаться использовать в качестве детонатора народного взрыва «монархическую мистификацию» в такой ситуации некоторым революционерам казалось вполне допустимым и еще не опробованным способом борьбы.

Тем более, что в общении с крестьянами наличие в их сознании элементов стихийного «народного монархизма» проглядывало весьма отчетливо. Можно вполне согласиться с мыслью Ю.А. Пелевина, что «у крестьян, особенно южнорусских, были распространены представления, что чиновничья администрация от министров до станового пристава противостоит верховной царской власти, которая может быть, и готова сделать благо для «черного люда», но посредники умышленно искажают все государевы распоряжения»⁶.

На рубеже 1874–1875 гг. в Малороссии сложился кружок «южных бунтарей». Среди его учредителей, кроме В.К. Дебагория-Мокриевича, были и Я.В. Стефанович с Л.Г. Дейчем. Основным тактическим принципом «южных бунтарей» становится «агитация делом» с целью осуществления насущных требований и стремлений народа⁷. А наиболее решительная и чуждая излишнего морализаторства часть «южных бунтарей» полагала, что для подъема крестьян на открытое выступление можно использовать их веру в «доброту царя». Надо только дождаться нужного случая или создать самим подходящую для этого ситуацию.

Первым такую идею высказал В. Дебагорий-Мокриевич⁸, но на практике наиболее активными ее проводниками стали Я. Стефанович и Л. Дейч. Описывая свое настроение в том момент, последний отмечал, что «действовать среди крестьян именем царя само собою напрашивалось. Все крупные народные движения в России совершались под знаменем «самозванцев»»⁹. Так постепенно вызревает идея, давшая толчок организации «Чигиринского заговора».

«Южные бунтари» не зря присматривались именно к Чигиринскому уезду Киевской губернии. Тогда это было одно из самых беспокойных мест во всей Малороссии. Аграрные беспорядки вспыхнули здесь еще в самом начале 1870-х гг. в связи с проведением новых люстраций (переучета) земель бывших государственных крестьян. Таким способом царское правительство пыталось упорядочить выкупные платежи и налоги. Тогда и родилось основное требование крестьянской массы о переделе всей земли, исходя из размера в 5 десятин на душу.

Особой остроты крестьянские волнения достигли весной 1875 г., когда были получены утвержденные в высших инстанциях люстрационные акты с начисленными выкупными платежами. Таким образом, в Чигиринском уезде среди крестьян сформировались две противоборствующие силы. С одной стороны, беднота и некоторые середняки, настаивавшие на душевом переделе земель – «душевики». С другой – зажиточная часть крестьянства, или «актовики» (подписавшиеся под актами, закреплявшими за ними земельные участки). В результате для подавления аграрных беспорядков власти использовали армейские части¹⁰.

Выступления крестьян буквально подталкивали революционеров к решительным действиям. Инициативу в плане реализации идеи подъема крестьянского восстания посредством использования подложного царского манифеста взяли на себя Я. Стефанович, его лучший друг Л. Дейч, а также примкнувший к ним И.В. Бохановский. В результате зимой 1875 г. все трое перебрались в Киев, где поселились в доме Клименко на Ивановской улице¹¹. Здесь же была организована и тайная типография. Вскоре им удалось завязать контакты с содержащимися под арестом в городе крестьянами-чигиринцами. Всего в Киеве при полицейском управлении их числилось 11 человек¹². В силу тогдашних порядков в дневное время арестованным крестьянам разрешалось для собственного прокормления искать заработка в городе. И, зная об этом, Я. Стефановичу под видом крестьянина из Черкасского уезда Дмитрия Найды удалось познакомиться с одним из самых авторитетных чигиринцев – Лазарем Тенеником¹³.

Так был сделан первый ход в многоходовой комбинации по организации «Чигиринского заговора». Из бесед с крестьянами Я. Стефановичу удалось узнать об их планах отправить ходяков к царю. Этим намерением и решили в своих интересах воспользоваться революционеры. Я. Стефанович (он же Д. Найда) сообщил крестьянам о том, что сам намеревается идти с прошением к государю по своему делу и предложил заодно похлопотать и за них¹⁴. Чигиринцы приняли его предложение, и дело начало приобретать реальные очертания. При этом Я. Стефанович старался действовать максимально осторожно, опираясь только на Л. Дейча¹⁵. В дальнейших контактах с крестьянами Л. Дейч, как и Я. Стефанович будет выступать в роли «царского комиссара» под именем Борис¹⁶.

Через несколько недель на свет появилась «Высочайшая Тайная грамота», к которой прилагались документы, якобы утвержденные императором, – «Устав крестьянского общества Тайная дружина» (В подлиннике нет слова «устав», а содержится название «Назначение общества Тайная дружина» – О.М.) и «Обряд святой присяги». По свидетельству Л. Дейча все документы были отпечатаны в Киеве¹⁷. После появления подложных документов наступил черед активных действий.

Из показаний Л.А. Тененика следует, что в очередной раз он увидел Д. Найду на Филиппов пост (ноябрь 1876 г.) и тот поведал, что «был у Государя и передал ему прошение, и что Император сказал будто бы ему, что он готов наделить нас землей, но что для этого нужно принять присягу и поступить в число дружинников, чтобы затем восстать против чиновников и дворян»¹⁸. Далее Д. Найда прочел крестьянам устав. Такой поворот дела озадачил крестьян, но они все же согласились присягнуть, перед тем потребовав того же от самого от Д. Найды, что он и сделал. А затем уже они «приняли присягу, стоя на коленях перед иконой Спасителя, крестом

и евангелием, а присягу читал сам Найда»¹⁹. И только после принятия присяги Д. Найда прочел крестьянам «Тайную грамоту» и устав.

После этого народники, выступавшие под личиной «царских комиссаров», рассчитывали наладить связь между крестьянами, находящимися под полицейским надзором в Киеве, и их сторонниками, оставшимися на свободе. Для этого было решено одному из них согласиться на подпись под люстрационным актом с тем, чтобы отправиться домой и «посвятить там в дело одного из пользующихся доверием грамотных крестьян»²⁰. Выбор пал на Л. Тененика, и выполнив все необходимые формальности, он направился в село Шабельники, где и встретился с отставным унтер-офицером Е.А. Олейником, который, получив всю информацию, заявил, «что это дело хорошее и что поэтому нужно набирать дружину»²¹.

В бурлящем уезде процесс формирования «Тайной дружины» пошел быстро. Уже 1 марта 1877 г. состоялась первая большая сходка крестьян, на которой присутствовало около 250 человек²². Это собрание по количеству участников и принятым решениям можно считать своего рода учредительным съездом «Тайной дружины». И после этого Я. Стефанович и Л. Дейч не раз тайно навещали в села чигиринщины, где вели переговоры, принимали присягу, выдавали нуждающимся крестьянским семьям из числа присягнувших небольшие денежные ссуды.

К маю дело организации заговора изрядно продвинулось. Крестьяне, связанные присягой, объединенные в староства и лично видевшие «царскую бумагу» и «царских комиссаров», успокоились и со всей крестьянской основательностью взялись за дело. В результате к лету 1877 г. в сети революционного заговора попало около 1150 крестьян²³.

Совершенно естественно, что слух о происходящих событиях постепенно расходился по округе, и удерживать дело в тайне становилось все труднее. Началом краха планов будущего выступления послужили аресты 6 июня 1877 г. в г. Новогеоргиевске, где было задержано несколько активистов «Тайной дружины», и при обыске у них найдены списки крестьяндружинников по их селам и другие документы²⁴.

Власти открыли дознание, но как гласят документы, «обыски, произведенные в 36 домах у старост села Адамовка и у других заподозренных в деятельном участии в составлении тайного сообщества лиц, ничего не обнаружили»²⁵. В сложившейся ситуации революционеры продолжали действовать и по-прежнему рассчитывали на успех дела. Восстание было назначено сразу после праздника Покрова (1 октября). Но к середине августа все планы провалились.

Причиной тому послужили следующие события. 15 августа в Киеве состоялась встреча атамана Дружины Е. Олейника и дружинника А.В. Приходько с «царскими комиссарами», из которых, как потом показали кре-

стьяне, «один был «чернявый» (Я. Стефанович. – О.М.), а другой «рыжий» (Л. Дейч. – О.М.)»²⁶. Местом встречи революционерами была выбран дом на Жилианской улице. На обратном пути А. Приходько в корчме проболтался о «Тайной дружине» крестьянину З. Конограю, который 21 августа явился к Чигиринскому уездному исправнику и представил списанную им копию «Устава» с приложением «Обряда святой присяги». К тому же он дал подробные показания, указав имена всех коноводов движения²⁷.

Начались аресты. В ночь на 29 августа был арестован Е. Олейник. На первых допросах он ни в чем не признавался, но в дальнейшем, в том числе и под впечатлением той мистификации, которую использовали революционеры, дал подробные показания. В результате к удивлению следователей выяснилось, что у них под носом существует обширное тайное крестьянское общество. От А. Приходько удалось выяснить адрес квартиры на Жилианской улице²⁸. Жандармы незамедлительно явились туда с обыском и оставили там засаду, в которую спустя два дня попался И. Бохановский²⁹. Произошло это событие 31 августа 1877 г. Будучи арестованным, И. Бохановский допустил и фатальный просчет, попытавшись передать на волю записку и ключ от квартиры на Ивановской улице – все это сразу же оказалось в руках полиции³⁰.

В результате перехваченная записка дала возможность полиции выйти на след Д. Лашкевича (Я. Стефановича) и Евгения Санина (Л. Дейча). Они были арестованы 3 сентября в местечке Талалаевка, Полтавской губернии, в доме у Н.А. Полетики³¹. Найденный же у И. Бохановского ключ позволил 14 сентября вскрыть квартиру на Ивановской улице, где были обнаружены следы типографии³².

В дальнейшем в ходе допроса Л. Дейч заявил только, что это он нанял квартиру в доме Клименки по Ивановской улице, откуда они 27 августа вместе с Я. Стефановичем выехали в деревню к Н. Полетике. В отношении остальных обстоятельств дела в протоколе допроса записано следующее: «Далее, как по этим обстоятельствам, так и по обвинению меня в организации тайного общества между чигиринскими крестьянами никаких объяснений ни в настоящее время, ни в впредь давать не желаю»³³.

Так фактически завершилась эта грандиозная мистификация. Можно себе представить, каким шоком для крестьян-дружинников было узнать о подложности всего происходящего вокруг царского имени. Поэтому они практически ничего не скрывали от следствия, что обеспечило довольно быстрое раскрытие всех подробностей дела. Всего по делу проходило 829 крестьян, из них 57 были привлечены к следствию в качестве обвиняемых.

Оценка этой «монархической мистификации» вызвала оживленное обсуждение в народническом лагере. Серьезные дискуссии велись и в не-

драх самой авторитетной тогда революционной организации – «Земле и воле»³⁴, причем мнения разделились. Об этом, например, свидетельствовал Г.В. Плеханов³⁵.

Тогда же было принято решение устроить побег из Киевского тюремного замка содержащимся там устроителям «Чигиринского заговора». Дело по организации побега взял на себя В.А. Осинский, а реализовал весь план М.Ф. Фроленко. В результате в ночь на 27 мая 1878 г. успешный побег состоялся, и вскоре беглецы были за границей.

Весь дальнейший ход событий, связанных с обострением кризиса внутри «Земли и воли», также невозможно понять без учета фактора «Чигиринского дела». Дело в том, что авторитет его организаторов серьезно влиял на расклад сил в «Земле и воле», укрепляя в ней позиции «деревенщиков». В обстановке ожесточенных споров между «деревенщиками» и «политиками» решено было созвать общий съезд организации. Он состоялся в Воронеже с 18 по 21 июня 1879 г. и закончился хрупким компромиссом.

Однако в июле, когда из-за границы прибыло несколько революционеров, в том числе Л. Дейч и Я. Стефанович, ситуация внутри «Земли и воли» резко обострилась. Как отмечал О.В. Аптекман: «Заграничные товарищи, на которых «деревенщина» возлагала свои надежды – люди с революционным прошлым и опытностью, – Яков Стефанович, Дейч, Аксельрод и В. Засулич, – тоже встали в оппозицию к террористической деятельности. Разрыв был неизбежен»³⁶. В такой ситуации 15 августа 1879 г. «Земля и воля» прекратила свое существование.

На ее обломках возникли две организации. «Политики» стали называться «Народной волей», а сторонники деятельности в деревне – «Черным переделом». Так, фактически «Чигиринский заговор» и основанные на нем завышенные представления о революционном потенциале чигиринских крестьян сыграли важную роль в распаде «Земли и воли».

Первоначально сторонники «Черного передела» чувствовали себя вполне уверенно. Казалось, что они имеют и хороший задел по работе в деревне, в частности, в той же Киевской губернии. О. Аптекман писал: «На первых порах надежда улыбалась нам: в наших рядах уже находились с самого основания “Черного передела” Стефанович и Дейч... Они действительно задумали среди чигиринцев новое дело, на иных основах, чем старое. Мы все ожили. Раз, – думали мы, – за это дело возьмутся такие люди, как Стефанович и Дейч, успех обеспечен: мы оснуемся в деревне, заложим фундамент, а молодежь и другие живые силы, глядя на нас, пойдут за нами»³⁷.

Отражение такого подхода можно найти в периодике «Черного передела». Так, в № 1 этого издания от 8 декабря 1879 г. в передовице «От редакции» декларировалось следующее: «Ближайшею задачей нашею... должна быть организация... той народно-боевой партии, о значении которой мы

уже говорили»³⁸. В развитие этой мысли наибольший объем первого номера занимал очерк Я. Стефановича о «Чигиринском деле». Второй номер (сентябрь 1880 г.) также включал в себя продолжение этого очерка³⁹.

Однако на практике войти «в одну реку дважды» не удалось. Выезжавшие в Чигиринский уезд революционеры вернулись с плохими вестями. Введенное в этих местах военное положение не давало даже малейшей возможности на повторение попытки⁴⁰. Да и политическая ситуация в стране мало способствовала работе в народе. Ожесточенная схватка «Народной воли» с царизмом способствовала тому, что маховик красного и белого террора постоянно раскручивался, а аресты шли лавинообразно. Настроение в среде революционной молодежи изменилось в пользу прямой борьбы с правительством. Все это в свою очередь негативно влияло на деятельность «Черного передела». Так, Л. Дейч, находившийся тогда в Одессе, жаловался, что «в Одессе с молодежью «тихо», что там ощущается крайний недостаток в работниках»⁴¹.

В такой ситуации, особенно после 19 ноября 1879 г., когда народовольцы взорвали царский поезд, оставаться в России без реальных перспектив на работу в деревне наиболее скомпрометированным перед властью членам «Черного передела» не имело смысла, а для Я. Стефановича и особенно Л. Дейча, разыскиваемого еще и за участие в попытке убийства Н.Е. Горинича (1876 г.) было смертельно опасно.

Вот, как описывал тогдашнюю ситуацию сам Л. Дейч: «...суд над обвиняемыми по делу о покушении на жизнь Горинича состоялся лишь в конце ноября 1879 г. ... За несколько дней до начала суда ... когда им уже был выдан обвинительный акт, подводивший их под сравнительно незначительные наказания, террористами произведен был 19-го ноября под Москвой взрыв поезда, в котором, как предполагалось, должен был ехать царь. Свою злость за это факт правительство выместило на пяти обвиняемых по делу о покушении на Горинича Дробязгин, Малинка и Майданский были повешены в Одессе 3 декабря, Костюрин и Яновский были приговорены к каторжным работам... В случае ареста меня ждала тяжелая участь»⁴².

В таких условиях в январе 1880 г. начался выезд за границу главных деятелей «Черного передела». Почти одновременно разными путями из России выехали Л. Дейч, Г. Плеханов, В. Засулич и Я. Стефанович. Эмиграция наиболее активных членов «Черного передела» и последовавший 28 января 1880 г. разгром его типографии привели фактически к агонии организации.

После ликвидации «Черного передела» пути Я. Стефановича и его друга и соучастника по «Чигиринскому заговору» Л. Дейча разошлись. Я. Стефанович примкнул к «Народной воле». Л. Дейч же вместе с бывшими соратниками по «Черному переделу» П.Б. Аксельродом и В.И. Засулич, разочаровавшись в народнической доктрине, достаточно быстро, в первую

очередь под воздействием Г.В. Плеханова, эволюционировали к марксизму. В результате Л. Дейч вместе с ними стоял у истоков создания в сентябре 1883 г. первой российской марксистской организации – группы «Освобождение труда».

¹ Дейч Л.Г. Чигиринска справа. Харків, 1929. 39 с.

² Дейч Л.Г. Автобиография // Деятели СССР и революционного движения России. М., 1990. С. 67.

³ Дейч Л.Г. Хождение в народ: Из воспоминаний. Пг., 1919. С. 5-6.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ Дейч Л.Г. За полвека. Т.1. Ч. 2. М., 1923. С. 22.

⁶ Пелевин Ю.А. «Хождение в народ» 1874–1875 гг. // Вопросы истории. 2013. № 5. С. 85.

⁷ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг.: По личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 139.

⁸ Бух Н.К. Воспоминания. М., 1928. С. 111.

⁹ Дейч Л.Г. За полвека. Т.1. Ч. 2. С. 11.

¹⁰ Центральный державний історичний архів України у м. Києві (ЦДАК України). Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 22об.

¹¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 485 об.

¹² «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. // Памятники агитационной литературы. Т. 1. М., Пг., 1923. С. 147.

¹³ Матеріали до історії селянських революційних рухів на чигиринщині (1875–1879 рр.). Харків, 1934. С. 256.

¹⁴ Там же. С. 257-258.

¹⁵ Там же. С. 258.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 574 об.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 1287. Л. 139.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 580 об. – 581.

¹⁹ Там же. Л. 581.

²⁰ Там же. Л. 580 об. – 581.

²¹ Там же. Л. 581.

²² Там же. Л. 573 об.

²³ Дейч Л.Г. Заговор среди крестьян Чигиринского уезда // Сборник материалов и статей: Редакция журнала «Исторический архив». Вып.1. / Глав. упр. архив. делом. М., 1921. С. 77.

²⁴ ЦДАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 23об.

²⁵ Там же.

²⁶ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 584об. - 585.

²⁷ ЦДАК України. Ф. 274. Оп. 1. Д. 157. Л. 24.

²⁸ Дейч Л.Г. Заговор среди крестьян Чигиринского уезда ...С. 78.

²⁹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 476. Л. 50.

³⁰ Там же. Л. 50 об.

³¹ ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 473. Л. 117.

³² То же. Л. 156.

³³ ГАРФ. Ф. 112. Оп.1. Д. 474. Л. 157 об.

³⁴ Терехова С.А. «Чигиринский заговор» в оценках революционной печати 1878–1880-х гг. // Новое слово в науке: перспективы развития. Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. Чебоксары, 2015. № 4 (6). С. 36.

³⁵ Плеханов Г.В. Предисловие к русскому изданию А. Туна «История революционного движения в России» // Плеханов Г.В. Соч. Т. 24. М.; Л., 1927. С. 123–124.

³⁶ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. ...С. 374.

³⁷ Там же. С. 385.

³⁸ «Черный передел»: Орган социалистов-федералистов 1880–1881 гг. // Памятники агитационной литературы. ... С. 139.

³⁹ Там же. С. 214.

⁴⁰ Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. ...С. 386.

⁴¹ Там же. С. 388.

⁴² Дейч Л.Г. 16 лет в Сибири. Женева, 1905. С. 7-8.

А.А. Чернобаев

НА ПУТИ К МАРКСИЗМУ: М.Н. ПОКРОВСКИЙ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Аннотация. В статье на основе широкого круга архивных источников, в том числе впервые вводимых в научный оборот, анализируется путь к марксизму, пройденный выдающимся русским историком и политическим деятелем М.Н. Покровским с середины 1890-х гг. по 1907 г.

Ключевые слова: История марксизма в России, Первой русской революции 1905–1907 гг. Биография М.Н. Покровского.

По приглашению Дома Плеханова Российской национальной библиотеки я принимал участие в 8-ми из 12-ти международных научных конференций. На 5-ти из них мои доклады были посвящены анализу различных аспектов жизни и творчества выдающегося русского историка-марксиста и политического деятеля Михаила Николаевича Покровского (1868–1932).

Готовясь к настоящему выступлению, я прочитал тезисы (материалы) всех своих докладов о Покровском на Плехановских чтениях¹. В каждом из них подчеркивается, что биография и творческое наследие одного из крупнейших отечественных историков XX столетия нуждаются сегодня в новом прочтении с учетом иных, чем ранее, методологических подходов². Это касается всех периодов его жизни и творчества.

Одной из тем, вынесенных на наше обсуждение на конференции, является проблема «Маркс и марксисты: эволюция мыслителей и политиков». Учитывая это, кратко проанализирую, как из «робкого магистранта», каким Покровский был в первой половине 1890-х гг., сформировался видный историк-марксист и активный участник российского революционного движения, социал-демократ – большевик.

Актуальность данной проблемы определяется, на мой взгляд, также тем, что к юбилейным датам 2018 г., в соответствии с которыми проводятся XIII Плехановские чтения, с полным основанием можно отнести еще одну – исполняющееся 29 августа 150-летие со дня рождения М.Н. Покровского. Хочу обратить внимание участников конференции, что в преддверии этого юбилея редколлегия «Исторического архива» с № 1 журнала за этот год

приступила к публикации вновь выявленных документальных материалов о Михаиле Николаевиче. Надеюсь, что это будет способствовать более объективному и всестороннему изучению не только его жизни и творческого наследия, но и в целом русской исторической науки и общественной мысли конца XIX – первой трети XX века. Приглашаю исследователей принять участие в этом проекте, который будет продолжен и в последующие годы. В числе недостаточно изученных тем – ранние годы жизни Покровского; его пребывание в эмиграции; взгляды о «торговом капитализме»; методология истории; деятельность по развитию творческих связей с зарубежными учеными; последние годы жизни.

Как известно, в октябре 1891 г. Покровский с дипломом первой степени окончил историко-филологический факультет Московского университета и по представлению В.О. Ключевского был оставлен на кафедре русской истории «для приготовления к профессорскому званию». Продолжавшиеся еще три года занятия, вспоминал он, дали ему солидный научный фундамент, но, несомненно, задержали общественное развитие, его голова «разбухла от занятий, никак не связанных с действительностью»³. Обострение классово-борьбы в России, работа в московских просветительских организациях, обращение к марксизму, который Покровский стал изучать с 1896 г., сильно повлияли на его мировоззрение. Уже вскоре он становится известен Московскому охранному отделению как убежденный демократ, имеющий «сношения с лицами, политически неблагонадежными»⁴.

Не миновал Покровский модного в конце XIX века «легального марксизма». Позже он напишет, что это был «не революционный, а значит, не настоящий марксизм»⁵. В докладе в Обществе историков-марксистов 14 февраля 1927 г., посвященном памяти незадолго до этого скончавшегося Н.А. Рожкова, с которым Михаил Николаевич начал сотрудничать зимой 1897/98 г., он сказал: «Мы были тогда, хотя очень плохими, легальными, но все-таки марксистами»⁶. Тем не менее, это был шаг вперед в эволюции его взглядов.

В 1903 г. Покровский примкнул к радикальному крылу буржуазно-либерального «Союза освобождения». Это была первая нелегальная политическая организация, в которую он вступил. Вскоре, однако, историк разочаровался в либералах⁷. Революционный подъем в стране, дальнейшее изучение марксистской литературы, в том числе произведений В.И. Ленина и Г.В. Плеханова, решений II съезда РСДРП, способствовали его сближению с большевиками, группировавшимися вокруг легального московского социал-демократического журнала «Правда». Здесь он познакомился с А.А. Богдановым, А.В. Луначарским, И.И. Скворцовым-Степановым и другими большевиками. 9 апреля 1905 г. Покровский впервые присутствовал на заседании литературно-лекторской группы при МК РСДРП. Этот день считается датой его

вступления в большевистскую партию. Отвечая 25 ноября 1931 г. на вопрос анкеты Всесоюзного общества старых большевиков «Что побудило вступить в партию», Покровский написал: «Вступление в партию явилось логическим выводом из всей моей предыдущей деятельности»⁸.

Вскоре Михаил Николаевич становится одним из видных деятелей партии. В годы Первой русской революции он был одним из самых популярных ораторов и пропагандистов Москвы, успешно редактировал социал-демократические газеты и журналы. Летом 1905 г. Покровский впервые встретился с В.И. Лениным и Н.К. Крупской в Швейцарии, куда выезжал по заданию МК РСДРП; эта и другие встречи с Лениным в 1906–1907 гг. способствовали идейному росту «молодого большевика». В дни декабрьского вооруженного восстания в Москве Покровский передал свою квартиру в распоряжение местной дружины; 20 декабря его арестовали по обвинению в организации восстания, но вскоре выпустили «без последствий за совершенным отсутствием доказательств»⁹. Публикация в январе 1906 г. в сборнике «Текущий момент» статьи «Военная техника и вопрос о милиции» создала Покровскому репутацию «военного теоретика» и ему предложили вступить в боевую группу при МК РСДРП. В том же году он был избран в состав Московского комитета партии, а в апреле 1907 г. – делегатом V (Лондонского) съезда РСДРП, где 8 раз выступал в прениях по различным вопросам, не раз дискутировал с Г.В. Плехановым и другими меньшевиками, за что получил от них прозвище «прокурор». В конце работы съезда Домов (один из псевдонимов Покровского) был избран в редакционную коллегию газеты «Пролетарий» и в состав Большевистского центра¹⁰.

В рассматриваемые годы кардинально изменились не только политические взгляды историка, но и его научные, методологические подходы к познанию прошлого. Еще в Московском университете Покровский проявил интерес к социально-экономическим вопросам, характерный для многих ученых того времени, стремившихся к всестороннему освещению исторического процесса. Особое влияние на него в этом отношении оказал крупнейший русский медиевист, специалист по средневековой Англии профессор (впоследствии академик) П.Г. Виноградов, семинары которого он посещал. Понятно, писал позже Покровский, что и от него мы не услышали о Марксе и Энгельсе. Но спасибо Павлу Гавриловичу «уже за то, что именно от него мы впервые узнали о возможности материалистического объяснения истории». Виноградов не доходил даже до «экономического материализма», он был историком-позитивистом, однако занимался социальной историей, различал классы, указывал на влияние народных масс в истории. «И мы, молодежь, чувствовали себя на пороге настоящей науки»¹¹.

Определенное влияние марксистских идей можно обнаружить в обширных статьях Покровского в «Книге для чтения по истории средних

веков» в четырех томах, вышедших под редакцией П.Г. Виноградова. Так, в статьях «Отражение экономического быта в “Русской правде”» (1898 г.) и «Хозяйственная жизнь Западной Европы в конце средних веков» (1899 г.) он заявил о себе как стороннике материалистического мировоззрения. Сведения о демократии, социализме, основных положениях «Манифеста Коммунистической партии» Покровский приводил в своей преподавательской деятельности. Слушательница Московских педагогических курсов Н.Н. Колесникова вспоминала: «Первая лекция М.Н. Покровского на тему “Материалистическое понимание истории” прямо-таки потрясла меня. Я поняла, что та история, которую мы изучали, была ложью, обманом, что прославление царей, министров, полководцев – это не история»¹².

В полной мере новые концептуальные установки ученого проявились в его статьях «Местное самоуправление в древней Руси» (1903 г.) и «“Идеализм” и “законы истории”» (1904 г.) (в последней из них давался анализ книги немецкого философа-неокантианца Г. Риккерта «Границы естественнонаучного образования понятий. Логическое введение в исторические науки»). Большой общественный резонанс вызвала критическая рецензия Покровского на первую часть «Курса русской истории» В.О. Ключевского¹³, где присутствует вывод о том, что «то направление русской исторической науки, блестящим представителем которого является «Курс», само уже становится понемногу предметом истории»¹⁴.

В 1906 г. была опубликована брошюра Покровского «Экономический материализм: Лекции и рефераты по вопросам программы и тактики социал-демократии». Учитывая, что эта работа в дальнейшем широко использовалась с целью обвинения ученого в «вульгарном экономическом материализме», остановлюсь на этом сюжете подробнее.

По мнению Покровского, брошюра «Экономический материализм» подводила итог его «мировоззрению тех дней»¹⁵. В то время и в первой половине 1920-х гг. она способствовала пропаганде марксистского учения¹⁶. Впоследствии происходила дальнейшая эволюция взглядов историка. После смерти Ленина Покровский принимал самое активное участие в изучении ленинского творческого наследия¹⁷. В докладе на 1-й Всесоюзной конференции историков-марксистов 3 января 1929 г. «Ленинизм и русская история» Покровский так объяснял название своей брошюры 1906 г.: «Экономический материализм – это был цензурный термин для марксизма, такая цензурная наклейка, которой мы пользовались в дни первой революции. Я тогда назвал свою брошюру “Экономический материализм” именно потому, что ни марксизма, ни даже исторического материализма, по всей вероятности, цензура не пропустила бы»¹⁸. Вместе с тем, он признавал, что в тот период его мировоззрение еще сохраняло пережиток «легального марксизма»: «болезненный пережиток этого недиалектического, хотя и мате-

риалистического, объяснения» исторического процесса. Это был один «из «непротертых углов» моего мировоззрения. Я очень давно работаю пылесосом и твердо надеюсь, что этих непротертых углов у меня все меньше и меньше. Но они, несомненно, были, я это сам пережил»¹⁹. Опираясь на взгляды Маркса, Энгельса и Ленина, Покровский заканчивает доклад следующим положением: «Экономический материализм и ленинизм, вера в фатальные законы экономического развития, раз и навсегда предопределившие ход истории, и признание революционной диалектики истории – две вещи несовместимые»²⁰.

Таким образом, в течение примерно десяти лет в политических и научных взглядах Покровского, в его мировоззрении произошли кардинальные изменения. Они были характерны не только для него. В уже упоминавшемся докладе Покровского, посвященном памяти Рожкова, говорится: «Н.А. не принадлежит к числу тех писателей, которые как писатели, так сказать, родились марксистами, как, например, Ленин. У Ленина мы не знаем домарксистских произведений, он выступил уже как сложившийся марксист в своем первом произведении. Рожков в этом отношении больше похож на Плеханова и имел свой домарксистский период. И период довольно длительный, период, измеряющийся годами. Он, значит, не родился марксистом, а им сделался»²¹. Полагаю, что и сам автор этих строк именно так, путем неустанных поисков своего места в общественной жизни, в революционном движении и науке, «сделался» марксистом.

¹ См.: Чернобаев А.А. М.Н. Покровский о становлении российской социал-демократии // II Плехановские чтения. 30.05–31.05.91. Тезисы докладов. Л., 1991. С. 72–76; Его же. М.Н. Покровский накануне и в годы Первой революции в России // VII Плехановские чтения. Россия в начале XX века: вступление в эпоху исторических преобразований. 30 мая–1 июня 2005 г. Материалы к конференции. СПб., 2005. С. 61–64; Его же. Г.В. Плеханов и М.Н. Покровский: судьбы русской революционной интеллигенции // VIII Плехановские чтения. Россия в 1912–1922 гг.: период социально-политического слома и национальной консолидации. 30 мая–1 июня 2008 г. Материалы к конференции. СПб., 2008. С. 45–51; Его же. М.Н. Покровский и международные связи советских историков в 1920-е гг. // X Плехановские чтения. Россия: средоточие народов и перекресток цивилизаций. Материалы к конференции. 30 мая–1 июня 2012 г. СПб., 2012. С. 58–62; Его же. М.Н. Покровский о виновниках Первой мировой войны // XI Плехановские чтения. Россия в геополитической ситуации 1914–1918 гг. Материалы к конференции. 30.05–01.06. 2014 г. СПб., 2014. С. 27–34.

² Отмечу, что ученый всегда уделял большое внимание методологическим проблемам истории. Между тем, по словам профессора Томского государственного университета А.А. Говоркова, автора монографии об историко-философских взглядах М.Н. Покровского, его конкретный вклад в разработку этих вопросов почти не изучен, без чего «нельзя глубоко уяснить его концепцию русского исторического процесса» (Говорков А.А. М.Н. Покровский о предмете исторической науки. Томск, 1976. С. 3). После монографии А.А. Говоркова не опубликовано ни одного специального исследования о взглядах М.Н. Покровского по вопросам методологии.

³ РГАСПИ. Ф. 147. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁴ Несколько документов из царских архивов о М.Н. Покровском // Красный архив. 1932. № 3. С. 11.

⁵ Архив РАН. Ф. 1797. Оп. 2. Д. 13. Л. 4.

⁶ Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов. Историографические очерки, критические статьи и заметки. Изд. 2-е. М., 2011. Т. 2. С. 225.

⁷ Подробнее об участии М.Н. Покровского в «Союзе освобождения», его политических взглядах в это время см.: Чернобаев А.А. «Профессор с пикой», или Три жизни историка М.Н. Покровского. М., 1992. С. 13–21.

⁸ «10 лет назад я многое помнил лучше, чем сейчас». Ответы М.Н. Покровского на анкету Всесоюзного общества старых большевиков. Ноябрь 1931 г. // Исторический архив. 2018. № 2. С. 122.

⁹ Исторический архив. 2018. № 2. С. 122.

¹⁰ См.: Пятый (Лондонский) съезд РСДРП: Протоколы. М., 1963.

¹¹ Покровский М.Н. П.Г. Виноградов (1854–1925) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. 1926. 29 апреля.

¹² Слово старых большевиков (Из революционного прошлого) М., 1960. С. 21.

¹³ См. Покровский М.Н. Рец.: Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1904. Ч. 1 // Правда. Ежемесячный журнал искусства, литературы, общественной жизни. 1904. Март. С. 211–215.

¹⁴ Там же. С. 215.

¹⁵ Архив РАН. Ф.1759. О. 3. Д. 1. Л. 31.

¹⁶ Примечательно, что в 1920–1924 гг. брошюра была переиздана в Петрограде, Калуге, Перми, Харькове и Ярославле (См.: Библиография произведений академика М.Н. Покровского / Составитель А.А. Говорков. Отв. редактор А.А. Чернобаев. М., 1993. С. 8.

¹⁷ См., например: «Научная разработка ленинизма должна идти по целому ряду разделов». М.Н. Покровский об изучении ленинизма. 1924 г. / Публикатор А.Г. Бухерт // Исторический архив. 2018. № 2. С. 112–115.

¹⁸ Покровский М.Н. Избранные произведения. В 4-х кн. М., 1967. Кн. 4. С. 29. Действительно, уже вскоре после выхода брошюры в свет на нее был наложен арест, а ее автор привлекался к уголовной ответственности по 129-й статье (пп. 2 и 6) Уголовного уложения (Красный архив. 1932. № 3. С. 11–12).

¹⁹ Там же. С. 29–30.

²⁰ Там же. С. 45.

²¹ Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов... Т. 2. С. 224–225.

В.Ф. Солдатенко

В.А. БЫСТРЯНСКИЙ – УЧЕНЫЙ-МАРКСИСТ

Аннотация. Анализируется творческое наследие талантливого большевистского ученого, публициста В.А. Быстрянского. Показывается, что вся его сознательная революционная деятельность, на определенном этапе связанная с Украиной, была подчинена постижению и всемерной пропаганде марксистского учения.

Ключевые слова: марксизм, ленинизм, революция, Гражданская война, Парижская Коммуна, Коммунистическая партия, социализм.

Думается, есть достаточно веские основания, чтобы утверждать: судьба Вадима Александровича Быстрянского – революционера, партийца, публициста, исследователя, организатора науки – предопределялась императивом верности марксистским ориентациям в идеологии, методологии, политике. Перу талантливого ученого-новатора, журналиста, согласно не-

полным данным (в них, в частности, не учтены многие публикации в периферийной прессе – к примеру, в Украине в 1917 г.) принадлежит более 420 трудов. Немало об их значимости и уровне анализа говорит хотя бы тот факт, что в личной библиотеке В.И. Ленина в Кремле хранилось 13 книг и брошюр В.А. Быстрянского, а книга «Фридрих Энгельс» в числе немногих изданий постоянно находилась в рабочем кабинете Владимира Ильича¹.

В.А. Ватин (настоящая фамилия Быстрянского, 1 мая 1886 г. – 13 декабря 1940 г), член большевистской партии с 1907 г., член Петербургского комитета, студент историко-филологического факультета Петербургского университета, был арестован в 1909 г. После 20 месяцев тюремного заключения провел 6 лет на поселении в Сибири, где, по названию деревни Быстрая, взял партийный псевдоним Быстрянский. В октябре 1916 г. ему разрешили переехать в Киев. Тут он после Февральской революции был избран членом местного комитета и редколлегии его печатного органа – газеты «Голос социал-демократа». С переездом в июне в Екатеринослав вошел в состав редколлегии газеты «Звезда» – органа местного комитета РСДРП(б), и вскоре стал одним из самых плодотворных и ярких публицистов влиятельных партийных изданий Украины. Активно участвовал в политической и организаторской деятельности, был избран членом и председателем Областного комитета большевиков Донецко-Криворожского бассейна, объединявшего до 40 тысяч членов (2/3 тогдашнего состава организаций Украины и 11% общего количества членов РСДРП(б) страны на Октябрь 1917 г.)²

Делегат Второго Всероссийского съезда Советов, участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, В.А. Быстрянский был избран в состав ВЦИК Советов и командирован для работы в печати; сотрудничал с газетами «Правда», «Известия ВЦИК», «Петроградская правда», «Известия Петроградского Совета». Почти два десятка лет находился на преподавательской и научной работе: читал курсы в Ленинградском государственном университете, Военно-медицинской академии, принимал активное участие в работе Истпарта, редколлегии журналов «Борьба классов» и «Красная летопись», часто выступал в них с заглавными статьями, подготовил ряд важных интересных исследований, популярных изданий. С 1937 г. ученый возглавлял Ленинградский институт истории партии. Являлся делегатом VIII, XV и XVI съездов РКП(б) – ВКП(б). Последние месяцы жизни Вадим Александрович работал в редколлегии «Правды».

Во всех видах деятельности исходными импульсами их прочной и незыблемой основой, неизменным стержнем творческих поисков и достижений В.А. Быстрянского являлось стремление овладеть марксизмом, обогащаться сущностью, безусловно, наиболее передового для своего времени учения, использовать его интеллектуальный потенциал в подходе к любой решаемой проблеме.

Одним из важнейших направлений его исследований и публицистики в первые послеоктябрьские годы являлось доказательство идеи исторической закономерности победы социалистической революции. В этом плане стоит отметить умение В.А. Быстрянского в духе марксистской диалектики, последовательного применения принципа историзма эффективно пользоваться историческими параллелями, позволившими получать дополнительные аргументы для обоснования обусловленности пролетарской революции в России, что проявилось в работах «Парижская Коммуна и Октябрьская революция» (Правда, 16 декабря 1917 г.), «Армия империализма и армия революции», «Война империалистическая и война революционная» (Пг., 1919), «Империалистическая Англия против социалистической России» (Пг., 1919), «Антанта, Россия и революция» (Пг., 1920), «Контрреволюция и ее методы. (Белый террор прежде и теперь)» (Пг., 1920), «Революция буржуазная и революция пролетарская» (Пг., 1920), «Терроризм и коммунизм» (Одесса, 1920), «Гражданская война в истории» (Пг., 1920), «Из уроков истории революции» (Петроградская правда, 27 марта 1921 г.), «Газета в буржуазном и пролетарском государстве» (Пг., 1921) и др.

Особое место в научной и пропагандистской работе исследователя занимала история Парижской Коммуны. Так, его брошюра «Что такое коммуна?», выпущенная в числе других 20 брошюр в 1920 г., переиздавалась в Гомеле, Екатеринославе, Одессе, печаталась на болгарском, немецком, финском, чешском языках³.

В 1921 г. В.А. Быстрянский предпринял попытку в свете марксистского учения воссоздать развернутую картину Парижской Коммуны как первого опыта пролетарской революции, как феномена, теоретически предвосхищенного марксизмом. Книгу «Очерки по истории Парижской Коммуны (18 марта – 28 мая 1871 г.)» отличает богатство использованных источников: труды историков разных стран, государственных деятелей, мемуары участников событий, отклики на революцию в мире, мнения видных деятелей освободительного движения и мировой культуры, таких, как А. Бебель, П.Л. Лавров, Э. Золя, В. Гюго и ряда других.

В традициях марксистского понимания исторического процесса автор подчеркивает детерминированный характер Коммуны: «Коммуна была порождением подлинно пролетарского движения, костью от кости и плотью от плоти парижского рабочего класса»⁴.

Широко используя произведения К. Маркса и Ф. Энгельса, В.А. Быстрянский обосновывает историческое значение революционного почина пролетариата, подробно останавливается на его уроках, причинах поражения, выясняет мотивацию поведения и роль разных слоев населения в событиях. Анализируя обширный материал, ученый делает важный вывод: «... Много сходных черт есть у Парижской Коммуны с Российской Советской

Республикой. И здесь, и там мы видим диктатуру пролетариата, и здесь и там власть переходит в руки нового революционного класса, создаваемого капитализмом, могильщика буржуазии. Но какая разница – 72 дня оставался у власти парижский пролетариат, больше 3 лет живет Российская Советская Республика в борьбе со всем империалистическим миром»⁵. В числе основных факторов, обеспечивших успех ленинской партии, российского пролетариата, исследователь выделяет то, что они учились на историческом опыте Коммуны, учитывали как его позитивные стороны, так и ошибки, просчеты⁶.

Изучая и пропагандируя историю Октябрьской революции (предмет постоянного интереса), Вадим Александрович подчеркивал исключительную роль марксистской партии. В то время только начиналось освоение ленинской концепции истории большевизма, и В.А. Быстрянский одним из первых применил в брошюре «Партия коммунистов – большевиков» (Пг., 1920) периодизацию истории партии, очень близкую к ленинской, предложенной в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме». Быстрянский одним из первых обратился к исследованию истории непролетарских партий, их роли в общественных процессах. Концентрированным воплощением наблюдений, результатов научного анализа документов, фактов, событий в этом плане стала монография «Меньшевики и эсеры в русской революции» (Пг., 1921), впоследствии изданная на немецком языке.

Достаточно быстро В.А. Быстрянский стал одним из ведущих специалистов по истории Великого Октября. Поэтому его вместе с А.М. Горьким, Н.В. Крыленко, Д.З. Мануильским, И.И. Минцем, В.П. Милотиным, Ф.Ф. Раскольниковым включили в качестве составителя (т.е. автора) «Истории Гражданской войны», первый том которой был посвящен, главным образом, периоду подготовки социалистической революции.

Уделяя огромное внимание разработке методологического принципа историзма, ленинградский ученый сумел продемонстрировать органическую связь и целостность марксизма-ленинизма, латентную преемственность составляющих его элементов, чрезвычайно высоко оценивал вклад В.И. Ленина в постижение проблем новейшей истории: «Весь опыт последних десятилетий развития не одной России, а и всего мира..., вся необычайно бурная и богатая содержанием эпоха новейшей истории обобщена и осмыслена с точки зрения марксизма в творениях Ленина... Если для уяснения истории Европы во вторую половину XIX столетия лучшее, что мы имеем, – это труды Маркса и Энгельса, то судьбы человечества в первые десятилетия XX века мы поймем лишь по сочинениям Ленина»⁷. Вадим Александрович принадлежал к когорте ученых, первыми приступивших к изучению таких разделов «Ленинианы», как «Ленин – историк», «Ленин – историк большевизма»⁸. В работе «Ленин как материалист – диалектик»

(Л., 1925) Быстрянский обобщил деятельность вождя большевистской партии в качестве марксистского теоретика и революционного практика.

Энциклопедически образованный, склонный к тонкому психологическому анализу личности, разбору творчества авторов различных эпох, В.А. Быстрянский ряд очерков посвятил видным историческим деятелям, революционерам, представителям литературы и искусства. Среди героев его интереснейших публикаций Данте Алигьери, О. Бланки, Ж. Жорес, А. Герцен, Э. Гофман, В. Семевский, Ф. Андреев (Артем) и другие.

Являясь всю свою сознательную революционную творческую жизнь последовательным сторонником учения К. Маркса, Ф. Энгельса, В.И. Ленина, В.А. Быстрянский, естественно, неоднократно публиковал работы, посвященные историческому опыту воплощения в жизнь ленинских идей построения социализма. При этом нельзя не заметить, что их, как, впрочем, и трудов многих других авторов, коснулась печать упрочившегося тоталитаризма, культа личности, догматизма. Вместе с тем, все ценное и по-настоящему новаторское, что удалось внести в обществоведческую науку ученому – марксисту В.А.Быстрянскому, и сегодня остается востребованным исследователями в области истории социальной мысли и освободительного движения.

¹ Библиография трудов В.А. Быстрянского (Ватина) за 1913-1941 гг. // История и историки. Историографический ежегодник. 1974. М., 1976. С. 249, 341-355.

² Солдатенко В.Ф. Большевистская пресса Украины 1917-1918 гг. Историко-библиографический обзор. Киев, 1979. С. 28-38; Солдатенко В.Ф. Публицист, ученый-историк (О В.А. Быстрянском) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 127-138.

³ Солдатенко В.Ф. Публицист, ученый-историк (О В.А. Быстрянском) // Вопросы истории КПСС. 1991. № 4. С. 131-132.

⁴ Быстрянский В. Очерки по истории Парижской Коммуны (18 марта – 28 мая 1871 г.). Пг., 1921. С. 83.

⁵ Там же. С. 169.

⁶ Там же. С. 170-174.

⁷ Быстрянский В. Ленин – историк. Историзм в ленинизме. Л., 1925. С. 34.

⁸ Иванова Л.В. Историк-марксист В.А. Быстрянский (Ватин) // История и историки. Историографический ежегодник. 1974. М., 1976. С. 249-281; Солдатенко В.Ф. Публицист, ученый-историк (О В.А. Быстрянском). С. 135-138.

В.П. Любин

МАРКСИЗМ И ИТАЛЬЯНСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ: ПРЕДЫСТОРИЯ И ИСТОРИЯ ИТАЛЬЯНСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ 1871-1922 гг.

Аннотация. Освещаются предыстория и история создания Итальянской социалистической партии (ИСП). Показывается, как постепенно от итальянского анархического социализма итальянские марксисты пришли к созданию в 1892 г. своей партии, добивавшейся все больших успехов в политической борьбе. Внутрипартий-

ная борьба между реформистским и «революционным» крылом ИСП в начале XX в. имела в основе разное понимание положений марксизма в применении к современной ситуации. Исключение из партии реформистов накануне Первой мировой войны не привело к консолидации ИСП. Накануне прихода к власти фашизма в 1922 г. она пережила ряд новых расколов. В годы фашистской диктатуры ИСП была исключена из политической жизни страны. После 1945 г. социалисты заняли одно из ключевых мест в политической системе и вместе с другими участвовали в создании новой, демократической, антифашистской Италии.

Ключевые слова: Маркс, марксизм, Энгельс, Бакунин, анархизм, «итальянский социализм», ИСП, Турати, Кулешова, Антонио Лабриола, Муссолини, Серрати.

Итальянские социалисты оставили глубокий след в истории как своей страны, так и мирового рабочего и социалистического движения. Созданная в 1892 г. Итальянская социалистическая партия (ИСП) на первых порах опиралась напрямую на идеи марксизма¹. За первое тридцатилетие своего существования от основания до прихода к власти в Италии фашизма партия прошла тернистый путь, превратившись из малозаметной организации в начальный период в одну из главных политических сил страны, приобрела поучительный опыт политической и классовой борьбы². Итальянские социалисты пережили ряд расколов, и к моменту захвата власти фашистами существовали три различных партии: партия реформистов во главе с основателем ИСП Ф. Турати, партия максималистов во главе с Дж. Серрати, пытавшаяся примирить правых и левых и занять центристские позиции, и созданная в январе 1921 г. партия итальянских коммунистов, первоначально названная КПИ, позднее ставшая ИКП и превратившаяся в самую крупную западную компартию.

Обращаясь к эволюции социалистического движения в Италии после ее объединения в 1861 г., следует отметить, что в ходе Рисорджименто в Италии осуществилась политическая революция, не затронувшая социальной сферы. Романтические иллюзии республиканцев–мадзинистов не оправдались. Со второй половины 1860-х гг. в среде левореспубликанской молодежи начали зарождаться группы и кружки, объявлявшие о своих социалистических взглядах. Шаг вперед был сделан после Парижской Коммуны и под ее воздействием. В Италию стали проникать идеи I Интернационала. Отрицательное отношение Мадзини к Коммуне и Интернационалу привело к упадку его влияния в итальянском рабочем движении. К началу 1872 г. в Италии насчитывалось свыше 100 рабочих и демократических организаций, заявлявших о поддержке принципов I Интернационала. В 1871 г. неаполитанский социалист Карло Кафьеро приступил к переводу ряда работ Маркса на итальянский язык. Он вел регулярную переписку с Энгельсом, назначенным по предложению Маркса секретарем Генерального совета для Италии³, и издал ряд присланных Энгельсом документов.

Сделав после Парижской Коммуны выбор в пользу Интернационала, итальянское рабочее движение прошло сложный путь освоения его идей и на этом пути испытало почти на целое десятилетие сильное влияние анархистских воззрений Бакунина. Его идеи нашли в Италии благоприятную почву. В 1860 – 70-е гг. в стране в противоположность марксизму развилась особая форма – итальянский анархический социализм⁴. Успех бакунизма был обусловлен тем, что итальянский пролетариат только формировался как класс, вбирая в себя массу недавних крестьян и ремесленников. Формирование итальянского рабочего и социалистического движения происходило в особой обстановке. Созданное после объединения страны централизаторское, авторитарное государство представлялось народным массам классовым, чужеродным, сборщиком непомерных налогов. Ответ на это они находили в «бригантаджо», партизанского типа войне с государственными административными органами, ненавистными чиновниками. Эти настроения были характерны более всего для Юга, территории бывшего Неаполитанского королевства, и «южный вопрос» уже тогда выдвинулся в число первоочередных. О размахе сопротивления свидетельствует то, что в ходе вооруженных столкновений армии с «бригантами» погибло больше людей, чем в предшествующих итало-австрийских войнах⁵. Анархистская идеология Бакунина нравилась радикальной молодежи. Его сторонники, опираясь на бедные слои, собирались поднять общенациональный мятеж. Маркс и Энгельс противодействовали Бакунину, приобщали к идеям научного социализма пролетариат промышленных частей Италии⁶. Рост рабочего движения привел к преодолению влияния бакунизма и дальнейшему распространению марксизма.

Э. Хобсбаум дал такую периодизацию развития этого захватившего весь мир учения: 1) до 1848–1850 гг., период происхождения социализма и формирования учения Маркса, 2) 1850–1875–1883 гг., классический период капиталистического развития XIX в., совпавший с приобретением марксовым учением зрелых форм, 3) период марксизма, развивавшегося прежде всего деятелями и партиями II Интернационала, 4) 1914–1949 гг., не упуская из внимания такие важные факторы, как «великий кризис» 1929–1933 гг. и Вторая мировая война, можно сказать, что это было время марксизма III Интернационала, в период приблизительно от Октябрьской революции до революции в Китае, 5) с 1949 г. и далее, когда марксизм становится все более полицентричным, побеждает антиимпериалистическая революция в странах «третьего мира», происходит дезинтеграция доминировавшей в период 1914–1949 гг. силы русско-центристского коммунизма. Данный период может расцениваться как великая экспансия марксизма, но в то же время и как великий кризис, который переживало учение Маркса⁷. Сам термин «марксиды», «марксианцы», затем «марксисты» в ответ

на применявшиеся самим Марксом определения «прудонианцы» и «бакунианцы» изобрел Бакунин, придававший ему в пылу острой полемики негативный оттенок. Он обвинял «марксистских инквизиторов» в том, что они не ставят целью «немедленное освобождение пролетариата»⁸. Термины «марксист» и «марксистский» приобрели положительное звучание после Гаагского конгресса I Интернационала 1872 г., ознаменовавшегося «решительной победой марксизма над бакунизмом по всем основным вопросам»⁹.

Внедрение марксизма в Италии шло быстрыми темпами. Одним из первых, кто в 1880-е гг. стал осваивать основы марксизма, стал молодой адвокат и радикал Ф. Турати. Он вел обширную переписку на разных языках с рядом видных деятелей мирового рабочего и социалистического движения, прежде всего с Ф. Энгельсом, а также и русскими революционерами – С.М.Степняк-Кравчинским, В.И. Засулич, Г.В. Плехановым, позднее добавились А.И. Балабанова и другие¹⁰. Особое место занимала переписка Турати с Анной Кулишовой, ставшей его женой и соратницей. Письма писались в те промежутки времени, когда они были оторваны друг от друга, – переписка продолжалась на протяжении десятилетий, вплоть до ее смерти в 1925 г. Сохраненные потомками 3195 писем и изданные в 1970-е годы, представляют собой интереснейшие документы эпохи, первоклассный источник по истории итальянского социалистического движения¹¹.

В середине 80-х гг. происходит сближение Ф. Турати с лидером Рабочей партии К. Ладзари. Создание II Интернационала и победа немецких социал-демократов на выборах в рейхстаг в 1890 г., отставка Бисмарка и отмена чрезвычайных законов – все эти события имели сильный отклик в Италии. Им придавали значение решающего импульса в деле «объединения сил итальянских социалистов и уточнения их идеологических и политических позиций»¹². Пример германской социал-демократии представлялся еще значительнее, поскольку, не отделяя ее от Энгельса, итальянские социалисты видели в ней само воплощение марксизма, «зачинателя, наставника новой, современной истории»¹³.

Турати начал издавать журнал «Критика социале» с целью пропаганды идей научного социализма. Первый номер журнала, который составит целую эпоху в истории итальянских социалистических печатных изданий, вышел 15 января 1891 г. В дальнейшем в журнале писали известные деятели итальянского и международного рабочего движения: Ф. Энгельс, Ф. Адлер, Дж. Амедола, О. Бауэр, И. Бономи, Л. Эйнауди, К. Каутский, А. Лабриола, Э. Малатеста, Дж. Маттеотти и др. Журнал посылался Энгельсу, с которым Турати и Кулишова вели переписку. У Энгельса был и другой корреспондент в Италии, пришедший к марксизму: философ и историк Антонио Лабриола. С весны 1890 г. шла переписка между Лабриолой и Турати по поводу создания партии рабочего класса. Оба они занимались распро-

странением исторического материализма. Из-за их спора об ориентации «Критика социале» произошла размолвка. Журнал не был последовательно марксистским; Турати стремился придать журналу дискуссионный характер, и в результате шел на уступки мелкобуржуазным интеллектуалам, надеясь привлечь их в будущую партию.

На повестке дня в Италии стояли вопросы, требовавшие скорейшего урегулирования. Среди них были аграрный и социальный вопросы. В стране развернулось сильное забастовочное движение, происходили инциденты с убитыми и ранеными. Но как у рабочих, так и крестьян не было настоящих выразителей их взглядов на политической арене страны. Терпеть такое положение далее было невыносимым. Остро ощущалась необходимость в создании социалистической партии, вооруженной марксистской теорией. Она была создана в 1892 г., ее основателем наряду с другими стал Ф. Турати.

Период тридцатилетнего развития с 1892 по 1922 гг. знаменовался как успехами, так и неудачами «итальянского социализма». Начиная со своего I съезда, социалисты ясно поставили главную задачу – изменить общество. В противовес экстремизму анархистов и операистов были подтверждены цели, которые выдвигались еще Миланской социалистической лигой: во-первых, отвержение любого паразитизма, так как общественные блага должны получать лишь те, кто трудится; во-вторых, решение задач не путем мятежа, а легальной политической и профсоюзной борьбы¹⁴. На последующих съездах эти положения получили дальнейшее развитие. ИСП начала участвовать в политической борьбе и добивалась все более впечатляющих результатов на выборах в парламент и местные органы власти. Электоральный рост подтверждал расширение присутствия партии в гражданском обществе. ИСП получала ощутимую поддержку в ее борьбе за экономическое улучшение положения рабочих, за демократию и свободу, против авторитарных репрессий, достигших своего апогея во время восстания в Милане 1898 г. Если в 1895 г. за ИСП было подано 76 тыс. голосов, в три раза больше, чем в 1892 г. (27 тыс.) и она получила 13 мест в парламенте, то в 1897 г. она уже имела 137 тыс. голосов и 15 депутатов, число которых на выборах 1900 г. удвоилось, достигнув 32¹⁵. Период от образования партии до конца века стал периодом поступательного развития ИСП и связанного с ней социалистического движения по восходящей линии. Наносимые антисоциалистически настроенными правящими кругами резкие удары по партии, которые на первый взгляд, казалось бы, должны затормозить бурный рост движения, имели обратный эффект. Быстро развивавшаяся партия имела заметное представительство в парламенте, сеть группировавшихся экономических и профсоюзных организаций, распространенные по всей стране партийные секции.

В 1896 г. была основана ежедневная партийная газета «Аванти!» («Вперед!»), название которой перекликалось с наименованием органа германской социал-демократии, газеты «Форвертс» («Вперед») и повторяло на-

звание газеты, основанной в 1881 г. А. Коста. Первым главным редактором стал Л. Биссолати. В первоначальный период истории ИСП газету возглавляли в 1896–1903 гг. Л. Биссолати, в 1903–1908 гг. Э. Ферри, краткое время О. Моргари, снова Биссолати, в 1911 г. К. Тревес, которого сменил в 1912–1914 гг. Б. Муссолини, в октябре 1914 г. изгнанный из партии и газеты за агитацию в пользу войны, его заменил Дж.М. Серрати. При нем «Аванти!», став в первые послевоенные годы поистине всетальянской газетой, добилась наивысшего успеха и выходила тиражом в 400 тыс. экз. После ряда пережитых партией в начале 1920-х гг. расколов к руководству газетой и партией пришел П. Ненни, возобновивший после краха фашизма ее издание в Италии в 1944–1945 гг. «Аванти!» пропагандировала идеи марксизма среди итальянских масс. Нельзя не упомянуть деятельность в «Аванти!» завоевавшей авторитет среди итальянских социалистов А. Балабановой, тесно связанной с российской социал-демократией¹⁶.

Внутрипартийная борьба между реформистским и «революционным» крылом ИСП в начале XX в. имела в основе разное понимание положений марксизма в применении к современной ситуации. Она закончилась изгнанием реформистов во главе с И. Бономи и Л. Биссолати из партии на ее съезде 1911 г. С этого момента быстро развивалась партийная карьера Б. Муссолини. «Революционное» крыло преобладало в партии до начала Первой мировой войны. Выйдя из партии, Муссолини создал течение «революционного интервенционизма», ратовавшее за вступление Италии в войну на стороне Антанты. Занятая партией по отношению к войне позиция, согласно известной формуле руководства: «не участвовать и не саботировать», на деле ослабила позиции партии во время мировой войны.

Однако после ее окончания ИСП получила второе дыхание. Под влиянием русской революции 1917 г. итальянские социалисты, особенно их левое крыло, в окопах войны и в тылу выдвигали лозунг «Fare come in Russia!» – «Сделать как в России!». На послевоенных выборах 16 ноября 1919 г. ИСП значительно увеличила число депутатов парламента, доведя их до 156, за нее проголосовали 1 834 792 избирателя (32,3%)¹⁷. Острые споры по поводу понимания марксизма продолжались. Левое крыло ИСП предлагало повторить русский опыт, выступая за то, чтобы применить на практике недогматические ленинские подходы, названные впоследствии ленинизмом¹⁸. Именно благодаря этому направлению будут впоследствии развиты подходы А. Грамши, по общему признанию удачно развившего теорию марксизма и придавшего ей новое звучание в XX в.

До сих пор идут споры была ли революционная ситуация в Италии в 1919–1920 гг., годы «красного двухлетия», и насколько верной была позиция руководства максималистской ИСП во главе с Дж. Серрати, спорившего с Лениным на II конгрессе Коминтерна¹⁹. Как бы то ни было социалисты, расколов в 1921–1922 гг. свою партию и рабочее и профсоюзное

движение, не смогли остановить наступление фашизма, за что жестоко поплатились в годы более чем двадцатилетней фашистской диктатуры. Но, в конечном счете, оказав мощное сопротивление фашистам, они вместе с другими антифашистскими силами стали победителями и полностью изменили страну после 1945 г.

¹ О пути к созданию партии см.: Манакорда Г. Итальянское рабочее движение по материалам съездов. От его зарождения до образования социалистической партии (1853-1892). М., 1955; Кин Ц.И. Италия конца XIX века: Судьбы людей и теорий. М., 1978. С. 48-137, 158-195; Она же. Италия на рубеже веков. Из истории общественно-политической мысли. М., 1980. С. 47-56, 82-93.

² Любин В.П. Социалисты в истории Италии: ИСП и ее наследники, 1892-2006. М., 2007. С. 5-259.

³ Ragionieri E. Engels und die italienische Arbeiterbewegung // Friedrich Engels, 1820-1970. Hannover, 1971. S. 189-200.

⁴ Ciuffoletti Z. 1848/1892. Le origini del socialismo e la fondazione del partito // Almanacco socialista, 1892-1982. Roma, 1992. P.36-37. О революционном синдикализме и анархизме в те времена см. также: Schechter D. Radical theories. Path beyond Marxism and social democracy. Manchester, N.Y., 1994. P. 21-45, 46-73.

⁵ Rossani O. Stato, società e briganti nel Risorgimento italiano. Milano, 2002.

⁶ Григорьева И.В. Рабочее и социалистическое движение в Италии в эпоху I Интернационала. М., 1966. С. 274-276.

⁷ Hobsbawm E.J. Prefazione // Storia del marxismo. Vol. I. Il marxismo ai tempi di Marx. Torino, 1978. P. XVIII-XV.

⁸ Haupt G. Marx e marxismo // Storia del marxismo, cit. P. 292-295.

⁹ Григорьева И.В. Указ. соч. С. 236-237.

¹⁰ Filippo Turati e i corrispondenti stranieri. Lettere 1883 – 1932. A cura di D. Rava. Manduria, Bari, Roma, 1995.

¹¹ Turati F. – Kuliscioff A. Carteggio, raccolto da A.Schiavi. A cura di F.Pedone. Vol. I-VI. Torino, 1977. См. также: Vigezzi B. Giolitti, il giolittismo, Il Partito socialista e il suffragio universale nelle lettere di Filippo Turati e di Anna Kuliscioff, 1910-1911. Milano, 1972.

¹² Раджоньери Э. Немецкая социал-демократия и итальянские социалисты // Германское рабочее движение в новое время. М., 1962. С.105-106.

¹³ Мизиано К.Ф. Итальянское рабочее движение на рубеже XIX и XX веков. М., 1976. С. 95.

¹⁴ Zotti N. Il congresso di Genova // Almanacco socialista. Roma, 1992. P. 25-27.

¹⁵ Chiarini R. I primi anni di attività politica del Partito socialista // Almanacco socialista. Roma, 1992. P.76.

¹⁶ Balabanoff A. Erinnerungen und Erlebnisse. Berlin, 1927. S. 20-142; Iadem. My Life as Rebel. Bloomington a. L., 1938. P. 42-159 (имеется русский перевод). См. также: Любин В.П. Анжелика Балабанова и итальянские социалисты // Россия и современный мир. М., 2016. № 4 (93). С. 201-207.

¹⁷ Любин В.П. Указ. соч. С. 209.

¹⁸ Изложение биографии В.И. Ленина и выдвинутых им положений в противоположность не соответствовавших реалиям тогдашнего мира подходам теоретиков марксизма из западных стран, которые лежали в основе деятельности II Интернационала, стало темой многих изданий на Западе. См., напр., популярную книгу на франц. языке: Gorfunkel N. Lénine. Paris, 1961. Новизну применения марксизма Лениным обобщил известный представитель марксистской мысли XX века Георг Лукач: Lukács G. Lenin und die Fragen der Übergangsperiode // Georg Lukács zum 13. April 1970 (Goethepreis). Frankfurt, 1970. S. 71-89.

¹⁹ Любин В.П. Италия и Россия: сотрудничество и полемика Итальянской социалистической партии с большевиками и Коминтерном, 1917–1922 гг. // 1917 год. Государство. Власть. Территория. М., 2017. С. 225-234.

НАСИЛИЕ КАК СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ КАТЕГОРИЯ И ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ В ОТНОШЕНИИ РЕЛИГИИ В 1920- 1930 гг.: ЦЕРКОВЬ И ВЛАСТЬ В НЕМЕЦКОМ ПОВОЛЖЬЕ

Аннотация. Статья посвящена проблеме отношения партии большевиков к религии и практическому осуществлению антирелигиозной борьбы в 1920-1930-е гг. XX в. Рассмотрены конкретные формы работы партии, общественных организаций в среде немецкого крестьянства Поволжья, охарактеризованы этапы наступления на церковь и ответная реакция населения на насильственное закрытие церквей, репрессии против священнослужителей.

Ключевые слова: евангелическо-лютеранская и католическая церковь, Нижнее Поволжье, немецкое крестьянство, религия, насилие

К. Маркс, критикуя позицию Л. Фейербаха, пишет: «Материалистическое учение о том, что люди суть продукты обстоятельств и воспитания, что, следовательно, изменившиеся люди суть продукты иных обстоятельств и изменённого воспитания, – это учение забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми и что воспитатель сам должен быть воспитан». Далее следует знаменитый 11 тезис: «Философы лишь различным образом *объясняли* мир, но дело заключается в том, чтобы *изменить* его»¹. И, наконец, чеканное «Религия – опиум народа», в которое Маркс вкладывал всю разрушительную силу своего убеждения в необходимости бороться с нею. Эти основания были для В.И. Ленина отправной точкой в развитии теории применительно к истории собственной страны, которая досталась большевикам в своем национальном и конфессиональном многообразии. Он пошел дальше Маркса и в 1909 г. в работе «Об отношении рабочей партии к религии»² высказался определенно, указав на то, что фразу Маркса следует понимать как суть самого марксизма, который стоит на том, что религия является средством порабощения народа господствующими классами. Как большевики развивают эти мысли? «Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных. Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без ручательства за «осуществимость» таких перспектив...) смятения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость»³.

Религия объявлена частным делом – этими словами принято выражать обыкновенно отношение социалистов к религии. Но Ленин пишет в 1905 г.

в статье «Социализм и религия», уточняя значение этих слов: «Мы требуем, чтобы религия была частным делом по отношению к государству, но мы никак не можем считать религию частным делом по отношению к нашей собственной партии. Государству не должно быть дела до религии, религиозные общества не должны быть связаны с государственной властью. Всякий должен быть совершенно свободен исповедовать какую угодно религию или не признавать никакой религии, то есть быть атеистом, каковым и бывает обыкновенно всякий социалист»⁴.

Необходимость борьбы с религией В.И. Ленин называл азбукой марксизма и при этом всегда подчеркивал, что нужно уметь бороться против религии. Сначала это умение должно было выражаться в идейной борьбе, в культурно-воспитательной работе с массами. Работать с массами требовалось терпеливо.

Как же происходит эта работа на деле? Обратимся к отложившимся в архивах документам по истории немцев Поволжья и проследим этапы борьбы партии большевиков с религией.

Немецкие крестьяне, поселившиеся на Волге по Манифесту Екатерины II от 22 июля 1763 г. и получившие свободу отправления религии, строительства церквей, обучения детей в церковно-приходских школах, жили обособленной от русского окружения жизнью. Религия была главной духовной составляющей повседневной жизни российских немцев и в XX в., она формировала мировоззрение, традиции, социальные и личностные ценности. Во время проповедей пасторы и патеры учили превыше всего любить Бога, жить не ради себя, а во имя Бога. Эталон повседневного образа жизни, к воплощению которого стремились поволжские немцы, заключался в выражении религиозных чувств, трудолюбии, аккуратности и рачительности. В 1920-е гг. в Поволжье свыше двух третей верующего немецкого населения были лютеранами, 15% – католиками, 8% – меннонитами, остальные – православные и сектанты.

Революционные события 1917 г. полностью изменили правовые основания существования религии. Декрет о свободе совести, об отделении церкви от государства и школы от церкви, первая российская конституция стали решающими в практической работе большевиков и сразу начали претворяться в жизнь. Священники были отстранены от преподавания уроков религии. Циркуляр Наркомпроса от 3 марта 1919 г. разъяснял: «Воспретить лицам, принадлежащим к духовенству всех его родов, всех вероисповеданий, занимать какие бы то ни было должности во всех школах. Лица, принадлежащие ранее к составу духовенства, по оставлении сана могут занимать таковые должности лишь с особого каждый раз разрешения Наркомпроса. Виновные в нарушении сего воспрещения подлежат суду Ревтрибунала»⁵.

На Втором съезде немцев Поволжья (20–24 октября 1918 г.) все ораторы с мест, как один, клеймят дореволюционную школу, ее русификацию (не предвидя еще событий) и уповают на то, что «наше правительство хочет основать коммунистическое государство и рабочую школу». Они сразу обозначили свое отрицательное отношение к церкви и занятиям религии в школе⁶.

Официальное отделение церкви от государства позволило разговаривать с церковнослужителями языком приказа, и лютеранскому священнику Эдуарду Зейбу в село Привальное власти Немецкой автономии⁷ в лице руководителя Эрнста Рейтера направили телеграмму с предписанием о том, чтобы пастор передал денежные средства от продажи продукции с церковного огорода в отдел народного образования на ремонт местной школы, угрожая арестом в случае невыполнения распоряжения⁸. Смысл декрета об отделении от государства церкви был забыт и в центре, и на местах. Более того, пастор не подчинился распоряжению, собрал сельский сход и обсуждал вопрос о доходах с церковного огорода. Сельсовет, который не получил от пастора копию решения схода, провел свое заседание, на котором осудил его действия. В этой ситуации обратим внимание на результаты голосования членами сельсовета: за осуждение – 8, против – 5, воздержались – 4. То есть крестьяне никак не могли пойти против пастора, которого безоговорочно уважали.

А.В. Луначарский на I съезде школьных работников 30 июля 1919 г. ориентировал учителей на осторожное отношение к религиозному обучению: «Церковь так искусно подобрала определенное миросозерцание, что оно является ядром для народной души... вместо просвещения. Так как переносить все ужасы существования здешнего мира человек не мог бы без этой надежды»⁹. Ситуация требовала осторожности, терпимости, строгой последовательности проведения официальных актов в жизнь, глубокого понимания реформы государственно-церковных отношений. Вместо этого возник острый конфликт между государством и церковью, который на местах усугублялся бесконтрольными действиями безбожников всех мастей. Развернувшийся террор против духовенства провоцировал волнения среди верующих.

Первое наступление на религию было предпринято в период голода 1920-х гг. и принесло государству ощутимые результаты: на основании секретного письма В.И. Ленина от 19 марта 1922 г. из церквей было осуществлено изъятие огромного количества ценностей. Оно проводилось, когда верующие не могли сопротивляться – в Поволжье бушевал голод. Об этом совершенно цинично писал Ленин, требуя под прикрытием голода быстро провести акцию.

«...Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и по-

этому должны!) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаться перед подавлением какого угодно сопротивления...Жестокости надо осуществлять самым энергичным образом и в самый кратчайший срок. ...Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся по этому поводу расстрелять, тем лучше...»¹⁰. Этот циничный документ был обнаружен только в 1990-е годы.

Лексические обороты из работ Ленина и партийных документов перешли в тексты постановлений низовых ячеек, стали определять язык газет и радио, лозунгов и карикатур. Были забыты «советы» вести работу медленно, вдумчиво и т.д. Если сам Ленин позволял себе высказывания, которые были руководством к действию для нижестоящих организаций, но не были предназначены для публикации, можно представить, что творилось на местах.

Основная тяжесть антирелигиозной работы падала на учителей, которых руководство обязало проводить пропаганду не только в стенах школы, но и за пределами, в массах крестьянства. И это требование касалось немецких учителей-шкульмейстеров, которые еще несколько лет назад преподавали детям Закон Божий и требовали от учеников прилежания в изучении постулатов религии. Теперь они выступали на страницах немецкоязычного кооперативного журнала «Наше хозяйство» со статьями, разоблачающими религию¹¹. В помощь учителям журнал наркомата просвещения «Wolgadeutsches Schulblatt» публиковал материалы по антирелигиозной тематике. Например, автор в статье «Антирелигиозная работа в школе» оценивал ее как плачевную, но причину видел в том, что ребенок после школы попадает в семью, где его атеистические убеждения, полученные в школе, не получают подкрепления. Священники продолжали влиять на сознание верующих, и автор сетовал на то, что в католических деревнях дети практически не оторваны от церкви, а исповедь, во время которой патер оставался один на один с верующим, не могла быть проконтролирована¹².

С конца 1922 г. для агитационных кампаний был привлечен комсомол. Как и по всей стране, в школах были образованы комсомольские и пионерские организации. В 1924 г. в республике немцев Поволжья было 1882 члена ВЛКСМ и 324 кандидата. К апрелю 1928 г. их число возросло до 4303 комсомольцев а и 245 кандидатов. Немцы составляли примерно третью часть. В селах начали проводить комсомольские пасхи и рождества, театрализованные представления, содержавшие антирелигиозную тематику¹³. Стремясь покончить с церковью методом «кавалерийской атаки», отдельные партийные и профсоюзные организации боролись мерами административного порядка: закрывали церкви, оскорбляли чувства верующих, проводили показательные суды над священниками и т.д. Неумелые кампании про-

тив церкви, запрещение изучения религии привели к тому, что наметилась тенденция не к сокращению, а к расширению членов ряда конфессий, что было отмечено в резолюции XII съезда партии большевиков¹⁴.

Одновременно вся внутренняя жизнь общин ставилась под жесткий контроль. Сохранились протоколы церковного Совета евангелическо-лютеранской церкви в Саратове за 1923 г., из которых следует, что церковное здание, построенное еще в 1793 г. на деньги общины, верующие получили по договору от Саратовского губисполкома и «обязуются хранить и поддерживать в полной исправности»¹⁵. Совет обращается 9 мая 1923 г. в губисполком за разрешением провести богослужение на кладбище, но оно отклоняется, так как община не выполнила требование местной власти и «не покрасила асфальтовый пол масляной краской». Логическим продолжением глумления над верующими стал приказ губисполкома от 23 декабря 1924 г., по которому отобрали квартиру пастора и слили два прихода в один как раз накануне рождества.

Таких примеров отношения к евангелическо-лютеранским и католическим церквям в Поволжье, да и по всей стране фиксировалось множество, поэтому резолюция XIII съезда партии о том, что «антирелигиозная пропаганда в деревне должна носить характер исключительно материалистического объяснения явлений природы и общественной жизни, с которыми сталкивается крестьянин... Центром такой пропаганды нужно сделать школы и избу-читальню под руководством парторганизаций», была не более чем фразеологией¹⁶.

Эстафету принял Е. Ярославский, с 1925 г. возглавивший Союз воинствующих безбожников, продержавшийся до 1943 г. и распущенный в связи с войной и изменением политики Сталина по этому вопросу. Но реально количество членов Союза Безбожников было ничтожным. Как правило, в руководство ячеек и в бюро входили партийные и комсомольские работники, учителя, сельские активисты. Избирательный подход к членству в организации обеднял и без того скудный интеллектуальный потенциал «безбожников», отпугивая даже ту интеллигенцию, которая тяготела к атеизму. Это приводило к тому, что кампании по развенчанию религии носили карикатурный характер.

12–13 июня 1927 г. проходил первый съезд безбожников Автономной советской социалистической республики немцев Поволжья (АССРНП), на котором присутствовало 102 делегата, среди них – 72 были немцами по национальности. После доклада Кунтэ «Советская власть, партия и религия» из зала было задано 26 вопросов. Выступавшие констатировали засилье духовенства и сектантов. В конце съезда предполагался диспут «Библейские сказания о сотворении мира», но ввиду отсутствия оппонентов со стороны верующих, был заслушано сообщение А. Маттерна¹⁷.

В связи с потребностями промышленности в октябре 1928 г. началась кампания по изъятию цветных металлов из церквей. Наркомфинотдел республики во внутренней ведомственной переписке в марте 1929 г. признавал, что прямых указаний в законодательстве о порядке изъятия из действующих молитвенных зданий имущества не имеется. Внешне изъятие было обставлено с соблюдением всех формальностей: создавались комиссии по обследованию имущества церквей. Если встречались несогласия – дело передавалось на уровень СНК республики¹⁸. Сохранился удивительный документ: подписка «1928 года, ноября 19 дня, я, церковный староста с. Блюменфельд Палласовского кантона Шлотгауэр Яков Георгиевич даю настоящую расписку палласовской кантмилиции в том, что взятый на учет церковный цветной металл обязуюсь хранить до особого распоряжения милиции. В чем и расписываюсь». Подпись»¹⁹.

Изъятие церковной утвари и колоколов вызвало массовое недовольство со стороны верующих. В актах встречались вопиющие факты, когда верующие должны были доказывать, что церковь имела только один колокол (села Кинд, Риммер, Марксштадтский кантон), с «щербинкой 6 x 23 см.», что не мешало звону, тем не менее милиция намеревалась их изъять. Не дали снять колокола верующие сел Ней-Бауер, Шафгаузен, Гаттунг. Более того, позднее собранный металл отдельные кантонные комитеты власти (Старо-Полтавский, Зельманский, Иловатский) стали использовать на местные нужды, что нарушало постановление СНК РСФСР от 20 сентября 1933 г. о государственных фондах²⁰.

Перелом в борьбе с церковью произошел в 1929 г. 8 апреля было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях», по которому жизнедеятельность религиозных организаций подпала под жесткую регламентацию государственных органов, во многом противоречащую декрету 1918 г. Отныне запрещалось без разрешения властей проводить собрания верующих, избирать руководителей общин, организовано обучать детей религии, заниматься благотворительностью, строительством и ремонтом культовых зданий и т. д.

Лидеры партии удивительно быстро сменили риторику своих выступлений: Ем. Ярославский, выступая в 1923 г. перед московским партактивом, отмечал, что политическая ситуация, сложившаяся в стране, настоятельно требовала налаживания диалога с церковью, отказа от «политики военного коммунизма» по отношению к религии. И его же слова в 1929 г.: «...одним из убежищ, одним из прикрытий для крестьянина, который не хочет в колхоз... остается религиозная организация с гигантским аппаратом, полторамилионным активом попов, раввинов, мулл, благовестников, проповедников всякого рода, монахов и монашек, шаманов и колдунов и т. п. В активе этом состоит вся махровая контрреволюция, ещё не попавшая в

Соловки, ещё притаившаяся в складках огромного тела СССР, паразитирующая на этом теле»²¹. Такой тон статьи прямо разрешал не церемониться с прихожанами и священниками.

1929 стал годом закрытия церквей и приходов под любым предлогом – устанавливался высокий налог, который общины часто не могли заплатить. Церкви передавались под школы, дома культуры (такие здания удалось восстановить в период возвращения церкви ее имущества в 1990-е гг.), но часто под склады, магазины, здания МТС, что оскорбляло чувства верующих и привело к безвозвратной потере архитектурных шедевров. Кошунственным был акт, когда 24 декабря 1929 г. прямо в Рождество лютеранская церковь в Марксе была передана под клуб. «На месте золотого креста теперь высилось победное красное знамя пролетарской революции. На место алтаря была сооружена трибуна с земным шаром. Далее церковь будет переоборудована в театр. И из 6800 жителей с правом голоса 4184 человека поставили свою подпись под решением о передаче церкви под дом культуры». Это сообщение из местной печати перепечатала газета «Die Auslandsdeutsche», издававшаяся в Германии, в разделе новостей²². Через полгода, 5 июня прошло выступление верующих за возвращение церкви. По этому поводу обком ВКП(б) АССР немцев Поволжья 11 июня 1930 г. принял специальное постановление «О массовом выступлении в Маркштадте в связи с закрытием лютеранской церкви». Была заявлена «закономерность закрытия церкви, хотя отмечено, что в правительственную комиссию было подано более 400 жалоб «за неправильные действия собиравших подписи». После этого были проведены собрания всех профессиональных организаций, на которых «абсолютное большинство голосовало против возвращения церкви верующим и за использование церкви в культурных целях». Выступление верующих 5 июня 1930 г. было квалифицировано как антисоветское²³. Руководство пошло на проведение диспута, чтобы сбить накал вражды. 29 июня в Маркштадте был организован диспут. На него были приглашены представители всех церквей и партийные функционеры²⁴. Диспут провалился и это стало поводом для агитпропотдела обкома ВКП(б) АССРНП рекомендовать пропагандистам познакомиться с Библией с целью опровержения сектантских ссылок на библейские тексты и впредь открытых диспутов не устраивать²⁵.

В 1989 г. в журнале «Известия ЦК КПСС» была опубликована переписка М. Горького с партийными деятелями. Горький видел деформации, происходившие в обществе, и 27 ноября 1929 г. прямо писал И. Сталину: «Необходимо более солидно поставить дело пропаганды безбожия. Оружием от Маркса и материализма тут немного достигнешь, как мы видим. Материализм и религия – две разные плоскости, они не совпадают. Если дурак говорит с небес, а умный – с фабрики, они друг друга не поймут. Нужно, чтобы умный бил ду-

рака его же палкой, его же оружием»²⁶. Писатель предлагает изучать историю церкви, издать текст Библии с критическими комментариями, знать историю расколов и т.д. Но призыв не был услышан. Страна вступала в коллективизацию, и церковь была объявлена злейшим врагом.

Немецкое крестьянство ответило эмиграцией, которая приобрела угрожающие размеры, особенно из областей Сибири. Это встревожило власти, и 5 января 1930 г. Немобком ВКП(б) направил письмо в кантонные организации о нарушении линии партии, что облегчало контрреволюционную работу кулачества (главного «виновника эмиграции»). Руководство признало, что на местах применялся административный нажим, угрозы против верующих, выступающих против закрытия церквей; организация соревнования за закрытие церквей; необоснованные аресты духовенства и организация суда над ними²⁷.

В 1933–1934 гг. верующие пытаются вернуть церкви (сентябрь 1934 г. церковь в Савинке (Палласовский кантон), власть заставляет взять назад со всеми налогами и ремонтом)²⁸. В селе Grimm работники МТС разобрали орган и взяли себе необходимые части, разрушив внутреннюю часть церкви (1 декабря 1934 г.)²⁹. С явными нарушениями было оформлено 5 января 1933 г. закрытие церкви в селе Лейхтлинг. Его отменили, но с местным руководством была проведена соответствующая работа, и уже протоколом от 14 ноября 1933 г. ходатайство Лейхтлингского сельсовета о закрытии церкви и переоборудовании ее в школу семилетку было удовлетворено³⁰.

8 июня 1933 г. был издан циркуляр постоянной комиссии при Президиуме ВЦИК по вопросам культов под знаменательным названием «По вопросу регулирования колокольного звона и снятия колоколов с молитвенных зданий, где колокольный звон прекращен»: В связи с новым распределением трудовых процессов и переходом на непрерывную производственную неделю, местные органы не пришли к единому решению по регулированию колокольного звона. Они допустили ошибки – изымали колокола без утверждения вышестоящих организаций, колокола использовали на местные нужды. Поэтому 26 мая 1933 г. ВЦИК решил передать регулирование колокольных звонов в компетенцию городских советов и районных исполнительных комитетов (РИК), которые могут (с последующим утверждением через культовые комиссии) запретить или ограничить их. Предлагалось выделить колокола особого тонального звучания и малые (до 16 кг), могущие служить для сигналов в пожарных командах. Нарушения имели массовый характер, о чем говорит письмо с пометкой «не подлежит оглашению» из Нижне-Волжского краевого исполкома от июня 1933 г.: «значительная часть молитвенных домов ликвидируется только по решению РИКов, оформляется часто без комиссий, имущество раздается бесплатно, сельсоветы распоряжаются им по своему усмотрению»³¹.

Закрытие церквей в 1930–38 гг., аресты, расстрелы и высылка священнослужителей приняли массовый характер и демонстрировали укрепление власти на местах. Последние церкви были закрыты в Поволжье в 1938 г. Комиссия по культам была упразднена. Она выполнила свою задачу.

Таким образом, советское государство, исходя из интересов сохранения диктатуры пролетариата, вышло далеко за рамки правовых норм государственного регулирования взаимоотношений с церковью. В стране сложилась диктатура партии, которая уже не нуждалась в лояльности любой конфессии в стране. Насилие из социально-философской категории превратилось в реальное оружие и получило апробацию не только в борьбе с противниками советской власти, но и в массовых процессах над священниками и верующими. Сама практика повседневной жизни верующих, захваченных колхозным движением и раскулачиванием, индустриализацией и новой трудовой школой, разрушением нравственных основ семьи и воспитания детей, показывала, что для веры места в новом обществе не было.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе // Соч. Т. 3. С. 4.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 416.

³ Там же. Т. 26. С. 237.

⁴ Там же. Т. 12. С. 143.

⁵ См.: Отделение церкви от государства в СССР. Ред. П.А. Красиков. 3 изд. М., 1926. С. 294.

⁶ Центр документации новейшей истории Саратовской области (далее – ЦДНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. С. 43.

⁷ Декрет о создании Области немцев Поволжья был подписан В.И. Лениным 19 октября 1918 г.

⁸ Рейтер Э. Письмо пастору Э. Зейбу 3 августа 1918 // Государственный исторический архив немцев Поволжья (далее – ГИАИП). Ф. 728. Оп.1 о/д. Д. 42. Л. 13.

⁹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5462. Оп.1. Д.10. Л.40.

¹⁰ Письмо В. М. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП (б) // Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 190-193. Текст письма с грифом «строго секретно» предварялся пометой: «Просьба ни в коем случае копий не снимать».

¹¹ Mattern A. Religion und Landwirtschaft // Unsere Wirtschaft. 1922. № 8. S. 226-235. Его же: Religiöse Ketten in den Wolgakolonien // Unsere Wirtschaft. 1923 5. S.127,159.

¹² В.И. Die antireligiöse Arbeit in den Schulen // Wolgadeutsches Schulblatt. 1928. № 12. S. 1227-230.

¹³ См. подробнее: Слезин А.А. Антирелигиозные праздники 1920-х годов // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 82-91.

¹⁴ XII съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1924. С.716.

¹⁵ Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф.852. Оп. 1. Д. 271. Л. 29.

¹⁶ Резолюция XIII съезда РКП (б) «О работе в деревне» // XIII съезд РКП (б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 642.

¹⁷ ГИАИП. Ф. 847. Оп. 1. Д. 278. Л. 25-27.

¹⁸ ГИАИП. Ф. 849. Оп. 1 Д. 678. Л. 128.

¹⁹ Там же. Л. 72.

²⁰ Там же. Д. 890. Л. 12.

²¹ Ярославский Е. Соцсоревнование и антирелигиозная пропаганда // Правда. 1 мая 1929.

²² «Die Auslandsdeutsche». 1930. №2.

²³ История немцев России. Хрестоматия. Сост. Герман А.А., Илларионова Т.С., Плева И.Р. М., 2005. С. 242.

²⁴ ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1673. Л. 93.

²⁵ Там же. Л. 42.

²⁶ Из переписки А.М. Горького // Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 186.

²⁷ ЦДНИСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1673. Л. 21-23.

²⁸ ГИАНП. Ф. 849. Оп. 1. Д. 1002. Л. 50

²⁹ Там же. Ф. 849. Оп. 1. Д. 1051. Л. 19.

³⁰ Там же. Д. 890. Л. 3.

³¹ Там же. Ф. 849. Оп. 1. Д. 740. Л. 16-17.

Т.М. Смирнова

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В 1917 – 1939 гг. (на примере Петрограда – Ленинграда)

Аннотация. Рассматриваются принципы и направления национальной культурной политики в советский довоенный период на примере национальных меньшинств Петрограда – Ленинграда.

Ключевые слова. Ленинград, национальные меньшинства, национальная культура, коренизация, унификация, этатизация.

Октябрьская революция 1917 г. и новая национальная политика большевиков резко изменили характер взаимоотношений государства и национальных культур. Национальный вопрос в марксистском понимании является составной частью классового, и партия большевиков ставила решение национальных проблем в прямую зависимость от социального освобождения трудящихся, от победы в классовой борьбе. Программа по национальному вопросу, разработанная В.И. Лениным, была рассчитана на соединение многонациональных сил трудящихся в общей борьбе против эксплуататоров, требовала «связать революционную борьбу за социализм с революционной программой в национальном вопросе». Но концепция конкретного решения национального вопроса после победы пролетарской революции, в том числе по отношению к дисперсно проживающим национальным меньшинствам, не была выработана заранее, она складывалась уже в условиях правления партии большевиков и оказалась внутренне противоречивой и подверженной политической конъюнктуре.

Уже в своих первых программных документах – «Декларации прав народов России» и в обращении Совета Народных Комиссаров «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока» – советская власть провозгласила юридическое равенство всех народов и их право свободно и беспрепятственно развивать свою национальную культуру. Революционным новшеством было отсутствие государственного языка в многонациональ-

ной стране. Возможность государственного и культурного самоопределения, ликвидация национальных и языковых привилегий и ограничений, выравнивание уровней экономического и культурного развития и другие принципы советской национальной политики не просто декларировались, но и активно проводились в жизнь. Естественно, что все эти преобразования находились в рамках системы диктатуры пролетариата, подчинялись и служили ее целям, исходили из ее задач, трансформировались вместе с ее эволюцией. Для правящей в стране партии большевиков преобразующей силой, основным рычагом революционного переустройства общества было пролетарское государство, призванное регулировать все сферы экономической, социальной и культурной жизни. Культура в целом, в том числе национальная, стала государственным делом и огосударствилась. Государственное планирование и финансирование, материальное, кадровое и научное обеспечение культурно-просветительной работы придавали ей небывалый размах и позволили ликвидировать вопиющую культурную отсталость большинства населения страны. Но этатизация культуры влекла за собой регламентацию ее содержания, направлений и форм практической работы, а также непосредственное управление ею специальными административными органами, которые определяли практическое функционирование и развитие культуры. Идеологические рамки подчиняли культуру политическим задачам, что неизбежно сужало и деформировало культурное поле. Идеологизация и этатизация всех сфер общественной жизни превращали государственную идеологию, именуемую коммунистической, в доминирующую форму духовности, и вместе с распространением культуры вширь в значительной степени упрощали последнюю. Культура становилась одной из «шестеренок» государственной машины, и в случае «непроизводительной» работы ее можно было заменить.

Культурная жизнь национальных меньшинств находилась в ведении двух народных комиссариатов – Наркомнаца и Наркомпроса. На местах этими проблемами занимались Советы депутатов трудящихся и местные подразделения центральных комиссариатов и главков. В Петрограде – Ленинграде и губернии (с 1927 г. – области) работали Комиссариат по национальным делам (Комнац) Союза Коммун Северной области (СКСО), затем Петроградский отдел по делам национальностей (Петрогуботнац); отдел национальных школ Губернского отдела народного образования (Губоно), позже – Петроградский (Ленинградский) Совнацмен; отдел национальных домов просвещения при Горполитпросветцентре, впоследствии при отделе массовой политико-культурно-просветительной работе Ленсовета и др. Принципиальная позиция, идеологическая направленность, классовый (пролетарский) подход к культурной жизни нацменьшинств определялись партийными инстанциями, они же осуществляли постоянный контроль за деятельностью национальных культурных организаций.

В советский довоенный период существовали две неравные сферы развития культуры национальных меньшинств. С одной стороны, это советские огосударствленные формы культурной жизни (многоуровневая система просвещения и подготовки кадров, средства массовой информации и книгоиздательства, библиотеки, политико-культурно-просветительские и творческие организации). С другой – традиционные самодеятельные формы, связанные как с религией и церковью (непосредственно конфессиональная, а также благотворительная и культурная деятельность – библиотеки, хоры, оркестры, летние певческие праздники и т.п.), так и светские – добровольные общества просветительского характера. Однако негосударственная сфера не пользовалась поддержкой властей, ограничивалась, а впоследствии – запрещалась. Конфессиональная деятельность храмов нацменьшинств была сведена к минимуму, а культурная – запрещена и практически ликвидирована уже в начале 1930-х гг. Самодеятельные культурно-просветительские общества нацменьшинств оказались «лишними» в системе государственных организаций, и их деятельность была свернута к середине 1930-х гг. Таким образом, культурное строительство среди национальных меньшинств в 1920–1930-е гг. в основном сводилось к огосударствленным формам.

В 1920–1930-х гг. в СССР были созданы алфавиты на латинской основе для 75 национальностей, в том числе для 50 ранее бесписьменных, в нашем регионе – вепсская и ижорская. В Ленинграде создан и Единый северный алфавит, на основе которого появилась письменность для 14 языков народов Крайнего Севера и Дальнего Востока.

Уже с 1918 г. школы национальных меньшинств Петрограда и губернии перешли на государственное обеспечение, и с середины 1920-х до середины 1930-х гг. наблюдался их количественный рост – от 310 школ в 1925 г. до 565 в 1936 г., причем к началу 1930-х гг. обучение велось полностью на родном языке в финских, эстонских, латышских и немецких школах, а в других национальных школах на родном языке преподавались основные предметы. С 1932 г. началось обучение на родном языке в вепсских и ижорских школах. Осенью 1937 г. в Ленинграде работали две полные средние школы национальных меньшинств (финская и еврейская), две неполные средние (семилетние) школы (польская и татарская) и национальные отделения при общих школах: немецкие – при трех школах, татарские – при двух, а также латышские, польские, ассирийские, эстонские классы.

Представители разных национальных меньшинств могли получить среднее специальное образование на родном языке. В середине 1920-х гг. в Ленинграде работали 5 национальных педагогических техникумов – польский, немецкий, финский, эстонский и латышский, а в области – финский сельскохозяйственный техникум (с 1934 г. – финско-эстонский). Несколько

ко позже были открыты еще два финских педтехникума с вепскими и ижорскими отделениями.

Реальной была возможность учиться и в национальном высшем учебном заведении или на национальном отделении общего вуза. В Петрограде – Ленинграде работали Еврейский (1918–1925) и Эстонский (1918–1923) университеты. С середины 1920–х до 1932 г. в Педагогическом институте им. А.И. Герцена функционировали эстонское, латышское, финское, польское и немецкое отделение, а при Ленинградском государственном университете – финский, эстонский, латышский, еврейский рабочие факультеты (рабфаки). В 1929 г. в Ленинграде впервые в мире было создано специальное учебное заведение для коренных народов Крайнего Севера и Дальнего Востока – Институт народов Севера (ИНС).

В Ленинграде и области работали советско-партийные школы (СПШ) национальных меньшинств с финским, эстонским, польским, латышским, немецким, вепским и ижорским секторами. Кроме политработников, в СПШ также готовились культпросветработники и учителя начальных школ. В 1922–1936 гг. действовало высшее политическое учебное заведение – Петроградское – Ленинградское отделение Коммунистического университета национальных меньшинств Запада (ЛОКУМЗ) с финским и эстонским отделениями.

В годы Гражданской войны Петроград был центром издательской деятельности многих национальных меньшинств Северо-Запада РСФСР. Здесь выходило около 40 наименований газет и журналов на финском, эстонском, латышском, литовском, польском, татарском, белорусском, идиш, китайском и др. языках. Впоследствии издание периодической печати на языках нацменьшинств было в основном сосредоточено в Москве, но вплоть до конца 1937 г. Ленинград оставался центром финской и эстонской печати и книгоиздательства в СССР, здесь выходили имевшие общесоюзное распространение газеты и журналы, а также странички на финском и эстонском языках при 11 районных газетах.

С 1929 г. ленинградское радио регулярно вело передачи на финском языке, а в 1934 – 1937 гг. работали 4 редакции национального вещания – финская, эстонская, немецкая и латышская.

Наиболее распространенной формой просветительной работы среди национальных меньшинств в 1920 – 1930-х гг. была клубная. В Ленинграде и губернии (области) работали десятки национальных клубов, изб-читален, и красных уголков. С середины 1920-х гг. центрами политико- и культурно-просветительной работы в Ленинграде становятся дома просвещения (домпросветы, или ДПП). Всего в разное время действовали 13 национальных ДПП: белорусский, венгерский, еврейский, корейский, латышский, литовский, немецкий, польский, татарский, украинский, финский, эстонский, а

также Дом народов Востока, объединявший работу среди 30 национальностей. Домпросветы выполняли весь комплекс культурно-просветительной работы среди соответствующего населения: общеобразовательные, технические, политические, художественные кружки, библиотеки, массовые мероприятия, политические кампании и т.п. Дома просвещения были материальной и творческой базой для многочисленных художественных коллективов, как любительских, так и профессиональных. В советский довоенный период в городе работали еврейские, украинские, финские, эстонские, латышские, польские, татарские, китайский (!) и народов Крайнего Севера театры.

В Ленинградской области во второй половине 1920–х гг. создавались особые национально-территориальные единицы – национальные сельсоветы и районы – в местностях, где компактно (две трети или более половины от всего населения) проживали представители той или иной нерусской национальности, составлявшие «национальное большинство» на данной территории. К 1935 г. насчитывалось около 150 национальных сельсоветов (вепсские, зырянские, ижорские, карельские, латышские, немецкие, латышские, саамские и даже один норвежский, но больше всего – финских) и 5 национальных районов (два финских, вепсский, саамский и один смешанный – саамско-ненецко-ижемский). В этих национально-административных образованиях на родной язык большинства населения переводились (полностью или частично) делопроизводство в советских, хозяйственных, кооперативных организациях, велась массовая, в том числе культурная, работа и т.д.

Все это свидетельствует о постоянной положительной динамике культурной жизни национальных меньшинств нашего региона, отражавшей общегосударственную тенденцию – политику коренизации, то есть развитие родного языка, общий подъем культуры, воспитание национальных кадров, перевод государственных органов, делопроизводства и т.п. на языки местного населения. Политический смысл коренизации состоял в новом социальном структурировании нерусских национальностей с целью отрыва трудящихся от «своих» эксплуататорских слоев, с которыми они были связаны и общей традиционной и клерикальной культурой, и общей национальной судьбой в царской России, чтобы вовлечь широкие массы в советскую преобразовательную работу. Политика коренизации учитывала и невероятную сложность преодоления в массовом сознании, в менталитете русских и «обрусевших инородцев», в том числе и членов большевистской партии, прочно утвердившихся великодержавных взглядов и представлений об особой цивилизаторской роли русской культуры.

По мере развертывания культурной революции национальностей требовался постоянный мониторинг ее хода, задач и перспектив, возникла необходимость теоретического осмысления тенденций развития националь-

ных культур в ходе советских преобразований. Так, социальная интеграция при языковом разнообразии, но в доминирующем иноязычном (в нашем регионе – русском) окружении осложнялась многими факторами: при компактном проживании национальных меньшинств их интегрированность в «большой» социум была слабее ожидаемого; отставание практической реализации культурных преобразований от социально-экономических потребностей и от уровня запросов самих национальных групп; необходимость административного регулирования наполняемости национальных культурных учреждений и т.п. Постепенно выявлялась и неудовлетворенность властных структур этой политикой: необходимость создания особых национальных организаций и учреждений на родном языке меньшинств при трудностях контроля за их деятельностью именно в силу их многоязычности, «нерусскости». А слабое знание русского языка (плюс письменность на многих родных языках – на латинице) было помехой и для обороноспособности страны – ведь армия была единой.

Свершившийся в СССР в конце 1920–х – начале 1930–х гг. «великий перелом» в социально-экономической политике и вызванное этим обострение классовой борьбы в государстве и внутрипартийной борьбы за власть привели к радикальному изменению и советской национальной политики. Единая политическая воля ВКП(б), унификация форм собственности, небывалая социальная однородность общества, унитарное по сути, хотя и федеративное по форме государство – все это делало невозможным равноправное развитие национальных культур именно в силу их разнообразия. Социально-экономическое и политическое единство должно было дополниться культурным. Национальное стало восприниматься как рудимент прошлого, а приверженность ему – в лучшем случае как слабость недостаточно «перекованных» людей, а то и опасный уклон, называемый «нацдемократизмом», а еще определеннее – местным национализмом.

В этот период сформировался и упрощенный взгляд на культуру как на дополнение к двум основным формам общественной жизни – политике и экономике, которые она должна идеологически обеспечить. Выдвинутая И.В. Сталиным формула «социалистическая по содержанию, национальная по форме культура» в концентрированном виде выражала отношение к культуре как производной от классовой идеологии, подчиняющей себе национальные особенности. В переходный к социализму период ставилась конкретная цель – достижение расцвета всех национальных культур СССР, что понималось как необходимая ступень к последующему их сближению, а в перспективе, с победой революции во всемирном масштабе, должно произойти слияние всех культур в единую.

В 1936 г. в связи с принятием новой Конституции, объявлявшей социализм в СССР построенным, произошел идеологический перелом в наци-

ональном вопросе. Поскольку переходный период закончен, то достигнут и «расцвет» национальных культур, следовательно, «закономерно» теперь их сближение, и этот процесс вполне можно ускорить. Ведущей тенденцией новой национальной политики стала унификация в культурной сфере. Особенно уязвимыми в этом отношении оказались национальные меньшинства, не имевшие своих национально-государственных образований, то есть никакого формального барьера на пути унификации. Их национальное своеобразие, нагляднее всего проявлявшееся в языке, было отринуто государством как помеха магистральным культурным процессам. В 1937–1938 гг. ЦК ВКП(б) принял ряд постановлений о ликвидации школ, техникумов и других культурных учреждений национальных меньшинств, а также национальных сельсоветов и районов. В Ленинграде и области партийные директивы по новой политике в отношении национальных меньшинств затрагивали интересы более 740 тыс. человек.

В октябре 1937 г. Ленинградский горком ВКП(б) постановил ликвидировать национальные дома просвещения. В декабре 1937 г. был подготовлен проект постановления Ленинградского обкома ВКП(б) «О национальных школах и других культурно-просветительных учреждениях», который предусматривал ликвидацию всей системы культурной жизни национальных меньшинств региона. В срочном порядке предписывалось «реорганизовать» все национальные школы в Ленинграде и области в «советские школы обычного типа», то есть с обучением на русском языке, ликвидировать функционировавшие к тому времени национальные училища и техникумы, прекратить выпуск периодической печати и литературы на финском и эстонском языках, ликвидировать национальные театры и ансамбли, представить предложения о ликвидации национальных районов и сельсоветов.

Это «выкорчевывание» культуры национальных меньшинств, произошло одновременно и в комплексе с репрессиями по национальному признаку, затронувшими в основном так называемые «зарубежные» национальности, этническая родина которых находилась за пределами СССР. В 1937–1938 гг. вышла целая серия «национальных» приказов НКВД, предписывавших «разгром диверсионно-шпионских контингентов» из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев (сотрудников КВЖД), китайцев, корейцев, румын, болгар, македонцев, афганцев, курдов, кочующих цыган. Этот процесс в значительной степени облегчался тем, что реально существующая опасность интервенции против СССР идеологически обосновывала и морально оправдывала политическое преследование целых народов.

В результате политики унификации были утрачены целые пласты современной светской культуры национальных меньшинств, а сама она свер-

нута до конфессиональной и элементов традиционной культуры. Сфера применения родного языка сузилась до семейно-бытовой. Стало утрачиваться национальное самосознание, а значительная часть национальных меньшинств сознательно изменила свою культурную ориентацию и национальную идентификацию на более престижную или безопасную. Культурная традиция национальных меньшинств была прервана на десятки лет.

Советский опыт национальной культурной политики имеет как позитивные, так и негативные стороны, но все они нуждаются в осмыслении для адекватной оценки и регулирования современных этнокультурных процессов.

И.Л. Саблин

ЭТИКА КАК АСПЕКТ МАРКСИСТСКОЙ ОНТОЛОГИИ: ИСТОРИЯ ДРУЖБЫ МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ЛИФШИЦА И ДЬЁРДЯ ЛУКАЧА

Аннотация. В статье рассматривается проблема этического измерения в марксизме, соотношения всемирно- исторических задач и частных моментов человеческого общения. Анализируются конкретные ситуации, в которых эта проблема проявлялась ярким образом и получала то или иное решение. Основной анализируемый момент – этическая проблема, возникшая в отношениях двух выдающихся марксистов XX века – Михаила Лифшица и Дьёрдя Лукача.

Ключевые слова: марксизм, этика, нравственность, идеал.

Дьёрдь Лукач в свое время хотел написать «Этику» на основе переписки Маркса и Энгельса, Михаил Лифшиц тоже писал о нравственности и морали. Так сложилось, что эти два выдающихся марксиста сошлись в непростые времена (а именно, в 30-е гг.) и продолжили свое общение после. Не раз они попадали в трудные ситуации, где вопросы «Что делать?» и «Как быть?» вставали во всей своей остроте. Эти события и реакция на них отразились, по меньшей мере, в их переписке. В этом смысле, мы имеем некоторое преимущество, так как можем проследить их понимание этического не только в статьях или трактатах, но и в конкретных действиях и поступках. Ведь этика – не свод отвлеченных рассуждений о том, что такое хорошо, и что такое плохо, а прежде всего дело, поступок.

Возьмем знаковую ситуацию. В 1944 г. докторская работа Лифшица была отклонена на заседании в Институте Философии, но при этом Лукач, будучи официальным оппонентом, дал положительную рецензию. Однако во время «разгрома» от молчался. Причины этого более или менее ясны: Лукач – эмигрант с неустойчивым положением, который до этого даже подвергался аресту, и лишний раз выступать против официоза – дело для него

очень рискованное. Вся биография Лукача говорит о том, что этот человек был не из робкого десятка и за себя боялся мало. Лифшиц не раз подчеркивал лукачевскую «отстраненность» по поводу себя самого и происходящих с ним событий. Скорее, Лукач воспринимал себя как человека, перед которым стоят задачи большой важности, и он должен сохранить себя и свою способность действовать ради этих задач. Перед Лукачем встала дилемма: либо поддержать друга в беде, либо по жертвовать им (тем более, что его помощь вряд ли может оказаться существенной), но сохранить возможность самому сражаться за правое дело. Судя по всему, выбор для Лукача оказался непростым, но в итоге он выбрал второй вариант, а вскоре признал его ошибкой. Он был настолько подавлен осознанием этой ошибки, что не решился сам написать Лифшицу, за него это сделала жена Гертруд. Но в чем ошибка? Формально все верно: на одной стороне – дружба пусть с очень хорошим и талантливым человеком, но на другой – борьба за общественный идеал. Казалось бы, для марксиста выбор, может, и тяжел, но очевиден. Но что-то здесь явно не сходится.

Позднее Лифшиц напишет: «Мне друг Платон, но истина дороже» – поправка, которую бы я внес в это изречение, поскольку в наше время из него (да и раньше) делались ужасные выводы, братоубийственные, предательские.

То, что Платон мне друг, свидетельствует о том, что в этом союзе воплощается часть истины, определенный полюс ее. Нравственная истина воплощается в людях, даже политическая¹ – и не удивительно, что это мышление фигурирует в папке под названием «Лукач». Вероятно, Лифшиц хотел сказать этим, что истина, конечно, носит объективный характер, но не лежит по ту сторону человеческих отношений. Может быть такая дружба, в которой истины заключено больше, чем в какой-либо формальной целесообразности. Возможно, даже не рассуждая таким же образом, но как-то чувствуя этот момент, Лукач при формальной правоте не ощущал себя правым. Однако, в 1944 г. Лифшиц по собственным словам, даже и не думал обижаться на Лукача, сделав при этом интересное замечание: «Но момент был злой»². Но как может быть злым момент, если это не только метафора?

Согласно общетеоретическим взглядам Лифшица, наши понятия, даже такие как добро и зло, не есть просто выдумка индивидуальная, коллективная или даже общечеловеческая. Этим понятиям всегда соответствует что-то вне человеческого сознания. Так человек или даже целый класс может попасть в ложное положение, существует, если так можно выразиться, кривизна самой действительности. Но и наоборот, существуют и истинные положения, нормальные или по-другому идеальные. Если для идеалиста Гегеля идеальное, в той степени действительно идеальное, в которой оно воплотилось в реальность, то для материалиста Лифшица, который никак-о

го Абсолютного духа, конечно, не проповедовал, сама реальность обладает идеальным моментом, собственной нормой, и поскольку реальность соответствует собственной норме, постольку она истина, действительна.

В борьбе за идеал, безусловно, играют важнейшую роль материальные факторы. Порой, если так можно выразиться, даже грубо-материальные, как например пушки, винтовки, тот же пресловутый бульжник. Но Ленин, а вслед за ним и Лифшиц, признавали еще один важный фактор, а именно – моральный, некоторый «ветер истории», та сила, которая казалось бы, невесома, потрогать ее нельзя, но она все же действует. Именно поэтому Ленин своеобразно смотрел на ложь своих самых опасных противников. Пусть изоврутятся, запутаются в собственной лжи, потеряют доверие масс, да и сами к себе его утратят. Потеряют чувство собственной правоты. Так им труднее бороться. А вынуждены они лгать в силу своего ложного положения среди борющихся классов. Поднимающемуся классу как таковая ложь не нужна, если не считать, например, необходимость обмануть жандарма. Моральная сила вырастает из вполне материального соотношения классов, и в конце концов, снова материализуется. Ведя порой полупрозрачное существование, партия Ленина в итоге стала самой могущественной в стране. Ветер истории сделал свое дело.

Но все, как известно, имеет свою обратную сторону. «Злые моменты» могут выпадать на долю тех, в чьи паруса дует «ветер истории». Например, жестокости Гражданской войны смешно осуждать с точки зрения домашней морали. Историческая необходимость очень часто бывает суровой и требует суровых решений. Но как много можно оправдать исторической необходимостью?

В лекции «О добре и зле» Лифшиц вспоминает своего знакомого, который говорил: «Я марксист – и нищим не подаю». Формально говоря, наш марксист прав, ведь милостыня нищим это лицемерие, это не решает, а даже может, усугубляет социальные бедствия. Но нищие бывают разные, может быть это «профессиональный нищий», а может быть человеку милостыня действительно сейчас нужна. Но наш марксист, представитель как раз той точки зрения, что раз он борется за исторически важное дело, то «частные» моменты можно и опустить. Андрей Платонов примерно так характеризовал эту позицию: «Дуриком на мировую историю работать». Не эта ли позиция привела в итоге к тому, что описывается в его «Котловане»? Кстати, по воспоминаниям современников, сам Маркс по приезду в Лондон всегда подавал нищим; когда ему объяснили, что среди них почти все жулики, он перестал это делать, но стоило оказаться нищему с ребенком, как Маркс был повержен, и, несмотря на то, что знал, все-таки давал какую-нибудь монету. Несмотря на то, что Маркса задачи исторической важности занимали безусловно гораздо больше, чем вышеупомянутого марксиста, Маркс

оставался обычным человеком из плоти и крови, с простыми человеческими чувствами и слабостями и так же воспринимал других людей.

Вернемся к Лукачу и Лифшицу. На лукачевский поступок 1944 года Лифшиц и не думал обижаться, но уже после моральные претензии к Лукачу, пусть скорее теоретического характера, так как на разрыв с Лукачем Лифшиц так и не пошел, у него были. Суть этих претензий заключалась как раз в лукачевской «отвлеченности», о которой говорилось в начале. Это было, с одной стороны большим достоинством, которое позволило пройти Лукачу тяжелые испытания и сделать то, что он сделал. Но, как известно, наши недостатки есть продолжение наших достоинств. Относясь несколько инструментально к себе, Лукач со временем, все более и более стал относиться инструментально и к другим. Лифшицу не раз пришлось это испытать на себе. Но дело не только в омраченных дружеских чувствах. Лифшиц запишет « Бывают такие ситуации, когда сохранить людей важнее того или иного внешнего успеха»³. Если в суровые сталинские времена Лифшиц даже и не обижался на лукачевские ошибки, то в более спокойное время, когда степень свободы у Лукача была гораздо больше, оправданность его подхода стала сомнительной. Это уже стало похожим на «нищим не подаю», хотя, конечно не в такой прямой и грубой форме. Одно дело, когда отвлеченность или даже жестокость есть неизбежные дополнения к нечеловеческим условиям, другое, – когда они возводятся в норму безотнositельно условий.

Проблема, однако, состоит не в «прививке» некоторой дозы гуманности тем, кто борется за всемирно-историческое дело, а в опосредовании всемирно-исторического дела с частными, личными моментами. Истина всегда конкретна, это относится не только к полноте нашего знания об объекте, но и говорит о том, что добра, как этического эквивалента истины, в отвлеченном виде не бывает. Отвлеченное, недостаточное добро переходит в свою противоположность.

Добро осуществляется в людях, через их отношения, формы отношений между ними. «Нравственность это близкодействие» – Лифшиц не раз повторит эту мысль, непосредственное сплочение масс на общей основе – условие, без которого даже действительно великая всемирно-историческая цель не сможет воплотиться в адекватном виде. Без верной связи частного и общего страдают в итоге интересы обеих сторон. Эта мысль, на наш взгляд, не есть изобретение лично Лифшица, а вывод из всего прежнего развития марксистской мысли.

В свете вышесказанного можно, например, понять конфликт Ленина с Плехановым, который Ленин описал в статье « Как чуть не потухла искра?». Здесь нет возможности описывать всю подоплеку конфликта, можно только сказать, что Плеханов отнесся к юному Ленину и его соратникам

не только недоверчиво, но даже стал манипулировать ими, чтобы добиться своих целей, которые он, конечно же, считал правильными. Проще говоря, отнесся к ним не по-товарищески. Как пишет сам Ленин: «Это открытие – это было для нас настоящим открытием! – поразило нас как громом потому, что мы оба были до этого момента влюблены в Плеханова и, как любимому человеку, прощали ему все, закрывали глаза на все недостатки, уверяли себя всеми силами, что этих недостатков нет, что это – мелочи, что обращают внимание на эти мелочи только люди, недостаточно ценящие принципы. И вот, нам самим пришлось наглядно убедиться, что эти “мелочные” недостатки способны отталкивать самых преданных друзей, что никакое убеждение в теоретической правоте неспособно заставить забыть его отталкивающие качества»⁴. Возникает схожая дилемма: с одной стороны – принципы, борьба за великое дело; с другой, – вроде бы мелкие недостатки крупной личности. Смысл возмущаться, и тем более идти чуть ли не на разрыв? Нервы, игра самолюбий? Нет, все-таки, кажется, здесь опять возникает напряженность между другом Платоном и истиной.

Лучше объяснить ситуацию поможет высказывание Ленина из его знаменитой работы «Что делать?». «Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения должна быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть налицо эти качества, – обеспечено и нечто большее, чем “демократизм”, именно: полное товарищеское доверие между революционерами. А это большее безусловно необходимо для нас, ибо о замене его демократическим всеобщим контролем у нас в России не может быть и речи»⁵. Удивительно, но Ленин ставит товарищество, товарищеское доверие выше, чем демократизм. Почему? Потому что «демократизм» без доверия, без товарищества и солидарности, без нормальных человеческих отношений, превращается в бесплотную абстракцию, в «шахматные ходы» друг против друга. В итоге партия сама в себе теряет моральную силу, и материальные последствия этой потери не заставят себя долго ждать. Поэтому, несмотря на то, что Плеханов был личностью выдающейся, теоретически грамотной и имеющей заслуги в прошлом, Ленин считал его «мелкие» недостатки прямо таки дезорганизаторскими свойствами, несущими большую угрозу всякому важному делу.

Конечно, не всякая дружба и не всякое товарищество заслуживают столь высокого статуса. Ведь даже среди бандитов могут быть формы некоторого товарищества. Но и здесь мы сталкиваемся с парадоксом, ведь даже бандиты вынуждены искать какие-то суррогаты человеческих форм взаимодействия, чтобы воплощать свои не благие замыслы. Без этого они просто уничтожат друг друга. Это заметил еще несколько тысяч лет назад идеалист Платон, а идеалист Гегель сформулировал общую формулу «Ложное само в себе распадается».

Материализм не отменяет этих достижений идеалистической мысли, а только уточняет, что эти явления не потусторонние, а вполне связаны с материальным ходом вещей. Так же борьба за действительный общественный идеал не должна отменять всех ранее выработанных форм человеческого взаимодействия, а скорее должна стремиться дать им новую жизнь, свободную от уродований старыми условиями.

Марксизм как бы отлит из одного куска стали, в нем все едино. Этика, как и эстетика – не добавление к марксизму в качестве довеска, а особый аспект зрения, позволяющий видеть целое с такой точки зрения, которое с других позиций увидеть нельзя. С какой же точки зрения рассматривает мир и человека марксистская этика? С точки зрения нормы человеческих отношений, какими они должны быть по своему понятию, а это значит, согласно Гегелю, Марксу и Лифшицу – каковы они есть. История отношений между Лифшицем и Лукачем достойна и романа, и самого серьезного научного философского исследования, она, прежде всего, убедительно, на реальных фактах, доказывает, что такая норма есть в реальности, она была в истории нашей страны – и обязательно появится вновь.

¹ Лифшиц М.А. Что такое классика? М., 2004. С. 109.

² Лифшиц М.А., Лукач Д. Переписка. М., 2011. С. 38.

³ Лифшиц М.А. Что такое классика? С. 109.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 344

⁵ Там же. Т. 6. С. 141.

В.В. Круглов, А.В. Лабудин

ГИПОТЕЗА К. МАРКСА ОБ ЭВОЛЮЦИИ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА В НАПРАВЛЕНИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПЕРЕХОДА В КОММУНИСТИЧЕСКОЕ: ПОДТВЕРДИВШЕЕСЯ И НЕ ПОДТВЕРДИВШЕЕСЯ

Аннотация. В статье рассматривается процесс возникновения, дифференциации, современное состояние и перспективы развития социализма как направления развития общественной мысли. Анализируются причины появления социализма, его спада в европейских странах на рубеже XX-XXI вв. и сохранения и даже укрепления авторитета в странах «третьего мира» (Азии, Африки и Латинской Америки).

Ключевые слова: Социализм, марксизм, пролетариат, крестьянство, модернизация, либерализм, труд, капитал, классовая борьба.

Идея равенства всех человеческих индивидов, справедливого устройства жизни их сообществ возникла ещё на заре человеческой истории. Наиболее значительно эти надежды выразились в Новом Завете, Коране, учении Будды, устном творчестве народов.

Чаяния лучших представителей человечества о справедливом обществе, о достижении равенства людей вне зависимости от их происхождения, пола и возраста в различных вариантах фактически пронизывают всю историю человеческой цивилизации. Иногда такое стремление выливалось в гневный протест против угнетения и несправедливости, находило проявление в виде бунтов, восстаний и даже войн угнетенных и поработанных против угнетателей и притеснителей. Достаточно вспомнить восстания рабов в Древнем Риме, помощь угнетенных внешним врагам (Спарта, Древний Египет, Древний Китай), бунты и восстания в европейских странах: «Жакерия» во Франции, восстание Уота Тайлера в Англии, крестьянская война под руководством Томаса Мюнцера в Германии, гуситское движение в Чехии, восстания И. Болотникова, Ст. Разина, К. Булавина, Е. Пугачёва в России и т.д.

В качестве духовной опоры таких «протестных акций» угнетенных служили евангельские притчи, некоторые суры Корана. Так, в крестьянских войнах в странах Европы использовалось изречение: «Когда Адам пахал, а Ева пряла, не было сеньоров», иная трактовка – «кто был дворянином?» (приписывается капеллану восставших английских крестьян в армии Уота Тайлера Джону Боллу), а также слова самого Иисуса: «И ещё говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф.: 19:24).

Иногда протестные движения выливались в организацию тайных сообществ; такими были, например, первые христианские общины, тайные союзы подмастерьев в Италии. Видимо, такое же происхождение имели кланы ниндзя в Японии. Иногда такие протестные сообщества вырождались в криминальные или полукриминальные структуры (классический пример: итальянская мафия).

Общей чертой подобного рода проявлений был стихийный протест, сопровождавшийся актами насилия и вандализма. Существенные изменения в формах протеста против угнетения и несправедливости произошли с утверждением капиталистического способа производства с его новой классовой структурой и новой организующей силой, способной выявить, объяснить и создать интеллектуальную базу идей социальной справедливости, основ нового общества и пути его достижения и созидания.

То, о чём лишь могли в фантастическом виде представить адепты нового представления об основах и принципах справедливого общества, превратилось в реальную возможность строительства новой жизни, которая основывалась бы на принципах общественного самоуправления. От латинского «*socium*» (общество) и произошло название этого движения – социализм.

И ещё одно понятие: самоуправляемая община – коммуна – дала название будущему сообществу людей – коммунизму.

Носителем такой идеи и такого общества, по мысли наиболее новаторского направления старой идеи, должен был стать промышленный рабочий класс, который есть порождение капиталистического машинного производства, предполагающего наличие двух основных классов: класса капиталистов-собственников средств производства и класса наёмных рабочих, живущих продажей своей рабочей силы, то есть способных создавать большую ценность, нежели стоимость самого товара – рабочей силы.

Внешне всё обстоит вполне объективно и справедливо: у капиталиста есть свой товар – капитал; у рабочих свой товар – рабочая сила; они не могут существовать отдельно, но только вместе, как равноправные участники рынка, на котором всё решает спрос-предложение.

С позиции экономического либерализма оказалось невозможным решить крайне актуальный в XIX – XX вв. (особенно в первой половине XX в.) рабочий вопрос, т.е. места и роли рабочего класса (пролетариата) в капиталистическом обществе, взаимоотношений труда, т.е. рабочих, и капитала, т.е. предпринимателей. Либералы рассматривали наёмных рабочих и капиталистов как равноправных участников хозяйственных взаимоотношений, договаривающихся об условиях найма примерно так же, как человек, желающий отремонтировать квартиру, договаривается с бригадой мастеров. Либеральные публицисты, пишущие на экономические темы, например, французский экономист Ф. Бастиа (1801-1850) доказывали, что интересы труда и капитала совпадают, особенно если рассматривать общество, в том числе и рабочих, как потребителей благ, создаваемых при непосредственном участии владельцев капитала, предпринимателей. О том, что быстрые темпы накопления капитала, создающего повышенный спрос на труд, выгодны не только капиталистам, но и рабочим, писал и классик экономической науки Д. Рикардо. Однако, несмотря на очевидные преимущества капитализма с его экономической свободой перед феодальным строем с его внеэкономической (крепостной) зависимостью крестьянина от помещика, а ремесленника от феодала, контролирующего город, рабочие и предприниматели отнюдь не были равноправными сторонами экономических взаимоотношений. Капиталисты как владельцы предприятий были в заведомо более сильной позиции, они могли диктовать и диктовали рабочим условия найма. А работать (а значит, и жить) можно было, лишь нанимаясь к тому или иному «хозяину», особенно тогда, когда техническую основу предприятий составили машины, приобрести которые для рабочих стало совершенно неосуществимой мечтой, в отличие от инструментов ремесленников. Кроме того, высокая рождаемость, свойственная европейским странам в XIX в., порождала устойчивое превышение предложения труда над спросом на труд, что вело к безработице, понижению или, по крайней мере, стагнации заработной платы, заставляя рабочих соглашаться на 12-14

часовой рабочий день, отвратительные санитарно-гигиенические условия труда, практически полное отсутствие техники безопасности. Но рабочий класс рос численно, сосредотачиваясь в городах, превращался, по выражению К. Маркса, из «класса в себе» в «класс для себя», т.е. стал все более четко осознавать свои социальные интересы. Возникшему, начиная с Англии и Франции, и набирающему силу рабочему движению нужна была идея, и таковой, безусловно, не мог стать либерализм. Идея социального равенства рабочих и предпринимателей, равноправия и равенства возможностей в условиях капиталистического общества рабочим XIX в., в лучшем для ее авторов случае, показалась бы рождественской сказкой. Национализм был более привлекателен для рабочих хотя бы потому, что на алтарь нации и национального государства его идеологи требовали жертв и от предпринимателей, они всегда могли указать на капиталистов, принадлежащих к какой-либо иной нации, как на хищных эксплуататоров и «врагов народа», что делал, например, А. Гитлер, направляя гнев и социальную ненависть немецких рабочих против еврейских банкиров. Однако националисты слишком усердствовали по части провозглашения национального единства всех социальных слоев и обвиняли рабочих лидеров и активистов в том, что они – по наущению извне, врагов внешних – разжигают классовую рознь внутри своего государства. На самом деле развитые капиталистические нации XIX – первой половины XX вв. были глубоко расколоты. Национальное единство насаждалось очень тяжело. Поэтому для рабочего движения была востребована принципиально новая идеология, и ею стал социализм или его более радикальная версия – коммунизм. Условия жизни рабочих XIX в. способствовали развитию у них именно общественного, коллективного начала, потенциально заложенного в любом человеке. Они работали исключительно в коллективах, на фабриках и заводах, в крайнем случае – в больших мастерских, жили так же коллективно недалеко от своих предприятий – личного, да и общественного транспорта, чтобы добираться до места работы тогда не было – в рабочих поселках, заставах и предместьях. Все районы вдоль старых границ крупных городов – это бывшие рабочие окраины: Выборгская сторона, Нарвская, Московская, Невская заставы в Санкт-Петербурге, Пресня в Москве, Сормово в Нижнем Новгороде, Пардаугава в Риге, рабочие кварталы Лондона, Берлина, Парижа и других городов Европы... Поэтому идеология рабочего движения должна была быть, во-первых, антикапиталистической, предлагать иной, противоположный современному, вариант общественного устройства, а во-вторых, ориентированной на коллективистское начало в человеке и, следовательно, на общественное регулирование экономики и других сфер человеческой деятельности.

Социализм XIX в. был, в основном, представлен тремя направлениями – утопическим социализмом, анархизмом и марксизмом, названным

его основоположниками немецкими учеными и политиками К. Марксом (1818-1883 гг.) и Ф. Энгельсом (1820-1895 гг.) научным социализмом.

Утопический социализм потому и получил такое определение, что предполагал различные модели общественного развития, направленные на преодоление существующих в обществе проблем и противоречий на основе коллективного - в масштабах всего общества - управления. Но кто и с какой стати будет реализовывать такую модель – оставалось не ясным. Так что книги социалистов-утопистов оказались своего рода фантастическими и нравоучительными романами, хотя имена авторов вошли в историю общественной, и в том числе экономической мысли: французы Э.-Г. Морелли (XVIII в.), А.К. Сен-Симон (1760-1825), Ш. Фурье (1772-1837); русский Н.Г. Чернышевский (1828-1889), англичанин Р. Оуэн (1771-1858 гг.), чья деятельность имела и практический характер, поскольку на принадлежавшей ему фабрике Оуэн предпринял попытку организовать коллективное управление с участием рабочих, одновременно руководя деятельностью одного из первых профсоюзов; и др. Большею частью в расчете на поддержку выдвигаемых ими предложений социалисты-утописты обращались к «власть имущим» – королям, премьер-министрам, только-только появляющимся, как в США, президентам, крупнейшим предпринимателям, «князьям церкви» – с соответствующей реакцией на свои идеи.

Анархизм возник в середине XIX в. Этот термин был введен в научный и политический оборот французским ученым и политическим деятелем П. Прудоном (1809-1865). Идеи анархизма в различных его интерпретациях развивали немецкий философ М. Штирнер (1806-1856), а также русские революционеры М.А. Бакунин (1817-1876) и П.А. Кропоткин (1842-1921), а еще раньше английский философ и экономист У. Годвин (1756-1836). Анархисты полагали, что люди вполне могут обойтись без государственного принуждения, они созрели до того, чтобы регулировать свои отношения непосредственно, без помощи и посредничества стоящей над ними власти. Как утверждал Прудон, силу закона должна сменить сила договора. Бакунин и вслед за ним Кропоткин доказывали, что русская (и не только) крестьянская община уже продемонстрировала миру, что решать проблемы своего жизнеустройства люди могут совершенно самостоятельно, вне государственной системы. Однако опыт показал, что приходя к власти, анархисты устанавливают весьма жестокие и, можно сказать, тоталитарные порядки. Примерами могут служить движение Н.И. Махно (1888-1934) на Украине в годы Гражданской войны (1918-1921) и деятельность анархистов в республиканской Испании (1936-1939). Причем правление анархистов отличалось диктатурой отдельных личностей и групп и презрением к законности. В современных условиях анархизм в специфической религиозной исламской оболочке проявился у ультрарадикальных исламистов-

«игиловцев», бесчинствовавших в Сирии и Ираке. Но что собой представляло их, надеемся, временное, правление, полагаем, стало ясно каждому.

Социализм Маркса и Энгельса отличается тем, что новый общественный строй выводится непосредственно из капитализма как закономерный этап его развития. Следуя философии великого немецкого ученого Г. Ф.-В. Гегеля (1770-1831), Маркс исходил из того, что в мире нет ничего раз и навсегда данного, и все сущее «беременно» новым. Возникнув из недр феодального общества, капитализм постепенно до конца исчерпывает свои возможности и порождает новый общественный строй – коммунизм, первой стадией которого будет социализм. Движущей силой перерастания капитализма в коммунизм Маркс считал обобществление производства, т.е. сосредоточение его во все более крупных компаниях, постепенно охватывающих своей деятельностью весь мир. Такие компании уже не могут и не должны – в виду их общественной значимости – находиться в руках частных лиц, они должны перейти в собственность государства. Именно господство государственной собственности и полный контроль органов государственного управления за экономикой Маркс и Энгельс считали отличительными чертами социализма, за что их неоднократно критиковали анархисты, прежде всего М.А. Бакунин. Однако, основоположники марксизма так же, как и их критики, считали, что государство отомрет, только произойдет это нескоро, постепенно, по мере готовности людей к самоуправлению, т.е. к самостоятельному регулированию своих отношений в обществе.

Маркс, считая себя учеником Гегеля, напрямую приложил к анализу общества открытые Гегелем законы диалектики, которые великий немецкий философ считал общими законами мироздания: закон единства и борьбы противоположностей, закон перехода количественных изменений в качественные, закон отрицания отрицания. Любое общество представляет собой внутренне противоречивый феномен, и именно это обеспечивает его развитие. Анализируя капиталистическое общество, Маркс пришёл к выводу, что для него характерно имманентное (внутренне присущее) противоречие между общественным характером производства и частной формой присвоения (собственности). Оно проявляется как противоречие между жёсткой и чёткой организацией производства на капиталистических предприятиях, становящихся всё более и более крупными, и стихией и даже анархией в рамках рыночного хозяйства в целом. На социальном уровне основное противоречие капитализма воспроизводится как противоречие труда и капитала, наёмных работников и капиталистов, всё более отходящих от реального участия в управлении производством. Развитие этого противоречия и приводит к перерастанию капитализма в коммунизм через революционный по своему содержанию скачок. Накопление элементов общественного производства, происходящее на протяжении всей истории ка-

питализма, ведёт к новому качеству общества – коммунизму. Элементами обобществления Маркс и Энгельс считали самые разнообразные процессы и явления – укрупнение предприятий (концентрацию и централизацию производства и капитала), возникновение и распространение акционерных обществ, стягивающих многочисленные индивидуальные капиталы в общественный, банковскую систему, в первую очередь кредит, пенсионную систему, страхование, возникновение предприятий, принадлежащих их коллективам («народных предприятий»), усиление роли государства в экономике и т.д. Наконец, развитие идёт путём «отрицания отрицания», по спирали. Каждый новый этап в чём-то повторяет предыдущий, а в чём-то отрицает его, как бы возвращаясь к «предпредыдущему», но с учётом достижений предыдущего. Маркс полагал, что коммунизм является своего рода возвращением к коллективной собственности докапиталистических формаций («первобытный коммунизм»), но в гораздо более широких масштабах в результате обобществления производства и на основе техники, технологии и организации производства, достигнутых в капиталистическую эру.

Экономические идеи Маркса изложены в его главном труде – «Капитале», состоящем из четырёх томов и 3 полутомов. Этот труд лежит в русле традиций и учения классической школы. Неслучайно Маркс и Энгельс одним из источников своей теории считали «английскую буржуазную политэкономию», то есть политэкономию Адама Смита и Дэвида Рикардо, а также Уильяма Петти. Они высоко ценили и физиократов, особенно Франсуа Кенэ и Анн-Робера Жака Тюрго и их предшественника Пьера Лепезана де Бугильбера. Если суммировать то новое, что Маркс внёс в теорию экономики капитализма своего времени, то этот вклад можно свести к ряду положений.

– Двойственный характер труда, заложенного в товаре (конкретный и абстрактный труд), что расширило учение Адама Смита о двух сторонах товара – потребительной и меновой стоимости.

– Анализ этапов развития стоимости и возникновения денег.

– Анализ сущности и функций денег, развивавший идеи Адама Смита.

– Теория прибавочной стоимости как вновь возникшей стоимости, добавленной к стоимости заработной платы (необходимой стоимости) прибавочным и не оплаченным капиталистом трудом наёмных рабочих. Этим открытием, как и открытием двойственного характера заложенного в товаре труда, Маркс особенно гордился. Уровень нормы прибавочной стоимости, по Марксу, даёт самую точную характеристику социально-экономической эффективности капиталистического производства.

– Категория товара «рабочая сила» как особого товара, суть которого состоит в способности создавать большую стоимость, чем она стоит сама.

– Анализ двух способов производства прибавочной стоимости – абсолютной и относительной, а также частного случая последней – избыточной

прибавочной стоимости, связанной с научно-техническим прогрессом и внедрением его достижений непосредственно в производство.

– Анализ исторических этапов развития капитализма в промышленности – простой кооперации, мануфактуры и фабрики (крупной машинной индустрии).

– Всеобщий закон капиталистического накопления и «историческая тенденция капиталистического накопления» (самая «социалистическая» глава в первом томе «Капитала»).

– Анализ кругооборота капитала, трёх его стадий и форм (денежная, производительная, товарная) и оборота капитала. Проблемам обращения капитала и его воспроизводства в национальном масштабе посвящён второй том «Капитала».

– Концепция годовой и «цикловой» нормы и массы прибавочной стоимости.

– Развитие концепции основного и оборотного капитала, заложенной А. Смитом и Д. Рикардо.

– Теория воспроизводства и двух подразделений общественного производства и пропорций между ними в условиях простого и расширенного воспроизводства. Эта часть учения Маркса развивала положения «Экономической таблицы» Ф. Кенэ, а также идеи А. Смита о валовом и чистом доходе общества.

– Теория превращенных форм, которой практически полностью посвящен третий том «Капитала». Маркс, следуя Гегелю, полагал, что сущность и явление, содержание и форма никогда не совпадают, и задача науки – выявить взаимосвязь между ними. Поэтому рассмотрел процесс превращения стоимости в цену производства (цену издержек) и далее - в рыночную цену (развивая учение У. Петти о естественной, политической и истинной рыночной цене), а прибавочной стоимости – в прибыль и среднюю прибыль на авансированный капитал и в её конкретные формы – предпринимательский доход, торговую прибыль, ссудный процент и земельную ренту.

– Анализ межотраслевой конкуренции капиталов и выравнивания индивидуальных норм прибыли в единую среднюю норму прибыли.

– Анализ земельной ренты, развивавший теорию ренты Д. Рикардо и дополнивший её категорией «абсолютной ренты», не зависящей от качества земельного участка (параллельно Марксу эту категорию разработал немецкий учёный-аграрник К. Родбертус).

Марксизм (марксистский социализм) постепенно стал самым влиятельным направлением в рабочем движении, вытеснив утопический социализм и оттеснив анархизм на обочину. Это обусловлено, прежде всего, тем, что новый общественный строй в марксизме неотъемлемо связан с уже существующим капитализмом и вырастает из него. В зависимости от понимания

возможной скорости такого перерастания и способов непосредственного перехода к социализму последователи Маркса и Энгельса уже вскоре после кончины патриархов научного социализма разделились на реформистское и революционное направления. Представители реформизма выступают за плавный эволюционный путь, длительное накопление «кирпичиков» социализма в практике капитализма, повседневное отстаивание интересов наемных рабочих и других лиц наемного труда в условиях капиталистического общества, постепенно добиваясь гуманизации капитализма. Именно реформисты породили социал-демократическое движение и отдельные социал-демократические и социалистические партии в капиталистических странах. Большинство учеников и соратников Маркса и Энгельса были именно в рядах реформистов. Это – Э. Бернштейн (1850 – 1932), впервые выдвинувший афористический лозунг о предпочтительности реформ перед революцией: «Движение – все, конечная цель – ничто» («Проблемы социализма и задачи социал-демократии», 1899); Ж. Гед (1845 – 1922); Г.В. Плеханов (1856 – 1918); К. Каутский (1854 – 1938); Э. Вандервельде (1866–1938); К. Реннер (1870 – 1950); Р. Гильфердинг (1877 – 1941) и др.

Современная социал-демократия является очень влиятельным направлением в мировой политике. Она объединена в Социалистическом интернационале. Экономическая платформа социал-демократических партий в основном строится на принципах и по рецептам дирижизма кейнсманского типа. Программными девизами Социалистического интернационала (Социинтерна), провозглашенными в «Декларации принципов», принятой в 1989 г. XVIII конгрессом, являются свобода, справедливость, солидарность¹. Под «свободой» понимается результат индивидуальных и совместных усилий, которые представляют собой две части единого процесса. Каждый человек имеет право быть свободным от политического принуждения, действовать в соответствии со своими личными целями и индивидуальными возможностями. «Справедливость» означает прекращение всякой дискриминации личности, а также равенство в правах и возможностях. Это требует компенсации за физическое, умственное и социальное неравенство, а также освобождения от зависимости либо от владельцев средств производства, либо от тех, кому принадлежит политическая власть.

Равенство предполагает равную ценность всех людей и служит непременным условием свободного развития личности и социального прогресса. Равенство и личная свобода неразделимы.

«Солидарность», в интерпретации авторов «Декларации принципов», имеет всеобъемлющий и глобальный характер. Это практическое выражение общности человечества и чувства сострадания к жертвам несправедливости. В нашу эпоху беспрецедентной взаимозависимости между личностью и государством принцип солидарности приобретает особое значение, поскольку он необходим для выживания человечества.

Авторы «Декларации принципов» подчеркнули, что социал-демократы придают этим принципам одинаково важное значение. Они взаимозависимы, каждый из них обязателен для существования другого. В противоположность этой позиции либералы и консерваторы придают основное значение принципу личной свободы в ущерб справедливости и солидарности, в то время как, по утверждению коммунистов, они обеспечили равенство и солидарность, но сделали это за счёт свободы.

Революционеры-марксисты выступали за «подталкивание» исторического процесса (один из самых наглядных примеров – «большой скачок» в Китае в конце 50-х–начале 60-х гг. XX века, другой – лозунг первых советских пятилеток «Время – вперёд!») и использование любых объективных и субъективных условий для осуществления перехода от капитализма к социализму путем социалистической революции. Самым видным представителем революционного направления был В.И. Ленин (1870–1924). Он основал и возглавил первую коммунистическую партию. Коммунизм также олицетворяют Л.Д. Троцкий (1879–1940), И.В. Сталин (1879–1953), Г.Е. Зиновьев (1883 – 1936), Н.И. Бухарин (1888 – 1938), Мао Цзэ-дун (1893–1976), Хо Ши Мин (1890–1969), Ким Ир Сен (1912–1994), И. Броз Тито (1892–1980), Э. Ходжа (1908 – 1985), Ф. Кастро Рус (1926–2016) и др. деятели международного коммунистического движения. Большинство успешных деятелей революционного направления жили и работали в странах, где на повестке дня была не социалистическая, а буржуазно-демократическая революция в той или иной форме. Капитализм и в России начала XX в., и в Китае, Корее или Вьетнаме середины XX в., и на Кубе 50–60-х гг. XX в. еще далеко не исчерпал своих возможностей, его развитие только началось. Поэтому социал-демократы подвергали и Октябрьскую революцию 1917 г. в России, как и коммунизм в целом, резкой критике за авантюризм (перепрыгивание через необходимые этапы развития) и склонность к диктатуре тоталитарного типа. Однако можно высказать суждение, что коммунистические партии в России, других странах Восточной Европы, Китае, Вьетнаме, Лаосе, Корее, на Кубе в значительной степени имели революционно-демократический («рабоче-крестьянский») и даже национальный характер. Именно поэтому, на наш взгляд, в азиатских и латиноамериканских странах социализм, прежде всего его марксистско-ленинская интерпретация, оказался значительно более жизнестойким, нежели в Европе, хотя, если исходить из классических представлений о марксизме, должно было быть с точностью до наоборот. Не случайно Хо Ши Мин – основатель и многолетний лидер Компартии Вьетнама и первый президент независимой Вьетнамской республики Демократической Республики Вьетнам, провозглашенной в 1945г.) – неоднократно подчеркивал, что его партия – это Вьетнам. Ленин и позднее Сталин много раз говорили, что российские ком-

мунисты («большевики») взяли власть в значительной степени для того, чтобы вытянуть страну из отсталости, проведения, говоря современным языком, модернизации. Безусловными левыми националистами были и являются Мао Цзэ-дун, Чжоу Энь-лай (1898–1976) и Дэн Сяо-пин (1904–1997) в Китае, Ким Ир Сен и Ким Чен Ир (1941–2011) в Корее, Кейсон Фомвихан (1920–1992) и «красный принц» Суфанувонг (1909–1995) в Лаосе, Хун Сен (род. в 1952) в Камбодже, Тито в Югославии; Энвер Ходжа в Албании – в современной, в целом (во всяком случае, в «элитах») антикоммунистически настроенной Албании, Энвера Ходжу продолжают ценить за достижение, отстаивание и укрепление национальной независимости, – братья Фидель и Рауль Кастро (р. в 1931) на Кубе. Не случайно югославский вождь Иосип Броз Тито вместе с гораздо более правыми президентом Египта Г.А. Насером (1918–1970), премьер-министром Индии Дж. Неру (1889–1964), президентом Индонезии А. Сукарно (1901–1970) и другими видными деятелями стран Азии и Африки стал одним из основателей в 1961 г. на Белградской конференции движения неприсоединения, объединившего большинство развивающихся стран и противостоявшего как блоку НАТО (Североатлантический договор), так и возглавлявшейся Советским Союзом организации Варшавского договора. Так же неслучайно, что очень многие видные руководители коммунистических партий в странах Западной Европы занимали позиции, близкие к социал-демократическому реформизму. Это – М. Торез (1900–1964), В. Роше (1905–1983) и Ж. Марше (1920–1997) во Франции; П. Тольятти (1893–1964), Л. Лонго (1900–1980) и Э. Берлингуэр (1922–1984) в Италии; Д. Ибаррури (1895–1989) и С. Карильо (1915–2012) в Испании и др. Такие руководители западноевропейских компартий, как Жорж Марше, Энрике Берлингуэр и Сантьяго Карильо, стали основателями специфического направления в мировом коммунистическом движении – еврокоммунизма, сделавшего существенные и ставшие необратимыми шаги в сторону социал-демократии.

В сегодняшней Европе большинство коммунистических партий либо слились с социалистическими и социал-демократическими коллегами, либо резко потеряли сторонников и членов, оставшись на положении догматических сект сталинистского, маоистского, троцкистского или энверходжистского (покойный албанский лидер, кстати, весьма популярен среди европейских левых) толков, либо, сохранив организационно-политическую самостоятельность, существенно эволюционировали в сторону левой социал-демократии (Германия, Чехия, Греция, Кипр, Португалия и ряд других стран). Процесс постепенной эволюции происходит и в Компартии Российской Федерации, и в уцелевших компартиях стран – бывших республик СССР, коммунистических партиях Китая, Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. В то же время в современном мире заслуживает пристального

внимания и изучения разворачивающееся на наших глазах движение радикализирующихся «новых левых», острей пропаганды и действий которых направлено против глобализма, бенефициарами которого выступают крупнейшие транснациональные корпорации и международная финансовая олигархия. О потенциале этой силы говорят успехи в ходе президентской выборной кампании во Франции 2017 г. лидера Левой партии, Левого фронта (коалиция партий левой ориентации, включая коммунистов) и нового движения «Непокорённая Франция» Жана-Люка Меланшона (род. в 1951), набравшего в первом туре 19,58 % голосов избирателей, а также «почти» выдвижение кандидатом на выборах президента США от Демократической партии левого политика Берни Сандерса (род. в 1941), сенатора от штата Вермонт, набравшего в ходе «праймериз» более 10 миллионов голосов избирателей – сторонников Демократической партии США, одержавшего при этом победу в 23 штатах. Кстати, многие американские аналитики полагают, что, если бы демократы выдвинули в качестве своего кандидата на пост президента США именно сенатора Б. Сандерса, то у него были бы более серьёзные шансы на победу над выдвиженцем и проводником интересов крупного американского национального капитала Д. Трампа, нежели у ставшей кандидатом – выдвиженки глобальной финансовой олигархии – Хилари Клинтон.

Если проанализировать новейшую историю, то окажется, что идеи равенства, свободы личности, приоритета интересов общества, о чём писали многие теоретики социализма, во многом осуществились – прежде всего, в развитых странах, где большим влиянием обладает рабочее движение, и не вызывают осуждения или явного отторжения. Напротив, лозунги «Коммунистического манифеста» уже вошли в плоть и кровь современного цивилизованного общества. Более того, переход к цифровой экономике и ускоряющаяся и расширяющаяся замена человека машиной, уже роботом, настоятельно ставят вопрос: кому достанутся плоды мощного научно-технического прогресса – человечеству в целом, широким слоям народов, что позволит перейти от труда как *необходимости* к труду как *творчеству* и *наслаждению*, что предвидел Маркс, или же кучке международных плутократов, мировой финансовой олигархии. Последнее нельзя допустить ни в коем случае – это грозит гибелью человечеству.

¹ Новый программный документ Социнтерна // Коммунист. 1989. № 16. С. 115-121.

MARX FOR THE TWENTY-FIRST CENTURY

1. Marx in the 19th and 20th centuries

This presentation concerns Marx's relevance to the 21st century, and especially to the rising generation.¹ The stage is first set by differentiating between the Marx known to the late 19th century, and Marxism as broadly understood in the 20th century.

Marx's intellectual career spanned four main stages: a period of radical humanism (1842-46); that dominated by the prospect of imminent revolution (1846-50); and that of economic research, the First International, the Paris Commune, and the later writings (1850-83). There is very little that is not controversial about Marx's writings across this entire epoch. Later generations were prone to following Engels in claiming that Marx's "two great discoveries" were the materialist conception of history and the theory of surplus value.² Marx himself was rather more precise in writing to Joseph Weydemeyer in March 1852, and explaining that

"My own contribution was 1. to show that the *existence of classes* is merely bound up with *certain historical phases in the development of production*; 2. that the class struggle necessarily leads to the *dictatorship of the proletariat*; 3. that this dictatorship itself constitutes no more than a transition to the *abolition of all classes* and to a *classless society*."³

Today we usually understand this inheritance rather differently. Nonetheless we can certainly agree that Marx's radical humanism of 1843-44 culminated in the theory of alienation championed in the so-called "Paris Manuscripts", and that this account, rudely disturbed by Stirner's attack on Feuerbach's conception of species-being, was set aside in favour of the perspective elaborated in the "German Ideology" of 1845-6. The materialist conception of history then dominated Marx's later thought, though the theory of alienation was clearly still present in the later economic writings, as were two of Marx's pre-1846 goals, the all-round development of the individual, which necessitated a rejection of the traditional division of labour in work; and the need for solidarity, which became linked to the growing co-operative movement in particular, rather than merely expressed as an ideal to be desired. The ideal of the 1840s, in which narrow specialisation would be replaced by all-round human development, may have been supplanted by a greater concern in Marx's maturity with giving more free time to the workforce. But both conceptions, we will see, remain highly relevant today. In the 20th century Marxism of course developed in many different directions, notably towards anti-imperialism and anti-colonialism. Through Lenin in particular Marxism was transformed into a theory of revolution which justified minority insurrection and eventually a very different type of dictatorship from that traditionally associated with Marx's theory of the "dictatorship of the proletariat". In Europe the Frankfurt School commenced a tradition of cultural Marxist criticism of capitalist institutions which

no longer invoked a proletarian revolution. With the suppression of the Hungarian uprising (1956) and the Prague Spring (1968) millions of sympathisers came to abandon official Marxism, even as the rediscovery of Marx's theory of alienation in the 1960s, popularised by the writings of Marcuse and others, rendered Marx's humanism once more relevant to later modernity. Then the collapse of the USSR in 1991 seemingly eradicated all interest in any variants on the centralised, command economy model cherished by Stalin. The combination of a leading role for the communist party with mixed private/public economic development of course remains the dominant legacy of this period, as introduced by Deng Xiaoping.

2. Marx for the 21st century: Problems and Solutions

What then are we to make of these legacies, looking forwards to the rest of the 21st century? In the west a resurgence of interest in Marx derives in particular from five factors which raise serious questions of the value and sustainability of the existing system: (1) the continuing economic damage sustained by the economic crisis of 2008; (2) the trend towards excessive inequality of wealth and income; (3) the threat of robotisation for large sectors of work in the coming decades; (4) the recurring commodification of everyday life, and (5) environmental destruction. For the first time in some thirty years queries now arise about the possibility that capitalism has run its course as an economic and social system. It is less clear what will replace it in the west. Let us review these developments briefly and ask how Marx might be used to respond to them.

1. **The 2008 Crisis:** The legacy of the 2008 banking and financial crisis remains clear. Unemployment, especially amongst the young, remains extremely high in some areas, notably southern Europe (Greece, Spain, Italy, Portugal). This crisis has been utilised by neo-liberal governments to implement strategies of austerity, cutting social benefits and support for education and healthcare. Employers, meanwhile, have reduced contractual obligations to a minimum, using zero hours contracts, lowering wages through wage freezes, and eroding and reducing pension provisions. A general neoliberal small state ideal has been developed to outsource and privatise services previously held in state hands, to the detriment of consumers, who face higher charges and reduced services as profits are returned to shareholders and CEOs rather than reinvested in providing decent healthcare, adequate public transport, and clean air and water.

Marx would not have been surprised by this development. It is entirely in keeping with his general assessment of the chronic instability of capitalism, and the general drive to maximise profit above all else.

2. **Inequality:** The growing trend towards extreme global inequality remains marked. In 2015, the richest 80 people owned as much as the poorest half of the world's population. By 2016 this had been reduced to only 61 people, and in 2017 it was only 42. Globally 1% of the population owns some 50% of the world's wealth. In the United Kingdom the top 1% owns as much as perhaps 55% of the population.

Four million children in the UK now live in poverty, with 19 million on the verge of poverty, even though most of these are in employment. Some 17 million have less than £100 in savings. Over 250,000 people are homeless, and some 5000 are sleeping outdoors every night. It is increasingly recognised that extreme wealth and extreme poverty are linked: the richest man in the world, Amazon boss Jeff Bezos, pays his staff up to 30% less than industry norm.

But the wider damage of economic and social inequality has also become increasingly evident. The disadvantages of extreme inequality are evident in at least seven distinct areas:

(1) in the *corruption of politics*, where democracy becomes replaced by plutocracy through both direct control over the electoral process and through lobbying;

(2) through *domination of the means of information/propaganda* (newspapers, TV, internet) by the very wealthy, producing a substantial restriction of critical opinion;

(3) by the implementation of a low tax and *small state agenda* producing a reduction of basic social services (“austerity”);

(4) by the fomenting of *psychological disabilities* amongst the poor, namely insecurity of income, health provision, and care in old age, producing widespread anxiety, unhappiness and stress;

(5) by the actual deterioration of the condition of the poor, with falling wages, reduced life expectancy, and reduced educational opportunities.

(6) by the privatisation of public services and utilities, bringing poorer services and higher costs, and benefitting only executives and share-holders;

(7) by encouraging xenophobic and narrow nationalist sentiments to scapegoat immigrants and minorities.⁴

If Marx were alive today he would no doubt seek to re-establish the working class movement, which has been substantially eroded in the past thirty years or so. Whether any such transformation will aim at achieving communism in the Marxian sense is another matter. No pleas for any substantial transferral of the ownership of property are at present widely contemplated in any major nation in the west. However, we may briefly consider the most popular current proposal for immediate relief of the problem of poverty in Europe, namely the introduction of a Universal Basic Income (UBI), which is indeed being trialled in various countries at the moment.⁵ The aim of these proposals is as much to simplify and reduce the costs of existing welfare payments as to assist the poor, so we can discount any humanitarian motive as such from the outset. The main concept, indeed, at least at the levels of payment now projected – up to perhaps £10,000 per annum – scarcely alleviates poverty at all. It may reduce the pressure on lower paid jobs, whose wage scarcely merits the effort of getting out of bed in the morning. But unless proposals rise to the level of a universal *decent* income – perhaps £20,000 in Britain in today’s terms – they scarcely merit serious consideration.

3. **Robotisation:** It is now projected that some 30-50% of jobs can or will be replaced by robots and mechanisation generally from the middle of this century

onwards. Coupled with a growing population, estimated to rise to at least ten billion by 2050 and perhaps twenty billion people by 2100, this threatens an explosive scenario of mass unemployment. Given growing inequality, the vast majority of the world's population will be living in poverty for much of this century. In the most dystopian scenarios the wealthiest 1% will live much longer and enjoyable, if vapid, lives of extreme luxury whilst most suffer in conditions of extreme misery.⁶

4. **The Commodification of Everyday Life:** This is one of the least-examined themes obviously implied by a Marxist inheritance. Nonetheless it is clear that in several areas Marx's account of the fetishism of commodities, the disguising of human relations as relations between things, becomes increasingly relevant in turn to the mechanisation of everyday life, or the predominance of machines over people. We witness around us the first generation of smart-phone addicts, for whom clicking and swiping are central to everyday experience, orientation and identity. As in the early phase of the industrial revolution, our concepts of time, work-discipline and social interaction have become steadily more dominated by machines. As robots become more like human beings, human beings also become more like machines. This will become a substantial problem in the coming century.

5. **Environmental Destruction:** Few today do not acknowledge that what we usually refer to as "global warming" represents the greatest threat of all to the long-term survival of the species. Current efforts to restrain rising temperatures to some 1.5°C. will likely fail, and a rise of some 3°C. is now more likely. Besides widespread species loss, the melting of polar and glacial ice and the Siberian tundra, rising sea levels, deforestation and desertification will dramatically reduce available agricultural land and the availability of water. Billions of people may be forced to seek refuge in the increasingly shrunken temperate regions of the planet.

Marx's future economic model relied upon the same assumptions about a rising standard of living, expanding population, and increasing consumption of commodities as classical political economy. The "greening" of Marxism can also use Marx creatively, however. The reaction against consumerism which began in the late 1960s in the west emanated from many sources. One of these was the appreciation, usually linked to the "Paris Manuscripts" and the young Marx's humanism, that commodity- and consumption-centred identity negated and undermined much of what is valuable about human interaction, namely sociability. The realisation both that life can be lived well without a constant pattern of ever-increasing consumption of commodities clearly matches the need to reduce such consumption, to produce goods without planned obsolescence and with a view to the longevity of their use, and to ensure a shift to eco-sustainability and renewable energy sources. A resolute enemy of Malthusianism, Marx also did not face the prospect of an absolute limit to the feasible population of the globe. China has grasped this problem more resolutely than any other country. But the problems of population restraint remain extremely grave.

The environmental crises facing us, then, remain central to any appreciation of the worth of reconsidering Marx's legacy today. The problem of what to do with capitalism

is however more immediately obviously a Marxian one. No industrial proletariat now serves as the agent to change the existing system, and Marx's theory of revolution has accordingly few followers. However, Marx did consider the possibility later in life that capitalism might be peacefully transformed, and that observation remains valid today.

Conclusion

Marx retains great power as a visionary and utopian who foresaw the possibility of relieving humanity of the oppressive exploitation and coercion which have made the everyday lives of so many a misery throughout human history. This vision retains great value today. Both conceptions are not only extremely relevant today, but more relevant than ever insofar as technological innovation is the basis for their realisation. Marx, moreover, hinted at ways of making urban life in particular more pleasant, humane and liveable which are worth recalling today. Some of his admirers, notably William Morris, moved even further in this direction.

From a socialist viewpoint, then, and specifically Marx's, the problem of dealing with the capitalist system of ownership and exploitation remains much the same as it was in the 19th century. A transfer of ownership of public utilities back to public hands needs to be followed by greater workers' control over the means of production, including co-operative management and ownership, which Marx understood to be the most important bridge to the future. Wage differentials need to be reduced dramatically. Tax havens need to be abolished. The avoidance and evasion of taxation by the wealthy and by large corporations needs to be eliminated entirely, and replaced by a completely transparent financial model in which all forms of income are publically known (as in Norway today). The model here is that of an egalitarian, social democratic economy and polity, with full public control over both, as Marx projected in his writings on the Paris Commune in particular. In politics as well as all financial transactions, a maximum transparency is desirable to minimise corruption. There is pressure now, too, to extend the voting age to perhaps 16; to eliminate private campaign spending, and to eliminate or sharply curtail the effects of lobbying. In terms of the eventual shape of government, many would today assert that Marx was insufficiently aware of the need to maintain a separation of executive, legislative and judicial powers, and to maintain the independence of the judiciary and press in particular. The experience of Stalinism requires no reiteration here. Marx's understanding of the reliance of all forms of power, and especially political power, upon the system of property ownership and mode of production retains undiminished authority in our assessment of such relations today. Here, perhaps, more than anywhere else, we can use Marx's assessment of capitalism's propensity to crisis, to the concentration of wealth and power, to good effect.

¹ This paper extends arguments offered in: G. Claeys. *Marx and Marxism*. Penguin Books, 2018.

² Karl Marx and Friedrich Engels. *Collected Works*. Lawrence & Wishart, 1975-2005. Vol. 25. P. 27.

³ As a Colonel, Weydemeyer became doubtless the only senior American officer (in the Civil War) ever to distribute copies of Marx's works (the Inaugural Address to the International) to his troops.

⁴ An older account of some of these phenomena is Richard Sennett and Jonathan Cobb. *The Hidden Injuries of Class*. Cambridge University Press, 1977.

⁵ See, e.g., Rutger Bregman. *Utopia for Realists. And How We Can Get There*. Bloomsbury, 2017.

⁶ For some scenarios, see my *Dystopia: A Natural History*. Oxford University Press, 2016.

Teresa Castro Escudero

THE GREAT OCTOBER REVOLUTION AND ITS IMPACT IN LATIN AMÉRICA. THE ROAD TO SOCIALISM AND THE DISCUSSION BETWEEN FIDEL CASTRO AND SALVADOR ALLENDE

Abstract. The commemoration of the 100th anniversary of the Great October Socialist Revolution is an opportunity to take a long-term view of the so-called age or revolutions and its impact on Latin America. To do so you will review Fidel Castro and Salvador Allende's Discussions on revolution and the road to socialism.

Key words: October Revolution, reform, revolution, roads to socialism in Latin America, Cuba, Chile

The Russian Revolution 1917 commemoration gives us the opportunity to discuss the question of Revolution or Revolutions and the different paths for the construction of another society. Given the fact that this Revolution is the first anti-capitalist movement its time to review how its facts in theory and practice have been seen in Latin América).

For Alvaro García Linera¹ the Soviet revolution of 1917 is the worldwide most relevant of the XXth Century political event because it changes the States' modern history, divides in two and on a planetary scale, the dominant political ideas of the world and returns to the peoples their role as subjects of history. It renewed the political scenarios of war and introduced the idea that in the course of this era another world option is possible. "The revolution is the moment in which society creates itself", he said.

Revolution is wrongly reduced to the moment of taking the government – or the Winter Palace -on behalf the workers, but that is the heroic moment, the epic moment, the insurrectional moment- that is part of a more complex and large process.

Sometimes revolution can happen when a national political crisis coincides with a revolutionary situation as an exceptional combination of events, although with its historical, social and political reasons, almost surprising when the outcome is the revolutionary act. That is to say, that no one truly revolution has a determined date nor is it the calculated result of the most brilliant leader, party or revolutionary theoretician.

With regard to this notion, Fidel Castro, as First Minister of the Revolutionary Government of Cuba, in his historical visit to Chile (November 1971) said: "When the Cuban Revolution succeeded... I think that if that triumph would have been a day before, a month, a minute before, a second before, it might have been crushed"²

One of the questions that arise of this conception of *Revolution* as an act, the insurrectional moment, is when is to determine its beginning and its end. Facing the

problem of revolution as an act or a process Elvira Concheiro proposed the need to distinguish between Revolution itself and its

consequences, meaning the capacity of going forwards a new order between the complex process of changes, delays and disruptions and frustrations that can result in just the opposite of what the insurgent forces expect for the revolution.³ As is the case regarding the Mexican Revolution of 1910, or even the diverse outcomes of the independence's period revolutions in Latin America in the XIX Century.

Fernando Mires dealt with the problem of defining the concept or Revolution in his book on Latin American revolutions⁴ to be able to study a substantial amount and variety of *revolutions* in Latin America, at uneven times, and varied differences. For example the indigenous rebellion of Tupac Amaru, the independence revolutions, the Mexican Revolution and a long list.

Another conclusion of his work is the way to understand the problem: is the revolutionary fact a radical rupture of normality, a moment in which both the normal and the extraordinary comes to light, in violent ways, like an explosion, are they still revolutions although they are defeated, invaded or diverted? So we can talk about revolutionary processes, and sometimes of permanent revolutionary processes.

As Mires says, revolutions are multidimensional processes made in a paradoxical way of many others revolutions...they are historical processes, extraordinary conjunctures, correlating forces:"The theory of revolution must arise precisely from the analysis of a given historical experience. "

Fidel Castro in a conversation with students at the University of Concepción November 18, 1971, talk about his conception of revolution as a process: "trying to define *Revolution confronts one with a* problem even of grammatical nature ... At the moment of victory of what we called Revolution...it comes to me the idea that this January the first (1959) was the triumph of the *rebellion*, not of the *Revolution* and that only in the years to come we can talk of Revolution..."

But what happened with queue others participants that were doing the revolution? "For them, everything became very confused, you have to explain it so we have to accept the term revolution because everybody understands it but knowing that we have a lot to construct...(certainly), the Revolution opened a path. It created a possibility, **it initiated a process.**"⁵

In a historical visit to Chile where the Commandant received a warm and massive reception from different sectors of Chilean society the senses of a revolutionary spirit was everywhere as in spite of right-wing acts to show their disapproval. They suffered the 23 days of Castro's visit in spite of their protests as Fidel was having meetings with students, women, mineworkers, Saltpeter refiners, and the steel and oil workers. He met with the so-called *commoners*, the construction workers, also with peasants, students, members of political parties, revolutionary priests, etc.

In that occasion, he also mentioned that in every revolution there are phases, stages, some of them from a long time postponed social demands but others are part

of the revolutionary moment itself. Castro answer to the question of what the revolutionaries were thinking when they took power, what plans they had or if they were claiming for external aid, said: “We thought in first place that the imperialists were going to invade us, so we were thinking in weapons, in getting ready for a war ..definitely at that stage there were no other plans.”⁶

Fidel Castro was also well aware of the differences and historical situations that each revolution must face. During a talk by Cuban historian Jesus Arboleya on the unusual events of surviving the aggressive blockade of the United States, he said that the historical conditions of a nation, its neocolonial status, co-determined the nature of the revolution. That condition justifies the revolution firstly as an “anti-colonialist revolution.”⁷

In the opinion of Armando Hart Dávalos⁸ the victory and continuity of the Cuban revolution, in comparison with other historical processes, is that there was no divorce between the political practice and the culture.

In Cuba we had the great fortune that the socialist ideal in the XX Century was nurtured with the political and philosophical wisdom of José Martí...the socialist ideas from Julio Antonio Mella and Rubén Martínez Villena up to Fidel Castro, were assumed from the martian culture and tradition...the perception socialism was fully articulated with the revolutionary tradition of the Cuban culture.

Around the 70's Latin America was living an anti-imperialist and nationalist wave with the arrival of Juan Josñ Torres to the presidency of Bolivia, the emergence of the left in Uruguay and Argentina being Chile with the triumph of Popular Unity and Salvador Allende and his anti-capitalist and anti-imperialist and socialist project the heart, the axis challenging the United States in the Latin American region. Since the Cuban revolution, it was a most favorable and positive conjuncture for the progressive movements: “We are in a moment of moving forward, at a moment in which the imperialist domination is shaking...(the US) was tremendously beaten by the heroic people of Vietnam, ruined in its finance as results of its wars exploits... in 1959 when the Cuban Revolution triumphed the political and military force and power was extraordinary.”⁹

What was going on in Chile when Fidel Castro made his state visit? Chile was the scenario of one of the most amazing experiences around the ways to socialism: the Chilean way , also called the Pacific way to socialism, meaning that the parties that integrated the so-called Popular Unity with Salvador Allende as the elect President, we're going to make the changes that were needed to build the foundations of a socialist society, with eventually new institutions, a new State, with a new Constitution. The originality of that proposal was that this revolution would follow the current institutional arrangements.

Salvador Allende was always consistent with his values and strong convictions about the Pacific way to socialism, For him, the *Chilean way* was the product of the specific historical conditions in that country and that it was born from the constitutionality itself.

Also he stated that the State was strong enough to sustain the radical changes he was proposing.

To Salvador Allende, both the Cuban and the Chilean were different revolutionary experiences: “the Cuban people conquered power armed against one of the bloodiest dictatorships ever. Chile had been developing under within different historical and socio-political structures. That’s the reason why the paths and practices are different.”

Fidel has said: “if someone asked me what’s going on in Chile, sincerely I would tell that Chile is experiencing a revolutionary process...a process is not yet a revolution...is a way, it is a stage that is just beginning. You have to consider the conditions...by what means, with what resources, with what force, with what force conjuncture...there is no easy way to Revolution and I hope that the Chilean people find the answers to these problems...it is an political axiom that you cannot talk of revolution without demolishing the old bourgeoisie state.”¹⁰

The vision of the two ways to socialism cannot be more different. When the revolutionary process breaks out in Cuba, the two left wing parties, the Communist Party (PCCH) and the Socialist Party (PSCH) were walking towards an electoral strategy and for both parties it was a challenge to make clear its position first toward the guerrilla warfare of the Sierra Maestra and then with the triumph of the revolution. The PSCH, the party of Salvador Allende could not accept the Cuban leadership without denying his pacific strategy of going to socialism, but Salvador Allende takes the challenge and was in Cuba during the triumphs of the “revolutionaries”, and returns to Chile as an adherent to the Cuban Revolution developing a strong personal relationship with Ernesto Che Guevara.

When el Che was murdered Allende paid tribute to his friend showing his revolutionary conviction but also the legitimacy of the Chilean way to socialism. Allende, with solidarity toward the Cuban Revolution, perceived, at the same time that the Cuban challenge against imperialism was a door to any insurrectional attempt in the Americas, meaning that the Chileans had to double their efforts to reach power the electoral way.¹¹

The ways to socialism, Reform or Revolution?

As John Bellamy Foster indicates the Russian Revolution of 1917 “seemed both to confirm and contradict Marx’s analysis, He had envisioned a working-class-based socialist revolution breaking out in the developed capitalist countries of Western Europe. But the 1882 preface to *the Communist Manifesto*, written a year before his death, amended this by pointing to a revolution in Russia as possible *signal for proletarian revolution in the West*”.

Since the moment of the triumph, Soviet Russia faced a massive counterrevolution, with all the major imperialist powers intervening on the side of the White Russian forces in the Civil War

“It was imperialism – not in its generic sense, encompassing the whole history of colonialism- but in its connection to the monopoly stage of capitalism, as V.I. Lenin

employed the term, that constituted the *differentia specifica* of twentieth-century capitalism, determining the conditions of both revolution and counterrevolution.¹²

In the context of the competition between nation-states and their corporations, for the global hegemony there has been revolts, protests, revolutionary moments specially in the periphery of the capitalist system that are seeking paths to revolution .

“it was not unreasonable to assume , amid the Vietnam War and the Cultural Revolution in China , that world revolution would gradually gain the upper hand, and that the revolutions that had occurred , not only in Russia, but also in China, Cuba,, and elsewhere , were irreversible . . . (however) as Herbert Marcuse declared *The Western World has reached a new stage of development: now the defense of the capitalist system requires the organization of counterrevolution at home and abroad...to meet the threat of revolution ...* and he pointed out to the massacres in Indochina, Indonesia the Congo, Nigeria, Paquistán Sudan or the cruel persecution in latin american countries under fascist and military dictatorships

This dualism revolution /counterrevolution underline other discussions like: Reform or Revolution .Since her controversy with Edward Bernstein, Rosa Luxemburgo exposed a key question about Revolution: Could the exploited and oppressed conquer in an integral way its economic and democratic demands inside the capitalist system?

With all the defeats of the working class movement since the 80's and with the fall of the Soviet Union , it seems that the revolutionary perspective is buried by the reformism and it seems that the only goal is to improve the capitalist democracy to satisfy the demands of of the exploited and oppressed, but of the Citycenship.¹³

With the bloody *coup d'Etat* that puts an end to the Chilean road to socialism , is not an easy way to qualify the whole experience as reformism. It was an unusual way to socialism, that was interrupted by the military, property owners, the rightwing and the external intervention of US imperialism.

The chilean experience during Allende was a revolutionary process , something that was starting and was brutally interrupted .It is possible to say with the journalist Juan Andrés Lagos that the emancipating project lead by Salvador Allende is an unfinished project but not defeated?¹⁴

In Chile there was an emerging popular movement that seems to advance more quickly than the leadership, that also was divided.It seems that the big problem is not to encourage the organization of the popular power. As Fidel Castro told the chilean people always with respect to the ways they can achieve, “You are living the moment of the process in which the fascists are taking over the streets and the middle classes. If you want my opinion: the success or failure of this unusual process depends on the ideological battle and on mass battle's, in the ability, the art, the science of revolutionaries to sum, to grow and to conquer the middle classes of the popularion”.

¹ García Linera, Alvaro (2017) *¿Qué es una revolución? De la Revolución Rusa de 1917 a la revolución de Nuestros días*. Vicepresidencia del Estado Plurinacional de Bolivia/Presidencia de la Asamblea Legislativa Plurinacional, La Paz,Bolivia

² Comité de Orientación Revolucionaria del Comité Central del Partido Comunista de Cuba, La Habana, 1972, page 127

³ *ibid*, page. 9

⁴ Mires, Fernando *La Rebelión Permanente: Las Revoluciones Sociales en América Latina*, México, Siglo XXI ed., 1988

⁵ Comité de Orientación Revolucionaria...op. cit. page 265)

⁶ *ibid* page 127

⁷ Arboleya, Jesus *La Revolución del Futuro*.Ed OceanSur, Colección Contexto Latinoamericano, México, 2008

⁸ Hart Davalos, Armando "Prologo a la edición Cubana" en Kohan, Néstor *De Ingenieros al Che. Ni calco ni copia.Ensayos Sobre el marxismo en Argentina y Latinoamerica*"Instituto Cubano del Libro / Instituto Cultural Juan Marinello, Marzo 2005

⁹ Comité de...op cit. page. 127

¹⁰ *ibid* pag 275

¹¹ Jorge Arrate , Archivo Parlamentario de Salvador Allende

¹² Bellamy Foster, John "Revolution&Counterrevolution, 1917-2017" *Monthly Review*. vol. 69 no.3, july-August 2017, pag 2

¹³ Mellado Carrasc, vicente "A propósito del neo reformismo chileno. ¿reforma o Revolución?." www.laizquierdadiario.cl, 27 de noviembre de 2016

¹⁴ Lagos, Juan Andrés "Allende, Demócrata y Revolucionario" www.elsiglo.cl, junio 27 de 2017

Hartmut Rüdiger Peter

MENSCHEWISTISCHE SOWJETUNION-DEBATTEN IM NEW-YORKER EXIL (1944-1946)

Seit Mitte der 1930er Jahre war die Stimmung innerhalb des menschewistischen Exils von immer schärferen Meinungsverschiedenheiten geprägt. Den Hintergrund bildete das Bestreben der Gruppe um Fedor Dan, die in der Auslandsdelegation wie auch in der Redaktion des *Socialističeskij vestnik* die zentralen Funktionen innehatte, die Martov'sche Linie mit Otto Bauers Konzeption des integralen Sozialismus zu verbinden und die Traditionen des demokratischen Sozialismus mit den Erfahrungen der revolutionären Praxis der Bolschewiki zu verknüpfen.¹ Die diktatorische Form des Sowjetregimes war aus ihrer Sicht eine vorübergehende Erscheinung. Die Sozialisation der Produktionsmittel und der kulturelle Aufstieg des russischen Proletariats wurden als Garanten einer zukünftigen Demokratisierung betrachtet. Daher sollten die Menschewiki wie die gesamte internationale Sozialdemokratie die Sowjetunion ungeachtet des inneren Terrorismus und außenpolitischen Abenteueriums auch in der Zeit der Stalinschen Schauprozesse und des sowjetisch-deutschen Nichtangriffspaktes verteidigen. Die innerparteiliche Opposition, zu der mit Rafael Abramovič auch der Vertreter der Auslandsdelegation in der Sozialistischen Arbeiterinternationale gehörte², stellten dagegen den sozialistischen Charakter der Umgestaltung in der Sowjetunion prinzipiell in Frage, betrachteten sie als Land mit einer staatskapitalistischen Wirtschaft und einem despotischen

Regime. Die Aufgabe des menschowistischen Exils sah sie darin, „das Banner des demokratischen Sozialismus für die Zukunft zu bewahren“ und dessen Prinzipien im Kampf gegen die „kolossale Überlegenheit der unerbittlichsten, brutalsten, sich auf die Illusionen des Proletariats aller Länder stützenden Diktatur zu verteidigen“.³ Die Unvereinbarkeit dieser beiden Positionen stellte den bisherigen Konsens innerhalb des Exilmenschowismus in der Haltung gegenüber dem Sowjetregime prinzipiell in Frage und führte zum Bruch. Anfang 1940, noch vor der Okkupation Frankreichs und der Flucht der meisten Mitglieder der Auslandsdelegation in die USA, traten Dan und seine Anhänger von ihren Funktionen zurück und begannen mit der Herausgabe einer eigenen Zeitschrift *Novyj mir* bzw. *Novyj put*. 1942 folgte die formale Spaltung.

Die kleine menschowistische Kolonie im New York der 1940er Jahre bestand somit aus zwei konkurrierenden Lagern, die jeweils einen eigenen Unterstützungsclub besaßen und eigene Zeitschriften herausgaben. Die „alteingesessene“ menschowistisch orientierte Emigration in den USA, die in den 1920er und 1930er Jahren nur lose mit der Auslandsdelegation in Kontakt gestanden hatte, war überwiegend akkulturiert und über das Land verstreut, und die Verbindungen zur europäischen Sozialdemokratie blieben auf den Mikrokosmos des sozialistischen Exils in New York reduziert. Den Wegfall eines externen Resonanzbodens für die menschowistischen Sowjetunion-Debatten konnten weder die marginale sozialistische Bewegung in den USA noch das russisch-jüdische Migrantenumfeld, in dem sie immerhin ein begrenztes Interesse und auch materielle Unterstützung fanden, kompensieren. Der *Socialističeskij vestnik* wie der *Novyj put* wurden zu reinen innermenschowistischen Diskussionsorganen. Sie wurden zwar von erfahrenen Publizisten geführt. Da aber die Zahl ihrer Mitarbeiter klein und der Absatz überwiegend auf die eigene Klientel beschränkt war, erschienen beide aus materiellen wie redaktionellen Gründen nur unregelmäßig. Der *Novyj put* wurde unmittelbar nach Dants Tode eingestellt. Der *Socialističeskij vestnik* ging zu einem zweimonatigen Erscheinungsrhythmus über. Nur wenigen Autoren wie David Dalin und Boris Nikolaevskij gelang es, Zugang zu amerikanischen Medien zu finden.⁴

Ein Überblick über die Inhalte der Exilzeitschriften zeigt, dass für beide die Verständigung über die Entwicklung in der Sowjetunion ein Generalthema blieb. Die Schwerpunkte wurden jedoch unterschiedlich gesetzt. Während der *Vestnik*, der sich in der Tradition des offiziellen Parteiorgans der RSDRP sah, den Akzent auf eine pragmatische Berichterstattung über Veränderungen im Machtgefüge der Diktatur, das Verhältnis zwischen einzelnen Institutionen (Partei, Armee, Staat) sowie aktuelle wirtschaftliche Entwicklungen und die Erörterung der politischen Folgen des Machtgewinns der UdSSR nach dem Weltkrieg für den Westen legte, verstand sich der *Novyj put* nicht nur als Parteizeitschrift, sondern auch als theoretisches Organ einer Strömung in der internationalen Sozialdemokratie. Dants Konzept eines neuen, „synthetischen Sozialismus“ zielte in Anknüpfung an Bauer auf die Überwindung

sowohl des Reformismus als auch des Bolschewismus quasi als Produkt der chemischen Verschmelzung aller lebensfähigen Elemente sowohl ihrer Ideologie als auch der bisherigen Ergebnisse ihres Kampfes.⁵ Die klassischen Leitartikel und das Feuilleton im *Novyj put'* waren häufig mit prinzipiellen revolutionstheoretischen Überlegungen versetzt, eine Attitüde, die im *Socialističeskij vestnik* fast vollständig fehlte.

Zwei Aspekte der zwischenmenschewistischen Debatten sollen hier näher betrachtet werden – die Bewertung der Veränderungen der ökonomischen und politischen Ordnung in der UdSSR und die Einschätzung der Konsequenzen des Kriegsausgangs für die internationale Politik. Der *Socialističeskij vestnik* und mit ihm der offizielle Menschewismus um Abramovič, Dalin und Nikolaevskij stellte weiter jede Entwicklung des Landes in Richtung einer sozialistischen Ordnung in Frage. Der Fakt allein der Beseitigung des kapitalistischen Eigentums habe, so der Grundtenor aller Analysen, nicht zu einer Verringerung der Ausbeutung des Menschen durch den Menschen geführt, sondern lediglich die Ablösung einer ausbeuterischen Schicht durch eine andere bewirkt. Der von den Arbeitern erwirtschaftete Mehrwert befinde sich nun in der Verfügungsgewalt einer neuen, postrevolutionären Aristokratie und Bürokratie. Das wirtschaftliche Potential des Landes sei zwar angewachsen, gleichzeitig würden aber die Volksmassen weiter in Not und Armut gehalten: „Das ist ein Sozialismus, der auf Hunger, Unterdrückung und Staatsklaverei aufgebaut ist.“⁶ Die politische Macht habe schon in der Zwischenkriegszeit mit beiden Beinen auf dem Boden der Diktatur gestanden. Immerhin habe sie wenigstens ein begrenztes Maß an politischer und gesellschaftlicher Initiative zugelassen und sei noch vom Geiste der siegreichen bäuerlichen Emanzipation durchdrungen gewesen. Mit dem Jahre 1946 sei die sowjetische Revolution jedoch in die finale Phase ihrer Totalisierung und Bonapartisierung eingetreten. Die Diktatur habe sich in eine sich selbst reproduzierende, völlig von den Massen losgelöste Kraft verwandelt. Boris Dvinov konstatierte sogar eine Mutation des Regimes Stalins zum Faschismus.⁷ Für den offiziellen Menschewismus war eine friedliche Transformation des sowjetischen Regimes ausgeschlossen. Entsprechend aussichtslos sah der *Socialističeskij vestnik* daher jeden Versuch, vom Exil aus zu einem Kampf für gesellschaftliche Veränderungen in der UdSSR aufzurufen: „Ein erfolgreicher politischer Kampf ist nur möglich, wenn es eine klare und richtige Perspektive gibt“, schrieb Nikolaevskij. „Dies gilt umso mehr für Verhältnisse, wie sie in Sowjetrußland bestehen, denn dort können Fehler nicht wieder korrigiert werden: politische Aktivisten bezahlen sie dort mit dem Leben [...]. Mag auch sein, dass unser eigenes Befinden als Emigranten dadurch um vieles schlechter sein wird, wenn die wenigen Leser dort, die durch unsere Zeilen erreicht werden, nicht zu Opfern gefährlicher Illusionen werden.“⁸

Der *Novyj put'* sah dagegen in der während des Krieges bewiesenen materiellen und moralischen Kraft der Sowjetunion die direkte Folge einer realen Entwicklung im Zeichen des wirtschaftlichen Kollektivismus, der sozialen Gerechtigkeit und

der nationalen Gleichheit, also des Sozialismus. Der prinzipielle Unterschied des sowjetischen Wirtschaftssystems von der kapitalistischen Wirtschaft wurde von Aron Jugov am Beispiel der Konversion der Kriegs- auf Friedenswirtschaft erläutert: Weil in den USA die radikalen Pläne der Reformatoren darauf gerichtet seien, die private Initiative so rasch wie möglich von staatlichen Beschränkungen zu befreien, sei die Konversion hier von Verwerfungen und einer Zuspitzung des Widerspruchs von Kapital und Arbeit begleitet. In der UdSSR sei sie dagegen mit dem prinzipiellen Ziel verbunden, zugleich auch alles zu beseitigen, was gesamtgesellschaftlichen Interessen zuwiderlaufe. Da die Planwirtschaft weder Krisen noch erbitterte Klassenkämpfe kenne, die im Übrigen nicht weniger Opfer forderten als die blutigsten Kriege, würden in der UdSSR alle Werktätigen zwar langsam, aber kontinuierlich zu einem stabilen Wohlstand gelangen.⁹ Die Aufgabe des menschowistischen Exils sah der *Novyj put* in der Unterstützung des Transformationsprozesses und einer Annäherung zwischen dem sowjetischen Sozialismus und der europäischen Arbeiterbewegung. Eine Rückkehr nach Russland wurde für die Anhänger solche Auffassung zur realen Perspektive.¹⁰

Aus der gegensätzlichen Bewertung der Sowjetunion einerseits als bonapartistische Diktatur, andererseits als ein Staat im Prozess der Transformation zum Sozialismus folgten ebenso differierende Einschätzungen ihrer Rolle bei der Neuordnung der Welt nach dem Ende des Zweiten Weltkrieges. Im *Socialističeskij vestnik* häuften sich bereits in den letzten Kriegsmonaten Stimmen, die vehement gegen einen selbst in Teilen des konservativen Exils verbreiteten Patriotismus Front machten, der bereit war, in Stalin bei aller Kritik an den Methoden seiner Herrschaft den Vertreter nationaler russischer Interessen zu sehen. Nikolaevskij warnte in einem Disput mit Elena Kuskova: „Es geht nicht darum, dass die Ziele gut, ihre Protagonisten aber schlecht sind. Auch die Ziele sind schlecht. Das wirkliche Ziel der Außenpolitik Stalins war immer der Vernichtungskampf gegen die kapitalistische Welt in ihrer Gesamtheit“ und zwar nicht in Namen des Sozialismus, sondern „des von ihm in Russland errichteten wirtschaftlichen und politischen Systems“.¹¹ Ganz in diesem Sinne warnte auch Abramovič: „Stalin ist zur Idee der Weltrevolution mit kriegerischen Mitteln zurückgekehrt. Auch wenn seine Politik im gegenwärtigen Moment nicht auf einen großen Krieg ausgerichtet ist [...], so verfügt er doch über eine ganze Anzahl nicht-militärischer Wege und Methoden der Expansion, etwa die wirtschaftliche Expansion im Gefolge der Okkupation, das Schüren von lokalem Separatismus in Nachbarstaaten, insbesondere die für ideologisch begründete totalitäre Staaten charakteristische Methode der ‚fünften Kolonne‘ [...], die den Bund mit der UdSSR höher stellt als die Loyalität gegenüber dem eigenen Volke“.¹² Die Warnung vor den weltrevolutionären Ambitionen der Stalinschen Politik gipfelte im Bild eines von der Sowjetunion beherrschten gigantischen „eurasischen Blocks“ von Korea bis Bornholm, von Port Artur bis nach Triest und zur Elbe.¹³ Unter den Bedingungen der Konfrontation zweier Blöcke gehe es für den einen – den

sowjetischen - um die Herrschaft, für den anderen - den westlichen – ums Überleben. Das sowjetische Imperium habe sich konsolidiert und gehe in die Offensive, ernsthaft und langfristig. Mit diesem Konkurrenten „ist heute eine Koexistenz bereits nicht mehr möglich“. Was übrig bleibe, sei allein die Konsolidierung des Westens auf der Grundlage eines anglo-amerikanischen Blocks. Die Negation jeder Möglichkeit einer Entstalinisierung führte dazu, dass die Auslandsdelegation und ihr Journal, wie André Liebich formulierte, aus „Infanteristen der Revolution“ zu „Soldaten des Kalten Krieges“ wurden.¹⁴

Für den *Novyj put'* lag der Schlüssel für eine friedliche Nachkriegsordnung dagegen in den Händen der USA: Wie kritisch man sich auch gegenüber einzelnen Aktionen der sowjetischen Außenpolitik stellen möge, hieß es in einem Leitartikel im November 1945, so müsse man doch den gesunden Menschenverstand und jegliche historische Erinnerung verloren haben, um sich vorzustellen, dass „im Hirn des fanatischsten Moskauer Bolschewiken auch nur im Keim der Gedanke an einen Feldzug gegen Amerika mit dem Ziel nisten könnte, diesen letzten Herd eines irgendwie lebensfähigen Kapitalismus auf der Welt zu vernichten“. Das heiße allerdings nicht, dass die Sowjetunion in einer mehr oder weniger langen Periode eines bewaffneten Friedens nicht gezwungen sein werde, „in Voraussicht einer neuen militärischen Katastrophe“ Sorge zu tragen für die „Festigung ihrer strategischen Positionen, und zwar entlang ihrer westeuropäischen Grenzen ebenso wie im Fernen und Nahen Osten, auf dem Balkan und am Mittelmeer“.¹⁵ Die Zukunft sah der *Novyj put'* in einer längeren Koexistenz zweier Systeme und ihres Wettbewerbs. Die neue Sozialordnung in der Sowjetunion habe im Krieg ihre Effektivität unter Beweis gestellt, die wachsende Eigeninitiative der Massen sei die Triebkraft einer weiteren Transformation des Regimes. Dieser Prozess, so die Forderung, müsse mit allen Kräften unterstützt werden. Diese optimistische Betrachtung der Entwicklung der Sowjetunion brachte der Gruppe um Dan nicht nur von Seiten ihrer innerparteilichen Gegner, sondern auch in der Forschung den Vorwurf des Renegatentums ein, der durch die spätere Biographie zumindest einiger ihrer Protagonisten auch rechtfertigt wurde.¹⁶

Abschließend bleibt zu konstatieren, dass die erbitterte Polemik beider Gruppierungen um die Deutungshoheit über die Beurteilung der Sowjetunion einen differenzierenden Blick auf reale historische Entwicklungen verstellte. Beide Gruppen waren Gefangene ihrer jeweiligen Illusionen. Die Einen betrachteten die Dynamik des sowjetischen Systems allein vom Standpunkt seiner prognostizierten Transformation zu einer neuartigen Form von Demokratie und hielten daran auch fest, als solche Hoffnungen vor dem Hintergrund des realen historischen Prozesses immer mehr an Glaubwürdigkeit verloren. Die Anderen reduzierten die Entwicklung in der Sowjetunion ausschließlich auf die Logik eines sich verstärkenden Totalitarismus. Die Balance zwischen den beiden Perspektiven – „Terror“ wie auch „Traum“¹⁷ –, die es der Auslandsdelegation bis in die 1930er Jahre möglich

gemacht hatte, den realhistorischen Prozess in Russland in seiner Komplexität und Widersprüchlichkeit in den Blick zu nehmen, war aufgegeben worden, indem die eine, die den Terror zunächst als kritischen „Störfall“ bewertet hatte, ihn nun auf eine temporäre Erscheinung reduzierte, die durch den Traum rehabilitiert wurde, während die andere nicht mehr nur den Terror als historischen „Störfall“ betrachtete, sondern den Traum selbst. Sowohl der *Socialističeskij vestnik* als auch der *Novyj put'* ordneten ihre Argumentation ihrem Programm unter. Für ihre Sowjetunion-Analysen war dies gleichermaßen fatal, machte sie jeweils apologetisch, beliebig, nicht mehr in der Lage, differenzierende Erklärungsansätze für die historische und politische Wirklichkeit zu liefern. Damit verloren sie letztlich jene Deutungskompetenz, die ihnen in den 1920er und 1930er Jahren Gewicht und Beachtung verliehen hatte. Elena Kuskova brachte die Kritik am Disput beider Strömungen 1945 auf den Punkt, als sie forderte, es sei nicht die Zeit für Programme, sondern für Argumente und eine kritisch-diskursive Auseinandersetzung mit den nachrevolutionären Realitäten im sowjetischen Russland.¹⁸

¹ Vgl. ausführlicher: Peter H.R. Fedor I. Dan, die Menschewiki im Exil und der „Bauerismus“ // Bauer O. Zur Autorität des Austromarxismus: [Studien der Dokumentationsstelle für ost- und mitteleuropäische Literatur. Bd. 1] / P. Amon, S. Teichgräber (Hrsg.). Frankfurt am Main, 2010. S. 33-39; Peter H.R. „Nazad k polnomu stalinizmu“ ili „vperiod k socialističeskomo soobščestvu narodov Evropy“? Men'ševistskie emigrantskie žurnaly v SŠA o razvitii Sovetskogo Sojuza posle vojnyj (1945-1947) // SSSR i SŠA v XX veke: vosprijatie „drugogo“ / Otv. sost. B. Fieseler, R. Magnusdottir. Moskva, 2017.

² Rafael Abramovič, der lange vermittelte hatte, stellte sich nach Ermordung seines Sohnes Mark Rein durch Agenten der GPU während des Spanischen Bürgerkrieges an die Spitze der Kritiker Fedor Dans.

³ Abramovič R. Četvert' veka // *Socialističeskij vestnik*. 1946. Nr. 1 (Januar). S. 5.

⁴ Meist zum: *Jewish Daily Forward; New Leader*. Vgl.: Liebich A. Mensheviks Wage the Cold War // *Journal of Contemporary History*. 1995. Vol. 30. S. 248-249. Eine Ausnahme bildeten David Dalins Arbeiten über die Sowjetunion und ihre Außenpolitik, die relativ breit rezipiert wurden: Vgl. u.a.: Dallin D. *Russia and Postwar Europe*. New Haven, 1943; Ders.: *The Rise of Russia in Asia*. New Haven, 1949; Ders.: *Nikolaevsky B. Forced Labour in Soviet Russia*. New Haven, 1947.

⁵ Siehe u.a.: Dan F. *Dva puti* // *Novyj mir*. 1940. Nr. 1. (März). S. 3-7; Ders.: *Neobchodimoe ob'jasnenie* // *Ebenda*. S. 15-16; Ders.: *Sud'by bol'shevizma* // *Novyj put'*. 1941. Nr. 8. (August). S. 101-104.

⁶ Nikolaevskij B. O celjach i metodach sovetskoj diktatury // *Socialističeskij vestnik*. 1945. Nr. 17-18 (Oktober). S. 184-185.

⁷ Dvinov B. Komfašizm // *Socialističeskij vestnik*. 1946. Nr. 6 (Juni). S. 149-151; Ders.: *Social'naja baza komfašizma* // *Socialističeskij vestnik*. 1946. Nr. 10 (Oktober). S. 217-219.

⁸ Nikolaevskij: *O celjach i metodach sovetskoj diktatury*. S. 184.

⁹ Jugov A. Rekonstrukcija v SŠA i v SSSR // *Novyj put'*. 1945. Nr. 8-9 (November). S. 793-796.

¹⁰ Očerednaja zadača // *Novyj put'*. 1946. Nr. 4-5 (Juni). S. 869-870. Vgl. u.a. auch: Glebov A. *Vozvraščenie domoj* // *Ebenda*. S. 882-883.

¹¹ Nikolaevskij: *O celjach i metodach sovetskoj diktatury*. S. 185.

¹² Abramovič R. *Novyj pochod protiv socialdemokratii* // *Socialističeskij vestnik*. 1946. Nr. 2 (Februar). S. 50-51.

¹³ Vgl. u.a.: Abramovič R. *Nacional'nye interesy Rossii i vnešnjaja politika Stalina* // *Socialističeskij vestnik*. 1945. Nr. 9-10 (Mai). S. 95; Dalin D. *Konsolidacija sovetskoj sfery v Evrope* // *Ebenda*. Nr. 13-14. 1945. (August). S. 140-142.

¹⁴ Vgl.: Liebich A. *From the other shore. Russian social democracy after 1921*. Cambridge, 1999. S. 309.

¹⁵ *Problema mira* // *Novyj put'*. 1945. 8-9 (November). S. 789-791.

¹⁶ Vgl.: Liebich. From the other shore. S. 283-306.

¹⁷ Schlögel K. Terror und Traum. Moskau 1937. München, 2008.

¹⁸ Kak iskat' pravdu? // Socialističeskij vestnik. 1945. Nr. 21-22 (Dezember). S. 252.

John Saxe Fernández

FIDEL CASTRO'S CLIMATE CHANGE AS CLASS PHENOMENA LINKED TO IMPERIALIST MASS CONSUMPTION SOCIETIES

SUMMARY Attention is centered on Cuba's President Fidel Castro Ruz (Fidel) thinking and stances on ongoing threats to humanity and planetary biota, as expressed at the UN's Earth Summit Meeting, Rio de Janeiro, June 12, 1992¹, and other texts regarding global war. The paper deals with anthropogenic climate brake down (ACB) as well as current mass extinction research available to the public on "biodiversity annihilation". His class and eco-marxist diagnosis and prognosis will be analyzed in the context of current social science advances available to the public in areas such as institutionalization of delay in regulating greenhouse gases (GHG) and tracing the accumulation of anthropogenic gas emissions since the industrial revolution to our time. On existential threats by ACB and other ecological processes threatening planetary biodiversity Fidel seemed to follow Mexican writer Juan Rulfo's writing dictum: "only use those words better than silence". Social Science will be used to evaluate the recent "Anthropocene Capitalocene debate in the light of New York City's legal action against BP P.L.C.; Chevron Corporation, ConocoPhillips; ExxonMobil Corporation; and Royal Dutch Shell PLC for climate change damages.

Keywords, Anthropocene, anthropogenic climate brakedown (ACB), banks, biological annihilation, biodiversity, capitalist accumulation, Capitalocene, mass extinction, fossil fuels, greenhouse gases, Hyper-Anthropocene, investments, monopoly/financial capitalism, natural resources, rapid and abrupt ACB, social formation, super-exploitation

Fidel's knowledge on above mentioned issues came from a childhood in the country side, where he developed a deep affection for nature, say his biographers. Educated by jesuits he studied at the Law School Universidad de la Habana. His leadership role was crucial in the insurrection against the Batista dictatorship, an uprising soon to transit by the massive mobilization of the cuban population, into a revolutionary movement. He got his experience on humanistic and global affairs as key leader of the Cuban Revolution and later on as president of Cuba. That experience includes the October 1962 «Cuban Missile Crisis». He was deeply shocked by the near-human-planetary extinction risks of a nuclear war between the US and the USSR². That crisis mobilized him towards permanent efforts against nuclear weapons and war. Since then anything having to do with human or animal extinctions, nuclear war or "nuclear winter" or sea level rise called his attention. By 1965, shortly after the traumatic missile crisis US and European paleontologists publicized their concern on catastrophic losses of species, even without a third world war. Just by the system's functioning. By the 1980's there were mounting signs and awareness that current industrial activities,

and the increased presence worldwide of agribusinesses' search for land and use of toxic substances to increase crops and earnings, were leading cause of the biodiversity crisis such as habitat loss, overexploitation for economic gain, while nuclear war and climate change (ACB) loom in the background. The phenomena was not to be explained solely as population growth. Rather it is related to increased consumption by the rich in a context of growing inequity and class war on a domestic and global scale³. Peer reviewed research showed that these imperialist and class factors were as involved in extinction's inducers as population growth was. Fidel voiced such concerns and perspectives.

Notes from recent research on massive anthropogenic erosion of biodiversity is offered as information with considerable political and class repercussions in what the press describes as a globally sharp rise in the dirtiest fossil fuel investments, reversing the still scant progress in the urgent control of greenhouse gases (GHG).

A research peer reviewed paper published in 2015 states that; "... (E)ven under our assumptions, which would tend to minimize evidence of an incipient mass extinction, the average rate of vertebrate species loss over the last century is up to 100 times higher than the background rate... the number of species that have gone extinct in the last century would have taken, depending on the vertebrate taxon, between 800 and 10,000 years to disappear. These estimates reveal an exceptionally rapid loss of biodiversity over the last few centuries, indicating that a sixth mass extinction is already under way"⁴

"Avoiding a true sixth mass extinction will require rapid, greatly intensified efforts to conserve already threatened species and to alleviate pressures on their populations—notably habitat loss, overexploitation for economic gain, and climate change. All of these are related to human population size and growth, which increases consumption (especially among the rich), and economic inequity. However, the window of opportunity is rapidly closing"⁵.

According to a follow-up study, 2017 on biological annihilation⁶, "(T)he strong focus on species extinctions, a critical aspect of the contemporary pulse of biological extinction, leads to a common misimpression that Earth's biota is not immediately threatened, just slowly entering an episode of major biodiversity loss. This view overlooks the current trends of population declines and extinctions. Using a sample of 27,600 terrestrial vertebrate species, and a more detailed analysis of 177 mammal species, we show the extremely high degree of population decay in vertebrates, even in common "species of low concern." Dwindling population sizes and range shrinkages amount to a massive anthropogenic erosion of biodiversity and of the ecosystem services essential to civilization. This 'biological annihilation' underlines the seriousness for humanity of Earth's ongoing sixth mass extinction event."⁷

Furthermore, regarding "rapid defaunation", it is indicated that the likelihood of the phenomenon "... lies in the proximate causes of population extinctions: habitat conversion, climate disruption, overexploitation, toxification, species invasions,

disease, and (potentially) large-scale nuclear war—all tied to one another in complex patterns and usually reinforcing each other’s impacts.”⁸

Regarding “biological annihilation”, keep in mind public information that singles out the tar sands sector as the biggest driver of the overall increase in extreme fossil fuel financing. Investments in that sector grew by 111 percent from 2016 to 2017 to a total of US\$98 billion led by Royal Bank of Canada, Toronto Dominion Bank and JPMorgan Chase. Current massive investments in conventional, unconventional, and extreme fossil fuel projects while not substantially reduced by the Obama administration exploded during the first year of the Trump administration by onshore and offshore de-regulated drilling permits. In Alaska and the US Gulf of Mexico ultra-deep water drilling has increased. In México the Peña Nieto administration recently awarded 9 areas to Royal Dutch Shell. Total financing in ultra deep oil and gas exploitations amounted to 52 billion dollars led by JPMorgan Chase, HSBS and Bank of America. Of interest is the way such policies erase the chances of biota and human survival by pushing for ever growing and catastrophic GHG emissions while at the same time flooding the fossil fuel sector with new and mortally massive investments from leading finance/banking institutions.

Monopolist/Financial capitalism fosters “rapid defaunation” and abrupt ACB, It is at the root of biodiversity annihilation together with generalized human catastrophe. It is not “humanity” as implied in the notion of “anthropocene”⁹, but rather the parasitic thrust of big monopolies. Its the “capitalocene”, or what Hansen et al label the “Hyper-Anthropocene”¹⁰ “...a fundamentally different climate phase that began during the industrial revolution, in the latter half of the 18th century as improvements of the steam engine ushered in the industrial revolution and exponential growth of fossil fuel use.”¹¹

A Synthesis of the Capitalocene’s social formation will be based on the followings assumptions, namely that capitalism, from its imperialist centers to its periphery and at its current monopolist/financial stage, at a time of increased planetary limits to capitalist accumulation as asserted by Elmar Altvater¹², has been morphing into what Jorge Beinstein posits as its “rapid transformation into a pillage system in which the reproduction of productive forces are completely subordinated to a parasitic logic. To be able to sustain its decaying financial-productive model’s profits rates, the imperial elites and their subservient lumpen bourgeoisie need to super exploit third world markets and natural resources to the point of extinction.”¹³

In tracing anthropogenic emissions totaling 914 GtCO₂e – 63 % of cumulative worldwide emissions of industrial CO₂ and methane between 1751 and 2010 Richard Heede offers a vital contribution on the Capitalocene or “Hyper-anthropocene” social formation features on 90 fossil fuel entities’s emissions, among them Chevron, ExxonMobil, BP, Royal Dutch Shell and ConocoPhillips, all six in a NYC Lawsuit for “climate change damages”.

Regarding rapid or abrupt ACB, James Hansen warned:

“Ominous tipping points loom. West Antarctic and Greenland ice sheets are vulnerable to even small additional warming. These two-mile-thick behemoths respond slowly at first, but if disintegration gets well underway it will become unstoppable. Debate among scientists is only about how much sea level would rise by a given date. In my opinion, if emissions follow a business-as-usual scenario, sea level rise of at least two meters is likely this century. Hundreds of millions of people would become refugees. No stable shoreline would be reestablished in any time frame that humanity can conceive.”¹⁴In May 2014 the press informed that an “Unstoppable glacial collapse in west Antarctica will lead to meters’ rise in global sea levels”¹⁵ A “study led by Nasa and UCal declared the collapse of Thwaites and other glaciers had “passed the point of no return” and that glacial retreat would lead to a rise in sea levels of 1.2 meters”.The study suggests that sea-level rise will be greater than previously estimated by the UN’s IPCC report earlier” in 2014,¹⁶ had previously underestimated the pace of change.

Hansen worried by accelerated ACB, stated that by the time today’s children reach adulthood, things might be out of control”. While scientists had estimated that “the fast-moving Thwaites Glacier will probably collapse into the sea somewhere in the next 200 to 1,000 years, raising sea levels by two feet”¹⁷ Hansen and 16 co-authors, “considered among the top in their fields”—conclude that “glaciers in Greenland and Antarctica will melt 10 times faster than previous consensus estimates, resulting in sea level rise of at least 10 feet in as little as 50 years.”¹⁸ “We conclude”, say Hansen et al, “ that continued high emissions will make multi-meter sea level rise practically unavoidable and likely to occur this century. Social disruption and economic consequences of such large sea level rise could be devastating. It is not difficult to imagine that conflicts arising from forced migrations and economic collapse might make the planet ungovernable, threatening the fabric of civilization”.¹⁹

It is sadly obvious that Fidel’s admonitions, proposals and warnings in 1992 remain unheard “...it is almost too late” is a clamor still not answered. Its a 26 years long delay on the legal international²⁰ and domestic urgent regulation of green house gases (GHG) emissions. Massive fossil fuel industry interests, through lobbies, think tanks, advocacy organizations, and trade associations have, in fact institutionalized delay.²¹ Other powerful interests in the military-industrial realm and, notably those related to the internal combustion engine excerpt pressure to keep state pro fossil fuel subsidies, a staggering 5 trillion dollars annually according to an IMF Working Paper.²² It has been lamented that regarding reversal measures on ACB there has not yet been a galvanizing Pearl Harbor moment, when the urgency of action becomes instantly clear. Instead we have Donald Trump, a republican negationist of ACB running the White House and mobilizing, even weeks before he assumed the presidency, the substantial funds of Wall Street’s main banking and investment firms pouring massive investments into the fossil fuel industries and re-directing the institutional powers of the US presidency against the well meaningful but still insufficient initia-

tives by the Obama administration, to “mitigate” ACB. The huge resources of the US Federal Government and global finance go in the opposite direction: Trump is de-regulating public administration giving the fossil fuel industries concessions and permits from the Bureau of Land Management to explore and drill in the Gulf of Mexico, the Arctic²³ and in up to very recently restricted federal lands.²⁴

Under Trump’s policies, an investment generating biodiversity annihilation was backed by a Senate Budget Committee bill, allowing oil and gas drilling in Alaska’s “Arctic National Wildlife Refuge”.

¹ Complete text of Cuban President Fidel Castro’s speech at the Earth Summit in Rio de Janeiro on June 12, 1992. URL <https://www.greenleft.org.au/content/fidel-castro-earth-summit>. Translation from **Versiones Taquigráficas, Consejo de Estado** La Habana, Cuba 1992.

² I was present at countless meetings Fidel had with hundreds of the economist, social scientists attending annual meetings in Cuba on the “Debt Crisis”, and “Development Problems”, from mid 1980’s to the early years of the XXI -century. He always framed his analyses, which could last for hours until early morning, in an economic, social, political and strategic context.

³ Faux J. **Global Class War**. New York, 2006.

⁴ Ceballos G., Ehrlich P. R., Barnosky A.D. Accelerated modern human-induced species losses: entering the sixth mass extinction // **Sciences Advances**. 2015. 19 Jun. Vol 1, № 5. URL: <http://advances.sciencemag.org/content/1/5/e1400253>

⁵ *Ibidem*.

⁶ Ceballos G., Ehrlich P., Dirzo R. Biological annihilation via the ongoing sixth mass extinction signaled by vertebrate population losses and declines // **PNAS**. 2017. July 25. URL: <https://doi.org/10.1073/pnas.1704949114>

⁷ *Ibidem*.

⁸ Ceballos G., Ehrlich P., Dirzo R. *Op cit*.

⁹ According to Hansen (Hansen J. Declaration of Dr. James E. Hansen. United States. Columbia University, 2015) et al 2016 The Anthropocene (Crutzen and Stoermer, 2000) is, «era in which humans have contributed to global climate change, is usually assumed to have begun in the past few centuries». Ruddiman (2003) suggests that it began earlier, as deforestation began to affect CO2 about 8000 years ago. Southern Ocean feedbacks considered in our present paper are relevant to that discussion.

¹⁰ Hansen et al, “Ice melt, sea level rise and superstorms: evidence from paleoclimate data, climate modeling, and modern observations that 2 °C global warming could be dangerous”. URL <https://www.atmos-chem-phys.net/16/3761/2016/acp-16-3761-2016.pdf>

¹¹ Hansen et al. See: Malm A. **Fossil Capital**.

¹² Altwater E. Capitalismo y el capitaloceno // **Revista Mundo Siglo XXI**. 2014. No 33, Vol. IX; Altwater E. The Capitalocene or Geoengineering against Capitalism’s Planetary Boundaries // **Anthropocene or Capitalocene?** / Jason W. Moore. 2016. P.138; Saxe-Fernández J. ¿Hacia un colapso climático antropogénico? // **La Jornada**. 2015. 3 Septiembre.

La Jornada. 2017. 17 Sep. URL: <http://www.jornada.unam.mx/2015/09/03/opinion/028a1eco> **La Jornada**. 2014. 1 Oct. URL: <http://www.jornada.unam.mx/2015/09/17/opinion/026a1eco> URL: <http://www.jornada.unam.mx/2015/10/01/opinion/022a1eco>

¹³ Beinstein J. América Latina en la dinámica de la guerra global // **Rebelión**. 2015. 18 Marzo. URL: <http://www.rebelion.org/noticia.php?id=196633>

¹⁴ See: Hansen et al. Ice melt, sea level rise and superstorms: evidence from paleoclimate data, climate modeling, and modern observations that 2 °C global warming could be dangerous. URL <https://www.atmos-chem-phys.net/16/3761/2016/acp-16-3761-2016.pdf>

¹⁵ Vincent J. ‘Unstoppable’ glacial collapse in west Antarctica will lead to metres’ rise in global sea levels // **The Independent**. 2014. May 13. URL: <https://www.independent.co.uk/news/science/unstoppable->

glacial-collapse-in-west-antarctica-will-lead-to-metres-rise-in-global-sea-levels-9361826.html

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Vincent J. Op cit.

¹⁸ Holthaus E. Earth's Most Famous Climate Scientist Issues Bombshell Sea Level Warning // **Slate**. 2015. July 20. URL:http://www.slate.com/blogs/the_slatest/2015/07/20/sea_level_study_james_hansen_issues_dir_climate_warning.html

¹⁹ Hansen et al. 2016.

²⁰ George W. Bush or his sucesor Barack Obama, never sen to The Kyoto Treaty to the senate for ratification. A republican majority would not allow it. Noam Chomsky is right when he says the republican party is dangerous to the world

²¹ See: Brulle R.J. Institutionalizing Delay: Foundation Funding and the Creation of U.S. Climate Change Counter-Movement Organizations // **Climatic Change**. 2014. № 122(4). February. DOI: 10.1007/s10584-013-1018-7

²² Coady D. et al. **How large are global energy subsidies?** // IMF WP. 15/105. URL:<https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp15105.pdf>

²³ See: Secretary Zinke Plan to Unleash offshore oil and gas potential. URL: <https://www.doi.gov/pressreleases/secretary-zinke-announces-plan-unleashing-americas-offshore-oil-and-gas-potential>

²⁴ See: Federman A. This is How Trump Administration Gives Big Oil Keys to Public Lands // **The Nation**. 2017. 8 Dec. URL:<https://www.thenation.com/article/this-is-how-the-trump-administration-gives-big-oil-the-keys-to-public-lands/>

В.Г. Буров

КИТАЙСКИЙ МАРКСИЗМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация: Руководящей идеологией Компартии Китая является китаизированный марксизм, создание которого начал Мао Цзэдун. Смысл китаизированного марксизма в том, что политическая и теоретическая деятельность Коммунистической партии должна соответствовать национальным особенностям страны.

Ключевые слова: Компартия Китая, китаизированный марксизм, идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху.

Через 3 года, в августе 2021 г. исполняется 100 лет со дня образования Коммунистической партии Китая. Свой столетний юбилей старейшая компартия мира встречает с громадными достижениями в экономической, культурной и политической областях.

В 2017 г. суммарный объем китайской экономики в стоимостном выражении составил 80 трлн. юаней или 12 трлн. американских долларов, что вывело ее на второе место в мире. В течение последних семи лет Китай занимает первое место в мире по росту стоимости продукции обрабатывающей промышленности, находится на ведущих позициях по строительству целого ряда объектов инфраструктуры, лидирует по протяженности высокоскоростных железных дорог и скоростных автострад. Ими сейчас связаны практически все провинциальные центры и многие города страны. Продолжается строительство современных мостов, портов и аэропортов,

последние отвечают лучшим мировым стандартам. В абсолютном большинстве провинциальных центров, во всех городах центрального подчинения построены линии метро, ведется масштабное сооружение новых линий.

По более чем 220 видам промышленной и сельскохозяйственной продукции Китай занимает первое место. Среди них – чугун, уголь, электроэнергия, цемент, удобрения, зерно, мясопродукты, арахис, чай и др. Китаю принадлежат ведущие позиции в производстве сырой нефти, хлопка, соевых бобов, рапсового масла, сахарного тростника и т.д.

Достигнуты большие успехи в формировании государства инновационного типа, речь идёт об учреждении космических лабораторий типа «Тяньцзы», батискафа «Цзялун», радиотелескопа «Тяньянь», спутника для зондирования частиц тонкой материи «Укун», экспериментального спутника квантовой связи «Мо=цзы», больших самолетов и т.п. Китай регулярно запускает пилотируемые космические аппараты, в его планах – создание орбитальной космической станции.

Руководство Китая уделяет самое серьезное внимание развитию научных исследований. В стране существует система научных институтов, созданная в 1950-х гг. по советскому образцу и реформированная применительно к китайским условиям в 1970–1980-х гг. Она включает пять академий: Китайскую академию наук, куда входят институты естественно-научного профиля (институты этой Академии оснащены самым современным научным оборудованием); Китайскую академию общественных наук, состоящую из институтов гуманитарного профиля; Китайскую академию медицинских наук, Китайскую академию сельскохозяйственных наук, Китайскую инженерную академию. Надо сказать, что зарплата сотрудников этих академий выше, чем зарплата российских ученых, так же, как и размеры грантов, которые они получают от государства на свои научные исследования.

Постоянно растет уровень образованности населения, продолжился процесс урбанизации: численность населения, постоянно проживающего в городах и поселках, возросла с 53,7% до 57,4%. Статус горожан получили свыше 80 млн. жителей деревень.

Решающие сдвиги произошли в борьбе с бедностью: количество бедных людей в сельской местности с 82 млн. 490 тыс. уменьшилось до 43 млн. 350 тыс. Коэффициент бедности за последние пять лет снизился с 10,2% до 4,5%. Отметим, что в 1978 г. он составлял в деревнях 97,5%, а в 2017 г. – 4%, что намного ниже общемирового уровня. Если в 2010 г. средняя продолжительность жизни составляла 74,83 года, то в 2016 г. она достигла 76,5 лет, превысив общемировой показатель. Успешно ведется борьба с безработицей. За последние пять лет ежегодно создавалось свыше 13 млн. новых рабочих мест.

Доходы населения ежегодно росли на 7,4%. По их уровню Китай уже подошел к среднеразвитым странам. При этом в городах среднедушевой доход с 343,4 юаня в 1978 г. вырос до 33 тыс. 616 юаней в 2016 г., а в деревне – с 133,6 юаней до 12 тыс. 363. Система социальных гарантий в основном создана и в городе, и в деревне.

За прошедшее пятилетие успешно развивалась и внешнеэкономическая деятельность КНР. В 2016 г. общий объем внешнеторговых операций страны достиг 3 трлн. 680 млрд. долл., было привлечено 126 млрд. долл. иностранных инвестиций. Одновременно экспорт капитала в другие страны составил свыше 170 млрд. долл. Теперь Китай занимает второе место в мире по внешнеторговому обороту и экспорту капитала и третье – по привлечению иностранных инвестиций. К концу 2016 г. запасы иностранной валюты составили свыше 3 трлн. долл., что вывело Китай на первое место в мире по этому показателю. Было совершено 122 млн. туристических выездов за рубеж.

Следует подчеркнуть, что в создании КПК большую роль сыграли Коминтерн, Советский Союз и советские коммунисты. По образному выражению Мао Цзэдуна, «орудийные залпы Октябрьской революции донесли до нас марксизм-ленинизм». Эта фраза прочно вошла в политический лексикон китайской общественно-политической литературы.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что история Компартии Китая отнюдь не была ровной, прямолинейной дорогой, на ней было много сложностей и зигзагов, и связано это было с тем, что ей приходилось решать задачи, прецедентов которых не было в истории других стран, и опыт которых не подходил к условиям Китая. Далеко не всегда условиям страны соответствовали рекомендации Коминтерна и ВКП(б).

Дело в том, что Коминтерн и ВКП(б) давали свои рекомендации, исходя из ортодоксального, классического понимания практики революции, соответствующего условиям европейских стран. Между тем, Китай был отсталой, по выражению Мао Цзэдуна, «полуфеодальной, полукOLONиальной страной», где подавляющее большинство населения составляли крестьяне. Поэтому ставка Коминтерна на захват власти путём вооруженных восстаний в городах была заранее обречена на провал, что и произошло на практике.

По словам китайских учёных, «Коммунистический интернационал оказал значительную помощь китайской революции, внес позитивный вклад в дело китайской революции. Однако помогая китайской революции, Коммунистический интернационал также совершал ошибки. И хотя в итоге Коминтерн поддержал руководящее положение Мао Цзэдуна в КПК, однако он никогда не давал разрешения на найденный китайскими коммунистами, представленный Мао Цзэдуном путь китайской революции, заключавший-

ся в окружении городов деревней. Многие ошибки в истории КПК, включая несколько значительных ошибок в курсе, связаны с незрелостью КПК и неотделимы от ошибочного руководства со стороны Коминтерна»¹.

В конечном счёте, победила линия Мао Цзэдуна – создание КПК как партии, вооруженной идеологией пролетариата, социальной базой которой явилось крестьянство. Это был первый шаг на пути создания китайского, т.е. национального, марксизма или, как стали впоследствии говорить в Китае, «китаизированного марксизма». Теория Мао Цзэдуна об окружении города деревней, когда революция начинается вначале в сельской местности, а затем переходит в города, стала теоретической, политической основой победы китайской революции. Во время советско-китайского идеологического и политического конфликта, опора китайских коммунистов на крестьянство оценивалась советскими идеологами как мелкобуржуазная ревизия марксизма, т.е. фактически утверждалось, что китайская революция победила не по правилам.

Продолжавшаяся десять лет (1966-1976 гг.) «культурная революция» принесла китайскому народу серьёзные бедствия и оставила после себя трагические последствия.

В 1978 г. Китай приступил к осуществлению «политики реформ и открытости», в декабре этого года ей исполняется 40 лет. В ходе реализации «политики реформ и открытости» китайское руководство с учетом мнения экспертного сообщества стало искать свои, китайские методы строительства социализма. Во-первых, они подвергли критическому анализу советский опыт. По мнению китайских ученых, «завоевание мирового господства Советский Союз рассматривал в качестве своей глобальной стратегии. Огромные военные расходы и бремя помощи другим государствам отняли все силы у Советского Союза; в то время как в развитых странах осуществлялась новая научно-техническая революция, в Советском Союзе по-прежнему считалось, что стратегическая цель – догнать и перегнать западные страны – заключается в увеличении объема производства продукции тяжелой промышленности; в стране продолжала использоваться экстенсивная модель развития»². Вместе с тем, анализируя историю Советского Союза, китайские исследователи приходят, например, к выводу, что в теоретической и политической позиции Н.И.Бухарина содержатся рациональные моменты. «Бухарин полагал, – пишут они, что чрезмерный упор на преимущественное развитие тяжелой промышленности неизбежно потребует огромных человеческих материальных и финансовых ресурсов, нарушит пропорции между всеми отраслями национальной экономики и приведёт к острому дефициту продовольствия и товаров... Н. Бухарин полагал, что нельзя использовать методы принуждения, чтобы «загонять крестьян в коммуны», что ускорение коллективизации приведёт к тому,

что богатые крестьяне и крестьяне-середняки начнут выступать против советской политической власти, а коллективные хозяйства не смогут спасти положение. Он выступал против ширококомасштабной коллективизации, за развитие кооперативов и введение крестьян в социализм на основе экономических законов. Н.И.Бухарин полагал, что НЭП – это долгосрочная политика, что необходимо и дальше развивать товарную экономику, оживить рынок, «упорядочить» рыночную экономику»³.

Не случайно, что реформы в Китае начались с деревни; уже в начале 1979 г. в сельской местности вводится система производственной ответственности крестьян, согласно которой земля была передана крестьянским семьям в индивидуальное пользование (но не в собственность) вначале на 30 лет, а затем продлена до 50 лет. Фактически начал происходить отказ от коллективных форм ведения сельского хозяйства.

Дальнейшим и важнейшим этапом политики реформ и открытости явился переход в экономике к рыночным отношениям, а также признание частной собственности законной формой. По мнению известного российского китаевода, академика М.Л. Титаренко, мы имеем в Китае дело с НЭПом, особенностью которого является участие в нём национально ориентированной буржуазии.

В мае 1989 г. в беседе с прибывшим в Пекин Горбачёвым Дэн Сяопин сказал буквально следующее по поводу советско-китайской полемики по теоретическим и политическим вопросам: «После более чем 20-летней практики можно оглянуться назад и понять, что обеими сторонами было сказано много пустых слов. Прошло более 100 лет после смерти Маркса, в конце концов, произошли какие-то изменения, и в изменившихся условиях непонятно, как понимать и развивать марксизм»⁴.

Фактически после 1979 г. произошло формирование системы китаизированного марксизма, начало которому положил Мао Цзэдун. Она включает «учение Мао Цзэдуна», состоящее из теории «деревня окружает город» и «теории новой демократии», выдвинутой им в конце 30-х гг. прошлого столетия. Её содержание сводится к тому, что в борьбе за создание нового Китая должны объединиться все классы и слои китайского общества – рабочие, крестьяне, интеллигенция, национальная буржуазия и т.д.

В эту систему входит также «теория Дэн Сяопина» или «теория социализма с китайской спецификой». Фактически речь идёт о теории «рыночного социализма», когда в целях модернизации страны используются наиболее современные методы хозяйствования и управления экономикой, в том числе те, которые характерны для развитых стран Запада. Одновременно Дэн Сяопин выступал за сохранение макроконтроля со стороны государства.

Кроме того, система китаизированного марксизма включает «важную идею тройного представительства», выдвинутую Цзян Цзэмином. В ней

речь идёт о том, что КПК представляет, во-первых, передовые производительные силы; во-вторых, лучшие элементы традиции китайской культуры; в-третьих, коренные интересы широких слоёв китайского народа. То есть, не только рабочего класса, но и частных бизнесменов, предпринимателей (капиталистов), технического персонала, работающего на китайских и иностранных предприятиях, лиц свободных профессий в том случае, если они разделяют идеалы социализма, и их деятельность направлена на осуществление социалистической модернизации.

Следующий Генеральный секретарь КПК Ху Цзиньтао выдвинул «концепцию научного развития». Её смысл состоит в следующем: необходимо придерживаться принципа «человек как основа, т.е. реализовывать цель всестороннего развития человека»; одновременно следует «добиваться всестороннего, координированного, устойчивого развития», т.е. развивать экономику и культуру, город и деревню, базис и надстройку, взаимодействие человека с природой; необходимо также осуществлять координацию между развитием всех сторон жизни общества.

Наконец, на состоявшемся в октябре 2017 г. XIX съезде КПК были выдвинуты «идеи Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху».

Содержание этих идей можно вкратце свести к следующим положениям. Прежде всего, речь идет о конкретизации задач реализации программы второго столетия. Если первое столетие охватывает период 1921–2020 гг. и исторически связано со столетней годовщиной КПК, то второе столетие – это период с 1949 по 2049 гг. и исторически связан со столетней годовщиной КНР. К этой дате предполагается полностью осуществить социалистическую модернизацию. При этом на XIX съезде партии Си Цзиньпин произвёл определенную корректировку целей борьбы за осуществление программы второго столетия. Первоначально предполагалось построить за этот период «богатое, могучее демократическое, цивилизованное, гармоничное, модернизированное социалистическое государство». На съезде в определение целей было добавлено слово «прекрасное» («мэйли»), а слово «государство» заменено на слово «держава» («цяньго»). Теперь формулировка звучит так: «Превратить Китай в модернизированную социалистическую *державу*, богатую, могущественную, демократическую, цивилизованную, гармоничную и *прекрасную*». Добавление слова «прекрасная» связано с решением экологических проблем, а слово «держава» звучит гораздо более весомо, чем слово «государство».

Далее Си Цзиньпин дал новое определение основного противоречия современного китайского общества. В материалах VIII съезда КПК, состоявшегося в 1956 г., главное противоречие китайского общества определялось как «противоречие между передовым социалистическим строем и

отсталыми общественными производительными силами». Эта формулировка просуществовала более 60 лет. В докладе Си Цзиньпина XIX съезду указывается, что основным противоречием китайского общества в настоящее время является «противоречие между постоянно растущими потребностями народа «в прекрасной жизни» и неравномерностью и неполнотой развития». По мнению китайских экспертов, это определяется двумя причинами. Во-первых, произошел невиданный рост производительных сил китайского общества, и по многим показателям Китай вышел в мировые лидеры. Поэтому использование слов «отсталое общественное производство» уже не соответствует действительности. Во-вторых, произошло значительное улучшение жизни народа не только в материальном отношении, но и в обеспечении демократических прав людей, управлении обществом на основе законов, безопасности граждан, охраны окружающей среды и т.д. Поэтому говорить только об удовлетворении материальных и культурных потребностей народа уже нельзя: эта формулировка «не может всесторонне отражать надежды, чаяния и требования народных масс».

Идеи Си Цзиньпина включают также следующие положения:

- переориентация экономики на уровень качественного развития;
- ужесточение внутрипартийного контроля;
- решительная борьба с коррупцией;
- постоянное подчеркивание руководящей роли партии, чистоты её рядов;
- всестороннее осуществление социалистической модернизации;
- осуществление Проекта «один пояс, один путь»;
- осуществление всестороннего строительства зажиточного общества;
- комплексное строительство экономики, политики, культуры, общества и экологии;
- строительство богатой, могущественной, демократической, цивилизованной, гармоничной, прекрасной державы;
- борьба против исторического нигилизма;

Следует отметить, что все вышеперечисленные элементы китаизированного марксизма включены в Программную часть Устава партии. При этом теория Дэн Сяопина была включена в него после смерти её основателя, а «важная идея тройного представительства» и «концепция научного развития» – после ухода Цзян Цзэмина и Ху Цзиньгао в отставку; единственное исключение составляло учение Мао Цзэдуна: оно стало руководящей идеологией партии ещё при его жизни.

В то же время, включение в Устав партии «идей Си Цзиньпина о социализме с китайской спецификой в новую эпоху» произошло во время нахождения его на посту Генерального секретаря ЦК КПК.

Подобное обстоятельство, на мой взгляд, можно объяснить рядом причин. Во-первых, XIX съезд партии поставил перед китайским обществом

очень серьёзные задачи, в этих условиях требуется сплоченность членов партии и граждан страны вокруг руководства страны и её лидера. Во-вторых, в последние годы Си Цзиньпин развернул широкомасштабную борьбу против коррупции, которая затронула многих сотрудников партийного и государственного аппарата, в том числе из высшего звена. Естественно, что это не могло понравиться представителям коррумпированного чиновничества. В-третьих, необходимость сильного руководства требует осложнившаяся международная обстановка. В-четвёртых, требуются большие целенаправленные усилия по осуществлению глобального проекта «один пояс – один путь», в орбиту которого вовлечено более 60 стран с населением 4 млрд. человек.

Достижения Китая для многих стран становятся примером для подражания; в случае реализации Программы второго столетия, Китай в своем развитии уйдет далеко вперед по сравнению с другими государствами мира, в том числе, и с Россией, которая, по мнению некоторых экспертов, уже никогда его не догонит. Китай де факто стал лидером всех развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки. Следует подчеркнуть, что нынешнее китайское руководство взяло курс на активную внешнюю политику, заинтересованное участие Китая в решении сложнейших международных проблем, что, несомненно, обусловлено мощным экономическим потенциалом страны. В начале осуществления «политики реформ и открытости» Дэн Сяопин, учитывая невысокий уровень китайской экономики, говорил буквально следующее об участии Китая в международных делах: «Нам не нужно высываться, нам надо заниматься своими делами».

Руководство Компартии Китая позиционирует себя не только как продолжателя идей основоположников марксизма-ленинизма – Маркса, Энгельса и Ленина, но и как представителя современного марксизма, развивающего и обновляющего учение классиков.

¹ История международного коммунистического движения. М., 2016. С. 199.

² Там же. С. 290-291.

³ Там же. С. 229.

⁴ Там же. С. 339.

Ю.В. Шахин

ЛЕНИНИЗМ И ЛЕВЫЙ КОММУНИЗМ: ПРОТИВОРЕЧИЯ МАРКСИСТСКОЙ МЫСЛИ В СТОЛЕТИЕ ИМПЕРИАЛИЗМА

Распад Советского Союза вызвал глубокий кризис марксистской теоретической мысли. Если следовать официальной советской точке зрения о том, что СССР и его общественный строй были воплощением теоретиче-

ских предсказаний Маркса, Энгельса и Ленина, тогда нужно признать, что эти прогнозы оказались научно несостоятельны. Якобы предсказанный ими строй оказался менее эффективен, чем капитализм, и пал под воздействием внутренних противоречий. Получалось, что нужно либо признать наличие социализма в СССР, но при этом поставить под сомнение верность марксизма, либо поставить под сомнение наличие социализма в СССР, но при этом признать верность марксизма, либо наконец найти какое-то среднее решение между этими двумя крайними позициями. Еще до распада СССР неоднократно была замечена существенная разница между теоретическими предсказаниями марксизма и реальной общественной жизнью Советского Союза. После открытия ранее недоступных архивов, она стала подкрепляться все новыми и новыми фактами. Это обстоятельство и предопределило выбор автора – спасти марксизм, пожертвовав советским строем.

Как выяснилось в 1990-е гг., за рубежом всё двадцатое столетие существовала непрерывная марксистская традиция, подходившая к проблеме СССР именно с таких позиций. Для нее распад Советского Союза не стал теоретической катастрофой. Хотя ее теории тоже подверглись испытанию этим суровым опытом, они в худшем случае подверглись уточнению, но никак не разгрому. Эта традиция известна как левый коммунизм, а в обиходе постсоветских левых она еще обозначается как госкап (государственный капитализм). Таким образом, это оказалась наиболее теоретически последовательная ветвь марксизма. Однако ее противники традиционно задают вопрос: раз она так последовательна, где же ее плоды и практические достижения? В дальнейшем изложении мы посмотрим, как левый коммунизм соотносится с высшей исторической формой марксизма – с ленинизмом, чьи практические успехи в первой половине XX века не может отрицать даже самый скептический наблюдатель.

Рассматривать развитие тех или иных форм политического марксизма невозможно без анализа процессов в мировой капиталистической системе и политической активности пролетариата. В этой связи мы должны констатировать, что наивысший подъем революционного рабочего движения приходится на 1917-1923 гг. и окончательно сменяется глубоким спадом к началу второй мировой войны. Этот же период характеризуется наиболее глубоким кризисом мировой капиталистической системы. Наоборот, после второй мировой войны она переживает эпоху невиданной колоссальной экспансии и расцвета, тогда как революционное рабочее движение, несмотря на отдельные всплески, в целом пребывает в состоянии глубокого упадка.

Ленинизм возникает и распространяется именно в период наивысшего подъема рабочего движения и наиболее глубокого революционного кризиса мировой капиталистической системы. Как выразился в этой связи Зиновьев, ленинизм – это марксизм эпохи монополистического капитализма,

империалистических войн, национально-освободительных движений, пролетарских революций. А в период упадка революционных настроений уже в 1930-е годы ленинизм окончательно разлагается, и из его разложения возникают сталинизм, троцкизм и госкап (левый коммунизм).

Эти факты позволяют говорить, что ленинизм является высшей из известных нам в истории форм революционного марксизма. Этот вывод подтверждается и содержательно. Ленинизму присущи глубина стратегии, широта и гибкость тактики, полное отсутствие догматизма, он дает яркие образцы практического применения диалектики в политической борьбе, организационно воплотился в массовых революционных движениях. Ничего этого нельзя обнаружить в продуктах его разложения. Сталинизм, троцкизм и госкап по общему правилу отличает догматизм, метафизическое мышление, сектантство. Кроме того, сталинисты и значительная часть троцкистов отличаются идейной беспринципностью, которая ведет к забвению базовых принципов революционного социализма. В результате часть сталинистов на деле стала правыми консерваторами, а другая часть, равно как и троцкисты – дала особые разновидности социал-демократии. Зато те, кто проявляли рвение в сохранении революционных принципов социализма, превратились в мелкие секты, которые не могут никак повлиять на соотношение классовых сил, зато все свои ресурсы тратят на отстаивание идейной чистоты. Творческий марксизм, как правило, развивается в академической среде, изолированно от классовой борьбы и практической политической работы, тем самым еще раз подтверждая разрыв теории и практики после разложения ленинизма. В этой печальной картине есть отдельные положительные исключения, но они теряются на общем фоне.

Идеи не имеют самостоятельной истории, потому ошибочно приписывать это положение каким-то «органическим порокам» ленинских идей, как делают это толпы правых и левых критиков ленинизма. Данное состояние – результат развития мирового капитализма. Революционный подъем дал короткий, но яркий всплеск революционного марксизма в форме ленинизма. Контрреволюция и эпоха длительной стабилизации дала именно то, что мы имеем на сегодняшний день.

Из этого следует, что наше отношение к ленинизму должно быть исключительно бережным и тщательным. Это высшая из известных нам форм революционного марксизма, ее достижения никем и нигде до сих пор не превзойдены, потому их нужно внимательно изучать и осмысливать.

Такое отношение тем более необходимо, что период стабильности капитализма не может быть вечным. Если верны наши оценки, то на рубеже XX и XXI века начали формироваться условия для нового системного кризиса мирового капитализма. Следовательно, мы идем к новой эпохе социалистических революций. Чем ближе мы к ней окажемся, тем актуальнее для нас

будет опыт прошлой революционной волны и тем непростительней будет игнорирование ленинизма.

В этом месте можно выдвинуть возражение, что дважды в одну и ту же реку войти нельзя, и ленинизм нельзя возродить искусственно, хотя бы потому, что он сам исчез в силу естественного развития: ленинизм аннигилировался без остатка, дав сталинизм, троцкизм и госкап (левый коммунизм). А поскольку ленинизм теперь в чистом виде не существует, нужно примкнуть к одной из этих трех традиций, а о ленинизме просто позабыть.

Автору такой подход представляется в корне неверным. Нельзя просто так отбрасывать высшую известную форму революционного марксизма. Нужно проследить, какие из последующих направлений сохранили ее наследие наиболее полно. Во-первых, как понятно из предшествующего изложения, сталинизм и троцкизм следует отвергнуть как более или менее существенный отход от достижений марксизма. Во-вторых, нам нужно выяснить, какие направления в госкапе сохранили ленинское наследие лучше всего?

В левом коммунизме, как известно, есть два основных направления – германо-голландское и итало-французское. Первое открыто отрицает ленинизм, второе наоборот претендует на продолжение ленинизма. Поэтому германско-голландское направление нужно отбросить так же как сталинизм и троцкизм и сосредоточиться на итало-французских левых.

Несомненная заслуга итало-французских левых в том, что они сумели дать наиболее адекватные ответы на вопросы, которые встали перед мировым коммунистическим движением в период контрреволюции. Во-первых, они правильно определили общественный строй СССР как государственный капитализм, а потому, в отличие от Троцкого, дали более верное объяснение сталинской контрреволюции. Во-вторых, они дали наиболее глубокую теоретическую критику политики народных фронтов и осмыслили перерождение Коминтерна. В-третьих, именно из их рядов были даны наиболее верные прогнозы развития мирового капитализма, а Черветто и Пароди в «Тезисах 1957 года» вообще дали целостное марксистское объяснение развития мирового капитализма в XX веке. Все это доказывает, что итало-французские левые коммунисты внесли несомненный вклад в развитие марксизма, и в этом они превзошли исторический ленинизм.

Но с другой стороны им не удалось сохранить все богатство ленинизма в его полном объеме. Сектанство, отсутствие гибкой тактики, боязнь компромиссов, отказ от борьбы за промежуточные (т.н. демократические) требования, фетишизация отдельных организационных форм и т.п. пороки глубоко отделяют их от ленинизма и роднят с германо-голландскими левыми. Да, они сохранили в основе своего теоретического багажа ленинизм, но этот ленинизм усеченный, бесплодный. Ленинская теория на практике применяется ими очень избирательно и ограниченно.

Но иначе не могло и быть. Вновь напомним, что ленинизм – это наивысшая форма революционного марксизма. Как могла сохраниться эта форма в условиях контрреволюционного периода, при отсутствии революционной практики? Даже если бы итало-французские левые хотели, они бы не смогли в своей практической работе следовать заветам Ленина. Какие могут быть компромиссы, маневры и гибкая тактика, когда, по словам бордигистов, на повестке дня стоял лозунг «не предавать»? Троцкий попробовал всё это делать, а в результате создал IV Интернационал, начавший разлагаться в момент возникновения, и вдохновил все те чудеса троцкизма, которые существуют по сей день.

На фоне партий IV Интернационала выбор левых коммунистов выглядит куда предпочтительней. Они замкнулись в секту «хранителей огня», как сказал бы Кагарлицкий. Между тем, маленький, тщательно охраняемый костер это не то же самое, что и бушующий пожар. Потому не удивительно, что эти хранители огня искусственно сузили и обрубили ленинизм, сведя его к таким узким рамкам, в которых только и возможно было сохранение остатков революционного пламени.

Мы должны сказать им за это спасибо. Конечно, они сохранили наследие ленинизма в усеченном виде, но никто ведь не сделал этого лучше, чем они. Да к тому же, как было показано выше, они это наследие обогатили. И без того положительного вклада, который дал левый коммунизм (го-скап), невозможно теперь дальнейшее движение вперед.

Теперь наконец-то можно подойти к главному тезису. Несмотря на все плюсы и минусы левого коммунизма, мы не должны себя с ним полностью отождествлять, даже если речь идет об итало-французских левых. Левый коммунизм как секта хранителей огня формировался в эпоху контрреволюции. Но если верно, что мы стоим у порога нового революционного периода, то тогда левый коммунизм следует воспринимать как анахронизм или отходящую в прошлое форму революционного марксизма. Чем ближе новая революционная эпоха, тем более актуальным становится опыт ленинизма.

Но как уже было сказано, никакое дальнейшее развитие политического марксизма невозможно, если отбросить достижения левого коммунизма. Проблема может быть решена только путем синтеза достижений левого коммунизма с ленинизмом на основе опыта нового революционного подъема.

Это не выдумка автора. Такой синтез уже идет, и мы даже знаем два его успешных примера. Это «Лотта коммуниста» в Италии и «Коммунистический голос» в США. Другое дело, что продукт их синтеза нас во многом не устраивает. Так Лотта догматически настаивает только на одной организационной форме партии, позаимствованной у левых коммунистов, тогда как ленинизм универсального организационного рецепта не имеет. А «Комму-

нистический голос», например, не испытал того глубокого неприятия буржуазной демократии, которое отличает бордигистов, и позволяет себе в ее отношении значительные иллюзии.

Потому задача марксистов включиться в этот процесс синтеза. Его результатом должен быть ленинизм, обогащенный достижениями левого коммунизма, но свободный от его недостатков и модифицированный в соответствии с особенностями новой революционной эпохи. То есть по существу это будет новая форма революционного марксизма. Но ленинизм будет его краеугольным камнем, а связующей эту форму и ленинизм нитью будет левый коммунизм в итало-французской версии.

С.В. Орлов

ПУТИ РАЗВИТИЯ МАРКСИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ТРУДА В ЭПОХУ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. В современной философской литературе распространен подход, согласно которому информационное общество – это общество знания, в котором физический труд постепенно вытесняется умственным трудом. Марксистская материалистическая методология позволяет, по мнению автора, показать, что в информационную эпоху продолжается формирование открытого еще К. Марксом типа труда – всеобщего труда. Его основной современной разновидностью является компьютерный труд, состоящий в производстве абстрактных материальных структур. Виртуальная компьютерная реальность может быть рассмотрена как особая, искусственно созданная форма материи, обладающая свойствами квазиидеальности и квазисубъективности. Компьютерный труд, формирующий эту реальность, оказывает сложное воздействие на всю систему социальных процессов.

Ключевые слова: информационное общество, всеобщий труд, вырождение стоимостного отношения, компьютерный труд, виртуальная компьютерная реальность, квазиидеальность и квазисубъективность.

Философская концепция труда и концепция человека как трудящегося существа занимает одно из ключевых мест в научном наследии К. Маркса, Г.В. Плеханова, В.И. Ленина и их последователей. Разделение труда на абстрактный и конкретный позволило Марксу раскрыть механизм присвоения прибавочной стоимости и функционирования капиталистической экономики в целом. Известно, что смена общественно-экономических формаций прямо связана с усложнением трудового процесса, ростом производительности труда, появлением более эффективных технологий и развитием способностей человеческой личности, которая эти более совершенные формы трудовой деятельности создает и использует. Логично предположить, что формирование современного постиндустриального, или

информационного, общества тоже не может быть до конца осмыслено без исследования изменений процесса труда, которые явно происходят в мире в последние десятилетия.

При анализе перспектив изменения характера трудовой деятельности в советской философской литературе было наиболее популярно представление, согласно которому общественный прогресс сопровождается сокращением физического труда и увеличением объема умственного труда. Например, известный специалист по философии и социологии труда И.И. Чангли писала: «...Основной, важнейший компонент могущества науки в коммунистическом обществе и основа расцвета общества в целом – всемерное развитие *интеллекта всех трудящихся*... Труд посвящен по преимуществу *производству знаний*»¹. Особую роль умственного труда в постиндустриальном обществе исследовал Питер Друкер². Д. Белл прямо называл современное общество «обществом знаний», в котором умственный труд становится приоритетным. Т.Б. Длугач обращает внимание на сформулированное К. Марксом понятие всеобщего труда (*generalwork*), указывающее на главное направление изменений характера трудовой деятельности в условиях развитого капиталистического общества и социализма. «Всеобщий духовный труд – целостный творческий труд, его нельзя разделить на умственный и физический; изобретатель и создает новое представление (новую идею), и выражает ее характеристики (параметры, свойства) в определенных формах (формулах)»³. Всеобщий труд трактуется автором именно как духовный, умственный, противоположный физическому (обычно тяжелому, нетворческому, рутинному и т.п.) труду. Но все ли проблемы изменения трудовой деятельности в нашу эпоху укладываются в простую формулу: вытеснение творческим умственным трудом тяжелого нетворческого физического труда? Не дает ли марксово понятие всеобщего труда ключ к новой, более глубокой постановке проблемы труда в информационном обществе?

А.В. Бузгалин и А.И. Колганов разработали концепцию развития труда в информационном обществе как формирования креатосферы, творческой деятельности, лежащей «по ту сторону материального производства», в которой совершается превращение творческого компонента труда в его доминанту⁴. «Итак, – пишут они, – “ресурсы”, которыми являются *феномены культуры*, относятся к миру, лежащему “по ту сторону материального производства». Они *являются всеобщими, неограниченными, не уничтожимыми*»⁵. «...*Рождение креатосферы*, вытеснение собственно материального производства – это процессы, которые только начались в современном мире»⁶.

Безусловно, увеличение творческого компонента – важнейшая особенность развития труда в информационную эпоху. Однако нам представляется, что останавливаться на этом нельзя. Необходимо продолжить анализ трудовой деятельности на основе принципов материалистического понима-

ния истории и попытаться выяснить, какие еще процессы изменений (кроме уменьшения объема нетворческого физического труда и возрастания роли творческой деятельности) происходят в информационном обществе.

Для этого прежде всего уточним, что альтернатива «умственный (духовный) труд – физический труд» не выражает до конца все особенности реальности информационной эпохи. Из фундаментальных принципов философии следует, что труд можно разделить также на духовный (умственный) и материальный. Духовный труд – это деятельность в сфере знаний, материальный – в сфере материальных природных и социальных процессов. Материальный труд далеко не тождественен физическому: под физическим трудом исторически понимали только одну из сфер материального, связанную с низкоквалифицированной, сравнительно простой, нетворческой деятельностью, характеризующейся высокими энергозатратами человека и выполняемой в основном представителями эксплуатируемых классов. Труд высококвалифицированных творческих специалистов по конструированию, строительству новой техники, синтезу новых химических веществ, предоставлению многих материальных услуг нельзя в полной мере отнести к физическому труду, хотя он и является материальным. Творческий труд существует не только в духовной сфере – материальное творчество, создание новой техники и технологий является в исторической перспективе необходимым условием развития духовного творчества. Например, обязательное условие творческой деятельности программиста – создание человеческим трудом сложной материально-технической базы, без которой никакие «мысли» о программировании не могли бы даже возникнуть.

Описанный К. Марксом всеобщий труд, как нам представляется, включает в себя и материальный, и духовный компонент, становится неким синтезом этих форм труда, создающим механизм преодоления различий между умственным и физическим трудом. В рамках российской марксистской традиции попытка дальнейшей разработки понятия всеобщего труда была предпринята, например, представителями школы научной философии Пермского государственного университета. Так, В.В. Орлов пишет: «Возникновение *всеобщего*, или *научного*, труда (внешне выраженное как вытеснение материального труда умственным), когда «действительное богатство общества» начинает все более зависеть не от затрат *непосредственного, абстрактного* труда, измеряемого рабочим временем, а от мощи *тех всеобщих сил человека*, которые позволяют вовлекать в производственный процесс все более мощные силы природы, означает *разрушение той пропорциональности или соответствия*, которое существует между вещественным и абстрактным богатством, потребительными стоимостями и стоимостью, порциями абстрактного труда. Иными словами, *разрушение, вырождение*

стоимости, стоимостного отношения, которое лежит в основе товарного производства вообще, капиталистического – в особенности. Происходит, словами Маркса, *разложение, разрушение капитала*. Этот процесс, предсказанный Марксом, имеет весьма сложный характер и, очевидно, должен пройти исторически длительный путь, предсказать который Маркс, естественно, не брался»⁷.

Наиболее развитой современной формой абстрактного труда является, с нашей точки зрения, *компьютерный труд*. Он требует самого глубокого анализа, так как является не просто новым направлением трудовой деятельности, а сложным явлением, меняющим в некоторой степени наши философские представления об отношении человека к материальному миру.

Суть компьютерного труда определяется некоторыми авторами как «производство абстрактных материальных структур»⁸. *Абстрактные материальные структуры* кардинально отличаются от традиционного продукта промышленного производства индустриального общества. Они материальны, так как существуют в виде компьютерных программ и контента файлов в компьютерных системах, не содержащих никаких духовных, нематериальных компонентов. Одни и те же одинаковые материальные частицы и способы их ориентации в физическом пространстве могут записывать в форме информации практически любые человеческие знания. Их язык универсален, как и человеческий язык. Компьютерные программы и информационный контент физически существуют как микроскопические материальные структуры (заряженные магнитные частицы), позволяющие оперировать информацией, моделируя при этом некоторые психические процессы. Компьютерная виртуальная реальность образует новую, специфическую сферу материального мира, принципиально отличающуюся от других его областей. В то же время компьютерная программа и информационный контент обладают значительным внешним сходством с идеальными процессами и успешно моделируют некоторые их функции. Это сходство мы пытались охарактеризовать как *квазиидеальность* и *квазисубъективность*⁹. Квазиидеальность состоит в том, что содержание компьютерной программы и созданного с ее помощью информационного контента – не собственные свойства записывающих и сохраняющих их частиц, а содержание предметов и процессов, которые отражены в программе и файлах, для изучения и дальнейшего преобразования которых программа создается. Внешне это напоминает, но не полностью повторяет такую основополагающую черту сознания, как *идеальность*, то есть способность своеобразным способом удваивать мир, придавая материальным вещам и явлениям второе, производное существование, а именно, существование не на их собственном материальном субстрате, а на универсальном субстрате человеческого мозга в виде субъективных мысленных образов реальных предметов.

Известно, что отражение действительности в идеальной форме позволяет человеческому сознанию мысленно конструировать потребное будущее и опредмечивать сконструированные таким путем объекты и процессы посредством материальной трудовой деятельности. Так было уже в «докомпьютерную» эпоху. В нашу эпоху этот механизм усложняется. В информационном обществе компьютерная программа создает возможность как бы «растянуть» процесс материализации (опредмечивания) идеальных конструкций, добавив в него переходную ступень. Материализация целевых идеальных образов в процессе компьютерного труда совершается сначала в форме абстрактных материальных структур (компьютерных программ и контента), не обладающих, как и идеальный образ, реальными физическими (точнее, материальными) свойствами изучаемых вещей. Уже потом, на втором этапе процесса труда, отделенном от первого в пространстве и во времени, происходит воздействие на предмет внешнего мира посредством алгоритмов, записанных на субстрате абстрактных материальных структур в квазиидеальной, материальной компьютерной программе.

Программа сама становится средством производства (средством труда) и этим принципиально отличается от такого классического носителя информации, как, например, книга. Книга и ее информационный контент не могут самостоятельно воздействовать на технологические процессы в материальном производстве. Она влияет на реальные события, происходящие в материальном мире, только в том случае, если ее прочитал человек, который декодировал имеющуюся в ней информацию, перевел эту информацию в идеальную форму (в знание) и использовал ее для практического воздействия на материальные процессы. Компьютерная программа, наоборот, влияет на технологические процессы материального производства прямо и непосредственно (тут можно вспомнить аналогичную мысль К. Маркса о превращении науки в непосредственную производительную силу). Программа функционирует как микроскопический материальный инструмент (или управляет микроскопическими материальными инструментами, заряженными частицами), который далее с помощью компьютерной техники управляет технологическими процессами – например, движением рабочей машины в механическом производстве. В результате возникновения компьютерного труда в структуре материального производства появляется новый промежуточный материальный (квазиидеальный) компонент, усложняющий и совершенствующий воздействие идеального образа на материальный продукт труда. Особенности виртуальной компьютерной реальности позволяют отнести ее к тем «дикивинным» формам материи, открытие которых предсказывал еще В. И. Ленин.

Таким образом, изменение труда в современном информационном обществе, вырождение стоимостного отношения включает в себя ряд новых

явлений, требующих дальнейшего философского и экономического анализа. Это создание человеком особой, искусственной сферы материального бытия – компьютерной виртуальной реальности, в которой реализуется компьютерный труд как производство абстрактных материальных структур, и новые, усложненные механизмы воздействия человеческого разума на вещество природы. Формируются необычные формы материального труда, отличающиеся как от физического, так и от умственного труда предыдущих эпох. Новые общественные движения, так называемые «цветные» и «бархатные» революции, изменения в классовой структуре и новые типы человеческой личности прямо или косвенно выражают реальности общества, основанного на возникающих сейчас формах труда.

¹ Чангли И.И. Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. М., 2010. С. 49.

² Друкер П.Ф. Задачи менеджмента в XXI в. М., 2001. С. 181–212.

³ Длугач Т.Б. Маркс: вчера и сегодня. Часть II // Вопросы философии. 2015. № 1. С. 24.

⁴ Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. В 2-х т. Т. 2. Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы. М., 2015. С. 92.

⁵ Там же. С. 121.

⁶ Там же. С. 137.

⁷ Орлов В.В. Философия экономики. Пермь, 2005. С. 210

⁸ Там же. С. 224.

⁹ Орлов С.В. Философский материализм в эпоху информационного общества (концепция материи и виртуальная реальность) // Философия и общество. 2012. № 1. С. 42–54; Он же. Философия информационного общества: новые идеи и проблемы: [Электронный ресурс] // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе : Электрон. журн. / С.-Петербург. ун-т аэрокосмического приборостроения. 2013. № 1. С. 11–25. URL: <http://fikio.ru/wpcontent/uploads/2013/06/Filosofija-igumanitarnyje-nauki-v-informatsionnomobschestve-2013-01.pdf> (дата обращения: 01.03.2018); Он же. Виртуальная реальность как искусственно созданная форма материи: структура и основные закономерности развития : [Электронный ресурс] // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе : Электрон. журн. / С.-Петербург. ун-т аэрокосмического приборостроения. 2016. № 1. С. 12–25. URL: <http://fikio.ru/wpcontent/uploads/2016/09/Filosofija-i-gumanitarnyienauki-v-informatsionnom-obschestve-2016-01.pdf> (дата обращения: 01.03.2018).

И. Манчев

КАРЛ МАРКС И ЗАКОН О СТОИМОСТИ – СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Аннотация. В данной работе рассматривается вопрос о стоимости как один из самых главных в марксистской экономической теории. В связи с этим приводится понятие «стоимости», определенного Марксом в качестве «социально необходимого абстрактного труда», и демонстрируются возможности современного математического аппарата матрицы межотраслевых связей для его измерения и практического использования.

Ключевые слова: Карл Маркс, закон о стоимости, трудовая теория стоимости, потребительная стоимость, обменная стоимость, баланс межотраслевых связей.

В известном письме к Людвигу Кугельману от 11 июля 1868 г. Карл Маркс отмечает, что задача науки **состоит именно в том, чтобы раскрыть, как закон стоимости прокладывает себе путь**. Маркс уходит вперед от своих знаменитых предшественников: «А форма, в которой прокладывает себе путь это пропорциональное распределение труда, при том состоянии общества, когда связь общественного труда существует в виде **частного обмена** индивидуальных продуктов труда, – эта форма и есть **меновая стоимость** этих продуктов»¹.

Согласно *трудовой теории стоимости*, стоимость без каких либо дефинирующих ее прилагательных, теоретически, должна относиться к количеству труда, необходимому для производства каждой единицы товара. Как и Давид Рикардо, так и Карл Маркс пытаются определить количественно и учесть все трудовые компоненты с целью определения реальной (естественной) цены. В отличие от них, Адам Смит относит стоимость к спросу и предложению, он заявляет: «Действительная цена любой вещи, то, сколько каждая вещь действительно стоит тому, кто хочет ее заполучить, включает также усилие и сложности, необходимые для ее получения. То, сколько каждая вещь действительно стоит тому, кто ее приобрел и кто желает ею располагать или же хочет разменять на что-то другое, это усилие и затруднение, которое эта вещь может ему сэкономить и то, что может впечатлить других людей»². В этом смысле труд в представлении Адама Смита не имеет отношения к заранее совершенному, а это труд, который можно сэкономить за счет владения некой вещью.

Потребительная стоимость – это приложимость данного товара, его полезность. Классический парадокс, который часто упоминается в связи с этим видом стоимости, описан Адамом Смитом следующим образом: «Нужно заметить, что у слова стоимость есть два разных значения – иногда оно выражает полезность данного предмета, а иногда возможность приобретения других вещей, которую предоставляет обладание этим предметом. Первое можно назвать потребительной стоимостью, а второе – обменной стоимостью. Вещи, у которых наибольшая потребительная стоимость, зачастую имеют маленькую или не имеют никакой обменной стоимости, и обратное»³.

Обменная стоимость – это количественное соотношение, по которому потребительная стоимость одного вида (конкретного товара) обменивается на потребительную стоимость другого вида (других товаров), иными словами, ее денежная стоимость – цена. Ее можно соотнести к труду, как объясняет Адам Смит: «Стоимость каждого одного товара... для человека,

который им владеет и который собирается не потреблять и не использовать его, а обменивать его, равна количеству труда, который этот товар позволяет ему купить или заказать. Следовательно, труд является истинной мерой для вычисления обменной стоимости товаров»⁴.

Карл Маркс же определяет стоимость товаров через третью дефиницию. По его словам, стоимость – это «социально необходимый абстрактный труд», воплощенный в данном товаре. По мнению Давида Рикардо и других классических экономистов, это определение служит мерой «реальной стоимости», «абсолютной стоимости» или «мерой стоимости», неизменяемой при изменении в распределении или технологиях⁵.

Во времена, когда жил Карл Маркс, «социально необходимый абстрактный труд» нельзя было измерить. Но сегодня это уже возможно благодаря развитию марксистской теории и ее обогащению инструментарием **баланса междуотраслевых связей**, предложенному нобелевским лауреатом Василием Леонтьевым и акад. Евгением Матеевым.

Основой для аппарата, который измеряет обуславливающую роль экзогенных факторов, являются элементы обратной матрицы баланса междуотраслевых связей $(E - A)^{-1}$ из общего уравнения:

$$X = (E - A)^{-1} Y$$

Чтобы эта связь проявилась по-настоящему, мы используем превращение одного эндогенного элемента в экзогенный как отправную точку⁶.

Давайте вычтем элемент i из матрицы и превратим его таким образом в экзогенный ресурс – это означает перенести его воспроизведение вон из системы, возможно, за счет свободного вектора Y .

Чтобы отделить эту часть от x_i , вместе с которым он воспроизводится в системе, преобразуем равенство (4.4.a), разложив D по векторному столбцу i и перенесем члены вправо. Получаем:

$$x_i = \left(y_1 \frac{A_{1i}}{A_{ii}} + y_2 \frac{A_{2i}}{A_{ii}} + \dots + y_n \frac{A_{ni}}{A_{ii}} \right) + \left(a_{1i} \frac{A_{1i}}{A_{ii}} + a_{2i} \frac{A_{2i}}{A_{ii}} + \dots + a_{ii} + \dots + a_{ni} \frac{A_{ni}}{A_{ii}} \right)$$

Вторая сумма в правой части выражает прямые плюс косвенные расходы x_i для собственного воспроизводства внутри системы в виде эндогенного ресурса, первая сумма справа выражает прямые плюс косвенные расходы x_i для конечной продукции Y , в этот раз в виде экзогенного фактора. Как можно заметить, от позиции x_i как экзогенного ресурса, на месте элемента A_{ji}/D приходят элементы A_{ji}/A_{ii} , т.е. знаменателем служит детерминанта, но уже системой с одним рангом ниже. Новая детерминанта выражает коэффициент полезного действия, который суженная система использует элемент i как экзогенный ресурс. Отношение A_{ji}/A_{ii} представляет *цену* в виде единичной продукции j , измеренной с физической мерой экзогенного фактора i . Если, например, n – рабочее время, то после его вычитания

из системы и превращения его в экзогенный ресурс, коэффициент A_{jn}/A_{in} будет точной мерой этой величины, которую Маркс обозначает как *абсолютная стоимость*.

Мы воспользовались преобразованием, чтобы иллюстрировать преemptивность меры расходов экзогенного ресурса с его мерой расходов как эндогенного ресурса. Конечно, не каждый ресурс существует в такой свободной форме, когда его можно по выбору рассматривать как эндогенный или как экзогенный. Поэтому приходится воспользоваться одним общезначимым аппаратом, который сможет показать нам прямые плюс косвенные расходы какого бы то ни было экзогенного фактора. Такому аппарату может послужить матричное уравнение:

$$(E - \tilde{A})p^z = A^z$$

Где \tilde{A} – транспонированная матрица, которая, естественно, не содержит экзогенный фактор (тильда служит для того, чтобы разграничить матрицу с рангом n , которая содержит в себе данный фактор, от матрицы с рангом $n - 1$, которая этот фактор не содержит; $A^z = (a_{z1}, a_{z2}, \dots, a_{zn})$ – вектор прямых расходов экзогенного фактора z на единицу продукции системы; $P_z = (p_1^z, p_2^z, \dots, p_n^z)$ – вектор полного (прямого плюс косвенного) расхода фактора z как цена типа z на единицу продукции j системы. Решение для продукта j будет

$$p_j^z = \frac{A_{j1}}{D} a_{z1} + \frac{A_{j2}}{D} a_{z2} + \dots + \frac{A_{jj}}{D} a_{zj} + \dots + \frac{A_{jn}}{D} a_{zn}$$

Естественно, если мы определим полные расходы рабочего (абсолютную стоимость) по равенству, где матрица $(E - A)$ с рангом n , или по равенству, где транспортированная матрица \tilde{A} с рангом $n - 1$, мы получим одинаковый результат для цены на единицу продукции j :

$$\frac{A_{ji}}{A_{ii}} = p_j^z.$$

а) Давайте примем за экзогенный фактор z рабочее время. Величина p_j^z будет означать, как было уже сказано, *абсолютную стоимость*. Если мы сравним p_j^z двух соседних периодов, увидим, как увеличивается интенсивность экономической системы, в частности – элемента j , по отношению к основному решающему фактору – *рабочему времени*, то есть, как прямо и косвенно уменьшился этот расход на единицу продукции продукта j , взятого как конечного.

По традиции интерес к **прямым плюс косвенным расходам на рабочее время** (т.е. как абсолютная стоимость) всегда был очень высоким. Но в последнее время быстро растет интерес к **прямым плюс косвенным расходам на природные ресурсы**. В частности экологи «открыли» (для экономистов

это никакое не «открытие»!), что на одну единицу калорий в пище человека сейчас используется намного больше энергии, чем в первобытной экономике. В большинстве случаев вычисления подобного рода делаются без точного определения системы и без адекватного математического аппарата, который бы обеспечил необходимую точность. Но в любом случае интерес к этим коэффициентам очень высок, и, что важнее всего, растет их значение при формулировании тех или иных выводов, имеющих особую значимость для выработки социально-экономической политики. Поэтому один системный и достаточно точный структурный анализ экономики и ее отношения к природным ресурсам не может иметь ярко выраженное академическое значение. Обратная матрица межотраслевых отношений как подходящий для этого анализа инструмент уже начинает приобретать прямую практическую функцию.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 32. С. 461,

² Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Кн. 1. Гл. V. М., 2017.

³ Смит А. Там же. Гл. IV.

⁴ Смит А. Там же. Гл. V.

⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соб. соч., София, 1970-1990 г.

⁶ Матеев Е. Структура и управление экономической системой. София, 2015. С. 99 и далее.

В.М. Абрамчук

МАРКСИЗМ И ЕГО ПЕРСПЕКТИВЫ В РУМЫНИИ

Аннотация. Влияние учения К. Маркса на румын всегда было и остается очень значительным. Румыны гордятся тем, что в своих рукописях К. Маркс выразил своё отношение к некоторым событиям из их истории и определил румын как революционный народ.

Румыния интересна тем, что исторически она шла разными путями развития: капиталистическим, полуфеодальным, социалистическим в форме народной республики и капиталистическим полумафиозным. Страна, являвшаяся членом Совета экономической взаимопомощи и участником Организации Варшавского договора, объединявших социалистические государства, сегодня – член Евросоюза и военного блока НАТО. Современное гражданское общество в Румынии, показало себя способным к самоорганизации и успешным в продвижении демократической требований, примером чего могут служить отставки нескольких Правительств.

На румынском политическом поле марксистской направленности развиваются несколько параллельных движений: реформаторские, социал-демократического толка и революционные, в форме коммунистических партий. Мировой экономический кризис заставил многих румын вернуться к учению К. Маркса. Нестабильность, инфляция, коррупция, безработица и неуверенность приводит к росту у румынских избирателей всё более выраженной ностальгии по «социалистическим временам». Труды К. Маркса и сегодня продолжают оставаться востребованными среди граждан: их издают, читают, обсуждают.

Ключевые слова: румынские левые, марксистская ложа, аутентичный марксизм, революционный марксизм, окаменевшие идеологические доктрины.

Современные общественно-политические левые движения Румынии (помимо правящей Социал-демократической партии – СДП), хотя и не представлены во власти и некоторые из них не прошли государственной регистрации, разнообразны по составу и программам, активно проявляют себя на политической арене страны.

Партии разрознены и ведут между собой борьбу за лидерство. В своей деятельности они в большей или меньшей степени руководствуются марксистской теорией, и их программы прямо или косвенно содержат некоторые марксистские положения.

Коммунистическая партия из Румынии (PCdR, Председатель – Флорин Раду) считается марксистской ложей. В своей деятельности и обращениях открыто называет себя марксистской, заявляя о том, что Румынии и миру нужен *настоящий марксизм, марксизм революционный*. Партия активна и ставит перед собой задачу стать полюсом объединения подлинных левых сил, по-настоящему марксистских и антиревизионистских. Подчёркивая, что опыт коммунистического прошлого достоин памяти, она ведёт борьбу с антимарксистскими и антикоммунистическими отклонениями румынских левых, пропагандирует марксистские и коммунистические ценности.

Румынская коммунистическая партия, после падения социалистического строя и последовавшего за ним ее запрещением в 1989 г., пережила раскол, в результате которого образовалось несколько организаций с коммунистической, социалистической и социал-демократической доктринами, но вновь возродилась в качестве единой в июле 2010 г. Для этого пришлось сменить название организации – «Социалистический альянс» – на новое: «Румынская коммунистическая партия (P.C.R.)». Однако из-за отказа в регистрации она находится в процессе судебного разбирательства в ЕСПЧ и действует в стране нелегально. Именно эта партия претендует на статус преемника Коммунистической партии времён социалистической Румынии.

Существует также Коммунистическая партия Румынии (PCDR, Председатель – Петре Игнэтеску), которая в тактических целях создала собственную партию-клон – Партию общества Румынии (PCR), зарегистрированную с тем же органом управления и с тем же руководителем формирования.

Как политическую силу левых позиционируют себя ныне правящая Социал-демократическая партия (PSD, Председатель – Ливиу Драгня) и Румынская социалистическая партия (PSR, Председатель – Константин Ротару), внутри левого движения их называют меньшевистскими партиями и социал-предателями. Недавно из членов PSD, разочаровавшихся в

руководстве Л. Драгни и реформах власти, была создана Румынская коммунистическая партия XXI века (*PCR-XXI*, Председатель Константин Крецу), которая объявляет себя более современной и реформистской, чем существующие, по их мнению, «доктринально окаменевшие силы».

Менее влиятельными являются: Социал-демократическая партия рабочих, Партия социальной справедливости, Партия социального единства, Румынская социальная партия, Неосоциалистическая партия, Партия «Сила пенсионеров».

Все перечисленные партии составляют левый политический спектр на национальном уровне. Кроме того, существует и ряд местных партий, разделяющих марксистские и коммунистические ценности. Но, ориентируясь в своей деятельности на решение региональных проблем, они меньше и реже используют революционную риторику.

Основная борьба между румынскими левыми ведётся сегодня за право на аутентичность. Две партии – Коммунистическая партия из Румынии (PCdR) и Румынская коммунистическая партия (P.C.R.), претендующая на статус преемницы партии времён Н. Чаушеску, – не используя взаимные обвинения, действуют синхронно против остальных левых партий, подвергая «тестам» декларируемые ими марксистские и коммунистические ценности. По мнению упомянутых партий, «аутентичный марксизм означает создание партии с коммунистической программой на 100% и её регистрацию с этой программой, если закон это позволит. Коммунистическая партия ведёт борьбу не будучи зарегистрированной, когда закон не позволяет ей участвовать на выборах со 100% коммунистической программой, а когда разрешает, партия совмещает выборную и невыборную борьбу, делая акцент на последней».

PCdR и P.C.R. в целом оценивают остальные левые партии, прежде всего, PCDR Петри Игнэеску и PSR Константина Ротару, как партии буржуазные, члены которых лишь именуют себя коммунистами, довольствуются возможностью постоянного или временного пребывания в государственных структурах, не помышляющих о победе над капитализмом в перспективе. P.C.R. и PCdR, не занимаясь практической партийной работой среди трудящихся, последовательно критикуют своих оппонентов за «отклонения» от марксистской идеологии, сотрудничество с властью, имитацию по-настоящему революционной деятельности, оставляя за собственными организациями *обязанность* и *право* осуждать и оценивать работу других.

Еще одна линия внутренней борьбы левых – это борьба с реформистами и социал-предателями.

Речь идёт о «фальшивых» коммунистах, антикоммунистах и коммунистах «ряженных». Обвинения идут, прежде всего, от марксистской ложи

(PCdR) в адрес отдельных лидеров левых партий, имеющих программы, содержащие марксистские и ленинские тезисы, но фактически ведущих к стагнации румынского марксистского движения, поскольку их деятельность не способствует самоорганизации румынского пролетариата. Так, Константин Ротару (PSR), названный «отцом всех партий коммунистической ориентации» (его Социалистический альянс вследствие постоянно происходящих расколов породил множество малых партий), своей пропагандой «рыночного социализма», на практике являющимся капитализмом, способствует превращению политических партий в О.О.О., партии, выбирающие путь поддержки и сотрудничество с правящей СДП (PSD).

Внутренняя борьба левых в связи с их оценкой текущих мировых событий

Дискуссии и взаимные обвинения идут по каждому событию, попадающему в их поле зрения. Партии обвиняют друг друга за проявленные симпатии к американцам, русским, китайцам, европейцам, арабам и т.д. В этом процессе особое место, занимают вопросы, связанные с интересами, местом Румынии и румынского народа в общемировых процессах. Одни партии (PCdR и P.C.R.) занимают, как они полагают, марксистскую, коммунистическую линию осуждения как западного, так и русского, «путинского», империализма, приводя аргументы псевдомарксистского толка.

«Критические марксисты» и представители партии П. Игнэеску-PCDR после присоединения Крыма к РФ настолько обвиняли Россию, что побратались с теми, кто осквернил место, где до 1990 г. стоял памятник В.И.Ленину, оклеив его очерняющими плакатами в адрес Ленина, большевизма и Октябрьской революции. Летом 2015 г., произошло еще событие, когда названные партии в лице своих руководителей открыто поддержали Правительство Румынии в его решении остановить поток беженцев в страну из стран Африки и Ближнего востока. Для этих целей было решено установить забор на границе с Сербией с тем, чтобы таким образом препятствовать иммиграции беженцами.

2. Марксизм и деятельность левых сил Румынии

Для современных марксистов деятельность румынских левых и, прежде всего тех, кто стоит на марксистских позициях, представляет несомненную ценность как в теоретическом, так и в практическом плане.

Румынские марксисты и коммунисты выступают с марксистско – ленинских позиций не только против империализма, но и против фашистских тенденций.

В этом вопросе они проявляют солидарность, особенно в период празднования Дня победы 9 мая, подчёркивая в своих заявлениях, что «нацизм имеет глубокие корни в недрах капитализма. Идеи нацизма – это не просто рядовые Капиталистические и Империалистические идеи, а самые преступные из них».

В Румынии буржуазная пропаганда продолжает спекулировать на термине «национал-социализм», пытаясь представить фашизм как «один из вариантов социализма». Коммунисты борются с этими попытками, приводя доводы и аргументы, основанные на теории К. Маркса об угнетающей роли и обогащении капиталистов, о доминировании богатых над бедными и делении на высшие и низшие расы. Они указывают, что расизм – это капиталистический концепт, а идея «высшей белой расы» была придумана не немецкими нацистами. Она стояла в основе политики британских империалистов, а затем была взята на вооружение империалистами США. Румынские коммунисты и марксисты доказывают, что марксизм актуален, поясняя, что «...борьба капиталистических стран за рынки, их желание устранить конкурентов оказываются на практике сильнее других противоречий». Большинство румынских граждан осуждают национализм и современный расизм, в чем немалая заслуга принадлежит румынским коммунистам, своими публичными лекциями, заявлениями и выражением собственной позиции способствуют формированию должного общественного мнения страны.

Борьба за мир в Румынии – это проблема № 1. Люди видят и чувствуют, как местные коррумпированные политики – вассалы и приверженцы «демократов» из США и ЕС, занимающихся провоцированием войн ради захвата ресурсов, уже сумели разрушить 1256 фабрик и заводов, погрузив Румынию в долговую яму МВФ и МБ, выдавших ссуду на сумму более 100 млрд. евро. Румыния одобрила размещение на своей территории американских частей и ракет «Пэтриот». И румыны делают вывод: «Страна готовится к войне с Востоком, к войне, которая не может быть оценена иначе, как противоречащая нынешним интересам Румынии, подавляющего большинства румынского народа». Румынские коммунисты и марксисты также заявляют о своей позиции: «Нынешняя Россия – империалистическая. Но существует и американский империализм, стремящийся к мировому доминированию. Тогда непонятно, почему мы должны поддерживать один империализм против другого?». Марксисты и их сторонники считают Румынию поработенной страной, у которой западные империалисты отняли нефть, банки, металлургию, машиностроение, леса. И, констатируя данное положение, заявляют: «...оккупированная страна не может защититься от внешнего врага, не освободившись от захватчиков и врагов внутренних».

Отношение румынских марксистов к религии, культурам и религиозному фундаментализму

Вопросы взаимоотношений общества и церкви пользуется постоянным вниманием румынских левых, после падения социализма религия стала обязательным предметом в школе, изучение которого начинается с I-го класса начальной школы. Румынская церковь, не отделенная от государ-

ства, играет значительную роль в жизни общества и активно используется буржуазией для сохранения господствующего положения в обществе. Румынские клирики активно участвуют в избирательных кампаниях, поддерживая сотрудничающие с ними партии, взамен получая увеличение бюджетных ассигнований на строительство новых церквей и новые земли для монастырей и нужды церкви в целом. Все это происходит в условиях острой нехватки школ и больниц, высокого уровня безработицы и растущего количества бездомных.

Марксисты и коммунисты, полагая, что религия в качестве государственной доктрины способствует укреплению капиталистической системы в Румынии, тем не менее, не выступают за ее отделение от государства, но настаивают на том, что церковь не может входить в органы власти и выполнять ее функции: «Место религии дома или в церкви, но не в государственных школах, не в Парламенте, не в Правительстве, не в Конституции страны»

Позиция левых по актуальной проблеме защиты окружающей среды.

Румынские марксисты и коммунисты подчёркивают, что страна изначально располагала богатой флорой и фауной. Румынский народ стал свидетелем того, как при капитализме в погоне за прибылью были уничтожены многие виды животных и растений. Затем, уже при социализме, он был свидетелем того, как с помощью специально созданных зон, законов по борьбе с браконьерством и плановых мер многие исчезнувшие виды были восстановлены в том объеме, когда их существованию ничто не угрожало. Всё это делалось в интересах народа. После падения социализма и многолетнего триумфа капитала вновь фиксируется исчезновение видов животных и растений, что неизбежно приводит к нарушению экологии. Левые движения Румынии создают экологические платформы, стремясь иметь экспертов в этой области, организуют экологические манифестации и марши. Некоторые из них перешли от заявлений к составлению Экологического манифеста XXI в. Румынские марксисты требуют обязательных лекций по экологическому воспитанию в школах, ужесточения законодательства, бесконтрольного уничтожения лесов, создания защитных полос и запрета спортивной охоты.

Позиция левых по проблеме бедности и выживания пролетариата

Несмотря на то, что Румыния – член ЕС, она остаётся одной из беднейших стран мира; по Индексу восприятия коррупции в 2017г. страна занимает пятьдесят седьмое место в мире по классификации Transparency International. По уровню безработицы (5%) и использованию наркотиков положение дел в Румынии лучше, чем в среднем по ЕС, но это объясняется тем, что многие лица молодого и среднего возраста бегут из страны.

Статистика 2017 г. свидетельствует о чрезмерном потреблении алкоголя. Страна занимает 5 место в мире по количеству его активных потребителей (3 млн. чел.).

Уровень самоубийств и малолетней преступности высок, как и во всех странах Восточной Европы. Жители Румынии имеют, что и с чем сравнивать исторически: у них был капитализм полуфеодальный, сейчас у них полумафиозный капитализм, но у них был и путь социалистического развития. Коммунисты подчёркивают, что «хотя при социализме и были лишения, они *отличаются от состояния бедности и отсталости* Румынии, в социалистический период, тем более оно не идет в сравнение с *состоянием бедности и рабства*, в Румынии сегодняшней»: из-за бедности люди не имеют возможности получать достойное медицинское обслуживание, и обеспечить себя здоровым питанием. В данном контексте румынские коммунисты полагают, что марксизм есть единственная практическая теория, которая может спасти Румынию от рабства, и настаивают на национализации стратегически значимых областей экономики, принадлежащих ныне как местным патронам, так западным.

Позиция левых по проблемам сосуществования этносов и равноправия женщин

В Румынии, стране полиэтнической и мклтыкультурной, продолжает существовать патриархальное общество с унитарной формой развития. Словесные атаки против венгров, евреев, сербов, липован (русских) ещё встречаются, и отношение румын к ромам (цыганам) как к низшему народу не изменилось в течение веков. По официальным данным в стране около 1 млн. цыган, по неофициальным – около 3 млн., а вместе с соседними странами (Болгария, Сербия, Венгрия и др.) – около 13 млн.

Марксисты и коммунисты Румынии констатируют, что ромы – самый бедный, эксплуатируемый и криминализованный слой общества. Они подпадают под двойной гнёт: со стороны капиталистических собственников и этнических баронов, эксплуатация которых еще более жестокая, чем первых.

Основываясь на марксистской теории, коммунисты понимают, что ромы являются самой большой по численности (в стране и регионе) и самой угнетаемой пролетарской силой. Они продолжают работать с ними для их поддержки и организации, осознавая, что ромы далеки от того, чтобы их можно было оценить как революционную силу.

Проблемы женщин берут начало в сохранившемся в стране патриархальном обществе. Сегодня женщины не уступают мужчинам по уровню профессиональной подготовки и ряде других социальных показателей. Задача коммунистов и марксистов – организовать их для выдвижения требований по защите своих политических, экономических и социально-культурных прав.

3. Перспективы марксизма в Румынии

Говоря о революционной практике, важно подчеркнуть, что деятельность румынских марксистов и коммунистов для освобождения от экс-

плуатации как отдельного человека, так и всего общества, происходит в условиях жёсткой буржуазной пропаганды, направленной создание искаженного представления о существующих реальностях.

Сегодняшний человек в значительной мере утратил прежние социальные нормы поведения, у него отсутствуют четкие социальные и культурные ориентиры, он осознаёт себя в качестве товара. Значительная общества в XXI в. с трудом определяют свои интересы. Духовный гнёт блокирует самостоятельное и критическое мышление. В погоне за комфортом человек отказывается от ответственности и свободы и ищет «хлеба и зрелища». Задача марксистов и коммунистов Румынии – оторвать человека от мира фальшивых ценностей и вернуть к существующим реальностям для разрешения проблем и обретения свободы и человеческого достоинства, то есть, по определению К.Маркса, разбудить в человеке человека. Поэтому у Румынии коммунистической, служащей интересам рядового гражданина, нет иного пути в будущее, кроме марксистского.

В.М. Крылов

МАРКСИЗМ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННЫХ ЛЕВЫХ ПАРТИЙ МОЛДОВЫ

Аннотация. Наличие ряда проблем, связанных с разрушением среды обитания человека и природы в целом, реальной опасностью развязывания новой мировой войны, на угрозу которой указывают локальные вооружённые конфликты, связанные с амбициями ряда стран, претендующих на сохранение мирового господства и стимулирующих гонку вооружений; бедность, массовая миграция населения, как и масса иных социальных проблем, наглядно демонстрируют невозможность их решения в рамках преобладающей ныне общественно-экономической формации и соответствующих ей международных институций.

Ситуация осложняется тем, что практически отсутствует международное рабочее и международное коммунистическое движения, способные стать политической альтернативой сложившемуся миропорядку, а Социалистический интернационал, объединивший представителей ведущих стран мира, вошел в состав устроителей нынешнего мироустройства.

Представленный анализ теоретической и практической деятельности последних 28 лет официально действующих партий Молдовы, идеологически определяющих себя в качестве социал-демократических и социалистических.

Итоги этой деятельности позволяют наглядно проследить эволюцию молдавских политиков, политических объединений и партий, на словах декларирующих свою приверженность левым взглядам.

Автор приходит к выводу о том, исторический опыт практики марксизма делает возможной совместную деятельность по разработке конкретных шагов для изменения ситуации в мире в интересах подавляющего большинства человечества, во имя сохранения человеческой цивилизации.

Ключевые слова: эволюция политиков, марксистские партии, молдавский олигархат, захват политической партии, раздробленность левого движения.

Мировоззренческая эволюция и возврат капитализма

Относительно свободные и демократические выборы 1989-1990 гг. в Верховный Совет СССР и Верховный Совет МССР стали важными, но и драматичными политическими рубежами в жизни Советской Молдавии, так как привели не только к гибели союзного государства, но и к смене общественно-экономического строя в республике. И это при том, что по доле членов КПСС, избранных в качестве депутатов в состав Верховных Советов союзных республик, Молдавия в 1990 г. была одним из лидеров в СССР: около 85% его состава было представлено коммунистами.

В отличие от советских республик, где ведущую политическую роль играли диссиденты и оппозиционеры КПСС и Советской Власти, эту роль в Молдавии играли два местных партийных функционера – Председатель Президиума Верховного Совета МССР Мирча Снегур, бывший в течение последней пятилетки СССР секретарём ЦК КПМ по сельскому хозяйству и членом Бюро ЦК Компартии Молдавии (КПМ), и вернувшийся в республику и ставший первым секретарём ЦК КПМ Пётр Лучинский, имевший к тому же учёную степень доктора философии (марксистско-ленинской). Эти лица в период 1989 – 2001 гг. последовательно занимали должности председателя Верховного Совета/Парламента и Президента республики.

Под их руководством и при их ведущей роли начался и стал необратимым процесс *мировоззренческой эволюции* бывшей партийной, советской и хозяйственной номенклатуры республики. В итоге *выпускники Высших партийных школ, Университетов марксизма-ленинизма*, руководители крупных предприятий, на протяжении своей карьеры последовательно позиционировавшие себя в качестве *коммунистов, марксистов-ленинцев, борцов за счастье людей труда, в одночасье стали носителями противоположной идеологии*, позволившей им сначала попытаться законодательно запретить КПМ, а затем запустить процессы накопления *«грязного» накопления капитала и массового обнищания населения*.

Под руководством указанных лиц в Молдове начался и набирало силу *движение приватизации государственной собственности*, противоречившее национальным интересам и интересам большинства граждан, так как это вело к утрате общественных материальных ценностей, к массовой потере рабочих мест, разграблению страны в пользу узкой группы лиц из числа названной выше номенклатуры и криминальных кругов.

Данные лица поддерживали и *финансово-экономическое закабаление Молдовы*, в том числе *Международным валютным фондом*, не без «помощи» которого развитая аграрно-индустриальная республика превратилась в гетто нищеты и отсталости.

Естественно, что конституционной основы для перехода от социалистического строительства к капитализму в Молдавии, как и в других союзных республиках, тогда не было, а результаты мартовского (1991 г.) референдума по сохранению СССР были проигнорированы.

Как результат, основные решения Верховного Совета МССР/Парламента РМ, связанные с общественно-экономическим строем, в том числе с вопросами собственности, как и другие, принятые в период 1990-1993 гг., противоречили молдавской Конституции.

Проведение консультаций по перечисленным выше вопросам с гражданами республики в ходе референдума никак не входило в планы тех, кто легко отказался от партбилета, ранее обеспечившего завидную карьеру, но теперь почувствовал возможность обретения солидных материальных благ в обмен на отказ соблюдать положения Конституции.

То есть, процесс строительства социализма в Молдавии был заменён в начале 90-х гг. процессом «грязного» накопления капитала и обнищания населения, вопреки действовавшей тогда Конституции, без учёта мнения граждан, под прямым руководством недавних членов КПСС, осознанно действовавших в личных и узкогрупповых интересах.

Об организации и идеологии основных левых партий Молдовы

Формирование многопартийной системы на территории СССР началось до его распада.

В 1990 г. параллельно с Компартией появилась Социал-демократическая партия Молдавии (СДПМ) и ряд массовых политических движений, сыгравших важную роль в судьбе республики, в том числе движение «Единство».

В 1991 г. была зарегистрирована Аграрно-демократическая партия и незаконно, вопреки действующему республиканскому законодательству, запрещена Компартия Молдавии.

После распада СССР в 1992 г. была зарегистрирована Социалистическая партия Молдовы, а в апреле 1994г. – Партия коммунистов Республики Молдова (ПКРМ), член объединённой Партии европейских левых, как правопреемница КПМ, которой пришлось добиваться отмены решения о своём запрете через суд. ПКРМ на основании специального решения Парламента, ограничившего её деятельность, пропустила парламентские выборы 1994 г.

В 1997 г. было зарегистрировано движение «За демократическую и процветающую Молдову», ставшее впоследствии Демократической партией Молдовы (ДПМ), нынешним полноправным членом Социнтерна и Партии европейских социалистов.

В середине 1997 г. социалисты разделились на две группы, в результате чего на политической сцене появилась и Партия социалистов РМ (ПСРМ).

СДПМ, аграрии и демократы сделали выбор в пользу социал-демократической доктрины, все социалисты, а затем и коммунисты определили свою идеологию как демократический социализм, участники «Единства» взяли за основу принцип национального равноправия.

Обе социалистические партии в своих первых программных документах по-разному указывали на свою приверженность марксистской (марксистско-ленинской) идеологии.

Социалистическая партия стояла на консервативных позициях, обходя острые идеологические углы и проблемы и руководствуясь, по сути, постулатом «Учение Маркса всесильно, потому что оно верно», не подвергая при этом всестороннему изучению и анализу ни основные теоретические работы, в том числе современные, ни революционные и последовавшие за ними события, ознаменовавшие собою XX в.

Партия социалистов РМ с момента своего политического рождения летом 1997 г. и вплоть до середины 2013 г. позиционировала себя как творческая организация, исходившая из того, что «марксизм – не догма, а руководство к действию», пытавшаяся разобраться в прошлом и найти своё место в будущем. В качестве наиболее острых вопросов, требующих адекватных времени ответов, были определены следующие:

1. Почему потерпели поражение общественный строй и международное объединение стран, называвшихся социалистическими?

2. Что и как должны делать в современных условиях сторонники построения на земле справедливого общества, то есть общества лишённого антагонистических противоречий?

В этом плане характерными являются следующие программные положения, от которых в ноябре 2014 г. нынешний состав ПСРМ отказался:

«Сложившиеся отношения «работодатель – наёмный работник» уже не в состоянии обеспечить необходимую мотивацию труда и удовлетворить современного человека. *Необходимо сужение поля действия и последующее устранение ведущей роли наёмного труда.*

Альтернативой наёмному труду являются разнообразные формы самоорганизации и самоуправления, демократизация общества, развитие самоуправленческих начал на производстве и внепроизводственных сферах до уровня целостной системы отношений как единства разнообразия общественной жизни, что составит современную социалистическую альтернативу капиталистическому образу жизни. Эта альтернатива и определяется как *демократический социализм*».

Не случайно ПСРМ стала организатором и участником ряда научно-практических международных мероприятий по проблемам современного социализма, проходивших в Кишинёве, Киеве, Москве, Санкт-Петербурге, Белграде, а также была членом Евразийского соци-

алистического конгресса – международного объединения левых партий со штаб-квартирой в Киеве.

С середины 2013 г. ПСРМ изменила свою идеологию, что было отражено в принятой в ноябре 2014 г. новой программе партии, которая, по своему содержанию, скорее может быть оценена как развернутая программа откровенно популистского толка, специально подготовленная для парламентских выборов, а не как политическая программа партии, теоретическим и политическим принципом которой является марксизм. Так, в ней ничего не говорится об отчуждении труда и необходимости его освобождения, об антагонистических противоречиях классового общества, об экономической и социальной демократии. Партия сохранила основные идеологические ценности, взятые из начального программного документа, в том числе положения о необходимости *борьбы за мир, о регуливающей роли государства в экономике*. Примечательно, что в программе *присутствуют важные положения о прогрессивном налоге и налоге на роскошь, о перераспределении доходов как условии выживания и развития*. Однако автор тезисов выражает большие сомнения в том, что нынешние «социалисты» когда-либо рискнут вступить в борьбу их претворение в жизнь.

Молдавские коммунисты к 2008 г. продемонстрировали новый уровень понимания нынешнего мира, убедительно обосновав свою позицию в принятой на съезде (март 2008 г.) новой программе партии. В частности в ней говорится, что «современные коммунисты должны осознавать себя, в первую очередь, как движение освободительное и гуманистическое, направленное на бескомпромиссную борьбу против эксплуатации и всех форм угнетения человека, на последовательное искоренение бедности и несправедливости, на решительное утверждение принципов демократии и социальной справедливости; современные коммунисты – это не только политическое, но и научное движение, которое не имеет права сковывать себя какой-либо одной, раз и навсегда заданной теорией, а обязано, ориентируясь на свои идейные ценности, смело искать объяснение прошлому, настоящему и будущему в диалектической системе материалистического познания мира, продолжать и развивать марксистско-ленинскую идейную традицию;...подлинны коммунисты призваны мыслить и действовать как настоящие гуманисты, революционеры и реформаторы, как люди, проектирующие и создающие будущее, чувствующие ответственность за него, умеющие в своей политической практике находить опору не в гражданском противостоянии, а в консолидации усилий всех активных и заинтересованных сил общества».

«В информационном обществе, которое приходит на смену индустриальному обществу, знания принципиально изменяют свою природу и свою роль. ...Происходит вытеснение массовой трудовой, стереотипной деятельности на обочину прогресса общественного производства. В любой хозяй-

ственной отрасли, в любой сфере значимой социальной активности – от сельского хозяйства до сферы высоких технологий – возникает массовый спрос на иной тип рабочей силы, характеризующейся способностью к принятию творческих решений, универсальностью навыков и высоким образованием. В этих условиях *на политическую авансцену повсеместно выходит принципиально новый общественный класс – своеобразный пролетариат знаний*. ...как в свое время индустриальный рабочий класс, *этот современный общественный класс все увереннее становится носителем новых общественно значимых перемен, имеющих несомненную историческую перспективу»*.

Молдавские аграрии в своей последней партийной программе провели анализ социально-экономической ситуации в стране практически с марксистской позиции: высказались за *интернационализм, за наличие в государстве жёсткого контроля за соблюдением законности в вопросах приобретения собственности, законодательного закрепления прав трудовых коллективов на участие в управлении предприятиями и ответственности за результаты их деятельности*.

Демократическая партия в последнем принятом программном документе заявляет о своей приверженности социал-демократическим принципам. В документе подчёркивается социально-активная роль государства в области *образования, исследований, инноваций, культуры, обеспечении права граждан на труд и вложения инвестиций в гражданина, отмечается необходимость разработки справедливой системы распределения доходов государства*. Программа демократов не лишена противоречий в области формирования внешней политики республики: партия *выступает за укрепление статуса нейтралитета страны (!) и при этом заявляет о необходимости интеграции страны в ЕС, где НАТО – орган коллективной безопасности (?!)*.

Социал-демократическая партия, как и демократы, выступает *за укрепление нейтрального статуса страны (!) и одновременно подчёркивает выбор Молдовы в пользу ценностей и принципов европейской цивилизации(?)*, а также выступает *за инвестиции в человека, активную социальную политику государства, создание государственных гарантий относительно права на труд и законодательное закрепление элементов экономической демократии, предусматривающих право участия работников в управлении предприятием и их представительство в наблюдательных советах*.

О практической деятельности основных левых партий Молдовы

В течение 28 лет независимости Молдовы перечисленные левые партии, как правило, выступали либо в качестве правящих, либо являлись влиятельной силой во властных структурах.

Социалисты и участники Движения за равноправие «Единство», столкнувшись с предательством партийной, советской и хозяйственной номенклатуры, в начале 90-х гг. не сумели противостоять разгулу национализма, приведшего к вооружённым столкновениям в местах компактного проживания гагаузов, и изменению общественного строя в республике; левые оказались бессильны остановить кровопролитную гражданскую войну в Приднестровье и воспрепятствовать не преодолённому и сегодня территориальному расколу страны; им не удалось остановить ваучерную приватизацию госсобственности, результатом чего явилось разграбление общенациональных богатств, ими не были предотвращены процесс обнищания населения и начало кабального сотрудничества с МВФ; левым не удалось обеспечить ратификацию парламентом республики Соглашения об образовании СНГ.

Политический актив этих сил: при помощи аграриев им удалось защитить нулевой вариант гражданства для всех жителей МССР, сохранить в законодательном перечне праздничных дней День Победы, защитить государственное образование на русском языке на всех уровнях, принять решение о досрочных парламентских выборах в условиях, когда состав законодателей образца 1990-1993 гг. оказался насквозь пропитанным национализмом.

В период 1994-1998 гг. аграрии стали правящей силой в стране, которой нередко ассистировали те же социалисты и члены «Единства». Вместе они обладали 84-мя мандатами из 104. Как следствие, Молдова стала членом СНГ, республика приняла новую Конституцию и Закон об автономии Гагаузии. Однако несмотря на благоприятную расстановку политических сил, предложения социалистов и «Единства», *касающиеся гарантированного права на труд, необходимости обеспечить законность происхождения находящихся в их распоряжении средств, исключения положения об унитарном характере страны, как и ряд других инициатив гуманистического характера, предложенных для включения в новую Конституцию, аграриями приняты не были.* Одновременно продолжился процесс приватизации госсобственности и взят курс на сотрудничество с МВФ.

Судьба этих сил оказалась не радужной: «Единство» прекратило существование в 1999 г., аграрии оказались подмяты коммунистами, Социалистическая партия продержалась в активном режиме до 2005 г., а ПСРМ подверглась захвату нынешним президентом в середине 2013 г. по заданию главного олигарха страны.

Коммунисты в период 2001–2008 гг. были правящей партией. Им удалось, не прибегая к помощи МВФ, сохранить страну от распада и обеспечить погашение долгов по пенсиям и зарплатам, а затем добиться их непрерывного повышения, но они не сумели, по причине отсутствия в республике достойно оплачиваемых рабочих мест, избежать массовой трудо-

вой миграции. Зато партия сыграла на валютном курсе, «тряхнув» семьи молдавских трудовых мигрантов, получавших деньги на проживание из-за рубежа. Одновременно компартия приняла ряд законодательных решений, не свойственных левым: снизили налог на прибыль с 32% до 0, провели амнистию капитала и налоговую амнистию. Коммунисты стали гордиться проводимыми ими рыночными реформами и заговорили об экономическом либерализме левых как инструменте расширения экономической свободы. Взрастив *самого влиятельного* человека Молдовы, нынешнего председателя Демпартии, коммунисты, как и социалисты, фактически потеряли партию, «отдав» ему 2/3 своей депутатской фракции.

Демократическая партия была самостоятельной до 2009 г., затем ею начал руководить представитель всеильного олигарха, а в 2017 г. последний сам возглавил партию.

Таким образом, приходим к главному выводу: *все молдавские партии, стоявшие когда-то на марксистских или близких к ним позициях, сегодня находятся в руках самого влиятельного молдавского олигарха – Владимира Плахотнюка, который возглавляет Демпартию и опирается, прежде всего, на нынешнего президента И. Додона и его ПСРМ.*

Г.П. Журавлева
Н.В. Манохина
М.В. Попов

«РЕНЕССАНС МАРКСИЗМА – РЕАЛИИ XXI ВЕКА» К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ К. МАРКСА

Известно, что после глобального кризиса 2007-2009 гг. тиражи «Капитала» К. Маркса претерпели настоящий бум и превзошли тиражи любых книг по экономической теории, многие искали именно здесь гносеологические истоки кризисных потрясений и поняли, что в этом подходе и есть правда.

В прошлом 2017 году мировая общественность отмечала юбилейную дату – 150 лет выхода в свет первого издания великого труда Карла Маркса «Капитал», повлиявшего на развитие экономической и общественной мысли, на ход мировой истории. Эта книга является одним из грандиозных событий конца XIX века и всего века XX, интерес к ней очевиден и XXI веке. «Капитал» был написан 150 лет назад, вышел сразу несколькими изданиями, был переведен на очень многие языки, с той поры остается самой читаемой книгой.

Более того, когда Би-Би-Си проводила опрос, посвященный высшим интеллектуальным достижениям тысячелетия, оказалось что, Карл Маркс

опередил Эйнштейна и многих других, и опередил неслучайно. По данным каталога Библиотеки Конгресса США, Марксу посвящено больше научных трудов, чем любому другому человеку.

В 2018 году отмечается 200-летие К. Маркса (5 мая 1818 – 14 марта 1883), ученого, просветителя, выдающейся личности.

Естественно мировая общественность, экономическая наука откликнулась на это событие, но по-разному.

Так. В Интернете приведены наиболее популярные десять цитат из «Капитала»:

1. Всякая нация может и должна учиться у других.

2. Время – это простор для развития способностей.

3. Цена есть денежное название овеществленного в товаре труда.

4. Этикетка системы взглядов отличается от этикетки других товаров, между прочим, тем, что она обманывает не только покупателя, но часто и продавца.

5. Толпа изумленно смотрит на накопленные массы, особенно, если они сконцентрированы в руках немногих. Но ежегодно производимые массы, как вечные, неисчислимы волны могучего потока, катятся мимо и теряются безвозвратно в океане потребления. И, однако, это вечное потребление обуславливает не только все наслаждения, но и существование всего человеческого рода.

6. При всякой спекуляции с акциями каждый знает, что гроза когда-нибудь да грянет, но каждый надеется, что она разразится над головой его ближнего уже после того, как ему самому удастся собрать золотой дождь и укрыть его в безопасном месте.

7. Железная дорога, по которой не ездят, которая не используется, не потребляется, есть железная дорога только в возможности, а не в действительности.

8. Невежество есть мать промышленности, как и суеверий. Сила мышления и воображения подвержена ошибкам; но привычка двигать рукой или ногой не зависит ни от того, ни от другого. Поэтому мануфактуры лучше всего процветают там, где наиболее подавлена духовная жизнь, так что мастерская может рассматриваться как машина, части которой составляют люди.

9. Где равенство, там нет выгоды.

10. Способность к труду ещё не означает труд.

Авторы полагают, что незаслуженно в этом списке пропущено одно из известнейших изречений Маркса: «Обеспечьте 10 процентов, и капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживлённым, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет та-

кого преступления, на которое он не рискнул бы..», хотя в последние годы его приписывают Dunning T. J., *Trade's Unions and Strikes: Their Philosophy and Intention*. – London: Published by the author, and Sold by M. Harley, No 5, Raquet court, Fleet street, E.C. 1860. – P. 35–36. – 52 p., цитата по: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23, С. 770. А Даннинг, в свою очередь полемизирует с анонимным автором рецензии из «Quarterly Review».

В. В. Леонтьев, наш соотечественник, лауреат Нобелевской премии, отмечал вклад Маркса в экономическую науку по трём основным направлениям: теория цен, теория делового цикла и экономической динамики в целом, методология экономической науки. Основной вклад Маркса в теорию делового цикла, по мнению Леонтьева, заключается в общепризнанных схемах воспроизводства капитала, впервые введённых в экономическую науку Марксом и описывающих экономические взаимосвязи между отраслями экономики, выпускающими средства производства и предметы потребления. Леонтьев отмечает блестящий анализ Маркса основных тенденций долговременного развития капитализма: увеличение концентрации богатства, быстрое сокращение числа мелких и средних предприятий, постепенное уменьшение конкуренции, непрерывный технический прогресс, сопровождающийся увеличением роли основного капитала, и, что, не менее важно, не уменьшающаяся амплитуда регулярно повторяющихся деловых циклов – выдающийся ряд сбывшихся прогнозов, которым современная экономическая наука со всем её сложным аппаратом противопоставить ничего не может.

По мнению В. Леонтьева, три тома «Капитала» содержат более реалистическую и качественную информацию из первоисточника по таким экономическим категориям, как прибыль, заработная плата, капиталистическое предприятие, чем многие статистические издания и учебники.

Видным деятелем французской Компартии, советником Франсуа Миттерана, впоследствии ставшим директором Европейского банка реконструкции и развития, Жаком Аттали написана блестящая биография К. Маркса, он называет Маркса певцом глобализации, предсказавшего многое из того, что сейчас происходит.

Известно отношение Рузвельта, который когда его спросили, что делать с «Капиталом», сказал: «Одним коммунистам мы эту умную книгу не отдадим». Ее ввели обязательной дисциплиной, в качестве факультатива в американских финансово-экономических вузах.

«Маркса надо просто раскрыть и читать. Все!» – считает В. Сачков, научный сотрудник Фонда Г. В. Плеханова.

«Для специалистов это является обязательным продуктом», – считает глава Центра стратегических разработок, экс-министр финансов Алексей Кудрин.¹

В «Капитале в XXI веке» Томас Пикетти предложил новый взгляд на проблему, которая в последние десятилетия обращает на себя все больше внимания, – проблему неравенства. Проанализировав огромные количества данных, французский экономист обнаружил следующую закономерность. При прочих равных быстрый экономический рост уменьшает роль капитала и его концентрацию в частных руках и приводит к сокращению неравенства, в то время как замедление роста имеет следствием возрастание значения капитала и увеличение неравенства. В исторической ретроспективе – а книга Пикетти охватывает огромный период от начала XVIII века до наших дней – рост влияния капитала прерывался лишь в двадцатом столетии как следствие двух мировых войн и кейнсианской политики Славного тридцатилетия (1945-1975). Сегодня мир возвращается к ситуации, когда неравенство неуклонно увеличивается, что может привести к тяжелым социальным и политическим последствиям. Впрочем, в отличие от Карла Маркса, с которым Пикетти часто сравнивают, француз не ограничивается лишь мрачной констатацией сложившегося положения и не предрекает крах капиталистической системы. Он предлагает меры, которые могли бы приостановить неблагоприятные тенденции.²

Российский экономист А.Бузгалин³ отмечает, что «Капитал» – это книга, которая дает целостную картину рыночной социально-экономической жизни, которая развивается в противоречии между наемным работником и собственником капиталов.⁴ И поясняет это студентам – когда вы придете на работу, заключите неопределенный контракт на 8-часовой рабочий день, работать вас заставят 12 часов, часто без выходных, зарплату будут задерживать, насколько захотят, нарушать в том числе рыночный контракт, вы поймете, что такое отношения наемного работника и собственника капиталов. Появилось новое понятие «*прекариат*» – труд с неустойчивой занятостью, без социальных гарантий и так далее. Всякий раз, когда выяснится, что любимая девушка не хочет за вас выходить замуж, потому что у вас недостаточно денег, вы поймете, что такое денежный фетишизм. Всякий раз, когда вы с удивлением и восторгом скажете «Боже мой, какой шикарный мужчина, у него «Мерседес 600», вы станете рабом товарного фетишизма, всякий раз вы будете доказывать правоту «Капитала» Маркса. Сила этой книги даже не в этих смешных и понятных вещах, сила этой книги в том, что это единая теория, показывающая систему. Систему отношений, где конкуренция порождает индивидуализм, порождает товарный фетишизм, затем фетишизм денег. Фетишизм денег приводит к тому, что концентрация капитала на одном полюсе и наемный труд на другом становится законом.

Совсем недавно это воспринималось в качестве старой догмы. Но даже в США за последние 20 лет реальная почасовая заработная плата не выросла, а прибыли крупнейших корпораций в процентном отношении в доле общественного богатства растут постоянно.

А. Бугалин апеллирует к книге Тома Пикетти «Капитал в XXI веке», называя автора человеком, который ничего не понимает в Марксе, но который догадался повторить статистику, известную левым теоретикам на протяжении последних многих десятилетий. В этой работе замечательно показан, правда, очень примитивно, всеобщий закон капиталистического накопления. Посмотрите на человека, который стоит у станка в качестве придатка к машине, а еще лучше на конвейере, особенно когда в России на конвейер по сборке западных машин встали инженеры, занимавшиеся до этого наукоемким производством. Это люди, которые прекрасно поняли, что такое подчинение труда капиталу. Безусловно, капитализм очень сильно изменился за эти 150 лет. С одной стороны реализовались многие тезисы, о которых тогда писали как о будущей социалистической революции и реформах. Действительно, можно найти упоминания о бесплатном образовании, здравоохранении, 8-часовом рабочем дне, участии рабочих в управлении в самых разных книгах и до Маркса, но суть состоит в том, что для марксизма это теоретически доказанные и практически марксистами выстраданные в борьбе, в забастовках, в серии революций, удачных и неудачных, практически во всем мире достижения. Давайте посмотрим на самые передовые отрасли современной экономики, где создаются креативные качества, главный потенциал развития – в образовании. Если мы посмотрим на наилучшие достижения в образовании, мы выясним, что значительная часть его бесплатная. Даже американские частные университеты и те огромную часть образования дают бесплатно. Если мы посмотрим на самую главную задачу человеческой жизни, здравоохранение, где левые идеи реализованы в наибольшей степени, та же Швеция, Финляндия – одно из первых мест в мире по бесплатному здравоохранению, это уже чисто коммунистический, даже не социалистический принцип распределения. Давайте посмотрим на Википедию: люди бесплатно дают свой труд и бесплатно оттуда черпают практически все желающие во всем мире. Более того, Евросоюз предлагает все, что создано на общественные деньги, в том числе любые научные достижения, размещать бесплатно в интернете. Это реальная жизнь, которая заставляет идти в сторону коммунизма. Что касается либерализма, да, последние 25-30 лет мы топчемся, мир топчется на одном и том же месте. Фактически назад движения нет, потому что каждый раз возникает мощное сопротивление, но и вперед движения нет. Поколение американцев, которые жили 30-40 лет назад, замечает, что их дети и даже уже внуки живут едва ли не хуже, чем тогда. Потому что тогда были мощные левые организации и социал-демократические, кстати, и коммунистические, сильные профсоюзы, они обеспечивали гарантированную занятость, трудовой договор, социальную защиту и прочее. Сегодня очень модное словечко «самозанятый». Никаких гарантий. Система входит в кризис достаточно глубокий, и

выход ищут в консерватизме, отсюда Трамп, отсюда ислам, отсюда реакция на ислам, правый шовинизм в Европе и прочее. Россия – три года стагнации, 15% потеряли работу за последний год.

А. Бугалин отмечает, что большинство тех, кто критикует «Капитал» – это люди, на всю жизнь пострадавшие от каких-то противоречий Советского Союза.

Итак, Маркс, выражаясь современным языком, снова в тренде. Запад переживает «ренессанс марксизма», молодежь все чаще «обращается к мыслям немецкого философа XIX века», пытаюсь понять, что такое рецессия и что с ней делать. Продажи «Капитала» и «Манифеста коммунистической партии» в 2008 году резко пошли вверх и продолжают расти, лицо Маркса украсило новую немецкую карточку MasterCard, а журналисты и ученые теперь открыто говорят о важности идей Маркса для понимания проблем капиталистического общества.

¹ <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2932932>

² Томас Пикетти. *Le Capital au XXI si cle*. Издательство Гарвардского университета. 2016, с. 592

³ А.В. Бугалин – марксист, проф. МГУА, автор работ «Глобальный капитал» в 2-томах, соав. – А.И. Колганов (М., 2004, 2007, 2015), «Пределы капитала» (М., 2009), «Переходная экономика» (М., 1994, 2003, переведена на немецкий и китайский).

⁴ <https://www.svoboda.org/a/28641408.html>

Лутц БРАНГШ

МАРКСИЗМ В ДВИЖЕНИИ. «КРИТИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ» И ЮНАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЯ*

Зачастую кажется, что марксизм и рабочее движение всегда были тождественными. Однако их связь была скорее временной, и в ретроспективе представляется удивительным, что научная доктрина смогла на многие десятилетия стать основой широких массовых движений. Кроме нее, это удавалось лишь религиям. Обычно встречи [социального] движения и науки происходит таким образом, что наука воспринимается фрагментами или же она принимается частями движения – преимущественно формально или неформально главенствующими в нем слоями. Однако распространение взглядов Маркса в немецкой социал-демократии в 1860-х и 1870-х годах являлось непосредственным моментом того процесса, в котором пролетариат стал классом, а тем самым и самостоятельной политической силой¹.

Маркс и Энгельс исходили из позиций «критического коммунизма», выработанного ими в «Союзе коммунистов» уже в 1846/47 году. Суть дела заключалась в антидогматическом понимании отношения теории и прак-

тики, в собственно демократическом понимании партии и в глобальности перспективы (Anspruch) – для них современное рабочее движение было мыслимо лишь как международное движение.

С поражением демократического течения (Strömung) в революции 1848-49 гг. временно закончилось и только возникающее коммунистическое рабочее движение в Германии. «Союз коммунистов» был запрещен и самораспустился. Маркс, Энгельс и многие другие представители этого направления отправились в изгнание, другие коммунисты были приговорены к тюремному заключению. В ходе революции произошла первая встреча немецкого рабочего движения с научными подходами Маркса. Так, например, Франц Меринг в своей «Истории социал-демократии» писал о 1850-х годах: «В самой Германии коммунистическая пропаганда была жива в безгласном упрствовании отдельных рабочих и в пылких надеждах Фердинанда Лассаля».

Лассаль – органический интеллектual молодой социал-демократии

Фердинанд Лассаль не был принят в «Союз коммунистов», хотя Маркс и выступал за это. Тем не менее в то время он был одним из основных контактов Маркса и Энгельса в Германии. Насущные для тогдашней мрачной ситуации задачи Лассаль характеризовал следующим образом:

«Однако я полагаю, что и теперь возможно кое-что сделать, причем, как я считаю, нечто немаловажное. Возможно теоретически образовывать большее или меньшее число пролетариев и [...] создавать для пролетариата [...] представителей и духовные центры для будущих движений, что далее воспрепятствуют тому, чтобы пролетариат вновь вливался в хор, воспевающий буржуазных героев».

При этом взгляды Маркса были для Лассаля сущностно значимой точкой отсчета.

Одними из немногих мест, где в 1860-х годах экспериментальным образом осуществлялось теоретическое образовывание рабочих, были буржуазные «образовательные общества рабочих» (Arbeiterbildungsvereine), тесно связанные с буржуазно-либеральной прогрессистской партией. Для рабочих, ремесленников и буржуазных интеллектualов, в 1840-х годах вступивших в контакт с коммунистическими идеями, эти «общества» стали местом обмена. Практикуемое в них объединение научно-технического и культурного продолжающегося образования с обсуждением политических вопросов, открывало путь и для продвижения «критического коммунизма» в его Марксовом изводе. «Радикалы» в лейпцигских образовательных обществах и Фердинанд Лассаль выдвинули требование создания самостоятельной рабочей партии – одно из важнейших коммунистических требований того революционного периода, связанного с 1848 годом. В 1863 году Лассаль воплотил его в жизнь, основав Всеобщий германский рабочий союз (ADAV).

Этот союз недвусмысленно понимал себя как партию рабочих, заявляя в своей широко распространенной тогда «Рабочей программе» 1862 года:

«Нравственная идея рабочего сословия [...] состоит в том, что беспрепятственного и свободного задействования индивидом своих индивидуальных сил еще не будет достаточно, но что в нравственно выстроенной общности (Gemeinwesen) к этому еще должны добавляться: солидарность интересов, сообщность и обоюдность развития».

Либерально истолкованная и тем самым ограниченная идея свободы таким образом вдохновлялась коммунизмом и сопрягалась с идеей сообщества и с солидарностью. Этими словами Лассаль давал рабочим самосознание относительно их роли в истории и будничных противостояниях.

То есть в начале истории немецкой социал-демократии как партии находился не Маркс и не марксизм, но, собственно, Лассаль. Маркс был еще практически неизвестен в немецком рабочем движении. Так, уже в 1873 году Август Бебель указывает в этой связи в своем письме к Фридриху Энгельсу: «Вы не должны забывать, что сочинения Лассаля [...] благодаря их доходчивому языку составляют основу социалистических взглядов масс. И в Германии они распространяются десятикратно, двадцатикратно больше, чем любые другие социалистические сочинения».

Но как же получилось, что после 1875 года на протяжении лишь нескольких лет взгляды Маркса обрели столь сильное влияние и, по крайней мере, официально стали главенствующими в немецкой социал-демократии?

Восхождение «критического коммунизма»

Лассалю удалось проставить важные акценты в молодом социал-демократическом движении, такие как, например, политическое и организационное высвобождение рабочих от буржуазно-либеральной прогрессистской партии. Роза Люксембург считала, что на важных этапах своей жизни Лассаль находился в «согласии» и в «политической и духовной взаимосвязи» с направленностью Маркса. Равно как и в своей полемике с социал-реформатором Германом Шульце-Деличем он, частично открыто, частично скрытым образом опираясь на Маркса, боролся против отстаиваемых первым мелкобуржуазных кооперативных идей именно по причине их апологетического по отношению к капитализму экономического, содержания. В согласии с Марксом, он вместо этого задавался целью упразднения частной собственности на средства производства: «Таким образом, социализм хочет не отменить собственность, но, напротив, как раз впервые ввести индивидуальную собственность, основанную на труде собственно-сть (Eigen-thum)». Этому, однако, противоречило, одной стороны, то, что он рассматривал производственные кооперативы, поддерживаемые авторитарным прусским государством, в качестве средства для достижения заявляемой им цели, а с

другой стороны, его собственные действия в качестве предводителя партии, которые Роберт Михельс описывал следующим образом: Лассаль выступал за то, чтобы «фактически существующая личная диктатура в союзе, которому он председательствовал, была объявлена теоретически обоснованной и практически обязательной». Разрыв между взглядами Лассаля и германской социал-демократии, во многом инициированной им, всё более увеличивался после его смерти в 1864 году и, особенно, в 1870-х годах. И именно «критический коммунизм» Маркса заполнил этот пробел.

С Вильгельмом Либкнехтом, Августом Бебелем и другими в 1860-е годы в политическую жизнь вступило новое поколение, в новых условиях проходившее путь подобный тому, который Маркс проделал два десятилетия назад: от революционной демократии к коммунизму. Однако эти актеры пришли не из науки или журналистики, но из практики рабочих. Их положение пролетаризированных ремесленников, благодаря буржуазным образовательным обществам и реалиям собственной жизни находившихся в теснейшем контакте с представителями других пролетарских слоев, позволяло им выходить за рамки представлений Лассаля и привносить более радикальные марксистские позиции в логику пролетарского массового движения. Имевшийся у них опыт отношений с буржуазией, которая постоянно подчинялась реакционному немецкому государству, и их опыт отношений с самим этим государством, подталкивал их к выходу за рамки социал-реформистских концепций и к формулированию фундаментальной критики общества. И в этом их путь соответствовал той идее Маркса, что наиболее квалифицированные пролетарии, наиболее тесно связанные с современными производительными силами, *smogym (würden)* образовать революционный класс. Так, 23-летний Юлиус Валтайх, сапожник, в связи с годовщиной существования одного из «обществ» заявлял, «[...] что в новых поколениях собственно ремесленных (*gewerbetreibenden*) классов живет и вырабатывается понимание жизненной задачи, сознание собственной правомочности, чувство самостоятельности и вообще свободное духовное развитие, каковое еще в совсем недавние времена напрасно было бы искать – даже среди некоторых «высших» сословий».

Собственная организация должна была соответствовать этому самовосприятию класса, следующего пути демократической эмансипации. В своем докладе о программе и организации новой социал-демократической рабочей партии Август Бебель подчеркивал: «Соответственно, в нашей партийной организации нет предводителя, и это необходимо; ведь как только партия признает определенных лиц в качестве властных авторитетов, она покидает почву демократии; поскольку вера в авторитет, слепое послушание, культ личности сами по себе недемократичны. Вот почему вместо одного человека во главе мы хотим поставить пятерых». Он призывал к про-

грамме, которая была не только социалистической, но и демократической. Основанное в 1864 году Международное товарищество рабочих, также называемое Первым Интернационалом, подчеркивало эту идею уже в своем учредительном документе, сформулированном Марком: освобождение рабочих должно стать делом самих рабочих. Второй центральной идеей был принцип международной солидарности. Только в качестве международного актора рабочие могут выстоять в борьбе за человеческую эмансипацию. Как на класс на них возложено обязательство эмансипации в глобальном масштабе. Также и это соответствовало опыту, прежде всего, пролетаризованных работников (Handwerker), которые к тому же часто проходили через опыт «странствий» в разных европейских странах.

То есть идеи Маркса – в их передаче Лассалем – уже были известны среди молодой социал-демократии, пусть и не всегда связывались с его именем. Но в их первоначальной форме его взгляды были еще более радикальными, они означали отказ от буржуазного общества вообще и обеспечивали легитимность борьбы за собственные интересы по ту сторону «буржуазного правового горизонта». И именно этот революционный дух способствовал прорыву Марксовых идей в среде немецкой социал-демократии 1870-х и 1880-х годов. Маркс и немецкое рабочее движение сближались друг с другом в той мере, в которой движение обретало самосознание, а Маркс тем временем учитывал в своей теории реальный опыт движения.

Напряженность между теорией и движением

Это взаимное встречное движение реального рабочего движения и Марксова исследовательского процесса также стало испытанием и для теории. Маркс и Энгельс критиковали все течения, которые, по их мнению, подвергали сомнению самостоятельность пролетарского движения. В его полемике с Лассалем, Прудоном и Бакуниным мы вновь и вновь обнаруживаем тенденцию недоценки моментов переходов, реформистских подходов и неопределенностей по отношению к скорее теоретическому обоснованию необходимости свержения господства капитала. Для Маркса важными были ясность и отделение от буржуазии, прежде всего, от мелкой буржуазии. Хотя он понимал необходимость союзов и осознавал разрушительный потенциал революционных потрясений, связанным с ними вопросам он уделял меньшее внимание. Поэт Генрих Гейне, революционный демократ и близкий друг Маркса, симпатизировавший коммунистическим идеям, написал в 1855 году: «Это признание, что будущее за коммунистами, я проговаривал с величайшим страхом и беспокойностью [...] Действительно, о том времени, когда эти темные иконоборцы придут к власти, я не могу размышлять без ужаса и трепета [...] И все-таки, признаюсь откровенно, этот же коммунизм, сколь бы ни был он враждебен всем моим интересам и склонностям, завораживает мою душу настолько, что я не могу этому противиться [...]». «

В своей ненависти к национализму он чувствовал себя связанным с коммунистами, призвавшими себя к «абсолютнейшему космополитизму, всеобщей любви между народами, зиждящемуся на равенстве братанию всех людей, свободных граждан этого земной шара». Вместе с тем он предостерегал от разрушительных сторон революционного движения, которое, прежде всего, выдвигает на авансцену радикальное отрицание. Действительную диалектику реформ и революции в ее практических последствиях Гейне понимал с большей ясностью, чем Маркс. Их сведение и выступающие при этом противоречия будут проработаны лишь позднее, в частности, Розой Люксембург в ее полемике с Эдуардом Бернштейном.

Склонность подчеркивать исторический момент, придававший рабочим уверенность, одновременно создавала лазейку для таких толкований Маркса, которые предполагали квази-механический прогресс социал-демократического движения, тем самым изымая революционный дух из застывающего в ортодоксии марксизма. Это касается канонизации, в частности Карлом Каутским, а также институционализации немецкого рабочего движения и его частичной интеграции в империю эпохи Вильгельма II. В конце XIX века немецкое рабочее движение разделилось на две части – на аппарат (партию и парламентскую фракцию) и на простых членов, для каждой из которых значимыми оказывались разные типы марксизма. Марксизм был разработан лишь внутри аппарата и для его потребностей. Временное тождество рабочего движения и марксизма становилось хрупким.

Любое сближение реального движения и теоретической рефлексии также включает и возможность отчуждения. Поэтому понимающая себя как освободительная теория и основанные на ней политические концепции должны развиваться вместе с классом и его реальными движениями, а не рядом с ними. Они должны находиться в противоречиях, осмыслять их и способствовать их освободительному развитию. Этот вызов остается актуальным и сегодня.

Примечания:

* Lutz Brangsch. *Marxismus in Bewegung. Der »kritische Kommunismus« und die junge Sozialdemokratie*. Перевод с немецкого выполнен Олегом Вячеславовичем Никифоровым по изданию: Zeitschrift LuXemburg. Heft 2-3/2017 // <https://www.zeitschrift-luxemburg.de>

^[1] См. Alex Demirovič. *Zwischen Wissenschaft und Weltauffassung* // <http://www.zeitschrift-luxemburg.de/zwischen-wissenschaft-und-weltauffassung/>

СПИСОК АВТОРОВ

Абрамчук В.М. – эксперт Института социально-политических исследований, Кишинев

Алонци Роберта – PhD, проф. Сиенского университета, приглашенный преподаватель Факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Москва

Арсланов В.Г. – докт. искусствознания, проф., вед. научн. сотрудник НИИ при Российской академии художеств, Москва

Бранш Лутц – докт. экон. наук, научн. сотрудник Института общественного анализа Фонда Розы Люксембург, Берлин

Буров В.Г. – докт. филос. наук, проф., главн. научн. сотрудник Сектора философских проблем политики Института философии РАН, проф. Московского городского педагогического университета, член исполкома Международной конфуцианской ассоциации, советник Восточной академии ицинистики (Пекин), Москва

Васина Л.Л. – канд. экон. наук, главн. специалист Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), руководитель группы по подготовке международного Полного собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЭГА), Москва

Вашкау Н.И. – докт. ист. наук, проф. Кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого госуд. педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского, Липецк

Воейков М.И. – докт. экон. наук, проф., зав. сектором политической экономики Института экономики РАН, Москва

Гаврильченко С.А. – главн. специалист Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), сотр. группы МЭГА, Москва

Гюева Т.Т. – главн. специалист РГАСПИ, сотр. группы МЭГА, Москва

Гобозов И.А. – докт. филос. наук, проф. Кафедры социальной философии и философии истории филос. факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, заслуженный профессор МГУ, академик РАЕН, Москва

Дуранкев Боян – докт. филос., проф. Университета национального и мирового хозяйства, София

Ерошкина О.Н. – канд. ист. наук, доцент Санкт-Петербургского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена, Петербург

Журавлева Г.П. – докт. экон. наук, проф., засл. деятель науки РФ, директор научн. школы «Экономическая теория» РЭУ им. Г.В. Плеханова, Москва

Калашников В.В. – докт. ист. наук, проф. Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ», Петербург

Castro Escudero Teresa – PhD, Prof., Member of the Center for Latin American Studies, School of Political and Social Sciences, UNAM, Mexico

Claeys Gregory – PhD, Prof. of the History of Political Thought, Royal Holloway, University of London

Конашев М.Б. – докт. филос. наук, Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН, Петербург

Косолапов Н.А. – канд. ист. наук, проф., зав. сектором ИМЭМО РАН, Москва,

Круглов В.В. – докт. экон. наук, проф. Кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли Санкт-Петербургского госуд. экономического университета, засл. деятель науки РФ, Петербург

Крылов В.М. – директор Института социально-политических исследований, Кишинев

Куреньшев А.А. – докт. ист. наук, проф. Академии гражданской защиты МЧС России, Москва

Лабудин А.В. – докт. экон. наук, проф., зав. Кафедрой экономической теории и бухгалтерского учёта Санкт-Петербургского государственного лесотехнического университета имени С.М.Кирова, Петербург

Лагурев А.С. – магистрант Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, Петербург

Любин В.П. – докт. ист. наук, проф., вед. сотрудник ИНИОН РАН, Москва

Манохина Н.В. – докт. экон. наук, проф. Кафедры экономической теории Саратовского социально-экономического института РЭУ им. Г.В. Плеханова, Саратов

Манчев Илия – преподаватель Университета национального и мирового хозяйства, София

Милевский О.А. – докт. ист. наук, проф. Сургутского государственного педагогического университета, Сургут

Морева О.В. – канд. ист. наук, зав. Сектором книжных памятников отдела редких книг Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Беллинского, Екатеринбург

Орлов С.В. – докт. филос. наук, проф. Кафедры истории и философии Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (СПб ГУАП), главн. ред. сетевого журнала «Философия и гуманитарные науки в информационном обществе», Петербург

Павлов В.Л. – канд. филос. наук, доцент Кафедры гуманитарных дисциплин Национального университета пищевых технологий, Киев

Peter Hartmut Rüdiger – PhD, Ass. Prof., Martin Luther University, Halle

Попов М.В. – докт. экон. наук, проф. Кафедры экономической теории Саратовского социально-экономического института РЭУ им. Г.В.Плеханова, Саратов

Проданов Васил – докт. филос. наук, проф., чл.-кор. Болгарской академии наук, София

Prosic Tamara – PhD, Prof., School of Philosophical, Historical and International Studies The Centre for Religious Studies Monash University, Victoria

Саблин И.Л. – политолог, Санкт-Петербургский государственный университет, Петербург

Сакамото Хирочи – докт. филос., Университет Хусей, Токио

Saxe Fernández John – PhD, Prof., Faculty of Social and Political Science and Center for Interdisciplinary Research on Sciences and Humanities, National Autonomous University of México UNAM

Сахаров В.А. – докт. ист. наук, проф. Московского госуд. университета им. М.В.Ломоносова, Москва

Schweigmann-Greve Kay – PhD, Советник по юридическим вопросам, Председатель Немецко-израильского общества, Ганновер

Смирнова Т.М. – докт. ист. наук, проф. Кафедры истории и философии Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (СПб ГУАП), Петербург

Солдатенко В.Ф. – докт. ист. наук, чл.-корр. Национальной академии наук Украины, Институт политических и этнонациональных исследований НАНУ, Киев

Талеров П.И. – канд. ист. наук, проф. НИУ ВШЭ, директор Учебного центра по РОУГиМЗ ИДПО, Петербург

Терехова С.А. – канд. ист. наук, ст. преподаватель Сургутского государственного педагогического университета

Филимонова Т.И. – канд. ист. наук, зав. Домом Плеханова РНБ, Петербург

Хитов Митко – докт. экономики, доцент Университета национального и мирового хозяйства, София

Чернобаев А.А. – докт. ист. наук, проф., главн. ред. журнала «Исторический архив», Москва

Шахин Ю. В. – канд. ист. наук, доцент Института экономики и права Академии труда и социальных отношений, Севастополь

Шевченко В.Н. – докт. филос. наук, проф. Института философии РАН, засл. деятель науки РФ, Москва

Эпштейн Д.Б. – докт. экон. наук, Северо-Западный НИИ экономики и организации сельского хозяйства, Петербург

ХІІІ ПЛЕХАНОВСКІЕ ЧТЕНІЯ

Маркс. Марксизм. Марксисты.

Материалы к международной конференции

30 мая – 1 июня 2018 г.

Подписано в печать 15.05.2018г. Формат 60x84/16
Ус.печ.л. 18,75. Печать офсетная. Бумага офсетная.

Отпечатано в типографии ООО «Турусел».
197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова д.38.
toroussel@gmail.com

Зак. №14266 от 15.05.2018г. Тир. 300 экз.